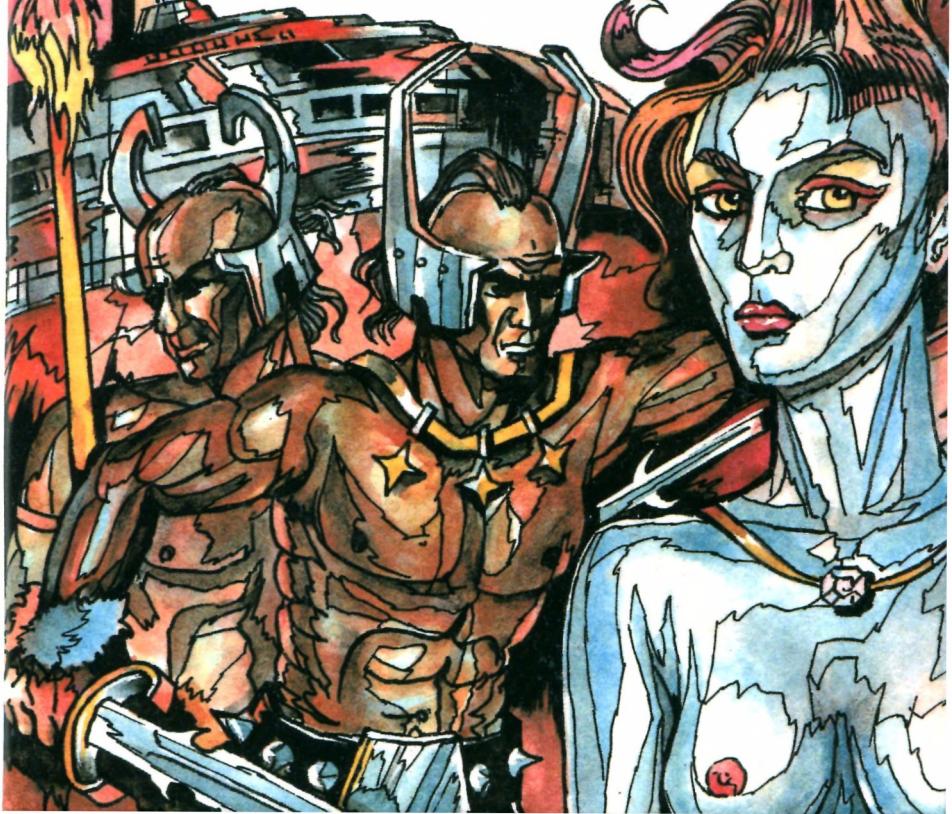

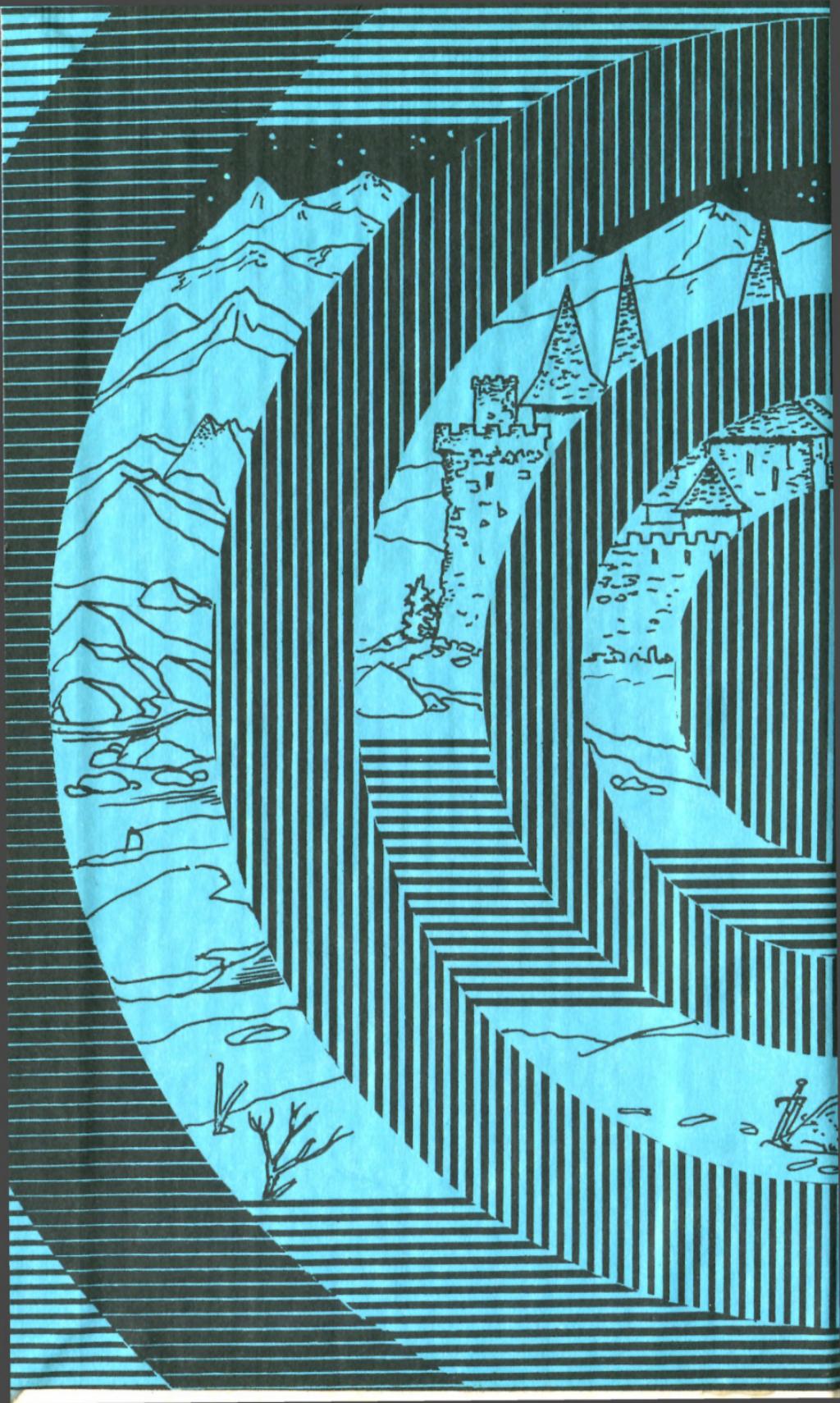

А.Д.
ФОСТЕР
ВОИНЫ
СВЕТА

ТАЙНА
КРАНГА

ФОСТЕР ВОИНЫ СВЕТА
ТАЙНА КРАНГА

А.Д.
ФОСТЕР
ВОИНЫ
СВЕТА
ТАЙНА
КРАНГА

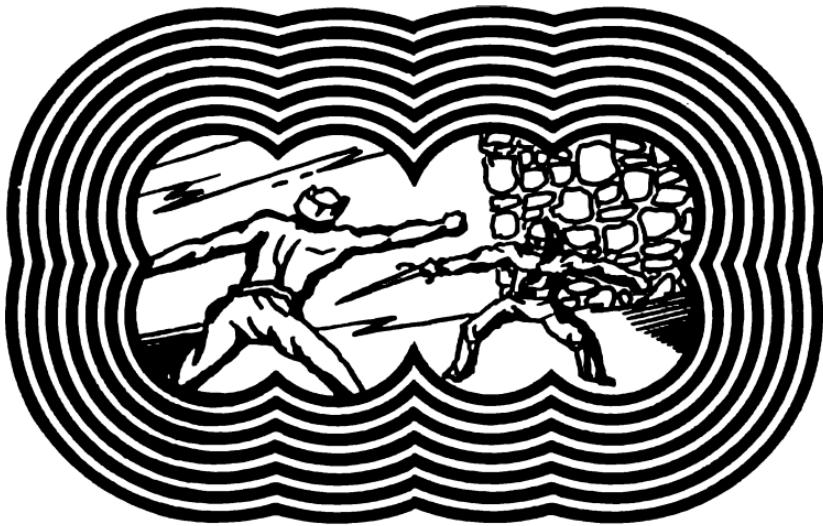
МП «ВИКТОРИ»
1992

ББК 84.7
Ф.81

Ф 4703040100-001
ЛР 100034-93 93
ISBN 5—87941—001—7

© Составление, перевод
фирма «Ада»

ВОИНЫ СВЕТА

I

В те времена, когда леры были на Земле, один, по имени Майдензир, сказал: «Только дураки думают, что все имеет название, и тем обманывают себя, забывая, что когда наступит конец их деятельности, наступит и конец вселенной. Так должно ли все иметь название? Именно в этом кроется корень их любопытной доктрины незнания — факты конечны, но незнание безгранично, как вселенная,— и их концепции личности и теории чисел. Земные ученые усматривают интересную параллель с древней религией индусов, из которой следует, что если человек будет часто повторять имя Шивы, Бога Разрушения, то он откроет Свой глаз и уничтожит мир.»

Апокриф Родриго

Когда началась колонизация планеты Сибрайт, земляне выстроили космопорт с магазинами, складами, ремонтными мастерскими. Затем появились бордели, игорные дома, пивные бары, салуны, антрепренеры и проститутки. Это стало постоянно разрастающимся наривом на теле планеты, и люди назвали его Бумтаун — как все другие города, которые были основаны на других планетах.

Бумтаун, подобно всему на свете, изменялся вместе со временем. Он рос, ветшал, перестраивался, сносился с земли, вырастал заново, переносился на несколько миль ближе к побережью, возвращался обратно, сгорал в пожарах, уничтожался землятресениями и вырастал вновь.

— Теперь, — подумал Хан, наслаждаясь видом города в ярком утреннем свете, — он стал прекрасен, как никогда.

В чистой воде бухты, на берегу которой раскинулся город, как бы обнимая ее, плавали туристы. Они мечтали найти древние монеты или предметы старины.

Да, Бумтаун стал очень красивым городом. Сюда даже переместилась часть правительства. Однако жителям города было свойственно чувство юмора, и, несмотря на свою респектабельность, город продолжал называться прежним именем, Бумтаун, как уже несколько тысяч лет. Любая попытка придумать новое кончалась провалом.

Привлеченные названием, сюда в поисках приключений стекались различного рода авантюристы. Но их ждало разочарование, Бумтаун стал городом ленивым, раскошным, красивым — городом-сибаритом. Люди здесь поздно просыпались, и Хан упрекнул в этом и себя. Он поспешил допил кофе, расплатился с официантом и вышел из полу-пустого кафе, понимая, что опаздывает.

Направляясь к Мидлехиллу, в сторону деловых кварталов, он думал над тем, что ему известно, и пришел к выводу, что известно ему очень мало.

Хану было двадцать с небольшим. Он почти окончил школу коммерсантов, был умен, хорошо сложен, пользовался успехом у ленивых и капризных секретарш Бумтауна. Директор школы сказал ему, что если он хочет получить интересную работу, то должен явиться в один из офисов на Мидлехилле, в определенное время войти в комнату 900 и давить. Давить — было девизом гильдии коммерсантов. Давить, невзирая на экономические неурядицы, пожары, опасности и прочие обстоятельства. Но если ему дадут работу и он справится с ней, то получит диплом коммерсанта, лицензию.

А теперь он опаздывает. Хан ускорил шаг и перехватил взгляд проходившей девушки, прекрасно одетой. Видимо, она спешила на работу. Ее яркое платье, легкое и прозрачное, давало возможность насладиться зрелищем прекрасной фигуры. Хан краем глаза взглянул на свое отражение в витрине магазина. Что же — стройный, элегантный, уверенный в себе, собранный. Так ему казалось. Из стекла на него смотрел темноволосый симпатичный парень с чертами лица, которые более критичный наблюдатель счел бы слишком резкими. Но Хан не был настроен критически. Он видел себя — высокого, одетого по моде и достаточно красивого.

Он подошел к нужному зданию и вошел, не встретив

у дверей швейцара или охранника... Возле двери с цифрой 900 он остановился, чтобы придумать удовлетворительное объяснение своего опоздания, хотя был почти уверен, что оправдываться не придется. В Бумтауне все опаздывали. Приходить раньше или вовремя считалось вульгарным. Он постучал и вошел в дверь, которая не скользила, как во всех новых зданиях, а открывалась по-старому.

Комната была залита ярким утренним светом, проникающим через открытую дверь балкона. Другого освещения в комнате не было. Через дверь балкона был виден Стилшин Океан, по которому бежали волны с белыми гребешками. Сама комната была очень большая, отделана натуральным камнем. Вместо мебели тут и там стояли цветочные вазы, в некоторых росли миниатюрные деревья, по всей вероятности, очень старые. По отсутствию показной роскоши, вычурности каждый мог понять, что в этой комнате жили леры.

Их было девять, и они, очевидно, ждали его, так как с его появлением сразу стали рассаживаться вокруг низкого столика на балконе. Четверо из ожидающих были землянами. Хан сразу понял это по их нетерпеливым жестам и яркой одежде. Остальные пятеро были леры. И об этом можно было сразу догадаться по их выдержанному поведению и скромной одежде без украшений. Это свидетельствовало о высоком положении леров.

К Хану приблизился грузный мужчина и представился как Екеб Хетрус, региональный координатор. Тут же подошли и другие — Дариус Виллакампо, Нури Ормансоглу и Таддес Меребус. Они не называли своих титулов, что заставило Хана насторожиться. Раз они не упомянули о титулах, значит, эти титулы либо очень высоки, либо очень низки. Скорее, первое. Вероятно, они из Службы Безопасности, так как люди оттуда всегда отличаются скрытностью.

Леры были интереснее Хану, тем более, что они редко встречались в этой части галактики. Как ему и говорили, он не смог различить у леров мужчин от женщин. Во всяком случае, сначала. И те, и другие были похожи на стройных детей, и только на лицах начинали появляться слабые признаки зрелости. Все они были приблизительно одинакового роста, примерно футов пяти.

Хан хорошо знал, что леры произошли от людей как результат проводившейся в раннюю атомную эру программы ускоренной эволюции человека. В процессе исследований проводились манипуляции с ДНК, и в конце концов был

осуществлен скачок на следующую стабильную ступень эволюции. Однако после этого проект подвергся критике как со стороны людей, так и со стороны подопытных экземпляров, которые к тому времени уже образовали свое общество. В течение нескольких сотен лет существовали сотни миллиардов людей и несколько тысяч леров. Леры открыли способ передвижения со скоростью, превышающей скорость света, тайно построили космический корабль и улетели. Однако к тому времени земляне уже сильно зависели от леров в области разработки новых технологий. Поэтому сразу после того, как леры покинули землю, произошла переоценка ценностей. Вскоре леры и люди снова вступили в контакт, правда, не такой тесный, и совместно колонизовали много новых планет. Все же они старались держаться подальше друг от друга.

Хан ощущал нечто вроде трепета, когда ему стали представляться леры. К тому времени, когда было исследовано более сорока новых миров, еще нигде не была обнаружена разумная жизнь. Кое-где попадались следы иных цивилизаций, но они не поддавались расшифровке. Так что леры были для людей чужой расой, иной формой разума.

Первым представился Дефтерхад Сирт. Хан еще из школы помнил бейсик и поэтому знал, что Сирт не имя, а обозначение женщины, для которой пора деторождения осталась позади. Она была очень спокойна и уверена в себе, как те огромные камни, которыми была облицована комната. Второй и третий леры были соответственно Вальваркой и Ленкуриан Хаорен. Они были неотличимы друг от друга но Хан, приглядевшись внимательнее, заметил, что это мужчина и женщина. Четвертый лер был спокойным, почти флегматичным, но темные блестящие глаза светились весельем. Лер ничего не говорил, он стоял неподвижно, спрятав руки в карманы.

Пятый, ближайший к нему лер показался Хану женской очень молодой, моложе всех остальных леров. Девушка назвала свое имя: Лизендири Сирт-Карен. Так и есть — она молода, даже просто девочка, хотя Хан не мог определить ее возраста. Примерно от шестнадцати до двадцати восьми. По манерам ее можно было сразу догадаться, что она здесь самая младшая.

Хан даже забыл, что она представительница другой расы — он увидел в ней просто молодую девушку. У нее было строгое лицо без каких-либо особенностей. Волосы ее очень красивого светло-коричневого цвета до уровня ушей были коротко обрезаны.

У нее был маленький точеный нос и широкий чувствственный рот. По земным стандартам ее нельзя было назвать красивой, но она была привлекательна своей чистотой. Самым замечательным в ее лице были глаза — большие и серые. Зрачки заполняли почти весь глаз, оставляя совсем немного для белка. Хан не смог выдержать взгляда этих внимательных глаз. Он взглянул на Ленкуриан, другую молодую женщину — лера. Да, он не ошибся, Лизендири была гораздо привлекательнее.

Хетрус сделал несколько вступительных слов, затем предложил прослушать запись и сразу нажал кнопку. Хан понял, что запись была сделана службой безопасности — разговор некоего коммерсанта Эдо Ефрема. Хан не узнал имени и предположил, что коммерсант работает не в системе Сибрайт, а на какой-то другой, отдаленной.

Вот что он услышал.

— Говорите, коммерсант Ефрем.

— Хорошо. Как я уже упоминал, я направился к Челседону, чтобы немного поторговать и посмотреть, есть ли там для нас перспективы. Редко кто забирается в такую даль, и я был уверен, что смогу продать мелочи, что захватил с собой. Я прибыл ночью, когда трудно было что-либо разглядеть. Мы сели прямо возле базара и стали ждать утра. Но никто не пришел. Я послал Капитана пройтись по окрестностям, привести кого-нибудь. Спустя некоторое время он вернулся. К моему удивлению, с ним были и люди, и леры. Раньше я не летал на Челседон и не знал...

— Мы знаем эту особенность Челседона. Продолжайте.

— Хорошо. Чтобы не тянуть время, сразу скажу, что они подверглись нападению. Мы слышали о таких нападениях и раньше, но впервые видели свежие следы ограбления. Я облетел всю планету и увидел многое. Везде разрушения. Некоторые кратеры еще не остывали. Очевидно, преступники прилетели, захватили планету, ограбили, взяли пленных. Они оставались около месяца, а затем неожиданно улетели. На планете уничтожено почти все. Я оставил жителям все, что мог, и помчался обратно.

— Вы слышали описание грабителей?

— Да. И это еще одно обстоятельство, которое беспокоит меня. Оно противоречит здравому смыслу. И леры, и люди заявили, что грабители — леры-варвары. Волосы у них либо сбриты, либо связаны в пучки. Одеты они только в набедренные повязки, тела в татуировке. Да, это определенно леры.

— Жители уверены?

— Абсолютно.

— А что с пленными?

— Насколько нам удалось выяснить, захвачены в основном люди, леров немного. Сначала местные считали, что пленные взяты с целью получить выкуп, но чем больше проходило времени, тем вероятнее становилось, что пленные захвачены в рабство. Самое странное, разбойники забирали только жителей определенного типа. Возможно, слово «типа» не совсем правильно. Они использовали слово из языка леров, которое переводится как «субраса» или «тот, кто принадлежит к племени». Они забирали пленников, не считаясь с принятыми стандартами красоты или полезности. Именно это беспокоит меня. Как это вам нравится — грабители и рабовладельцы! А кроме того, насколько я знаю, никто не слышал, чтобы леры совершали подобное. Они хорошо дерутся, когда приходится, но никогда не были агрессивными.

— Вы не знаете, каким оружием пользовались грабители? Как выглядели их корабль?

— Нет. Ни того, ни другого. Никто не видел, как образовались кратеры. И никто не видел корабля. Некоторые слышали его ночью, но видели только огни. Мне непонятно, чем вызван налет. Ведь на Челседоне всего лишь несколько ферм и шахт. Нет крепостей, нет огромных богатств.

— Известно, откуда они?

— Очевидцы говорят, что они назвали себя Воинами Рассвета. Но это ни о чем не свидетельствует. На всех планетах бывают рассветы. Единственное, что я могу предположить, — они издалека.

— На каком языке они изъяснялись?

— Леры Челседона сказали, что это был весьма искаженный Синглспич — Единый Язык леров. Его весьма трудно понять. А некоторые слова исковерканы так, что разобрать их вообще невозможно.

Хетрус выключил магнитофон и, помолчав заговорил:

— Эту запись мы воспроизводили специально для Хана и Лизендира. Остальные уже слышали ее раньше. Сейчас я сообщу кое-что еще специально для них, поскольку им тоже все это известно. Вы уже знаете, что леры возникли в результате форсированной эволюции человека на земле. Сбежав с земли, леры основали мир, который назвали Кентен — Первый дом. Много лет с лерами не было контактов частично из-за невозможности этого, но больше из-за взаимного недоверия. Когда эти две расы вошли в контакт, начался долгий период мучительного сближения,

который завершился Большим Компромиссом. Люди и леры разделили вселенную. Если на планете появлялась колония людей, леры не претендовали на нее, и наоборот.

Так длилось много лет.

Иногда возникали конфликты, но местного значения, они быстро улаживались. Чем дальше проникали люди и леры во вселенную, тем труднее давалась колонизация. И тогда было решено, что пора осуществлять совместное заселение, посмотреть, что получится, когда люди и леры будут жить вместе. И первая попытка увенчалась успехом — это был Челседон.

Хетрус замолчал, вступила Ленкуриан. Говорила она торопливо и очень тихо, почти шепотом. Тем не менее все прекрасно слышали ее.

— Когда мы прослушали пленку, то, естественно, заинтересовались. Заметим, что бандиты были лерами, хотя откуда они, никто не мог сказать. И поведение леров было абсолютно ненормальным. Все это беспокоило нас, и мы очень хотим продолжить расследование.

Снова заговорил Хетрус.

— Естественно, все должно делаться тайно. Мы почти ничего не знаем. Вполне возможно, этот район галактики находится под наблюдением. Вот почему мы выбрали вас двоих. Хан ждет назначения. Лизендири же в настоящее время свободна. Каждый может предположить, что вы просто путешествуете. Нас привлекли не какие-либо ваши выдающиеся способности. Может быть, другие кандидатуры оказались бы лучше. Однако у вас больше преимуществ другого плана: ни у того, ни у другого нет семьи, а отношения чисто деловые. Мы заготовили корабль, вооруженный катер и кое-какой товар. Вы полетите на Челседон как бы для торговли и там продолжите расследование. Ефрем поторопился улететь оттуда, вам спешить некуда. Можете идти по следу, куда бы он ни завел, а в работе вы прекрасно дополните друг друга.

Хан и Лизендири подняли глаза. Она как будто прочла его немой вопрос и спокойно ответила с легким оттенком пренебрежения:

— Я Лизендири, девушка Карен Брейд, возраст по земному стандарту двадцать шесть лет.

Хану показалось, что когда она заговорила, то сразу потеряла всю свою женственность, стала совсем другой: свирепой, дикой, агрессивной. Он подумал, что она умеет так же легко включать свою женственность, как и выключать ее.

Хан сказал:

— Я Хан Киллинг. Могу спросить, чему ты обучалась?

— Можешь. Я получила фиолетовую степень в школе борьбы.

Хан вежливо кивнул. Он ощутил, как дрожь пробежала по его спине. И не мудрено! Один на один с не совсем обычной спутницей в долгом путешествии. Девушка-лер по земным стандартам в высшей степени сексуальна, что в обществе леров вполне нормально. Это, разумеется, приятно. Но она одновременно специально обученный убийца — такой, кого боятся даже в мире леров. Он снова взглянул на нее. Девушка выглядела вполне по-женски: мягкая, нежная, расслабленная. Кожа у нее была светлая и гладкая, но Хан прекрасно знал, что она легко может расправиться со всеми, находящимися в комнате, изувечить их в мгновение ока. По земным стандартам она была вроде человека, великолепно владеющего приемами борьбы каратэ и кунг-фу. Кроме того, она великолепно владела всеми видами оружия, «не покидающего руки», как говорили леры.

Хан слышал рассказы об этой secte. И ему не хотелось проверять на себе их истинность. От понимал, что не сможет взять верх над девушкой, даже имея лучевой пистолет: у нее слишком хорошая реакция. И он решил не общаться с ней совсем. Она, видимо, поняла ход его мыслей по движению лицевых мускулов.

— Хорошо, Хан. Ты знаешь, кто я. Значит, у нас не будет проблем.

Одна из причин, почему леры и люди старались избегать друг друга, заключалась в проблеме секса. Леры считали людей примитивами и не желали иметь с ними ничего общего, в том числе интимных отношений. Они не были способны иметь детей до окончания периода юности, то есть до тридцати лет, но сексуальное влечение начиналось у них с десяти лет. И они могли заниматься сексом совершенно свободно, не боясь последствий. Поэтому не возбранялись и родственные связи. Но в зрелом возрасте, если возникала связь между человеком и лером, потомства тоже не предвиделось — это предусматривалось программой эволюции.

Леры и люди отличались друг от друга не только физически. Людям общество леров казалось слишком сельскохозяйственным, статичным и перегруженным сексом. Леры считали общество людей механистичным и торопливым. Отношения леров друг с другом были прямыми и честными. Они не старались скрыть своих симпатий

и антипатий, как люди. Если приходилось сражаться, они не уклонялись от борьбы, однако не применяли оружия, которое действует на расстоянии, «покидает руку». Они разработали методы борьбы, с помощью которых могли справиться с любым врагом. И, наконец, Деторождаемость у леров была чрезвычайно низкой, поэтому каждый из них был обязан сделать все возможное в этой области. Люди же, напротив, использовали все формы контроля за рождаемостью — и тем не менее планеты, которые они колонизовали, быстро перенаселялись.

Вспомнив все это, Хан понял, что ему не придется вступать в любовные игры с этой девушкой. Отлично! Пусть она по специальности убийца, зато он знаток торговли, техники, пилотирования кораблей. Он позорадствовал про себя, что вряд ли она знакома со всем этим: леры не стремились давать детям широкое образование.

— Я принимаю предложение, — сказал Хан.

Хетрус кивнул. Остальные тоже.

— Хорошо, что вы согласились работать вместе. Можете вылететь, как только будете готовы, но мы бы хотели, чтобы это произошло как можно скорее. Корабль готов. Над этим потрудились и люди, и леры. Он называется «Палленбар», что в переводе с языка леров означает «Жемчужная волна». Когда соберетесь, сообщите на пункт управления.

Лизендири поднялась с места:

— Я готова лететь сейчас. Быстрее начать дело — значит быстрее его закончить.

Хан тоже встал. Он думал над этим поэтическим названием корабля, вызывающим видение кораблей, плывущих по морю над белыми парусами. Но совсем не нужно быть лингвистом, чтобы понять, что оно вовсе не подходит военному судну, предназначенному для уничтожения и разрушения. Лучше было бы назвать его «Кость в зубах». Он сказал:

— Мне нужно сделать еще кое-что, отдать некоторые распоряжения.

Хетрус перебил его.

— Не нужно, мой мальчик, не нужно. Все, что тебе может понадобиться, уже на корабле. Директор школы коммерсантов позаботится об остальном: о бумагах, делах. Уверен, ты поймешь...

— Другими словами, нечего откладывать, — прервал его Хан.

— Мы, конечно, не настаиваем, оставляем решение за тобой.

— Хорошо. Раз дело обстоит так, я готов. Я тоже хочу закончить с этим побыстрее...

Он говорил это для Лизендири, но она либо пропустила его слова мимо ушей, либо сделала вид, что не слышала...

Группа леров поднялась и ушла без всяких церемоний. Хетрус и остальные люди — Ормансоглу, Маребус и Виллакампо — задержались на балконе, обсуждая какие-то свои дела. Хан и Лизендири холодно и критично оглядывали друг друга, затем пошли к двери. Лизендири вышла первой, за ней Хан. Догнав группу леров, Хан обратился к тому, кто не назвал своего имени при знакомстве.

— Прошу прощения, сэр, — спокойно заговорил он, стараясь говорить так, чтобы его никто не слышал. — Что случилось с коммерсантом Ефремом? И как твое имя? Мне кажется, я не расслышал...

— Ефрем здесь, в Бумтауне, Хан Киллинг.

По тембру голоса Хан предположил, что это мужчина. Внешне он отличался от леров — видимо, прибыл из какого-то весьма отдаленного мира. Лер продолжал:

— Ефрем боится смерти и решил удалиться на пенсию. Можешь поверить, что за свое сообщение он получил хорошую планету. Но мы имеем только то, что он продал, так что ты можешь не утруждать себя и не обращаться к нему. Незачем.

— Хорошо. Вероятно, я нарушил этикет, спросив твое имя?

— Нет, нет. Пантанкан Длан к твоим услугам. Может быть, я смогу тебе помочь чем-нибудь?

Лер отвечал с легкой иронией, и это заставило Хана думать, что тот играет с ним. В бесстрастном лице собеседника чувствовалось скрытое величие, которое отсутствовало на лице Лизендири, хотя она всячески старалась выглядеть именно так. Хан хотел бы поговорить с лером еще, но времени уже не было. Пантанкан направился к лестнице всед за остальными, и задерживать его было неприлично. Лизендири ждала его в лифте с выражением чрезвычайной скуки.

Хан вошел в лифт, двери закрылись, и они остались вдвоем, избегая смотреть друг на друга. Однако Хан чувствовал, что его спокойствие не может длиться вечно.

Вскоре они были на первом этаже и направились к выходу из здания. Лизендири пошла прямо к подземке, соединенной с космопортом.

Хан осмотрел утреннюю толпу, чтобы убедиться, что за ними никто не следит, затем замедлил шаги и подозвал к себе девушку. С гримасой нетерпения она подошла:

Хан сказал:

— Думаю, перед отлетом следует переговорить с Ефремом. У нас есть время, а эта беседа может кое-что дать.

— Не вижу в этом необходимости. Все, что нужно, мы знаем. А кроме того, где мы будем искать его?

— Я не могу поверить, что все для тебя так просто, — возбужденно заговорил Хан. — Что бы ты ни делала, я иду к нему. Лер, который молчал во время беседы, сказал мне, что Ефрем здесь, в Бумтауне. Без меня ты не можешь улететь. Поэтому прошу идти со мной или подождать на корабле.

— Думаешь, что я не смогу заставить тебя повиноваться мне? Ты или слишком глуп, или безрассудно смел. Да, я не умею управлять кораблем и не хочу учиться этому. Но в моих силах сделать так, что ты будешь счастлив подчиниться мне. Достаточно одного движения, которого даже не заметят эти варвары.

Она с презрением показала на толпы людей.

Хан беспомощно огляделся. Он вовсе не хотел злить ее и верил тому, что она сказала. Возможно, если бы его охраняли снайперы, укрывшиеся на крышах соседних домов, у него был бы шанс спастись... Но их не было, поэтому он решил воздействовать логикой.

— Как хочешь. Но есть обстоятельства, которые меня беспокоят, и я хотел бы выяснить их до конца, прежде чем отправиться в путь. Позволишь мне это сделать?

— Давай! Но не теряй времени.

— Все наши имена что-нибудь означают, да? Ведь это не просто бессмысленные звуки. И ты знаешь значение каждого имени?

— Разумеется. Мы же не называем друг друга буквами или цифрами.

— А что означает Пантанкан?

— Чепуха. Это не имя. Это то, что вы называете алфавитом: три первые буквы. Пан. Тан. Кан. ПТК.

— Так в чем же их смысл?

— Насколько я знаю, такого имени не существует.

— Но лер сказал, что его зовут именно так. Может, он пошутил? Хотя — нет. Имена не предмет для шуток. Он сказал, что Ефрем здесь, но мы ничего нового не узнаем от него.

— Он сказал это при всех?

— Нет, мне одному. Ты в это время ждала меня в лифте. Называл он свое имя до моего прихода?

— Нет, но мы и не спрашивали, раз он сам не считал нужным это сделать. Для нас имя — нечто личное... Но... впрочем, ладно. Мы пойдем к Ефрему. Но командовать буду я. Думаю, здесь какая-то западня.

Последние слова она произнесла почти дружеским тоном.

— Значит, «Алфавит» заманивает нас куда-то?

— Нет. Это приманка для тебя. Я не должна была бы интересоваться этим, а ты не должен был говорить мне, а если бы и сказал, то не смог бы убедить пойти. Нет, я уверена, что западня рассчитана на тебя. Молодец! Ты гораздо умнее, чем показался с первого взгляда.

К их удивлению, адрес Эдо Ефрема быстро нашелся в телесканере. Жил он совсем недалеко. Хан хотел сначала позвонить ему, но Лизендири настаивала на крайней осторожности. Он согласился, и они двинулись в путь. По дороге Лизендири бегло комментировала недостатки городов людей, отмечала места, где, по ее мнению, следовало бы создать укрепления, необходимые во время уличных боев. Она была весьма сведуща в этом вопросе. Хану было не по себе, когда она хладнокровно рассуждала об этом.

Когда они подошли к дому, где жил Ефрем, она остановилась и задумалась. Затем спросила:

— Если ты собираешься нанести визит кому-либо, как ты это делаешь?

— Вхожу в подъезд, сажусь в лифт, затем встаю перед дверью и говорю, кто я. Если получаю разрешение, вхожу.

— Здесь есть лестница?

— Да.

— Тогда поднимемся по ней.

Когда они оказались на нужном этаже, Лизендири предупредила:

— Позвони, только держись как можно дальше от двери.

Хан сделал так, как она потребовала: позвонил, затем резко рванулся назад. Она схватила его за руку. Хан удивился — у нее была мягкая холодная женская рука, в ней совершенно не ощущалось сверхъестественной силы. Пальцы ее узкой ладони держали его за руку без напряжения, но Хан понимал, что вырваться не может.

Приятный голос произнес:

— Пожалуйста.

Дверь бесшумно отворилась. Хан двинулся было вперед, но Лизендири потянула его обратно не слишком ласково. Он посмотрел на нее. Девушка приложила палец к губам, показала на глаза, на лоб и повернула пальцем. Хан понял смысл сигнала: молчи, слушай и смотри.

Лизендири подошла к двери, легла на пол и просочилась — невозможно было подобрать другого слова для обозначения ее движения — в дверь. Затем она приподнялась и сделала легкое движение рукой. Тотчас же в комнате послышалось шипение, и о стену коридора что-то ударились с мягким звуком. Хан подошел к ней, но Лизендири тихо сказала:

— Нет. Стой на месте!

Прошло несколько долгих минут. Лизендири лежала, распластавшись на полу. Повторилось шипение и мягкий удар. Девушка легким движением поднялась на ноги и метнулась в комнату. Вскоре Хан услышал ее голос.

— Теперь можешь войти!

Он осторожно шагнул. Лизендири стояла против двери с пистолетом, которого Хан никогда не видел. Он был отлит из одного куска темного тяжелого металла. Шипение слышалось в корпусе пистолета. Ствол был длинный и узкий, расширяющийся на конце наподобие башмака.

Возле стены лежал труп.

— Это дьявольская штука, — сказала Лизендири. — Спусковой механизм был соединен с дверью. Он приводится в движение таймером. Правда, я не смогла найти здесь ни радара, ни соника.

Она показала маленькое отверстие в дуле.

— Я уже разрядила его. Пистолет стреляет с помощью газа маленькими ампулами из материала, растворяющегося в теле. В ампулах — сильнодействующий яд. Это ужасное оружие, но, к счастью для нас обоих, оно пригодно для стрельбы только на небольшие расстояния.

Девушка открыла магазин пистолета, достала оттуда тонкую прозрачную иглу и положила на стол, чтобы Хан мог рассмотреть ее. Он протянул руку, но Лизендири остановила его:

— Не нужно. Это опасно. Может сработать от прикосновения.

Хан кивнул и повернулся к трупу.

— Нет, — сказала она. — Возможно, он тоже попал в ловушку. От него мы ничего не узнаем. Можем вызвать

полицию прямо с корабля, хотя лучше было бы позвонить Хетрусу. Во всяком случае, нам нужно поскорее убраться отсюда. Я чувствую опасность. Эта комната вся наполнена ловушками.

Они осторожно вышли.

— Может, взять с собой пистолет? Он может пригодиться.

— Возьми, если хочешь. Но не проси, чтобы я прикоснулась к нему еще раз. Потом все объясню. Но не здесь. Нам надо торопиться. Кто-то хотел заманить тебя в эту комнату. Или чтобы убить, а может, чтобы обвинить в убийстве.

Хан согласился с ней, сунул в карман пистолет, и они быстро покинули квартиру.

II

Мудрецам известно больше, чем четыре времена года. И те четыре, о которых сообщается в наших календарях,— наименее важные.

Пословица леров. Приписывается Гарлендаду Тлан

Все время, пока они добирались до космопорта, Лизен-дир была в напряжении. Она не смогла полностью расслабиться, даже когда взлетел корабль. Перед взлетом она тщательно осмотрела все помещения, проверила отсеки, трапы, но только через несколько дней сказала, что Палленбер чист. Хан согласился с ней, хотя в душе сомневался. В свете того, что произошло, это казалось маловероятным.

Однако он был занят все эти дни, проверяя и рассчитывая провизию, товары для торговли, оценивая состояние оружия. Несколько раз он выходил на связь с Хетрусом. В результате они узнали, что в квартире оказался труп Ефрема. Что касается лера, то о нем ничего не удалось выяснить, как и о западне, устроенной в квартире, хотя Хетрус проделал большую работу. Леры, которые присутствовали во время беседы, тоже ничего не знали.

Тем временем корабль вошел в субпространство. Хан установил курс, и пошла обычная работа. Было решено, что один из них будет бодрствовать во время полета. Лизен-дир не была в восторге от того, что ей пришлось учиться управлять кораблем, но она перенесла это стоически, даже

согласилась разбудить Хана, если произойдет что-либо необычное. Для этого ей пришлось поступиться своим высокомерием. Хан, разумеется, не ожидал, что потребуется его вмешательство, но осторожность никогда не помешает.

— Интересно,— подумал он,— как она будет будить его, если возникнет необходимость. Может, она использует свое искусство, после чего он уже будет не в состоянии что-либо сделать. Да нет! Вряд ли она пойдет на это без особой причины. Будет действовать в полном соответствии с общепринятыми правилами общения.

Однако через несколько дней он выяснил то, что его волновала. Была его очередь спать, но он проснулся раньше, лежал в полусне в своей каюте и вдруг ощутил, что здесь находится кто-то еще. Он лежал и ждал. Через некоторое время, которое показалось ему вечностью, Лизендинир наклонилась и мягко, почти нежно, положила ему руку на плечо. Хан почувствовал слабый запах. Это был запах ее, а не ароматических веществ. От него кружилась голова. Он кивнул, стараясь сделать вид, что спал и она разбудила его. Хан надеялся, что она ничего не заметила.

— Уже пора?

— Нет. Я разбудила тебя раньше. Мне стало скучно и захотелось поболтать. Мы не приспособлены для одиночества, понимаешь?

— Да, да, конечно. Я чувствую то же самое. Но не хотел тревожить тебя.

Это был намек на ее высокомерие. Если она и поняла его, то не обратила внимания.

— Хорошо. Буду ждать тебя в рубке.

Она повернулась и вышла так же бесшумно, как вошла. Хан в очередной раз восхитился ее грацией. Сначала он не замечал ее совсем, но время шло, и легкость, бесшумность ее движений все чаще привлекали его внимание. Она двигалась без всяких видимых усилий, как течет ручей среди стволов деревьев. Хан понимал, что такие движения отрабатывались многими поколениями.

Мысли Хана потекли дальше. Это была вовсе не такая девушка, с какими он имел короткие, ни к чему не обязывающие связи. У Лизендинир были женственные соблазнительные формы, в чем он имел уже возможность убедиться, хотя ее одежда должна была это скрывать. Но на самом деле она намекала, возбуждала эротические желания. Он был уверен, что с точки зрения леров она была хороша, молода, соблазнительна. И, конечно, легко доступна —

разумеется, при обоюдном желании. Однако для него все обстояло совсем не так.

Хан прервал себя. У него были сильные подозрения, что в этом плане ему с Лизендири ничего не светит. Он не знал, может ли что-нибудь быть между ними, эмоционально или физически. Сексуальность леров была хорошо известна людям, но о связях леров и людей говорили редко. А те немногие рассказы, которые он слышал, носили отпечаток детских выдумок. Ведь воображение детей, особенно в области сексуальных отношений, совершенно оторвано от реальности. Хан оделся, причесал бороду и направился в рубку. Одна из стен комнаты, самая большая, была экраном преобразователя, на котором высвечивалось реальное пространство, хотя в это время корабль двигался в субпространстве. Преобразователь мог перестраиваться в широком диапазоне частот и сейчас был настроен под спектр зрения леров. Рубка освещалась только свечением экрана и других приборов. На экране была видна тьма космоса, усыпанная звездами, которые в углах экрана заметно перемещались. Лизендири сидела в кресле пилота и смотрела на открывающееся перед ней зрелище. Если она и заметила Хана, то не подала вида.

— Ты когда-нибудь летала раньше? — спросил он, чтобы начать разговор.

Он прекрасно знал, что она летала, так как должна была добраться в систему Сибрайт.

— О, много раз, но еще никогда не видела таких чудес, — восторженно сказала она после короткой паузы. — Эта бесконечность и притягивает меня, и беспокоит... В ней заключено столько! Сейчас я понимаю, насколько яничтожна.

Хан согласился, но только частично. Он не мог понять, почему на нее так подействовала бесконечность пространства. Какая разница, где находишься, в глубинах бесконечного космоса или на поверхности планеты, если ты все равно существуешь, живущее и работающее в ограниченном интервале времени. Но он ответил:

— Да, это потрясающее ощущение. Я понимаю его. И тем не менее мы должны делать то, что нам предназначено.

— У меня дома, на Коттене, наш Исс, где живет племя, находится возле моря. Вокруг громоздятся горы, дикие, непроходимые. Я часто смотрю на море из нашего сада. Волны, игра света, постоянно меняющийся ветер — все это создает ощущение безвременности. Море говорит мне:

«Я здесь, меня ласкает ветер, меня любит свет. Я было здесь до того, как сюда пришли леры, и буду здесь после того, как они уйдут». Волны развлекают меня своей бесконечной игрой.

Она снова замолчала, поглощенная бескрайним мраком космоса и мириадами сверкающих звезд. Хан попытался представить ее родную планету, но не смог. Он знал о клановой структуре общества леров, но не мог представить себе ее реально.

Клановая структура общества леров, так называемая брейд, диктовалась низкой рождаемостью — примерно два ребенка на весь период способности женщины производить детей, длящийся десять лет. Но здесь играли важную роль и другие элементы: например, долгий период высокой сексуальной активности без рождения детей, который делал отдельного индивидуума независимым и одиноким по своей природе, или короткий период деторождения с длительным сроком беременности в восемнадцать месяцев. А кроме того, в построении структуры общества сыграли большую роль их первоначальная малая численность и бедный набор генов. Существующие на Земле модели общества не удовлетворили леров, и они изобрели свою, которая позволила расширить набор генов и как можно более полно использовать возможности деторождения. Эта модель была совсем не похожа на человеческие, основанные на наследственности, кровном родстве.

Модель леров объединяла социальную структуру общества весьма сложным способом.

Клан начинался с пары — мужчины и женщины одного возраста в периоде деторождения. Они производили на свет ребенка — старшего. В тридцать пять лет мужчина и женщина находили себе новых партнеров. Каждая пара производила ребенка — тура, которого называли вторым. После этого первоначальная пара соединялась и производила на свет последнего ребенка — реса — младшего. Все они жили под одной крышей.

В период деторождения те дети, что были кровно связаны между собой, составляли ядро следующих поколений. Неры (старшие) и тесы связывали другие кланы. Таким образом, каждое поколение разделялось на три ветви. Этот процесс расширял набор генов и предотвращал вырождение.

Как только новое поколение достигало возраста деторождения, первоначальная пара могла оставить дела в клане в руках молодых и жить по своему усмотрению. Некоторые оставались в клане, некоторые уходили.

Вот так строилась структура общества леров, и лишь немногие из землян могли похвастаться, что понимают сложные взаимоотношения между ними. На некоторых планетах люди пытались воспроизвести модель общества леров, но это никогда не продолжалось долго. Слишком различными были эмоциональные, сексуальные и в особенности материальные отношения. Структура, изобретенная лерами, служила максимальному использованию деторождаемости. У людей она действовала, как бензин, подливаемый в огонь.

— Расскажи мне о своих друзьях, своей семье, своем клане. Что ты изучала в школе? Мне кажется, что знаешь обо мне намного больше, чем я о тебе,— попросил Хан.

Она отвернулась.

— Ты знаешь, я — нер. Закончила школу и еще не доросла до тех лет, когда могу начать новый клан. Я была главой дома — как у вас старшая сестра для младших детей. Но эта роль постепенно сходит на нет. Младшие братья — Деллиран и Фоллиран — слушаются меня, но прекрасно знают, что им нужно только ждать. У вас старшие руководят всеми, у нас же младшие завладевают домом, титулом. Даже родителям приходится уходить, когда дети вступают в период деторождения.

— Куда ты решила уйти? Почему они не дали тебе оостаться?

Она рассмеялась тихо, спокойно. Хан впервые слышал ее смех. Это доставило ему удовольствие.

— О, это зависело только от меня. Я свободна и могу делать, что хочу. Старшие тоже свободны. Некоторые собираются в маленькие общинны, коммуны — хотя это не совсем то, что у землян. Другие занимают посты в правительстве или уходят в бизнес. И лишь немногие становятся Мнатами — мудрецами. Эти живут поодиночке, реже парами, в лесах или горах.

Хан слушал все это с удивлением. Он всегда считал, что у леров существует понятие брака, совместного проживания. Оказалось, все не так, но отношения между лерами регулировались более сложными и жесткими правилами. Однако он все еще не был удовлетворен.

— Все это хорошо,— сказал он.— А как насчет бедных и богатых? Или у вас их нет?

Она ответила, не задумываясь. Видимо, не замечала сарказма или вообще не воспринимала его.

— О, у нас есть и бедные, и богатые. Но это относится не к отдельным личностям, а к клану. Когда ты уходишь

из клана, берешь только немного личных вещей. Мы знаем, что собственность порабощает. Каждый из нас имеет только необходимое. Не больше. Иногда некоторые леры приобретают очень много, но в конце концов все переходит в общую собственность. Что же касается правительства, каждый клан выполняет у нас определенную функцию. Одни пекут хлеб, другие строят дома и так далее. Существует клан, члены которого занимают определенные ключевые посты в правительстве. Они специально готовятся к этому. А мы, Карены, выполняем функции, подобные тем, чем у вас занимаются полиция и суд. Законы у нас просты, так как мы, как и все, презираем нечестность. Поэтому я изучала законы и философию, так как только умный человек может взять право судить и наказывать.

— Значит, ты хорошо знаешь структуру общества леров?

— Конечно. А ты любишь, когда тебе читают? — неожиданно спросила она. — Я могу почитать тебе «Книгу Закона», «Путь мудрости», «Комментарии четырнадцати мудрецов». В ней собраны высказывания четырнадцати поколений моих предков. Могу назвать их имена.

Хан засмеялся.

— А что еще?

Лизендири задумалась на мгновение, затем лицо ее просветлело, и она сказала:

— Если наше путешествие будет долгим, я могу научить тебя нашему языку Синглспич — обычному языку. Мультиспич тебе не постичь, но я могу рассказать о нем, так как я специалист и в том, и в другом. Кроме того, я могу научить тебя скользящим цифрам, которые бывают очень полезны.

— Скользящим цифрам?

— У нас нет фиксированной системы исчисления, как у вас десятичная и двоичная. Мы меняем систему в зависимости от необходимости. Мы — не последователи Аристотеля и поэтому уверены, что действительность не может быть характеризована конечным числом категорий. Теоретически мы можем использовать любую систему, но ограничиваемся лишь несколькими: шестиричной, десятичной, четырнадцатиричной. Наиболее распространенная система — с основанием девяносто четыре.

— Почему же?

— На это есть две причины. Во-первых, чтобы распространить неаристотелизм на все и, во-вторых, чтобы дети не считали по пальцам. Мы хотим, чтобы они с самого на-

чала полностью абстрагировались, тогда потом им будет легче.

Она протянула свою руку, чтобы Хан смог рассмотреть ее. Это была красивая сильная рука, похожая на руку человека, только гораздо уже, а мизинец двигался, как большой палец. На пальцах Лизендири не было украшений, розовые ногти коротко подстрижены. У основания среднего пальца виднелась татуировка — чем-то похожая на древние китайские иероглифы Ян и Инь.

— В чем ее смысл? — спросил Хан.

— Она означает степень, которой я достигла в своем ремесле.

— Знак очень похож на китайские иероглифы. Вы что-то взяли от них?

— Да. Кое-что. Например, язык Синглспич — модель китайского, но мы, разумеется, не копировали их грамматику и фонетику. Каждый корень в Синглспиче имеет три части, а каждая комбинация — четыре значения. Но в основе системы мы базировались на английском, так как им владеет большинство людей. К тому же нам не нравится интонирование, без которого китайский язык невозможно понимать однозначно. Можно сказать, мы использовали их идеи, но на другом материале. Говорят, что рассматривался даже русский язык, который одно время был распространен на Земле, но затем стал мертвым языком. Однако строй этого языка, его структура оказались слишком примитивными, как и народ, говоривший на нем.

Хан хотел что-то сказать, но она не дала ему этой возможности, продолжала.

— Мы взяли у китайцев очень много, главное — веру в то, что все меняется, а имеющее начало должно иметь конец. Их на Земле считали отсталыми, но общество их существует гораздо дольше, чем любое из обществ, верящих в металл и камень, в неизменность. Кто не потерял надежды, будет жить вечно.

Хан поднялся, прошел на кухню, заложил программу и вернулся. Теперь они говорили о людях. Хан сразу ощущил некоторую неловкость из-за того, что ничего не знал о своих предках. А Лизендири помнила о своих всё. Странно: ведь общество леров считалось старомодным, консервативным, статичным, примитивным, и тем не менее они без всяких усилий развили такую технологию, уровня которой на Земле все еще не могли достичь. Но как общество они совершенно не менялись со временем. Их общество было на удивление однородно: леры с разных планет го-

ворили на одном и том же языке и придерживались одинаковой социальной структуры. Люди же непрерывно менялись и мало походили друг на друга.

Своих предков Хан знал только до прадеда, который неизвестно откуда прибыл в Бумтаун и стал коммерсантом. Кажется, прежде он жил в Терсинге. Но откуда его предки, Хан не имел понятия. Впрочем, какая разница?

Хан смотрел на Лизендири и понимал, что, хорошо узнав девушку, он сможет предугадать поведение любого лера. Конечно, леры отличаются друг от друга, как и люди, но в гораздо меньшей степени. Спектр характеров людей гораздо шире, чемлеров.

Еще одним барьером, препятствующим взаимопониманию Хана и Лизендири, была религия. Он описал религиозные воззрения людей, надеясь узнать что-либо о религии леров. Правящий класс в человеческом обществе всегда более или менее терпимо относился к той религии, которая в данный момент занимала умы людей. Религия была как бы константой в человеческих отношениях со временем Гильгамеша. Правда, религия, как и само человеческое общество, со временем менялась.

О религии леров — или ее отсутствии — люди почти ничего не знали. Правда, время от времени появлялись труды о предположительных верованиях леров, но более тщательное изучение указывало, что представленные теории в большей степени характеризуют воззрения авторов, чем истинное положение вещей. Хан не смог ничего узнать и от Лизендири, которая умело уклонялась от обсуждения этого вопроса. Единственное, что он выяснил, это почти религиозное отношение к оружию, действующему на расстоянии, — вроде пистолета, который они нашли в квартире Ефрема. Хан вспомнил, как неохотно она держала его в руках, а когда он захотел взять его с собой, только пожала плечами, явно не желая этого. Она сказала:

— Ни один лер не может касаться нечистой вещи. Особенно Карен.

При этом она сделала любопытный знак левой рукой — видимо, аналогичный тому, какой люди при упоминании дьявола. Это было все, что смог узнать Хан.

После этого разговора перешел на сексуальные темы. Хан вовсе не хотел касаться их, но это оказалось неизбежным. Напряжение между ними росло, и источник его был очевиден. Хан не был новичком в этом деле и вовсе не стыдился того, чем занимался, но говорить об этом... Однако девушка с большим оживлением обсуждала свою жизнь со всеми подробностями.

Сначала они просто обменивались невинными историями, но становилось все яснее, что относятся к ним по-разному.

— Я удивляюсь, что вы, люди, ждете так долго. У нас все наоборот. Я расскажу тебе, как было со мной, но не для того, чтобы удовлетворить твое любопытство, а для того, чтобы тебе кое-что стало ясно. Видишь ли, по нашим понятиям я слишком задержалась в сексуальном развитии. Дети у нас совершенно свободны. Они могут желать, что хотят, ни в чем не знают запрета. В хорошую погоду мы все ходим голые. И всегда можно увидеть голых юношей и девушек, играющих в любовь на песчаном пляже. И никого это не интересует. Но приходит время, и тебе хочется попробовать того же.

Она замолчала, как бы пробуя на вкус свои воспоминания. Потом слабо улыбнулась.

— Итак, я несколько задержалась. Все мои друзья буквально упивались новыми ощущениями, которые они получали от своих партнеров. Однажды мы купались в море. Было очень жарко, и один мальчик, Фитгин, очень красивый, взял меня за руку и повел на пляж. Я чувствовала себя очень странно и видела, что он тоже не был такой, как всегда. Но я только ждала. Он сказал: «Лиз, давай делать любовь вместе.» Впервые меня назвали любовным именем. Ведь до этого мы пользовались только первым слогом имени. Я сказала, что не умею. Он ответил, что покажет. Мы поцеловались и легли на теплый песок. Некоторые смотрели на нас, некоторые нет. В этом не было ничего интересного. Всего лишь двое, которые занимаются любовью. Но для меня это было совершенно новым ощущением. Я не могла понять, как жила до этого, не зная его. И я, конечно, любила Фитгина. Потом я хотела рассказать о своих ощущениях. Но кому? Мои друзья посмеются надо мной, они ведь давно знают это. Тогда мне было уже десять лет, а они начали лет с девяти. Поэтому я рассказала матери. Та была счастлива. Ее очень беспокоило мое позднее развитие. Но я быстро научилась. Сначала это была просто игра, забава. Затем ты влюбляешься, раз за разом, это чудесно, это прекрасно, как сон. Вендьеерлей был моим последним любовником. Мы долго жили вместе и надеялись, что сможем остаться вместе навсегда. Правда, и у меня, и у него были другие связи, и мы не скрывали их друг от друга. Ведь когда мы будем взрослыми, то не должны ревновать — в Иссе не может быть места ревности. Нужно научиться пре-

одолевать ее в юности. Школа была закончена, Вендьеर уехал домой. Я сначала ждала его, но время шло, и мои иллюзии улетучились. Я больше никогда не смогла обнять его, и...

Она глубоко вздохнула.

Хан, в свою очередь, рассказал ей историю своего любовного приключения, когда он думал, что жизнь для него кончилась. Правда, потом были и другие связи, но дальше было легче. Однако он признал, что начал гораздо позже нее и не мог сравниться с ней в количестве связей.

— Понимаю, почему вы столь осторожны. Для нас — это просто развлечение в юном возрасте. Ведь мы не можем родить. Расплачиваемся за расставания лишь своим сердцем. У вас же совсем другое дело. Одна ошибка — и вся жизнь может оказаться мучением, да?

— Да, — единственное, что мог ответить Хан.

— Твое имя очень похоже на имена леров. И я могла бы называть тебя Хан. Но односложное имя обычно носят у нас дети. А в тебе, должна признать, нет ничего детского.

— Я солгу тебе, если скажу, что не считаю тебя очень привлекательной, несмотря на все наши отличия, — нерешительно сказал он.

Лизенди^р откинулась в кресле, лицо ее стало лукавым, и она посмотрела на Хана таким взглядом, что он потерял контроль над собой. Она в одно мгновение стала прекрасной в мягком свете звезд и экрана. Хан не мог преодолеть желания заключить в объятия стройное гибкое тело, различимое под свободной одеждой.

Она заговорила мягким голосом, какого он никогда не слышал от нее и который удивительно сочетался с ее лицом, обещавшим таинства любви, с широким чувственным ртом.

— Я ощущаю то же, что и ты... Но это пугает меня. Физически мы совместимы с тобой, но говорят, что не следует заниматься любовью с людьми. И это правильно, так как леры гораздо более сексуальны, чем вы, и им нужно гораздо больше. Но все же ты мужчина, и довольно привлекательный, несмотря на твою волосатость.

Она коротко рассмеялась, затем посерезнела. После долгой паузы она сказала:

— Тебе не следует касаться меня. Мы, леры, очень сексуальны, а я к тому же была долго без мужчины, и во мне очень сильное желание. Поэтому мы с тобой не должны делать этого, Хан.

Она встала и отвернулась.

— Теперь твоя очередь дежурить. Я сделаю упражнения и лягу спать.

Она пошла к двери.

Хан сказал:

— Но ты так и не сказала мне, что означает твое имя. Она удивленно оглянулась.

— Сам не знаешь, о чем спрашиваешь. Но это не тайна. Оно означает «бархатная ночь». Лизендири — это мягкое ночное небо, чистое, как будто над планетой нет воздуха, на котором сквозь легкие прозрачные облака просвечивают звезды. Обычно такое небо мы видим зимой.

Хан пожал плечами.

— Это некоторый прогресс. Теперь мы знаем друг друга немного лучше.

Лизендири смотрела на него с непроницаемым видом, затем она сделала жест отрицания.

— Никакого прогресса. Только небольшое изменение. И она исчезла за дверью.

III

Нет ни одной доктрины, теории, концепции, идеи, которая не обладала бы способностью завладевать умами.

Комментарии Четырнадцати Мудрецов. Т. 1. Гл. 3. Сантреев 15.

Остаток путешествия до Челседона прошел во взаимном молчании. Но все же между ними оставалось что-то незаконченное, нерешенное, что при других обстоятельствах не составляло бы никакой проблемы.

Хан, несколько обескураженный своей реакцией на Лизендири, старался сдерживать себя и, как ему казалось, облегчить положение Лизендири. Для этого отпустил большую бороду. Бороды были редким украшением людей в эту эпоху, только коммерсанты нередко носили их. Сначала борода Хана росла медленно, затем внезапно стала большой и более темной, чем волосы на голове. Хану чрезвычайно она нравилась, и он проводил много времени, ухаживая за ней.

Лизендири была разочарована, как он и ожидал. Ведь мужчины-леры не имели растительности на лице, как, впрочем, и на теле. Хана чрезвычайно волновала мысль об этом, так как он предполагал, что Лизендири тоже не имела волос

на теле. Вероятно, заниматься любовью с нею — все равно, что с ребенком. Но когда он видел ее умные, всепонимающие глаза, мягкие женственные движения, он тут же отбрасывал эту мысль.

В свою очередь, Лизендири старалась говорить с ним только о деле, не касаясь скользкой темы. Однако для нее это было состоянием кролика, который притворяется, что не любит капусту. Она раньше никогда не подавляла своих желаний и теперь поняла, что это — великолепное упражнение для самоконтроля.

Чтобы скоротать время, Хан учил ее управлять кораблем. Это было необходимо, так как могла возникнуть ситуация, когда один должен будет управлять кораблем, а другой работать с оружием, которого на борту корабля было много. И он понимал, что она не будет пользоваться оружием — по своим, ему не понятным причинам. Согласно документам их корабль считался вооруженным торговым кораблем. Хан знал, что хотя это допускается законами, вооруженных торговых кораблей в этой части космоса давно не было.

Хан спросил у Лизендири, как ведут войны леры, если не пользуются оружием, не покидающим руки.

— Вам, людям, это может показаться странным. «Испытай войну леров — и станешь пацифистом», — гласит одна из наших пословиц. Разумеется, у нас есть разногласия. Если дело доходит до войны, мы от нее не уклоняемся, однако поводов для войн у нас совсем немного. Мы не воюем из-за территории, из-за религии или политики. И когда приходится воевать, мы берем ножи, мечи, щиты, булавы и деремся с врагом. Когда битва кончается, сражающиеся расходятся, победитель получает то, что хотел, а проигравшие подчиняются. Леры — вовсе не пацифисты, нельзя сказать, что они не агрессивны. У нас нередки уличные драки, но при этом никогда не применяется оружие, покидающее руку, каким бы жарким ни было сражение. А тот, кто осмелился на это, будет линчеван своими же сторонниками. Это самая страшная кара в обществе леров. Кроме того, они вовсе не были беззащитны в межпланетных войнах, наказывали тех, кто осмеливался выступить против них с оружием. Леры сами не применяли в войнах оружия, действующего на расстоянии, но создали систему, вызывающую взрывы на солнце. Корабли противника разрывались на части. Если же какой-нибудь корабль оказывался на планете, врагов встречала целая армия защитников, смелых, бесстрашных, не знающих пощады.

В обмен на уроки управления кораблем Лизендири предложила Хану показать несколько боевых приемов. Хан их усвоил, но после этого у него несколько дней болели кости и мышцы. Ему пришлось довольно трудно, так как не хватало реакции и координации, которые Лизендири были, видимо, присущи от рождения. Самое главное, что во время борьбы им приходилось соприкасаться друг с другом, это беспокоило их, хотя ни тот, ни другой не признавались.

— Лизендири, в ваших школах мальчики и девочки тренируются вместе?

— Да. Мы почти не делаем исключений для пола и физического состояния ученика,— сказала она немного возбужденно.

— Но разве физические контакты не стимулируют секулярных отношений?

— Конечно, да. Первые шесть лет они тренируются совершенно голые. Для изучения основ движений полезно видеть сокращения мышц, чувствовать их. А если у кого-либо возникает желание, кто мешает удалиться в кусты или за угол и удовлетворить его? Ваши школьники выходят из класса, если им нужно удовлетворить естественную потребность? То, о чём ты говоришь,— тоже естественная потребность. В старших классах мы занимаемся самоконтролем, стараемся подавлять желания, если они возникают.

Обучив Хана нескольким элементарным приемам, Лизендири попыталась показать ему более сложные. Но Хан оказался совершенно неспособным учеником, и Лизендири, смеясь, сказала ему об этом.

Хан провел необходимые расчеты и объявил, что конец путешествия близок. Скоро они окажутся на Челседоне и своими глазами увидят следы пребывания Воинов Рассвета.

Они устроили себе праздничный обед — последний в субпространстве. Лизендири элегантно сервировала стол в рубке управления. Даже звездное небо на огромном экране казалось им сейчас празднично необыкновенным. Они сидели, ели и молча наслаждались ощущением того, что утомительное путешествие подходит к концу. Но каждый в душе жалел об этом, хотя и скрывал.

После обеда Лизендири попросила показать солнце Челседона.

— С удовольствием,— согласился Хан.— Корабль нацелен на эту звезду с самого начала.

Он нажал на кнопку, и на экране появились две полоски толщиной менее человеческого волоса. Казалось, тонкий крест возник в самом космосе. В центре креста горела звезда, казавшаяся ближе остальных, видимых на экране.

— Пока она еще далеко от нас, и мы не можем увидеть диск. Но, тем не менее, ее мы уже видим.

— А сам Челседон?

— Нет, его еще не рассмотреть, мы должны подлететь ближе и вернуться в нормальное пространство.

Лизендири молча смотрела на экран. Корабли леров при всей сложности управления были очень примитивны во всем, что касалось органов чувств пилота. В матрице субпространства, которую они использовали для полета, смотреть было нечего. А при переходе в нормальное пространство команда и пассажиры наблюдали вселенную через устаревший оптический экран, дающий плоское, а не стереоскопическое изображение.

Поэтому вид, открывшийся перед Лизендири, произвел на нее сильное впечатление. Она проводила все время, когда не была в рубке управления, глядя на экран.

Вдруг Хану почудилось на экране какое-то движение. Он присмотрелся повнимательнее, но не увидел ничего особенного. Звезды медленно перемещались — и больше ничего. Затем Хан отвел взгляд от экрана и снова боковым зрением заметил движение. Теперь он был в этом уверен, хотя, глядя на экран прямо, не видел.

— Лизендири, ты видишь движение на экране?

— Движение? Нет. Но изображение как-то колеблется, будто я смотрю на экран через воду. Я думала, это дефект аппаратуры и ты знаешь об этом. Какие-то волны исходят из одной точки, но я не вижу, что возбуждает их.

— Хм,— пробормотал Хан, глядя на экран и включая компьютер в режим самопроверки.

Через несколько минут экран включился снова, нисколько не изменившись. Хан спросил:

— Волны еще не пропали?

Нет.

— А из какой точки они исходят?

— Из перекрестья. От звезды Челседона.

Хан достал большой том, где содержались параметры звезд. Он долго листал его, затем сказал:

— Солнце Челседона — звезда Авила 1381, желтая

звезды, среднего возраста, без каких-либо отклонений. Если эти волны — реальность, а не дефект аппаратуры, то следует ожидать каких-то неожиданностей с гравитацией. Может быть, в систему вошла нейтронная звезда или погасшая звезда огромной массы. Правда, вероятность чересчур мала, хотя давно известно, что даже вероятность, равная нулю, в действительности никогда не нуль. Но...

Лизендири прервала его:

— Прекратилось!

— Совсем?

— Да. Внезапно, пока ты говорил. Волны докатились до края изображения, и теперь все спокойно.

Хан встал, посмотрел приборы, проконсультировался с компьютером. Затем поднял голову.

— Не знаю, что вызвало это явление, но только не звезда.

Оба задумались. Все время путешествия они ощущали невольную вину за то, что оно — всего лишь экскурсия, поездка для сбора фактов. Теперь же они видели, что их может ожидать нечто другое, более серьезное. В той ленте, что прокрутил для них Хетрус, ни слова не говорилось об этом факте. Правда, для этого могли быть вполне разумные объяснения — например, корабль Ефрема не был снабжен новейшей аппаратурой наблюдения. При обратном полете он не смотрел на экран заднего обзора. Таковы были суеверные представления коммерсантов: никогда не оглядываться на планету, где ему не повезло. Во всяком случае, теперь и Хан, и Лизендири убедились в существовании чего-то, не известного им. И, вполне возможно, угрожающего. Хан пока хранил опасения при себе. В цивилизованном мире вселенная была давно обжита и приручена. А здесь...

Лизендири не была так спокойна, как он. Немного погодя она сказала:

— Когда мы были в Бумтауне на этой встрече, еще до того, как ты пришел, я поговорила с Ленкуриан. Она сказала мне, что, по ее мнению, здесь не просто полет за добычей и пленниками. Все напоминает какую-то провокацию, которую устроил не известно кто... Над Челседоном нависли тьма и зло. А воины? Если наши подозрения справедливы...

— Тогда что?

— Мы ничего не знаем. Только подозреваем. И если хотя бы половина наших подозрений оправдывается, я содрогаюсь при мысли об этих воинах. Расскажу тебе

о них. Когда первый корабль леров покинул старую Землю, он сделал много посадок на разных планетах. Леры подыскивали подходящее место и, наконец, нашли Кентан. После приземления общество леров разделилось на две фракции. Одни хотели остаться тут и строить свою собственную культуру в новом мире. Тогда леры плохо знали себя, ведь сотни лет они были погружены в развитую цивилизацию людей и поэтому все еще мыслили ее терминами. Другие придерживались иного мнения. Их фракция, которой руководила женщина по имени Санзирмиль, желала лететь дальше и дальше. Я много слышала о Санзирмиль. Насколько я знакома с вашей историей, ее можно сравнить с Лукрецией Борджа, Лилит и Розой Люксембург. Она сочетала в себе их качества. Я видела голограммы с ее изображением. Она была красива, но красота ее была дикой, звериной. В те времена леры разделились. Дело доходило почти до войны. И если бы все так продолжалось, через несколько поколений на Кентене не осталось бы ни одного лера. Однако в конце концов Санзирмиль и ее клан Кларен украли корабль и улетели. Члены клана Кларен были пилотами, и внутри клана поддерживалась строгая дисциплина. Санзирмиль была астронавигатором, но она была и...

Лизендири внезапно замолчала, не договорив.

Хан заинтересованно спросил:

— Кем, ты говоришь, она была?

— Никем,— угрюмо ответила Лизендири.— Я не могу сказать тебе этого. Ты не лер, не поймешь. Ты должен забыть о том, что я говорила.

Она помолчала немного, чтобы убедиться, что Хан готов снова слушать ее и забыл об оговорке. Хан молчал.

— На их корабле было ужасное оружие, страшное. Мы без содрогания не можем вспомнить о нем. Об улествивших лерах мы ничего не слышали. Нам всем очень хотелось надеяться, что они разбились где-нибудь или же улетели в другую галактику, как намеревались. Мы бы с радостью восприняли такое известие. Но никто ничего не знает, ходят только легенды.

— И эти воины Рассвета похожи на леров...

— Они леры, в этом нет сомнения. И мы, и вы знаем, что с развитием разума отпадает необходимость в клыках, когтях, рогах. Но посмотри на себя и меня, Хан. Мы возникли на одной планете. И, ты знаешь, леры и люди находятся в очень близкой степени родства, даже в опасно близкой. Ты знаешь, что мы отправились с тобой в это

путешествие потому, что имеем одинаковую группу крови и в случае необходимости сможем помочь друг другу. Ты знаешь, что одна из ваших четырех групп крови и одна из наших двух абсолютно совместимы. Мы могли даже вступить с тобой в связь, если бы решились на такую глупость. Но из этого бы ничего не вышло, даже если бы я была способна к деторождению. Да, леры и люди похожи между собой, но между ними есть различия. И свидетельство Ефрема неопровергимо доказывает, что на Челседоне были именно леры.

— Но ведь то, что ты рассказала мне, произошло много лет назад. Те леры давно умерли...

— Да, тысячи лет назад.

— И даже если это правда, почему я не верю, это не более вероятно, чем... Впрочем, слишком много совпадений, точных деталей, да?

— Конечно. Ведь мы были созданы искусственно в первом поколении. Я даже не уверена, смогли бы мы возникнуть сами собой. Но, как говорит пословица: «Какая разница, откуда явился ты. Я здесь для любви или ненависти». Мы появились и не хотели быть под вашим контролем. Леры, руководимые Санзирмиль, хотели остаться на Земле и драться за свое освобождение. Когда же мы прибыли на Кентен и решили остаться там, они хотели лететь все дальше и дальше и завоевать всю галактику. Разумеется, никто не знает, являются ли Воины Рассвета потомками Санзирмиль. Но мне хочется надеяться, что это было не так. У вас, людей, свои страхи, и у нас, леров,— свои. И «дети пилотов» — один из этих страхов.

— Мы приближаемся к Челседону,— напомнил Хан.— Как живут там леры и люди? Вместе или по отдельности?

— Не могу даже представить себе этой жизни,— промолвила Лизендири.

Говорить уже было некогда. До посадки оставалось несколько часов.

Хан ожидал, что их встретят на Челседоне с подозрением, потребуют доказательств, что они не бандиты. Однако это оказалось не так. Они не вызвали никаких подозрений. Подлетая к планете, они не восприняли никаких радиозапросов, радары не нащупывали их. Никто ими не интересовался. Лизендири это не беспокоило. Она считала, что если вы пришли к кому-то в дом и там не включен свет, то следует просто постучать в дверь. Они прилетели ночью и ничего не могли увидеть.

Хан все же хотел выяснить обстановку, прежде чем

предпринимать какие-либо действия. Поэтому они решили облететь планету по определенной орбите. Полет мог дать кое-какую информацию, но это не были активные действия. Включив все приборы на максимальное усиление, они могли видеть и слышать звуки цивилизации, находящейся на ранней стадии развития, оснащенные города, радиопереговоры.

После нескольких витков они поняли, что Челседон действительно еще недостаточно развит технологически.

Они решили приземлиться поблизости от столицы.

Для посадки выбрали большое поле невдалеке от города. Стали спускаться. На них никто не обратил внимания, хотя видели почти все. Вокруг было пусто. Они подождали немного, но никто так и не появился. После этого они пошли по городу, который легко угадывался по облаку пыли над деревьями.

Они шли по пыльной дороге, по которой, казалось, ходили довольно редко.

Хан сказал:

— Очень странно. После того как были ограблены их жилища, они ведут себя столь беспечно.

Лизендири, с трудом вытаскивая ноги из дорожной пыли, ответила:

— Меня сейчас радует, что под моими ногами снова твердая почва.

Она скинула обувь и пошла босиком. Хан рассмотрел ее ноги. Они, как и руки, немного отличались от ног людей. Передняя часть ступни была шире, а пятка уже, чем у людей. По отпечаткам ног можно было понять, что на пятки приходится меньшая часть веса.

Они шли долго, не встречая никого, хотя повсюду вокруг были признаки жизни: возделанные поля, дома на горизонте, пасущиеся животные. Они почти подошли к городу, когда увидели двоих, идущих навстречу. Это были лер и человек, мужчины, почти умирающие от изнеможения. Человек, высокий и тощий, представился как Ардемор Хилф, мэр столицы. Он извинился, что для столицы у них не нашлось названия. Просто Столица. Лер казался очень старым. Его седые волосы были сплетены в косу. Он назывался Хатингаром.

Хилф оставался с ними недолго. Он только выяснил, кто они и какова цель их прибытия. Затем ушел, оставив с ними Хатингара. Лер дружелюбно похлопал Хилфа по плечу, прощаясь. Затем повернулся к Хану и Лизендири.

— Сейчас я член правительства. А до этого был простым фермером на севере.

Он показал сильные мозолистые руки.

— Когда произошло нападение, больше всего пострадала столица, и я пошел посмотреть, не могу ли что-нибудь сделать. Мы много работали, но того, что сделано, еще недостаточно.

Он показал на клубы пыли.

— Совсем недостаточно.

Лизендири стояла молча. Видимо, ее поразили манеры Хатингара, свойственные лерам, хотя многое в нем было от человека, он же, в свою очередь, был поражен ее красотой:

— О, если бы я был лет на тридцать младше! Молодая девушка и лер! Зрелая, как вишня, и искушенная в любовных играх, как профессор эротических искусств. И она существует в обществе молодого человека!

Он шутливо ткнул ее под ребра, но тут же сник снова, приняв облик смертельно усталого человека, измученного работой.

— Эти шакалы, бритые обезьяны, по крайней мере оставили нам таверну.

Он пригласил Хана и его спутницу в грубую деревянную хату, которая, видимо, была здешней пивной. Пол в помещении был земляной, здесь пахло прелыми листьями и прокисшим пивом. Хатингар налил возле стойки три кружки пива, стараясь не разбудить женщину, которая спала у кассы, и повел их к единственному столику. Лизендири шла, стараясь не наступить на пивные лужи. Они сели, пригубили пиво, и Хан заговорил:

— Мы коммерсанты, нас финансирует общество на Кентене. Мы слышали о вашем несчастье от коммерсанта Ефрема. Ты помнишь его?

— О да, Ефрем. Настоящий шакал, грабитель, даже хуже грабителя. Он воспользовался тем, что случилось здесь, чтобы обобрать нас.

— Он внезапно улетел отсюда. Почему? — спросил Хан.

— О, мы хорошо ему заплатили за все, что получили от него,— платину, торий, золото. Он улетел отсюда потому, что мы хотели заставить его работать. Сейчас он уже, наверное, купается в благах цивилизации.

— Нет. Он мертв. Кто-то убил его в день нашего отлета.

Хатингар поднял бровь.

— Мертв? Хм! Жаль слышать это. Конечно, он ограбил нас, но я не думаю, что за это следует казнить, даже по законам Кентена.

Он повернулся к Лизенди.

— А ты, миледи, почему молчишь все время?

Она ответила с явным раздражением. Хан слышал этот язык впервые и ничего не понял.

Хатингар развел руками с явным жестом отрицания.

— Нет! Нет! Воины были леры, это несомненно.

Лизенди сказала:

— Я приехала узнать вашу жизнь. Я обучаюсь коммерции, и лучшей возможности у меня не могло быть. Мы подозреваем, что Ефрем был убит из-за денег, которые не были найдены у него. Это наиболее вероятный мотив. Мы... — она показала на Хана, — временные партнеры. Я владею половиной и отвечаю за корабль.

Хан был удивлен. Она прекрасно лжет, однако он не знал почему. То ли не доверяет Хатингару, то ли просто осторожна.

Хатингар отпил еще глоток и протянул кружку Лизенди. Девушка подозрительно понюхала, но тоже выпила глоток. Она фыркнула, как кошка, и протянула кружку Хану. Тот очень хотел пить и припал к кружке.

— Ну что же, — сказал Хатингар. — Что мы можем сделать здесь, на самой границе цивилизации?

Затем он стал серьезным и спросил, чем может быть полезен.

Они ответили, что им нужно место, где остановиться, пока они будут торговать. Они очень устали во время полета. Конечно, на Челседоне после налета вряд ли можно рассчитывать на комфорт, но они согласны на самое скромное жилье. После того, как они устроятся, можно будет начинать торговлю. Хатингар поднялся, сказав, что попробует что-либо сделать. Хан и Лизенди остались в пивной одни, если не считать спящей за стойкой женщины. Правда, ее сопение не мешало их мыслям. Они думали, что же делать дальше, как раскрыть завесу тайны, окружающей Воинов Рассвета.

Затем Хан нарушил тишину. Он спросил полуслыша, полуслыша:

— Почему ты не пьешь пиво? Леры вообще не пьют?

Она поморщилась.

— Мы боимся спиртного. Оно действует на нас гораздо сильнее, чем на вас. А это гадость! Пиво ужаснейшее! Это же прокисшая вода! Фу!

И она опять погрузилась в мысли. Хан больше не стал беспокоить ее.

Вскоре вернулся Хатингар, торжественно размахивая ключом. Было сомнительно, что он предназначался для запирания дверей. Но ничего другого у них не было, и они послушно пошли за Хатингаром.

Была уже вторая половина дня. Тени удлинились. Хан впервые осматривался вокруг в мире, куда они прилетели. Он знал, что основные разрушения находятся на севере, а в этой части Челседона было спокойно, уютно, красиво. Казалось, на планете совсем не было гор. Вокруг расстилалась плоская равнина, на которой виднелись только низкие пологие холмы. Хан поделился своими впечатлениями с Лизендири, и та согласилась. Хатингар услышал их разговор и тут же начал расписывать прелести Челседона.

Он рассказывал о зеленых равнинах, высоких деревьях, ароматных цветах. Хан присмотрелся и действительно увидел на равнине высокие деревья. Некоторые из них достигали трехсот футов и выше.

— Челседон — очень спокойная планета. Ни сильных ветров, ураганов, землетрясений. Тут нет смены времен года. Поэтому деревья достигают такой высоты. Правда, я считаю эту планету чересчур спокойной, чересчур упорядоченной. Борьба с природой — основа здоровья людей. Но слишком заговорился. Мы пришли.

Под высоким деревом стояла деревянная хижина. Она выглядела брошенной, но все еще достаточно крепкой, хотя и грязной. Лизендири дом не понравился. Однако выбирать не приходилось, и Хатингар подал ей ключ. Сам он сказал, что уходит собрать торговцев.

Уже издалека он крикнул, что скоро вернется. Вскоре он исчез в клубах пыли на дороге.

В доме было очень грязно, и им пришлось заняться уборкой, чтобы здесь можно было жить. Казалось, дом пустовал уже целые годы. Убирались они почти весь день. Лизендири поинтересовалась, сколько же сейчас времени, но оказалось, что Хан забыл поставить часы на местное время.

— Однако, — добавил он, — длительность суток на Челседоне примерно тридцать стандартных часов.

К вечеру они закончили с уборкой, и Лизендири пошла купить немного еды.

Вскоре она вернулась и разбудила Хана, который дремал на крыльце. Она принесла хлеб, овощи, сыр, копченое мясо, фрукты. Оба страшно проголодались и сразу принялись за еду. Когда был утолен первый голод, Лизендири тихо заговорила.

— Пока я ходила, то старалась разузнать что-нибудь. Поверь, я была крайне осторожна! Здесь происходит что-то непонятное, здешние леры очень странные — таких я никогда еще не встречала. Это прекрасный и процветающий мир, но среди жителей ходят непонятные слухи.

Она помолчала, затем продолжала:

— Мне не удалось получить описания оружия, которым пользовались Воины. Никто ничего не знает. Все говорят одно: бомбардировка с воздуха! Но взрывы! Все знают, что при этом должны быть взрывы и воронки. А взрывов не было. Другие говорят об огненных молниях и огненных шарах в небе. Это совсем непонятно.

Хан подумал немного.

— Я тоже не понимаю. Может быть, источники когерентного излучения — лазеры или мазеры? Они могут работать на частоте, невидимой глазу. Но тогда откуда кратеры? В атмосфере радиоактивности нет. Я проверил при посадке. Может быть, полная конверсия на расстоянии? Но такая возможность пока доказана только теоретически. Я отвергаю атомное оружие и ПКР. Мы не видели здесь следов пожарищ и обожженных людей. Я не могу ничего сказать. Однако Воины полностью контролировали свое оружие.

— Да, было убито совсем мало жителей. Они не подвергали уничтожению густонаселенные районы.

— Значит, они не старались уничтожить жителей и материальные ценности. Они хотели только напугать.

— Да, Хан. Но зачем?

— Чтобы взять пленников.

— Наверное. Ефрем говорил, что они брали только некоторых людей и леров. Интересно, случайным ли был их выбор?

— Значит, мы так и не узнали ничего нового?

— Как я слышала на рынке, иные уверены, что Воины не улетели далеко, они находятся поблизости, по-видимому, желая врасплох напасть на военный корабль.

— Этому есть доказательства?

— Нет. Но все напуганы.

Наступил вечер. Алива 1381 уже висела над горизонтом, окрасив небо в цвет старого золота.

Хатингер привел во двор нестройную толпу местных торговцев. До поздней ночи они спорили и торговались, делали предложения и контрпредложения. Некоторых встречали радостным смехом, других — презрительным фырканьем. Во время торга они разговаривали, высپра-

шивали. Хан использовал приемы, которым обучали в Коммерческой Академии Бумтауна. Он молил, угрожал, вызывал к теням усопших, превзошел самого себя в торгах. Лизендири не вмешивалась в это, она только внимательно слушала, и Хан мог сказать, что они произвели на нее впечатление: время от времени она улыбалась.

После того, как были выслушаны все рассказы торговцев и из них выделено главное, они кое-что выяснили. Народ Челседона был действительно перепуган до смерти. Однако во время налета очень мало было убито или ранено. И Хану стало ясно, что Воины забирали людей только определенного типа, а вовсе не случайно. Они хорошо знали свое дело, знали, что им нужно. Во время торговли Хан узнал, что Воины забрали из Столицы всех рыжих определенного возраста, а также смуглых со светлыми волосами. Из других групп населения они выбирали только отдельных представителей.

— Да, да,— сказал один из торговцев.— Они выстроили людей в линию, и трое пошли вдоль линии, разглядывая людей. Они искали людей определенного типа. Они не интересовались ни полом, ни красотой, ни физическими достоинствами, ни возрастом. Они хватали некрасивых так же, как красивых. Леры говорили, что Воины говорят на сильно искаженном Синглспиче со множеством незнакомых слов. А мы, люди, вообще ничего не могли понять.

Другой торговец, низенький и толстый, сказал:

— Воины ходили по троем. Эти тройки были составлены из одних мужчин или одних женщин. Но были тройки, где были и те, и другие. Местные леры, которых они хватали, тоже разбивались на тройки, и их уводили на корабль. После всего грабители сбрасывали несколько бомб и улетели.

Но никто из торговцев не мог сказать ничего конкретного об этих «бомбах». Та, что обрушилась на Столицу, прилетела внезапно. Яркая вспышка — и земля зазвенела, как колокол. Некоторые утверждали, что они видели облако в небе и слышали гром. Но никто не был уверен в своих наблюдениях и ощущениях. Во всяком случае, после взрыва все компасы в округе испортились. Наиболее сильный эффект наблюдался вблизи воронки. Магнитные бомбы для уничтожения компьютеров? Вряд ли. Они слишком дороги, и не стоило использовать их здесь, где не было счетных машин сложнее абака. Челседон был пограничной планетой, и здесь не требовались сложнейшие расчеты.

Хану и Лизендири больше ничего не удалось выяснить в эту ночь споров, торговли и осторожных расспросов. Наконец, люди начали расходиться. Хан и Лизендири закрыли торговлю, завершили сделки, о которых договорились, и пообещали продолжить завтра. Все ушли. Хан и Лизендири рухнули в то, что показалось им постелями, и мгновенно заснули.

Пришло утро, ясное и сырое, как стена, из которой сочится вода. После завтрака Хан и Лизендири направились к кораблю. Здесь уже собралась громадная толпа. Снова началась торговля, и им пришлось здорово потрудиться, вытаскивая из корабля товары и затачивая туда то, что удалось получить в обмен.

К полудню большая часть работы была сделана, и они остались среди мутного беспорядка. Посреди поля, изрытого копытами, колесами, гусеницами, громоздились груды ящиков, мешков, корзин. Палленбер был покрыт густым слоем пыли.

Вскоре прибыл Хатингар. Он был угрюм, но добр и любопытен.

— Ну что же, вы свое дело сделали? Получили товары и теперь покинете наш несчастный мир? — спросил он. — Но что это? Оружие? — добавил он, указывая на подозрительные выпуклости на борту корабля.

— Да, оружие, — ответил Хан. — Мы решили приготовиться к худшему. Вполне возможно, что нам пришлось бы столкнуться здесь с Воинами или другими грабителями. Такие случаи бывают в наше время. Именно поэтому Ефрем улетел отсюда в такой спешке. Он боялся.

— Может быть, — ровно ответил Хатингар. — Но это не спасло его, не так ли?

Лизендири ответила ему на своем языке.

— Ситиси махарало альтензид.

Она перевела эти слова для Хана:

— Каждый находит свой конец.

Хатингар на это не ответил.

Все молчали, как будто не знали, о чем говорить. Нарушил тишину Хатингар.

— Теперь куда отправитесь, друзья?

— Мы намереваемся перелететь на западное побережье континента, — ответил Хан. — На наших картах, а они несомненно устарели, там отмечен большой город. Он наверняка тоже пострадал, и жители нуждаются в товарах.

— Да. Это Либревиль. Им нужна помощь. Я слышал, их сильно бомбили, и все жители покинули город. Я знаю и другие поселения, где требуется помощь. Могу проводить вас, и тогда вы быстрее закончите свои дела и сможете отправиться в обратный путь.

Лизендири уже вошла в корабль. Хан посмотрел на лера. Немного погодя он ответил.

— Хорошо. Поехали.

И тут же пожалел о своем приглашении.

Хан стоял наверху лестницы и смотрел, не понадобится ли помощь Хатингару. Этого не случилось. Напротив. Он взлетел по лестнице с такой же легкостью, как Хан. Юноша приписал это прекрасному физическому состоянию лера и сразу же забыл об этом. Оба вошли в корабль.

В рубке управления Хатингар все рассматривал, изумлялся, прищелкивал от восхищения языком.

— Это же настоящая жемчужина! Прекрасная работа! Это корабль леров или людей?

— Людей, — ответил Хан, усаживаясь в кресло пилота.

Лизендири сидела рядом с ним. Оба ощущали какое-то смутное беспокойство.

Они взлетели и убрали опоры. Хан знал, что лететь недалеко и не стал подниматься на орбиту, а полетел по более низкой траектории. Направив корабль по курсу, он повернулся к Хатингару:

— Куда, Хатингар?

Ответа не последовало. Старый лер исчез.

— Куда он девался? — спросил Хан у Лизендири.

И тут появился лер. Но он не был одет в свою традиционную одежду, а абсолютно обнажен. На нем не было ничего, кроме красочной набедренной повязки. Исчезли длинные седые волосы. Голова была наголо обрита. На голой безволосой груди красовалась татуировка, изображающая битву каких-то жутких зверей, совершенно не знакомых Хану. Хатингар оказался вовсе не старым. И тут Хан ахнул: в руках у лера был пистолет — точно такой, какой они обнаружили в квартире Ефрема, в Бумтауне. У Хана похолодело в груди. Он вспомнил, что его собственный пистолет находится в сейфе, за спиной Хатингара. Значит, сейчас он так же полезен для Хана, как если бы остался в комнате Ефрема. А этот лер! Он был силен, очень силен, мышцы вырисовывались под его кожей.

— Вот и все, — сказал Хатингар.

Лизендири поднялась с кресла.

— Теперь без споров и промедлений бери курс на два газовых гиганта этой системы. Там вас ждет встреча с моими Воинами.

— Твоими Воинами?

Хан хотел выиграть время, хотя, откровенно говоря, не понимал, зачем оно ему. Внизу медленно таял Челседон. Края планеты уже слегка размывались в атмосфере.

— Да. Я вождь Орды. Двигайтесь помедленнее. Этот пистолет стреляет ампулами с самым неприятным веществом. Действует оно практически моментально. Я очень искусен в обращении с ним, да и во многом другом. И не думайте, что вам удастся обезоружить меня.

Хан уголком глаза посмотрел на Лизендер. Ему показалось, что все ее мышцы напряжены, она как бы разогревала их, готовясь к действиям.

Когда Хатингар сделал шаг к ним, она вдруг крикнула:

— Двигайся! — и пригнулась, показав ему пример.

Хан тоже упал на пол. Без видимого усилия она вдруг взвилась в воздух, перевернулась, сбросив при этом движении одежду, и метнулась к Хатингару. Хан раскрыл рот от изумления, глядя на летящее обнаженное тело. Ведь она сумела проделать этот сложнейший акробатический трюк при удвоенной силе тяжести. Он все еще лежал на полу, когда раздался выстрел. Он ничего не почувствовал.

Хатингар выстрелил, но промахнулся и теперь прыгнул вперед. Пистолет остался у него в руках.

Затем началась битва, которой Хан не мог рассмотреть, настолько молниеносно все происходило. Тела сталкивались, наносили удары, отражали их. Никто не мог добиться перевеса. Лизендер, как привидение, металась по рубке, стараясь избежать выстрела Хатингара. Ей приходилось трудно, так как она должна была думать и о Хане, который подвергался опасности. Но вот они сошлись снова, и тут Хатингар вылетел из рубки. Хан успел заметить, что ухо у него стало пурпурно-красным.

Лизендер заперла дверь и встала перед Ханом. Она тяжело дышала, обнаженное тело было покрыто потом.

— Эта лысая обезьяна сумела ускользнуть от меня! Будь он проклят! Но я успела немного потрепать его.

Первый раз Хан видел ее в гневе. И гнев этот был направлен против нее самой.

Она спросила:

— Есть выход из корабля?

— Да, спасательные гондолы. Их пять или шесть.

— Тогда бери одну и улетай!

— Лизендири, я...

— Нет! Делай, что я говорю! Если я буду одна, у меня будет шанс сравниться с ним. К тому же я уже научилась водить корабль. Ты мне ничем не сможешь помочь. Даже наоборот. Я не унижаю тебя, а стараюсь спасти. Я должна убить его. Он же использовал оружие. Но я могу добиться успеха, только оставшись одна. Он чрезвычайно опасен. Ты даже не можешь представить, насколько.

— Но у него же пистолет!

— Чепуха! Я могу победить его. И если это случится, приведу корабль обратно. Если же победит он, для нас обоих обратного пути не будет. Я спасаю тебя по своим личным мотивам. Не хочу, чтобы он захватил тебя в плен. Теперь иди! У меня мало времени. Оно придает мне силы и скорость. Но я не могу долго поддерживать это состояние. Оно быстро проходит.

Она на мгновение прижалась щекой к его лицу. Щека была обжигающе горячей.

Хан понимал, что она права. Но покинуть корабль? И тем не менее это единственное, что остается сделать, хотя ему это совсем не нравилось.

Он открыл замок люка, прыгнул в гондолу и начал закрывать ее колпак. Лизендири протянула руку и нежно коснулась его щеки:

— Если я выиграю, жди меня в горах, к северу от Столицы. Если проиграю, прощай и помни меня. Твое имя на нашем языке означает «последний».

Она заморгала и отпустила его.

Началось бешеное падение вниз, и вскоре гондола вышла из поля искусственной гравитации корабля и погрузилась в поле тяготения планеты. Хан видел корабль, удалявшийся от него. Гондола управлялась автоматически. Вскоре падение замедлилось, стало плавным. Хан видел, как Челседон медленно приближается к нему. Но такое медленное движение было всего лишь иллюзией, на самом деле скорость была достаточно велика. Хан смотрел на поверхность планеты, покрытую коричневыми и зелеными пятнами, а кое-где — пушистыми белыми облаками. Это было последнее, что он видел. Автоматика сработала, открылись клапаны, выпускающие усыпляющий газ. Конструкторы гондолы предусмотрели, чтобы пассажир не видел своего

падения с орбиты. Это могло привести к смерти человека. Они были, конечно, правы. Но Хан ничего этого не знал.

IV

Когда-то на Челседоне жили совместно леры и люди. И в деревянной хижине в горах жил Клислангир Тлан, очень старый и мудрый лер. К нему прибыл человек, просто мальчик, который привез письмо, где сообщалось, что его жена Вервертин Орит умерла, желая ему добра. Мудрец выслушал известие и продолжил изучать закатные облака. На конец, он сказал:

— Я скорблю при виде этих прекрасных облаков, которые вскоре разгонит ночной ветер.

Человек, некий Родриго, воскликнул:

— Как ты можешь говорить об облаках в такое время? Твоя жена, с которой ты прожил всю жизнь, умерла!

Мудрец ответил:

— Именно за то, что я научился истинной скорби, меня называют мудрецом.

Он отвернулся и больше не произнес ни слова. Родриго тоже посмотрел на облака, и на него снизошло просветление. Он вернулся в свой дом, роздал все имущество и стал учеником Клислангира Тлана. Позже его тоже стали называть мудрецом.

Апокриф Челседона

Тот, кто находится один среди дикой природы, никогда не ощущает скуки, никогда не приходит в отчаяние от бессмысленной деятельности. Напротив, для него все полно смысла, все исполнено истинного вдохновения.

Тот же, кто живет в большом городе, в огнях которого меркнут даже звезды, должен постоянно бороться со злом, окружающим его. Лекарство от зла очень горькое, но пить его необходимо.

Родриго

Спасательные гондолы должны были быть на всех кораблях, хотя пользовались ими редко. Они были предназначены для спасения одного из членов экипажа. И вблизи, в поле тяготения планеты, они работали автоматически. В эру космических полетов люди сравнивали космос с бурным морем, и это сравнение было справедливым. Правда, таких опасных морей, как космос, никогда не было и не будет на Земле. И берега этого моря были

гораздо более опасными, чем берега любого земного моря. И спасательные гондолы были предназначены для того, чтобы в целости и сохранности перенести пассажира через прибрежный прибой и острые рифы, чтобы доставить его на землю. Гондолы были малокомфортабельны, но выполняли свою функцию.

Хан проснулся, ничего не зная. Все тело его болело. Он попытался двинуться, но почувствовал, что не может. Мгновенная паника охватила его, но он тут же все вспомнил. Спокойно лежа, сквозь прозрачный экран он видел, что приземлился в лесу и что уже глубокий вечер, почти ночь. Свежий воздух проникал в гондолу. Хан снова уснул. Когда он проснулся, была ночь. В сплетениях ветвей виднелись звезды. Теперь он вспомнил, что нужно сделать, чтобы открыть гондолу, и через мгновение выбрался из нее. Его окружал холодный воздух молчаливого леса.

Коммерсанты в своих школах обучались очень многому: как добывать деньги, как сохранять их в любых условиях. Но самым ценным было то, что коммерсанты были готовы ко всяkim неожиданностям. И хотя Хан не был самым примерным студентом, учился спустя рукава и уделял больше внимания девушкам, чем занятиям, он знал и умел многое.

Как советует «Учебник выживания», если ты упадешь даже в собственном доме, остановись! Ничего не предпринимай! Сначала вспомни, кто ты, как сюда попал. Не доверяй впечатлениям. Первый выпавший был Адам — тот, который не знал, куда попал, в рай или ад.

Хан сел на поваленное дерево и начал вспоминать. Полет, корабль, Лизендири. И вот он где-то на Челседоне. Прекрасно — значит, он хотя бы знает, на какой планете находится. Правда, без пищи, без денег... Нет, неправда. Кое-что есть на гондоле: провод, пила, нож, вода для питья, кое-какие концентраты. Он встал и вытащил из гондолы мешок с НЗ. Что дальше?

Снова учебник: «Если возможно, иди ночью, когда огни видны издалека».

Хан не мог видеть на большое расстояние, слишком густ был лес. Он чувствовал, что находится на склоне холма, поэтому быстро взобрался на вершину. Он видел звезды на небе, очертания отдаленных холмов, темные пятна долины, но больше не видел ничего: ни огней, ни дыма. Как будто он был единственным человеком

на Челседоне. Он даже не знал сторон света, хотя их можно определить. Правда, на это потребуется время. Но его-то много.

Хан рассмотрел знакомые созвездия на небе, засек их местонахождение и время. Затем стал ждать. Время на Челседоне текло медленно. Прошло несколько стандартных часов, когда он снова стал искать созвездия. Одни спустились к горизонту, другие сияли высоко в небе. Однако теперь он мог сказать с уверенностью, что находится к северу от Столицы, расположенной в экваториальной области. Правда, он не знал, далеко ли они успели улететь.

Однако нужно было идти. Хан собрал мешок и осторожно двинулся в темноту. Нож он держал наготове: ведь ему ничего не было известно о хищниках Челседона. Ему не хотелось знакомиться с ними.

Он шел по пустынной земле и уже потерял счет дням. Челседон нельзя было назвать абсолютно плоской планетой. Но гор на нем не было. Хану все время приходилось подниматься и спускаться с холмов, лишь изредка пересекая равнины. Несколько раз он переправлялся через реки. Вскоре он выработал определенный ритм движения: два перехода в день с отдыхом между ними. Однако ему так и не удалось приспособиться к длинным суткам Челседона, которые составляли тридцать два стандартных часа. Хан шел, но никак не мог определить, какое расстояние преодолел: на поверхности не было ничего, по чему он мог бы ориентироваться. Все вершины были похожи одна на другую.

Никаких зверей он не видел, хотя в ночной тиши изредка раздавались крики. Его, видимо, никто не преследовал, так как крики все время были разными. Птиц он тоже не видел. Неужели на этой планете их нет? Самым приятным для него обстоятельством оказалось то, что на Челседоне не было ядовитых растений, поэтому он мог есть все фрукты, ничего не опасаясь. Фрукты помогли ему выдерживать пищевые концентраты, ужасные на вкус. Да и дистиллированная вода порядком надоела. И он все шел, избегая мыслей о том, что может случиться с Лизенди, вступившей в поединок с Воином Рассвета Хатингаром.

Хан остановился на ночной отдых более усталый, чем обычно. Весь день ему пришлось взбираться на каменистые террасы. Он выбрал место для лагеря в небольшой долине среди высоких деревьев, поэтому не заметил, что

часть неба над горизонтом слабо светилась. И только потом, когда он обходил лес, как он делал это всегда из осторожности, он заметил свечение. Но после стольких дней пути он устал и не ощутил радостного возбуждения. Кроме того, он подумал, что это свечение обусловлено какими-то атмосферными явлениями. Он взял свой мешок и осторожно поднялся на вершину холма.

Перед ним расстилалась широкая долина, настолько широкая, что ей не видно было конца. Однако в долине он увидел огни — слабые, но огни — будто окна домов светились в темноте. Вероятно, там приютилось небольшое поселение. Для Хана это было самым прекрасным зрелищем. Забыв об усталости, он стал спускаться вниз, по направлению к огню.

Однако идти ему пришлось очень долго. Вероятно, чистый ночной воздух искажал восприятие расстояния. Огни гасли один за другим, и вот уже осталась только одна группа. Хан подошел ближе и убедился, что это, скорее всего, деревня леров: люди не жили в низких домах, имеющих форму эллипсоида. Поселение было небольшим. Возле домов Хан заметил темные сараи, стойла для скота. Вокруг виднелись возделанные поля. Однако эта деревня, по всей видимости, была изолирована от мира. Кроме тропинок вдоль полей, Хан не нашел никаких дорог. Тропинки были протоптаны копытами и ногами леров. Отпечатки были видны даже в темноте.

Хан предположил, что в этот час все жители деревни спят. Леры любят спать, укладываются сразу с наступлением темноты, даже в городах. А здесь, после дня трудной работы, они наверняка уже все спят. Огни везде были погашены, освещен только один дом. Хан подошел настолько близко, что мог слышать в темноте голоса. Голоса! Слабые, говорящие на незнакомом ему языке — Синглспич, эти звуки все равно наполняли его радостью. Он с трудом сдерживался, чтобы не крикнуть, и пошел быстрее.

И вот он уже стоит перед освещенным домом. Хан знал, что леры предпочитают дома без углов, хотя не понимал причин этого. Однако сараи и загоны для скота имели обычную прямоугольную форму. Хан никогда раньше не видел в природе иос — так назывались дома леров. Они были именно такими, как их описывали, — иос состоял из множества эллипсоидов, каждый из которых покоялся на своей опоре, примерно на высоте одного фута над землей. Хан подумал, как же ему объявить о своем при-

ходе? Постучать в дверь? Но в иосе не было дверей. Их заменяли занавески. Хан чувствовал, что он очень устал и ему хочется быть снова среди людей.

Проблема разрешилась сама. Из иоса вышел старик с длинными седыми волосами. Он остановился, посмотрел на Хана и преувеличенно спокойно заговорил с ним. Хан не понял ни слова, ведь это был Синглспич. Он покачал головой, надеясь, что лер — старик или старуха, по внешнему виду было невозможно определить пол, — сообразит: его собеседник ничего не понял. Он даже начал говорить, но старик прервал его, сказав что-то и показав на землю. Это могло означать:

— Сиди здесь.

После этого он вошел в дом. Вскоре вышла молодая женщина, качающая на руках ребенка. Она заговорила:

— Что ты делаешь здесь?

У Хана возникло ощущение нереальности происходящего: женщина говорила мужским голосом. Хану показалось, что он сходит с ума, но тут он вспомнил выскакивание древних: «Если тебе кажется, что ты сошел с ума, значит, ты в здравом рассудке». Он решил ответить:

— Я Хан Киллинг. Коммерсант и космополит. Произошла авария, меня выбросило из корабля. Я приземлился к северу отсюда и иду уже много дней. Даже не знаю сколько. Я прошу вашей помощи и гостеприимства.

Это была его самая большая речь за много дней. Голос звучал непривычно для него самого.

— Я Дарленгдир. Ты должен простить нас за наше странное поведение. Но мы находимся очень далеко и редко видим людей. Почти никто из нас не знает Общего Языка. Это старая деревня, и многие живут здесь безвыездно. Но, конечно, мы поможем. Что тебе нужно?

— Пища. Несколько дней отдыха. И дорога к Столице.

— Поняла. Это просто. Ты согласишься жить в нашем доме?

Она говорила, с трудом подбирая слова.

— У нас в деревне родился ребенок, и мы все собирались здесь для празднования. Но в доме есть комната, пища, там тепло, собрались люди. Мы найдем для тебя место.

— Я с благодарностью принимаю приглашение, Дарленгдир.

— Тогда входи.

Она не стала его ждать, повернулась и вошла в дом.

Хан услышал, как она говорит с кем-то. Он поднялся на крыльце, откинул занавес, который на Челседоне с его мягким климатом вполне заменял дверь.

Комната оказалась круглой. Вдоль всей стены шел шкаф и только в дальней части комнаты находилось возышение, на котором из камней был сложен очаг. В потолке над очагом виднелось отверстие, через которое выходил дым. Комната была освещена свечами и фонарями. В ней были люди. Они показались Хану странными, но все же это были разумные существа. Он смотрел на свет и моргал.

Пока кто-то готовил еду, Дарленгдир представила ему собравшихся. Тут были двое малышей, девочка постарше, четыре подростка и четверо стариков. Настоящий клан — его прошлое, настоящее и будущее. К тому же Дарленгдир оказался мужчиной.

Это был праздник рождения. Роженица лежала на подушках, совершенно обнаженная. Лицо ее, несмотря на перенесенные муки, было счастливым. Все с любопытством рассматривали Хана, пока Дарленгдир что-то объяснял на Мульти-спиче. Затем все расселись, пригласив его к очагу.

— Ешь, пей, будь счастлив с нами. Во дворе вода для мытья, а спать ты можешь здесь.

Хан кивнул, стараясь быть максимально вежливым, поел, затем вышел, умылся ледяной водой и, вернувшись, забрался в маленькую комнатку. Там он обнаружил что-то мягкое, видимо, одеяло, завернулся в него и уснул.

Он проснулся в комнате — маленькому эллипсоиде — один. Через круглые окна проникал свет, хотя стекла были затуманены. Хан потрогал стекло рукой и понял, что никакое это не стекло, а что-то другое. Вероятно, камень, отшлифованный до такой степени, что стал прозрачным. Окна пропускали очень мало света, и Хан не видел способа открыть их. Как же проветривается дом? Он осмотрелся и увидел в сводчатом потолке небольшое круглое отверстие. В комнате, где он находился, вероятно, никто не жил, но она была чисто убрана. Хан прислушался, стараясь определить, есть ли кто-либо в доме. Однако он ничего не услышал, кроме голосов с улицы. Он не знал, как поступить. Пощупал свою бороду, которая безобразно отросла за много дней пути. Интересно, какие чувства они питают к нему. Ведь даже Лизендир

назвала его слишком угловатым, слишком волосатым, впрочем, они были ласковы к нему и... щедры.

Он прошел к занавесу и откинул его. Иос был расположен на низком плоском холме. Невдалеке протекал чистый ручей, наполняя все пространство шумом бегущей воды и чистым воздухом. Вода по деревянным трубам отводилась в поселок и собиралась в большом деревянном баке. Возле ручья играла маленькая голая девочка — по земным меркам лет четырех. Она подняла глаза на Хана и смотрела на него без боязни, затем рассмеялась и убежала прочь, крича что-то звонким детским голосом.

И сразу появился Дарленгдир, лер, который встретил Хана, снова держа ребенка на руках. Да, Хан не ошибся, это был действительно мужчина. Теперь, когда он долго пробыл с Лизендири, он уже мог видеть разницу между мужчиной и женщиной леров. Дарленгдир сердечно приветствовал Хана.

— Солнце уже поднялось, мой друг, и ты встал. Это хорошо.

— Я не знаю, как благодарить вас...

— Пустое. У нас здесь мало посетителей. В честь последнего человека, которого мы принимали здесь, мы выстроили на холме дом.

Хан обернулся в указанном направлении. На холме ничего не было. Он, улыбнувшись, посмотрел на Дарленгдира. Тот сказал:

— Вот видишь? Даже леры приходят сюда очень редко. Но мы любим гостей. Единственное, что мы просим взамен, это несколько рассказов да немного работы в поле.

— Поработать я могу, но какие рассказы нужны вам?

— Что происходит в мире сейчас?

— О, об этом я могу рассказать. Но ведь поймут меня немногие.

— Ничего. Я буду переводить. А если ты останешься подольше, я обучу тебя Синглспичу и ты сможешь рассказывать сам. Но пока только ты да я знаем общий язык. Я рад слушаю попрактиковаться.

Хан сошел с крыльца.

— А где остальные?

— Здесь, здесь. Танзернан, женщина, которая только что родила, принимает гостей из своего прежнего клана. А ты знаешь что-нибудь о нас?

— Только самое основное. Я не знаком ни с одним лером, кроме... Впрочем, это ерунда.

— Ты пришел к нам в самый разгар торжества. Мы

праздновали не только рождение, но и продолжение клана. Теперь у нас есть следующее поколение — девочка и мальчик. Та малышка, которой понравилась твоя борода,— Химерлин.

— А что было бы, если бы дети оказались одного пола?

— Это маловероятно, так как продолжение рода заложено в генах. Но если бы вдруг и произошло это, то клан на них кончился бы. Им пришлось бы идти в другие кланы. Или начинать другие кланы под новыми именами. Но с нами так не случилось.

— Да, понимаю.

— Прекрасно. А теперь вернемся к твоим делам.

Хан ответил не сразу. Что говорить? Он не знал, что с кораблем, где Лизендири, как осуществить его миссию. Дрожь прошла по его телу.

— О, у меня долгий рассказ. Я больше буду спрашивать, чем отвечать.

— Ага! — воскликнул Дарленгдир.— Я вижу, ты ученик мудреца-лера.

— Нет-нет! Почему ты так решил?

— Потому что мудрецы всегда спрашивают и никогда не отвечают. Разве не потому их считают мудрецами?

Он рассмеялся. Хан почувствовал себя идиотом. Он, член высокоразвитой человеческой цивилизации, которая простиралась в галактике на огромное пространство, которая завоевала и освоила двадцать пять миров. И тем не менее этот фермер с ребенком на руках смог поставить его в тупик. Теперь он понял, почему люди неохотно вступают в контакт с лерами, хотя те довольно миролюбивы. С лерами никогда не будешь чувствовать себя спокойно. Так бы чувствовал себя неандерталец, внезапно попавший в пещеры кроманьонца.

— Нет, я не мудрец. Более того, во многом ощущаю себя дураком. Впрочем, я расскажу вам все, когда вы соберетесь вместе. Расскажу, что могу делать я, чтобы оказать вам помощь, и чему могу быстро научиться.

— Прекрасно! Ты ответишь на наши вопросы. А работа? Ее здесь очень много!

Утром следующего дня Хан вышел на сельскохозяйственные работы — пока простейшие. Петмириан показала ему, что делать, и он стал собирать бобы и грузить их на тележки. Конечно, он не мог сравниться с Петмириан, пальцы его не могли летать в воздухе, как маленькие птички, но он учился.

К вечеру пошел ленивый дождь, больше похожий на теплый душ, но Хан и Петмириан забрались в сарай, где уже укрылся Базингиль, и начали очищать бобы, которые успели собрать. К ним забрел Дарленгдир, который немного поговорил, а затем ушел. Вскоре наступил вечер, дождь кончился, и все леры пошли к ручью. Они полностью разделись и мыли тело, одежду. Он присоединился к ним. Он не был стыдлив, однако смущался при виде голых тел. Разница между людьми и лерами теперь была более заметна.

Дарленгдир руководил приготовлениями пищи. Это тоже смущало Хана, но он вспомнил, что в обществе леров принято полное равенство полов, и этот обычай достиг крайних пределов.

Когда ужин был готов, все поели и началась беседа. Дарленгдир рассказал Хану несколько анекдотов леров. Вступили в разговор и другие леры. Хан начал присматриваться к ним. Он заметил, что между отдельными личностями существуют различия, хотя общество в целом было довольно однородным. Одни из леров обладали чувством юмора, реагировали на шутки других и сами охотно шутили, другие совершенно были лишены его. Например, Петмириан. Небольшого роста, смуглая, она почти все время молчала, однако глаза ее были внимательными и вдумчивыми. Дарленгдир был скользким, как теплое масло, хитрым, как змея, всевидящим и всеслышащим. Если бы он жил в человеческом обществе, несомненно, стал бы дипломатом. Танзернан оказалась довольно легко-мысленной смешливой девушки, она постоянно поддразнивала других.

Хан рассказал свою историю, не скрыв ничего, даже своих странных отношений с Лизендир. Любопытные, как дети, они выслушали его и стали задавать вопрос за вопросом. Когда все было выяснено, они умолкли, глядя в огонь глазами с огромными зрачками. Теперь стал спрашивать Хан — о планете, о Воинах, о том, как быстрее пройти к Горам севернее Столицы, где его будет ждать Лизендир.

Они не сказали ничего нового. В той местности, где они жили, грабители не появлялись, но они слышали рассказы, видели огни в небе, а также много метеоритов. Это было все, о чем им было известно.

Они знали и те горы, о которых спрашивал Хан. Это была самая высокая точка планеты. По их расчетам, до них было две недели ходьбы, то есть двадцать восемь

земных дней. Хан объяснил, почему ему нужно туда идти. Все леры выразили недоумение, и Дарленгдир объяснил почему.

— Там нет ни городов, ни деревень. Там не живет никто, это абсолютно необитаемая местность. Там тебе будет нечего поесть. А если эта девушка, Лизендири, победит, она будет искать тебя по всей планете, и когда не обнаружит тебя там, то неминуемо придет сюда. Так что тебе лучше дожидаться ее здесь. Кроме того, тебе, наверное, опасно возвращаться в столицу.

Хану не хотелось даже допускать мысли о том, что Лизендири может проиграть, но тем не менее он спросил:

— А что если она погибнет?

Ему ответил Бразинггиль, очень серьезно и без тени шутки:

— Тогда ты останешься колонистом, как все мы. На Челседон прилетают корабли, но крайне редко. Найди силы посмотреть правде в лицо. Если ты согласен, мы сходим в ближайшую деревню к людям и подберем для тебя девушку. Здесь места хватит всем. Живи и расти детей!

Хан не ответил ему. Он не хотел даже думать о таком будущем.

Наступил вечер. Один за другим леры расходились, собираясь отправиться ко сну. Рядом с Ханом улеглась маленькая девочка Химверлин, которой чрезвычайно понравилась его мягкая теплая борода. Но она вертелась во сне и мешала спать Хану.

Итак, Хан начал жить среди изолированных от цивилизации леров. Погруженные в состояние, которое они называли мудростью незнания, они учили Хана терпеливо и непрерывно. Сначала дни протекали медленно в трудной работе, но постепенно Хан втягивался в этот неторопливый ритм. Сначала Хан ждал появления Лизендири, но с каждым днем его надежды таяли, как высыхает озеро под жаркими лучами солнца.

Особое внимание леры уделили обучению Хана Синглспичу. Сперва этот язык показался землянину очень сложным, но постепенно он стал его понимать. Это был странный язык, абсолютно правильный, без каких-либо идиом и эмоциональных выражений. Но это было объяснимо: этот язык был искусственным.

Лизендири на этом языке означает огонь, а Хан — последний, причем это определение как-то связано с водой. Его стали называть Санхан — Последняя вода. Кажд-

дое слово в Синглспиче имело четыре значения, в зависимости от контекста. И только четыре слова: Пан — огонь, Тан — земля, Кан — воздух, Сан — вода — имели только одно, четко определенное значение. Однако Хан не стал выяснять причину этого.

В этой деревне не было необходимости что-либо писать. Однако Дарленгдир принес Хану несколько книг, чтобы тот мог познакомиться с письменностью леров. Хану показалось, что каждое слово обозначается одним знаком. Примерно то же самое, насколько он мог припомнить, было и в древней китайской письменности.

Хан учился и работал, делая все, что требовалось делать на ферме. И если бы не мысли о Лизендир, его жизнь была бы ему вполне по душе: спокойная, размеренная, полная смысла. Правда, он прекрасно понимал, что он здесь чужой и не может вечно оставаться среди леров. Ему хотелось к своим. Он жаждал себе подобных. Ежевечерние купания среди голых девушек вовсе не помогали усмирять требования плоти.

Он потерял счет времени, но был уверен, что прошло уже много дней. Хан настолько овладел языком, что мог общаться с лерами без помощи Дарленгдира. Однако люди все не появлялись. Поэтому он предупредил Дарленгдира, что собирается уходить, хотя ему вовсе не хочется этого. Было решено, что он с Дарленгдиром и Бразенгилем пойдут на местный рынок, а затем он вернется в свое время и в свой мир. Леры были честны и, хотя раньше уговаривали его остаться и даже обещали подыскать девушку, согласились, что Хан принял мудрое решение. Они предложили ему часть вырученных на рынке денег, так как он много сделал для них. Сначала Хан отказывался, но затем согласился. Началась подготовка к отправлению.

Через несколько дней на рассвете Хан, Дарленгдир и Бразенгиль нагрузили повозку и, рас прощавшись со всеми, покинули деревню. Повозку тащили четверо животных, похожих на огромных волов. Ехали они по извилистой тропе, огибавшей холмы, единственной ведущей из деревни.

Спали по очереди, причем пока один отдыхал, другой правил повозкой, а третий следил за окрестностями. Хан поинтересовался, зачем, что грозит им. Бразенгиль рассказал, что ходят слухи о злобных привидениях, жестоких бандитах, страшных хищниках. Однако за все время пути они не встретили ничего подобного. Только были

слышны шорохи в ночном лесу да отдаленные крики. Ничего больше. Страна казалась пустынной. Да, на Челседоне действительно было много места. Его хватило бы на всех.

На пятый день пути они прибыли в город, где устраивался рынок. Город назывался Ховзар, но Дарленгдир рассказал, что это старый город людей. Раньше он назывался Базар Хобба. Теперь здесь живут леры, и назвали они город по-своему.

Базар Хобба служил центром торговли этого района, где происходил обмен продуктами. Дарленгдир очень возбудился при подъезде к городу. Он даже вскрикнул:

— Назад, к цивилизации! — и начал барабанить по крыше повозки.

Бразенгиль явно недолюбливал этот город, он все время бормотал что-то сквозь зубы. Хану удалось расслышать только...

— Скопище воров и шакалов...

Он исподлобья смотрел на улицы, по которым они проезжали.

Хану город показался чревычайно старым. Он состоял из деревянных угловатых домов с острыми крышами, которые, видимо, служили просто для украшения, так как здесь не было сезона сильных дождей.

Улицы были вымощены булыжником, выкрашены в яркий цвет.

Неизвестно, были ли здесь воры, но торговали леры весьма выгодно. Большую помощь им оказывал Хан, который уже недурно говорил на Синглспиче, хотя и с сильным акцентом. Навыки коммерсанта оказались нeliшними в торговле с местными перекупщиками, которые постоянно имели дело только с фермерами, которых было легко обдурить. К вечеру они распродали все свои товары и нагрузили повозку всем необходимым.

После подсчета выручки леры предложили Хану половину. Он начал отказываться, говоря, что с него достаточно и пятой доли. Однако Дарленгдир заявил, что клан считается одним лицом и его долю разделить нельзя. В конце концов Хан был вынужден согласиться, и после дележа они пошли в ресторан, из дверей которого валил дым и пахло чем-то жареным. Хан уже забыл, когда в последний раз ел жареное мясо. Леры его употребляли мало, но не потому, что были вегетарианцами, а потому, что животный белок усваивался гораздо хуже, чем растительный. Да, Хану казалось, что он живет среди леров уже

много лет, хотя на самом деле прошло не более стандартного полугода.

В ресторане они заказали еду, взяли по три кружки пива и уселись за столик. На планету спускался вечер. Они сидели и ели, изредка наполняя кружки. От мяса осталось уже совсем немного, когда он заметил в углу чью-то фигуру. Он посмотрел сквозь пыль и сгущающуюся тьму. Это была Лизендири.

Он вскочил, торопливо извинился и бросился к ней. Она была не в себе и не видела Хана, пока тот не подошел совсем близко. Хан видел, что она измучена, истощена и руки держала так странно, словно в ладонях у нее были горячие угли или сверхнежные цветы. Не обращая внимания ни на кого, Хан тронул ее за плечо и раскрыл объятия. Она упала в руки Хана, спрятав голову на его груди и прижимаясь к нему, как дитя. Наконец, она отпустила его и выпрямилась. Глаза ее были красными, но слез в них не было. Разговаривать они не стали.

Хан повел ее к столику, где для девушки немедленно подготовили место и подали блюдо с жареным мясом. Пока она ела, Хан представил ее. Ела Лизендири очень медленно и осторожно, но к концу вечера перед ней стояли три пустые тарелки из-под мяса, две — из-под овощей и три пустых кружки пива. Она почти не говорила, лишь изредка кивая в ответ на отдельные замечания, и удивленно поднимала брови, слыша, как Хан бегло говорит на Синглспиче.

Наконец, с пищей было покончено. Все четверо немного поговорили, а затем Дарленгдир и Бразенгиль отправились спать, сказав, что им нужно завтра рано отправляться в дорогу. Хан и Лизендири остались одни. Она сидела тихо, глядя в ничто, погруженная в свои мысли. Глаза ее затуманились и затем закрылись. Она откинулась на спинку глубокого кресла. Хан оплатил счет, поднял ее и понес в комнату. Девушка была легка, как перышко.

Спала она три дня очень глубоким сном, и лишь по ее дыханию можно было сказать, что она жива. Пока она спала, Хан промыл и смазал ее раны и царапины. Помогал ему в этом аптекарь, живший в соседнем доме. Постепенно краска вернулась на ее кожу, мышцы стали более упругими. К вечеру третьего дня она проснулась. Долго она ничего не говорила и лишь смотрела в окно, выходящее на площадь, где располагался базар, и на котором торговали люди и леры. Она видела перед собой сцену, кото-

рой по меньшей мере десять тысяч лет. Потом заговорила.

— Ты, наверное, сам понял, что я проиграла, и это стоило нам корабля.

— Сказать по правде, меня больше беспокоило твое состояние, а не корабль.

— Ты очень добр. Но, увы, корабля у нас нет, однако он вернется сюда. Нас могут взять в плен, а если не найдут, мы навсегда останемся здесь. Кроме того, я теперь калека.

Она вытянула руки. Кисти распухли, и Хан ощутил, как в нем шевельнулась острые жалость — они были сломаны.

— Да. Вот так.

После этого она снова замолчала надолго, но постепенно разговорилась, и он узнал, что произошло. После того, как Хан улетел, она начала охотиться за Хатингаром, стараясь поймать его в ловушку. Это ей удалось. Она даже обезоружила его, но не воспользовалась пистолетом. Хатингар застал ее врасплох и повредил руки. Нечеловеческим усилием ей удалось вырваться от него, но она узнала, что теперь ей придет конец, она не сможет убить его. Поэтому при первой же возможности она покинула корабль с помощью спасательной гондолы. Хатингар не препятствовал ей, он полагал, что Лизендер не выживет.

Однако она выжила и приземлилась где-то на западе, в необитаемой дикой степи. Пищевые концентраты оказались для нее не подходящими. В пище было что-то лишнее или, наоборот, чего-то не хватало. И она начала охотиться, хотя для нее это было теперь трудно. Черви, листья, плоды, мелкие животные — все это стало ее пищей. Наконец, она добралась до одинокой деревушки, где услышала рассказ о потерпевшем крушение космопилоте, который некоторое время здесь жил. Она не стала ждать, а сразу отправилась в путь, идя напрямик, чтобы сократить расстояние. К тому времени, как она добралась до города, она уже полностью выдохлась. Ведь ей пришлось пройти по бездорожью почти полторы тысячи миль. Однако она выдержала это, несмотря на плохую пищу.

Под конец она сказала:

— Больше я ничего не узнала. У Хатингара мне ничего не удалось выяснить. Я даже думаю, что это не настоящее его имя. Но мы проиграли. И если бы появилась возможность немедленно улететь с планеты, ею необходимо было воспользоваться. Люди знают, что мы оба живы, и когда Хатингар вернется, он не оставит нас в покое.

Впервые Хан услышал от нее признание в поражении.

Она приподняла простыни и посмотрела на свое обнаженное тело. Оно было чистым. Раны промыты и смызаны, некоторое совсем затянулись, и остались только небольшие шрамы.

— Это ты сделал?

— Да. Тебе пришлось многое перенести. Я решил, что лучше я позабочусь о тебе, чем кто-либо из посторонних. Я и сейчас плохо знаю твой народ, но все же гораздо лучше, чем тогда, когда мы встретились впервые.

Он говорил на ее языке и, запинаясь и спотыкаясь, рассказал ей все, что произошло с ним за время их разлуки.

Она внимательно выслушала, затем сказала:

— Да, ты многое узнал, многое понял. Хотя у тебя ужасный акцент, мне приятно слушать тебя.

Она протянула к нему руки, крепко обняла. Хан был смущен таким внезапным всплеском эмоций у Лизендири. Это было нетипично для нее. Видимо, долгие лишения ослабили ее волю и умение владеть собою.

Она поняла, о чем думает Хан.

— Я была одна, абсолютно одна. Никогда раньше я не чувствовала себя такой одинокой. У меня перед глазами всплывали воспоминания. Старые друзья, старые любимые. Ты. И вот я нашла тебя. И ты теперь не просто человек, ты говоришь на моем языке, лечишь меня, моешь мое тело. Теперь нам осталось только вместе лечь в постель, и тогда ты станешь самым близким для меня, и я даже смогу назвать тебе мое имя, которое знают только мои самые близкие друзья.

Он позволил ей выговориться, и она постепенно погрузилась в размышления. Хан поднялся, покопался в гардеробе и нашел одежду, укрупненную вышитыми цветами и листьями, которую купил для Лизендири.

— Я знаю, это не твой стиль, Лизендири, но я решил, что эта одежда не привлечет ничьего внимания, когда мы отправимся в путь. Может быть, тебя примут за местную. Впрочем, такая пара, как мы, не может не привлечь внимания.

Она откинула голову, расхокоталась, затем внезапно замолчала. Она снова стала сама собой, приобрела уверенность.

— Так что мы будем делать?

— Я знаю, что вероятность появления корабля здесь чрезвычайно мала. Вряд ли мы сможем покинуть Челседон в обозримом будущем. Наш Палленбер был первым

кораблем, прилетевшим сюда после Ефрема. Челседон слишком далек от грузовых линий. Если Воины не вернутся, мы сможем дождаться корабля.

— Где?

— Думаю, лучше всего в горах, где мы договорились встретиться.

— Да. Мы не можем ждать корабля в Столице, но в горах нам ничего не грозит. Нет другого выхода, пока я в таком состоянии. Нужно выиграть время.

— А если мы не дождемся корабля, Лизендири? — он не закончил, ибо хорошо знал, что будет тогда. Им придется идти каждому своим путем, путем его народа.

Что-то неопределенное сформировалось в их отношениях.

— Я знаю, — это было все, что она ответила.

V

События развиваются по определенным законам соответствия со своей природой. Исходя из этого, изменения и трансформации становятся обязательными.

Цзи Цзу Тянь, «Вступление»

Хан и Лизендири оставались в гостинице несколько дней. Лизендири восстанавливалась силы для путешествия. Руки ее зажили, хотя и не полностью восстановили свои функции. Видимо, такими они останутся до конца жизни. Лизендири больше не создавала ситуаций, могущих привести к интимным отношениям, да и Хан старательно избегал их.

Они отправились в путь, погрузив продовольствие, купленное Ханом, на вьючное животное. Это животное, меньшего размера, чем те, что тащили повозку с товарами на рынок, обладало весьма своеенравным характером.

Ни Лизендири, ни Хан не имели опыта в обращении с животными, но постепенно им удалось заставить упрямца делать то, что они хотят. Однако поначалу он доставил немало хлопот. Лизендири в ярости даже как-то сказала Хану:

— От него по крайней мере будет польза. Когда у нас кончатся запасы, мы сможем съесть его!

И вол по тону замечания понял, что ничего хорошего

его не ждет. Он поднял голову, опустил уши и с тех пор стал вести себя более или менее прилично.

Они ехали в горы — туда, где у них была назначена встреча. Странно, но Лизендири вовсе не хотелось покидать город, однако не возражала, понимая необходимость такого шага. Ведь они привлекали слишком много внимания, возбуждали слишком много любопытства. Леры и люди жили на Челседоне в мире, но разобщенно.

Хотя Хан и Лизендири не были в интимных отношениях, но с этой новой встречей между ними возникла иная, духовная близость. Лизендири стала более мягкой, менее требовательной, как бы не очень уверенной в себе. Иногда своими неожиданными капризами, внезапными поворотами в разговоре она напоминала ребенка. Но Хан ощутил перемену не только в ней, но и в себе.

Дорога, по которой они двигались, была пустынной. Редко встречались путники или повозки. Те случайные, кто видели их, с изумлением смотрели на странную пару. Пока они шли, Хан разрабатывал план действия.

— Мы не можем жить в Столице. Совершенно очевидно, что там есть шпионы. И, тем не менее, мы должны обосноваться где-то поблизости, чтобы не прозевать корабль. Хорошо бы заняться сельским хозяйством, но ни ты, ни я не обладаем для этого достаточными знаниями. Лучше было бы добывать золото в горах. Здесь оно мало ценится, но все-таки прокормиться можно. Пишу будем покупать на окраинах городов.

— А что если корабль так и не приземлится? — спросила она с тревогой.

Он долго не отвечал, хотя ответ ему был известен. Наконец, заговорил.

— Если так случится, то через несколько лет ты станешь чьей-то женой. Войдешь в клан.

Они замолчали, и надолго.

Вскоре дорога пошла в гору. Еще несколько дней пути — и показались две вершины, к которым они направлялись. Последний раз они их видели еще в городе, казалось, несколько лет назад. В этом мире долгих суток и отсутствия времен года времяискажалось.

Они свернули с дороги и поехали через рощу, отыскивая место, пригодное для стоянки. К своему удивлению, они скоро наткнулись на заброшенную хижину. Она была небольшая, но довольно крепкая и не лишена некоторого

комфорта. Вблизи по песчаному руслу протекал ручеек. По всему было видно, что тот, кто построил эту хижину, давно покинул эти места.

Хан предположил, что здесь был один из первых переселенцев, который решил добывать золото. Но этот промысел на Челседоне не был прибыльным. Золота было много, и ценилось оно только в порту, да и то когда прибывали торговые корабли, так что обогатиться здесь за счет золота было невозможно. Вероятно, одинокий золотоискатель заболел и, не получив помощи, умер. Лизендири согласилась с этой версией, но добавила:

— Я не боюсь, что он вернется. Совершенно ясно, здесь давно никто не живет. Он ушел или умер много лет назад. К тому же мы не знаем, сколько лет назад заселен Челседон. Я думала, совсем недавно, но, кажется, это не так.

— Да. Даже в той деревушке леров, где я жил, никто не знает Общего Языка. Это не значит, что они просто забыли его — память у леров очень хорошая, нет, они его просто не изучали.

— Ты высказываешь такие предположения, которые я не рискую даже обдумывать.

— Посуди сама. Челседон всегда был окутан тайной. Нас послали сюда, ничего не объяснив. Дальше. Хетрус был главой людей на этой встрече. А кто был главным у леров? Разумеется, не ты — ты слишком молода. И не Вальваркой, и не Ленкуриан. И не тот, кого мы считаем шпионом и который стремился уничтожить нас. Кто же остается? Дефтендар Срит. Кто она и что знает?

— Это старая мудрая женщина. Кроме этого я ничего о ней не знаю. Скоро ее возведут в ранг мудреца, и она станет пятнадцатой из них. Сейчас их четырнадцать.

— Значит, мы просто открыли двери на эту планету, но куда идти дальше, не знаем.

Следующие несколько дней они старались сделать хижину пригодной для жилья. В часы отдыха они исследовали окрестности. В одну из этих экспедиций вблизи истока ручья Лизендири нашла скелет. Она внимательно исследовала его и объявила, что это человек, а не лер. У леров отсутствуют зубы мудрости. Хан не был суеверен, но все же ему стало не по себе. Лизендири, напротив, сочла это добрым предзнаменованием. Настроение ее заметно улучшилось. Хан удивился.

— Это хороший знак,— заявила она.— Объясню по-том.

Хан приготовился слушать, думая, что это будет долгий разговор. Он начал подозревать, почему так статично общество леров: они тратят всю энергию на производство следующего поколения и сохранения его для будущего.

Она продолжала:

— Знаешь, после того, как у лера появились дети и он вырастил их, он становится свободным и может делать все, что хочет. Многие остаются одинокими. Когда такой лер чувствует, что его конец близок, он делает над собой цанзираф. Иногда он после этого не умирает — это означает, что время его еще не пришло. Если же умирает, то своей смертью избавляется от всех проблем. При этом он остается лежать там, где упал. Мы не хороним своих мертвцев — они распоряжаются собой сами. Такова наша высшая религия. Тело возвращается земле. Найти скелет — хороший знак, это значит, что кто-то успешно завершил свой жизненный путь.

— Но это же скелет человека, а не лера. И он не был удовлетворен жизнью. Скорее всего, спятил.

Она отмахнулась.

— Ну и что? Подумай, разве может человек, живущий в мире с самим собой, путешествовать в космосе, а затем уйти один в необитаемую пустыню? Я знаю, что такое тяга к золоту. Но даже она не может изменить природу человека. Ты способен жить один? Нет, скажешь ты, и приведешь тысячу причин: ты молод, хочешь жить в обществе, иметь подруг, друзей... Я это знаю, потому что чувствую то же самое. Я не могла бы жить одна.

Она замолчала, задумалась. Затем продолжила.

— Может быть, он был жаден и не удовлетворен, но раз он остался здесь, значит сумел заглянуть в себя: люди иногда умеют делать это, хотя не так часто, как мы. В противном случае он не остался бы здесь, вернулся в город, чтобы умереть там.

Хан вынужден был признать — независимо от того, хороший это знак или нет, — что место, где они решили обосноваться, очень красиво. Хижина находилась недалеко от гребня, над которым возвышались две вершины, видимые из Столицы. Вокруг росли деревья, кусты, весело журчал ручей, прокладывая себе путь в ложбине. Солнечные лучи играли среди горных вершин, в долинах между ними медленно плыли облака, легкий ветерок едва шевелил ветви деревьев. Вид на вершины был великолепным. Это

необитаемое место располагало к раздумьям, умиротворению, полному внутреннему покоя.

Через несколько дней оба поняли, что перед ними обоими встало проблема сущности их отношений. Живя бок о бок в тесной хижине, они сближались не только эмоционально. Оба ощущали физическую тягу друг к другу. Однажды вечером после ужина, готовясь ко сну, они решили обсудить это.

Разговор начал Хан, который заявил, что его влечет к ней гораздо сильнее, чем тогда, на корабле. Лизендири рассмеялась.

— Ну так что? Ты жил несколько месяцев среди женщин-леров, и они ведь не пытались изнасиловать тебя?

— Но ты же знаешь, что у нас с тобой все совсем не так?

— Конечно.

Она надолго замолчала, но Хан не отказался от мысли поговорить серьезно. Он понимал, что Лизендири чем-то глубоко встревожена, но не могла или не хотела открывать причину волнения. Он попытался подойти к запретной теме, расспрашивая ее о народе, о ней самой. Хан многое понял за время, когда жил среди леров, но многое еще не понимал и не мог это сделать без ее помощи. И она стала предельно откровенной.

Он начал издалека:

— Я всегда думал о лерах, как о чужой расе, настолько чужой, что люди не могли с ними сродниться. И это разделяет нас с тобой.

— Нет, совсем нет. Между нами гораздо больше различий, чем ты думаешь. И основа этих различий в том, что твой народ забыл, откуда произошел, а мой — нет. И никогда не забудет. У людей перед нами огромное преимущество: они не знают, как появились. Люди просто следуют по пути эволюции и стараются заполнить часть неведомой им истории мифами, в которые по существу не верят. И тем не менее эти мифы существуют. Вы возникли из первобытного хаоса. О себе мы не можем этого сказать. Мы сделаны искусственно! Обычный продукт цивилизации. Ваши ученые, создав нас, так же бездумно играли с законами вселенной, как ребенок со спуском нейтронного пистолета. Прагматизм! Эксперименты! И полное пренебрежение законами развития живой материи.

Она была вне себя от ярости.

— Хан, они хотели узнать, смогут ли вывести супермена искусственно и играли со структурой ДНК, перестраивали ее. Они вырастили в своих лабораториях новое поколение, не имеющее вековых традиций. Эволюция бесконечно разнообразна, Хан, и никто не знает ее законов. Ни люди, ни леры. Поэтому когда людям удалось создать новую форму жизни, они были бесконечно удивлены. Да, это оказалось чуть ли не магией. Они сами по себе смогли достичь следующей резонансной частоты, как в музыке следующего полутона, хотя совершенно не имели понятия о законе построения музыкальной гаммы. Вернее, следующего аккорда. Или, как в физике, следующего стабильного состояния элемента. Магия, магия. Я содрогаюсь от страха, думая об их опасной игре при полном незнании того, к чему она может привести. Но они были счастливы, когда им удалось сделать это. У людей была за спиной тысячелетняя культура, мы же одним скачком из ничего оказались во втором веке атомной эры. Из ничего! Затем люди заметили, что не могут иметь от нас потомства. Это было ударом. Они смогли создать супермена, но ничего хорошего из этого извлечь не удалось. Суперирония! Они сделали невозможное, но никакой пользы для себя не получили. Они стали как бы родственниками леров, но находящимися в далеком прошлом. Леры оказались не такими, как люди. Может быть, не лучше и не хуже... Просто не такими. Шесть тысяч леров с низким уровнем рождаемости, таким низким, что пришлось вырабатывать систему браков и семейных отношений, дабы немного увеличить число себе подобных. Шесть тысяч на планете, которую населяют пятнадцать миллиардов человек! Поэтому леры бежали с Земли. Действительно, мы обладаем некоторыми способностями, которых вы не имеете. Например, память. Мы тоже можем забывать неприятное, но если для вас это только сдвиг в далекие области мозга, для нас — полное стирание. Поэтому нам приходится быть крайне осторожными — ведь по неосторожности можно потерять и полезные сведения. Правда, это исключает саму возможность пыток — ведь каждый может при необходимости забыть все, что пожелает. У нас более широкий спектр видения — существуют еще два цвета помимо семи. Однако мы не способны видеть в темноте, наш день кончается с наступлением сумерек. А низкая рождаемость... Но утверждают, что закон эволюции гласит: чем выше форма жизни, тем сложнее условия ее воспроизведения. Да и еще многое отличий, вплоть

до внешнего вида. Вы очень завидуете тому, что мы долго выглядим молодыми. Но зато мы меньше времени проводим в зрелости. И секс в юности. Он дан нам вовсе не для удовольствия, а с целью — для того, чтобы в зрелости, которая у нас длится сравнительно недолго, мы не отвлекались на секс в ущерб полезной деятельности. Да, в юности мы испытываем двадцать интенсивных лет телесной любви — но бесплодной, совершенно бесплодной. А потом приходится связывать жизнь с тем, кого тебе назовет совет, а не с тем, кого хочешь ты.

— А если любишь? Что тогда?

Она коротко рассмеялась, но веселья в смехе не было. Она чуть не плакала.

— Тогда наша жизнь становится мукой. Ведь мы наделены памятью и помним все до мельчайших подробностей. Наша память — наше проклятье. Вот почему я не хочу иметь дела с тобой. Я просто хорошо помню остальных. Ты видишь во мне просто возможность развлечься. Это безответственность. Как потом придется расплачиваться за это! Подумай, у тебя есть любимая, и ты наслаждаешься с нею. Затем приходит зрелость, и тебя разлучают с нею, а когда вы снова свободны, вы уже стары и вам приходится только вспоминать, как все было.

— А почему бы вам не соединяться просто по любви?

— Это невозможно. Вопрос в генах. Они могут быть нестабильными, а рисковать нельзя. Это может привести к появлению мутантов, субрас. Ведь у искусственно выведенной расы большая вероятность мутаций, и, следовательно, нужно тщательно выбирать производителей потомства.

Она замолчала.

Стало совсем темно, и Хан видел только бледное пятно ее лица. Сейчас Хан видел ее лучше, чем она его, хотя, конечно, она могла с большой точностью определить его местонахождение по звукам и запахам. Где-то вдали слышались крики незнакомых зверей. Лизендири вздохнула.

— А теперь поговорим о нас. У тебя ко мне не просто плотское желание, а нечто более глубокое. Я тоже молода и жажду любви. Для меня ты слишком примитивен, хотя и не лишен приятности. Мои чувства к тебе более сильны, чем когда-либо, и мне будет нелегко забыть тебя. Но между нами ничего не может быть. У нас не будущего. Разве ты сам не видишь?

Хан ответил не сразу. Он и сам ощущал нечто подоб-

ное. Он знал, что любовь для него перестала быть развлечением, игрой, стала чем-то очень серьезным. Но возможна ли любовь между ними?

Он спросил:

— Правда ли, что ваш любовный акт длится дольше, чем наш?

— Конечно. И дольше, и чаще. Так что любовь будет мукой для нас обоих. Что может получиться из нее, кроме того, что ты сожжешь мое сердце и измучаешь себя?

Он и сам думал о том же. Ответа на поставленный ею вопрос он не знал. В тесной хижине нарастало напряжение. Чтобы разрядить его, он встал и начал убирать посуду после ужина. Лизендири вышла из хижины, и вскоре Хан услышал, как она плещется в ручье.

К тому времени, как он завершил свои дела, вернулась Лизендири, одетая в чистое платье. Старое она повесила сушиться. После нее пошел купаться Хан. Ледяная вода не погасила его пыла, огня, который горел в нем.

Ночь была необычно холодной. Хан взобрался на ближайший холм и посмотрел на юг. Где-то вдали зародилась гроза. Она уже приближалась к Столице, заволакивая ее огни черными тучами. При слабом движении ветра в атмосфере Челседона гроза могла часами висеть на одном месте. Изредка вспыхивали молнии, но гроза была слишком далеко, и до них не доносились раскаты грома. Хан вздохнул и вернулся в хижину.

Его встретил возбуждающий запах женщины. Хан не стал подавлять своих чувств.

— Лизендири?.. — он подождал, затем позвал снова:

— Лизен...

Имя странно звучало в темноте хижины.

В углу что-то зашевелилось, он разглядел светлое пятно ее обнаженного тела.

— Я ждала, что ты позовешь меня, — мягко сказала она.

В голосе ее было столько нежности, он никогда не ощущал ничего подобного раньше.

— Лизен, не будем отказываться от счастья, оно рядом.

Он коснулся ее гладкой белой кожи. Она была холодная, как ночной воздух, но под нею бушевало пламя. Она произнесла что-то еле слышно, но Хан не понял: Мультиспич. Он опустился возле нее на колени, коснулся бедра. Он понял, что она сказала, хотя не знал языка: это был зов, страстный, нежный.

Хан почувствовал, как желание овладело им, разорвало тиски реальности, лицо ее светилось в темноте бледным притягивающим пятном. Почему она всегда казалась ему не женственной? Нет, это была настоящая женщина. И прежде чем он совсем потерял голову, он задал глупый вопрос:

— Ты целуешься?

Она ответила быстрым, внезапным движением. Хан уже не мог больше ничего сказать. Все исчезло, кроме одного,— темноты вокруг и огня внутри.

С той ночи между ними возникли совершенно новые отношения. Поглощенные эмоциями, они стремились удовлетворить ненасытную жажду друг друга. Время исчезло для них. Хан видел, как поднимается и садится солнце Чеседона, но это для него ничего не значило. Они ели, спали, занимались любовью. Лизендири была ненасытна. Хан не мог сравниться с ней в этом. Он старался, как мог, но в конце концов полностью выдохся. Он не знал, сколько времени проспал, но когда проснулся, было уже утро. А, может, вечер. Он не был в этом уверен. Он попытался вспомнить, в какой стороне встает солнце, и не смог. Прошло время, тени заметно удлинились. В своих руках он почувствовал что-то теплое. Это была Лизендири, которая спала, глубоко дыша. Ощущив его движение, она тоже проснулась. Глаза ее были чистые и ясные. Она потянулась, улыбнулась. Хан заметил движение мышц под кожей. Они не говорили ни о чем. А разве можно выразить словами то, что произошло?

Так текло время, которому, казалось, не было конца. Они мало разговаривали, не рассказывали друг другу ничего, не выясняли. Они потеряли счет дням, не замечали их. Существовало только настоящее, прошлое исчезло, будущего не было. Они остались одни во всей вселенной...

Они испытывали высочайшее наслаждение, делая самые обыкновенные вещи: готовя пищу, убирая посуду. Погода была хорошая, и Лизендири все время ходила обнаженная. Хан восхищался ее крепко сбитым грациозным телом. Движения ее были мягки, экономны, плавичны. Она походила на женщин восточных рас, только лицо и волосы были другими, а кожа цвета слоновой кости, слегка оттененная розовым.

Она не была требовательной. Ведь и Хан, и она знали, что он не в силах удовлетворить ее. И Лизендири щадила его.

Вскоре им пришлось позаботиться о пище. Хан добывал немного золотого песка и сходил к окрестностям столицы. Там он продал его и закупил провизию. Однако ему не удалось выяснить ничего нового о Воинах.

Снова их жизнь потекла по прежнему руслу.

Постепенно они снова стали разговаривать. Сначала вспоминали короткие смешные случаи из прошлого, потом серьезно обсуждали проблемы, которые стояли перед ними сейчас.

Был теплый вечер. Легкий туман, окутывавший планету, позволил сохранить дневное тепло дольше, чем обычно. Они сидели возле ручья, прижавшись друг к другу, и разговаривали.

— Теперь мы с тобой любовники. Можешь называть меня ласково — Лизен или Изеди. Это доставляет мне удовольствие. Ты для меня — самое приятное, что было в моей жизни. Однако, скорее всего, корабль не придет, и все кончится так, как мы предполагали.

— Я хочу забыть об этом, Изеди.

Хану нравилось это имя, оно напоминало обо всем, что возникло между ними.

— Я тоже, милый. Но мое тело не может забыть. Я уже сейчас чувствую, что изменения начались. Пока маленькие, но изменения. Сколько времени еще осталось?

— Ничего не знаю, кроме того, что мне хотелось бы жить с тобой вечно.

Она, колеблясь, заговорила:

— Чем ближе будет период моей способности деторождения, тем меньше я буду хотеть тебя. Ты не способен заполнить во мне пустоту, сам знаешь. Но, слушай, мы можем обещать друг другу, что после того, как я выполню свое предназначение, вернусь к тебе и ты примешь меня. Что такое наша жизнь, если не постоянное ожидание счастья? Только идиот может думать, что жизнь — это выполнение долга.

Она глубоко вздохнула, посмотрела на него.

— Ты еще многое не знаешь, и я постепенно расскажу тебе, что для каждого из нас является символом. Мой символ — огонь, он ассоциируется с волей — и я всегда поступаю так, как хочу.

Он долго размышлял. Одно дело поклясться в любви сейчас, и совсем другое — пообещать любовь после сорока

лет. Кто может знать, каково его будущее. А сейчас перед глазами Хана была стройная обнаженная женщина, которую он любил.

— Хорошо. Для меня все это очень необычно, но я обещаю ждать.

— Тогда я вернусь к тебе. Ты будешь летать среди звезд, торговать, но я буду знать, что когда придет время, ты будешь со мной.

Они замолчали, глядя на бурлящий ручей...

Немного погодя Хан поднялся и пошел на вершину холма, чтобы посмотреть и подумать, что их ждет, когда они постареют. Взобравшись наверх, он посмотрел на юг и почувствовал холодок на сердце. Над городом медленно двигались огни. Хан знал, что это могло означать только одно.

Он долго стоял, глядя на огромный корабль, истинных размеров которого он не мог определить. Лизендири, обеспокоенная его долгим отсутствием, тоже поднялась на вершину. Однако он даже не обратил внимания на нее, пока она не дотронулась до его руки. Она не произнесла ни слова и только смотрела на огни, как и он.

Наконец, она горько произнесла:

— Это корабль.

— Думаешь, они прилетели за нами?

— Я знаю это так же точно, как то, что нам не скрыться от них. И даже если бы у меня были здоровые руки и ты был бы вооружен до зубов, мы ничего не смогли бы сделать, так как их слишком много.

Как бы в ответ на ее слова, корабль начал медленно набирать высоту, направляясь к северу, к ним. Хан заметил это и начал лихорадочно собираться. Лизендири положила руку на его плечо.

— Не сейчас. Они не могут заметить нас с корабля.

Темная масса и огни двигались к северу среди облаков. Вскоре они исчезли в темном небе.

Лизендири повернулась к Хану.

— Идем в хижину. У нас есть еще одна ночь.

Хан думал, что ему уже не проснуться. Они оба знали, что это их последняя ночь, и взяли от нее все, что могли. Под конец он уже лежал рядом с ней совсем без сил, ощущая тепло ее нежного тела. Наконец, он встал, вышел из хижины и пошел к ручью.

И тут он почувствовал, что не все в порядке. Он оглянулся. Хатингар! И еще много других. На склоне стоял

Паленбер, сверкая металлическими частями в лучах солнца. Хан оглянулся на хижину. Лизендири стояла на пороге, глядя на него.

Тишину нарушил Хатингар:

— Браво, браво! Вы понимаете тщетность сопротивления. Вам не удастся ни бежать, ни сражаться. У вас нет никаких надежд. Вы хотели бы знать, как я нашел вас здесь? Очень просто. Никакой магии, никакой техники. Просто хорошие уши. Я слышал, как вы договаривались встретиться здесь, и тоже пришел сюда. Я согласен с вами — мне тоже нравится это место.

— Что вы хотите от нас? — спросил Хан.

— О, бояться вам нечего. Конечно, мне хотелось бы отомстить за тот урон, что она нанесла мне. И при других обстоятельствах я не преминул бы сделать это. Однако она искусный воин, и в данном случае я готов забыть свои личные счеты. Такие, как она, весьма ценное приобретение для Воинов Рассвета.

— Я не собираюсь помогать вам, — ровным голосом сказала Лизендири. — Я постараюсь забыть все, чему была обучена, и вы ничего не сможете сделать со мной.

Это была действенная угроза. Ведь она могла спокойно стереть все из своей памяти. Тело останется, но Лизендири в нем не будет.

Хатингар заговорил:

— Я думаю, что ты ничего с собой не сделаешь. Ведь здесь твой любимый. Ты же не захочешь, чтобы с ним обошлись грубо? Сама ты можешь избежать муки, но не может он. А если дело дойдет до этого, ему никто не сможет позавидовать. Но давай не будем опускаться до этого. Кроме того, я не делаю ничего особенного. Ты, Лизендири, будешь рожать и обучать Воинов. Переходи к нам. Все равно Воины скоро завоюют вселенную.

— А как насчет меня, Хатингар? — спросил Хан.

— Ты не представляешь большой ценности. Может быть, ты сведущ в технике, но меня это мало интересует. Я продам тебя на рассвете. Но, может быть, если ты будешь хорошо вести себя, я продам тебя ей, — сказал он, показав на Лизендири. — Если, конечно, ей подойдет моя цена. Ты — коммерсант, я — тоже.

Хан краешком глаза заметил, что корабль Воинов возвращается с севера. Он увидел, сколь громаден корабль. Он намного превосходил размерами все известные ему корабли. Огромный конус, а вокруг него метеориты, один из них диаметром в полмили.

— Вас поражает наш корабль и вооружение? — спросил Хатингар. — Это хорошо. Это наше оружие. Для него не нужно взрывчатки, запалов и так далее. Просто старое доброе железо, настоящее оружие Воинов... Когда нам нужно, мы исключаем метеорит из поля гравитации корабля, он вонзается в планету, оставляя прекрасные кратеры, чистые, ровные, диаметром в несколько сотен миль и глубиной в несколько. От такого оружия нельзя укрыться, спрятаться, защититься. Скоро мы совершим нападение на цивилизацию людей и леров. Нам нужны корабли, хотя мы вполне могли бы обойтись и одним.

— Леры никогда не пойдут с вами, — спокойно сказала Лизендири.

— Тогда мы уничтожим их. Мы не боимся вашего нового оружия, с помощью которого вы можете взорвать звезды. Ведь вы не знаете, где мы живем.

От тела корабля Воинов отделился маленький корабль. Но он был маленьким только по сравнению с этим. На самом деле он был не меньше, чем Паленбер, корабль, который привез сюда Хана и Лизендири.

Без дальнейших разговоров Хатингар погнал их на этот корабль, как только он приземлился. В каюте, куда их загнали, не было окон, и они ничего не могли видеть. Полет длился некоторое время, затем шум двигателей стих. Хана и Лизендири, тщательно охраняемую, провели по разным коридорам.

Вскоре Хан очутился в маленькой каюте, скорее, камере, правда; лишенной удобств. Дверь за ним закрылась, и тут же его бросило на пол сильнейшим толчком. Видимо, корабль начал набирать скорость. Затем все более или менее установилось, и Хан понял, что корабль вышел на курс.

VI

Вожделение вызывается лицом, а не телом или какими-либо частями.

Фелириан Дарен

Интенсивность любви прямо пропорциональна тому, насколько партнеры знают друг друга.

Ласкормаль Стрит

Мы всегда интерпретируем новое в терминах старого и в зависимости от этого приходим в ужас или получаем успокоение. Но наша главная беда не в том, что мы не можем правильно оценить его. Никто не будет спорить, что круги на воде — от брошенного камня волны, хотя и маленькие. И слабый маг, умеющий только предсказывать погоду, не способен внушить ужас, но маг, обладающий большим могуществом, поистине опасен.

Руководство к выживанию

В течение долгого времени Хан находился в полном неведении. Пишу, хотя и невкусную, через определенные интервалы подавали в отверстие в стене. Никаких неприятных или болезненных ощущений у него не было. Правда, ему показалось, что еды дают больше, чем требуется. Вероятно, эта пища была предназначена для тех, у кого потребности в калориях выше, чем у людей. Может быть, для леров. Действительно, он уже убедился, что Лизендер ест гораздо больше, чем он. И он вспомнил обжигающий жар ее тела... Хан не мог съесть то, что ему давали, но он прятал остатки на будущее. Кто знает? Может, его перестанут кормить.

Шли дни. А может, недели. У Хана не было возможности отсчитывать время, и ему казалось, что оно тянется невыносимо долго. Свет в его камере горел все время. Он знал, что это опасно для его разума, но был уверен — леры не хотят довести его до безумства. Время от времени на него приходили смотреть Воины. Они обычно являлись по трое, и, как у всех леров, пол их был выражен очень нечетко. Однако Ефрем был, несомненно, прав в одном — они действительно выглядели, как варвары. И мужчины, и женщины были в татуировке, волосы их были украшены перьями, лентами и прочей ерундой. Никто из них не говорил с Ханом.

Хан начал заниматься собой, чтобы не сойти с ума.

Он старался представить себе корабль по звукам, которые доносились до него. И тут к нему внезапно пришла мысль, которая полностью захватила его: этот корабль, огромная крепость, вокруг которой врачаются метеориты и которая способна уничтожить целую планету, на самом деле очень стар и непременно разрушится. Только умелый уход за кораблем позволял ему еще держаться. Сколько же лет этому кораблю? Он не имел понятия. Сотни, а может, и тысячи. Хан вспомнил рассказ Лизендира о Санзирмии. Потом прислушался.

Корабль стонал и сотрясался, изредка угрожающе поскрипывая. Хан пощупал переборку. Кажется, его камера сделана совсем недавно. Впрочем, все корабли время от времени подвергаются переделкам. Однако поверхность стен была обработана очень плохо, грубо.

Скрип и треск не прекращались. Он обратил внимание, что система снабжения воздухом временами прекращает работать. Хану было трудно дышать, к тому же в камере чем-то запахло. Все предвещало нечто плохое. Скрип становился все громче. И вдруг — тишина.

Прошло немного времени, и, к удивлению Хана, на пороге его камеры появилась Лизендир. За плечами у нее был мешок, набитый, видимо, пищевыми концентратами, лук и колчан со стрелами. Она протянула лук Хану. Лук? В космосе? Однако он принял его без возражений. Первое, что он сделал, это приготовил лук, вложив стрелу с грубым, но острым наконечником. Лизендир выглядела, как обычно. Вероятно, с ней за это время не произошло ничего плохого.

— Идем! Молчи пока. Ты не поверишь, но, мне кажется, мы можем сбежать отсюда. Мы на Рассвете.

В коридоре появился охранник. Увидев их, он замер от неожиданности. Хан без колебаний выстрелил в него. Украшённый перьями Воин рухнул на пол, издав лишь легкий стон. Лизендир взглянула на Хана, но он не смог понять, одобряет ли она его действия. Однако ведь она сама дала ему оружие и, значит, имела в виду, что он им воспользуется.

Он перезарядил арбалет, пожалев, что оружие однозарядное, и поспешил за Лизендири. Они долго шли по длинным коридорам и в конце концов очутились в рубке корабля.

— Ты сможешь управлять им? — спросила Лизендир.

— Не знаю. Черт возьми, здесь все надписи на языке леров.

— Это старое письмо. Мы такое давно не используем. Но я попытаюсь прочесть. Посмотрим...

Она переводила надписи на кнопках управления. Затем нажала одну из них и перед ними открылся люк, ведущий наружу. Корабль, а он оказался маленьким спасательным катером, медленно тронулся. Хан стал у штурвала. Управлять оказалось делом сложным: рычаги слишком чутко отзывались на его движения...

Но вот они уже летят над долиной, плоской, как стол, в пронзительных слепящих лучах света.

Хан смотрел вниз. Ему показалось, что он видит деревья, хотя он не мог сказать этого с уверенностью. Расстояние было слишком велико.

Свет был очень яркий, голубой, такого он никогда не видел раньше. Ослепительное солнце сияло на безоблачном ярко-фиолетовом небе. Все предметы отбрасывали резкие острые тени, и Хану даже показалось, что о них можно порезаться. Невозможно было сказать, какое сейчас время суток, утро или день. Далеко внизу виднелась громада корабля. Вокруг него на земле лежали метеоры.

— Он приземлился здесь для ремонта, — сказала Лизендир. — Корабль совсем разваливался, и им даже не удалось дотянуть до своей страны — она за тысячу миль отсюда, на другой стороне планеты. Здесь на корабль напали какие-то племена, вооруженные пушками и химическими ракетами. Они нанесли лишь небольшие повреждения, но Воины пришли в ярость и бросились в бой, как орда маньяков. Вероятно, они очень дорожат этим кораблем-монстром. Смотри!

Хан взглянул вниз, на долину, где шла битва. Он не мог с такой высоты видеть подробности, но зрелище было впечатляющим. В битве участвовали два отряда, даже вспадники, хотя Хан не мог рассмотреть, на каких животных они сидят.

Когда они удалились от поля битвы, он сказал:

— Значит, мы на Рассвете?

— Да. Я думаю, что на этой стороне планеты живут те, кто не хочет подчиняться Воинам. Не знаю, может, Воины не могут подчинить эти земли или просто не считают нужным. Вообще-то здесь живут люди, а не леры. Это они напали на корабль. У Воинов есть даже термин для них: клеши, что означает одомашненные звери.

Хан снова взглянул назад. Там взметнулось вверх облако черного дыма. Немного погодя донесся звук взрыва, и тут же вокруг корабля показались зеленые языки пламени.

— Это сигнал вызова! — воскликнула Лизендири.

Отряды Воинов стали собираться возле небольших кораблей, сошедших с огромного корабля, вокруг которого уже стали вращаться мелкие метеориты. Затем один за другим они стали обрушиваться на долину.

Лизендири сказал:

— Они еще не знают, что мы сбежали. Оставили меня в рубке управления с тремя охранниками. Это была ошибка. Теперь Воинов стало на три меньше.

Она усмехнулась, злобно оскалив зубы.

— Один лер не может управлять этим монстром. Тут нужна команда. Поэтому я не смогла украдь этот корабль и обрушить на них их собственное оружие.

— Я думал, твои руки потеряли силу и ты уж не сможешь пользоваться оружием.

— Сначала я дралась локтями, коленями, ногами. Однако это животное Хатингар использовал против меня оружие и, я думаю, теперь тоже могу пользоваться им.

Она улыбнулась так, что Хану стало не по себе.

Скорость их движения падала. Хан постепенно стал спускаться. Лизендири наблюдала за кораблем в заднем экране. Хан спросил ее:

— На этом корабле есть какой-нибудь источник энергии?

— Нет. Во всяком случае, я не нашла его. Думаешь, энергия поступает с корабля?

— Я полагаю, она подается с помощью микроволнового излучения. Если это так, мы скоро выйдем из зоны подачи энергии.

— Да, ты прав. Корабль набирает высоту и летит на ту сторону планеты.

Скорость полета все время падала, корабль перестал слушаться рулей. Хан выжимал из него все, что возможно, стремясь приблизиться к земле. Впереди вырастала горная громада.

— Я хочу приземлиться здесь, перед горами. Думаю, мы будем здесь в безопасности. Однако повнимательнее, подача энергии может прерваться в любое мгновение, и тогда мы рухнем.

Корабля в заднем экране уже почти не было видно. Он превратился в черную точку, а потом скрылся за горизонтом. Огни на панели управления мгновенно погасли, их корабль начал падать. Но вот — сильный удар о землю! Но оба остались живы и невредимы.

Лизендири, лежа на полу, спросила:

— Ну-ка, можешь двигаться?

— Нам нужно как можно скорее покинуть корабль.

Помогая друг другу, они выбрались наружу и побежали, затем бросились на землю, стараясь буквально вжаться в нее. Долго ждать не пришлось. Яркая вспышка на небе, немного погодя ужасающий грохот. Земля содрогалась вокруг них, покрылась трещинами. Пыль повисла в воздухе.

Хан посмотрел вверх.

— Сейчас начнут сыпаться обломки. Закрой глаза.

Лизендири встала, глядя на небо:

— Это ужасно!

— Да. Они используют против нас оружие.

— Это смертный грех, это зло.

Хан поднялся и пошел к вершине холма.

— Идем, я хочу посмотреть, что произошло.

Она отвернулась.

— Нет, я не пойду. Подожду.

Хан поднялся на холм, который послужил им укрытием. Путешествие заняло довольно много времени, и Хан совсем выдохся. Он стоял, едва переводя дыхание, глядя на царящее опустошение. У него закружилась голова. Видимо, воздух здесь был сильно разрежен. Он сел, тяжело дыша.

Внизу, в долине, он увидел кратер. Огромный! Над ним клубилось облачко пыли. От кратера расходились трещины длиной в несколько миль. В некоторых местах долины горела трава. В чистом разреженном воздухе Хан не мог определить истинное расстояние. Может быть, миль пятьдесят — таков радиус поражения Воинов. Да, ему и Лизендири повезло. Вероятно, сюда обрушился метеорит объемом в кубическую милю. Скорость его была огромна. Да, им повезло. В долине было все мертвое.

Он вернулся к Лизендири, которая ожидала его. Лицо ее выражало и любопытство, и страх, и боль. Пока он ходил, Лизендири достала из корабля мешок с провизией и лук, да еще какие-то одеяла. Теперь на первое время у них будут и кров, и пища.

Когда он подошел, Лизендири заговорила шепотом:

— Хан, какие у нас теперь шансы? Что там? Куда мы пойдем?

Он ответил:

— Не знаю.

Затем осмотрелся. С одной стороны простиралась огромная долина, с другой громоздились горы, которые

спасали их. А за ними вдали возвышалась следующая цепь, более высокая, окутанная голубым туманом. Хану показалось, что до нее миль десять, хотя он понимал, что гораздо больше.

— Мне трудно оценить без инструмента, насколько эта планета нам подходит. Во всяком случае, я уверен, сила тяжести здесь чуть больше стандартной, но воздух слишком разрежен.

— Да. Я заметила, что здесь трудно дышать.

— Вероятно, мы на высокогорном плато. Высота его футов тридцать—пятьдесят тысяч. Здесь будет очень холодно по ночам. Кроме того, нас ожидает горная болезнь, головные боли, может быть, рвота и кровотечение. Нужно выбираться отсюда. Не вижу другого пути, кроме как двигаться к горам. Там могут быть ущелья, каньоны. Черт, горы нам, конечно, не перейти. Они слишком высоки, вершины их покрыты снегом. Так что наш единственный шанс — найти ущелье. Скорее всего, за этими горами море.

Он хотел сказать больше, но не мог — не хватало дыхания. Лизендир долго смотрела на горы. Затем прикрыла глаза рукой.

— Да. Ты прав, горы очень далеко от нас. Но я согласна идти к ним — это самое разумное сейчас. Ни за что на свете не хочу идти туда, куда упал метеорит. Но ты заметил, как быстро здесь движется солнце. Вероятно, дни на планете очень короткие.

— Не смотри на солнце. Оно излучает слишком много ультрафиолета, можешь обгореть.

Они прикрылись, чем могли, собрали груз и отправились в путь.

— Не торопись, Лизендир. Дыши глубже. Мы можем не спешить.

Она улыбнулась:

— А кто торопится?

Улыбка ее была ласковой, но было видно, что это стоило ей больших усилий. Хан начал беспокоиться, что путь будет для нее слишком труден. Он не имел понятия, как она перенесет высоту. Скорее всего, для нее это окажется суровым испытанием, ведь леры никогда не жили в горах.

Ночь спустилась внезапно. Они даже не успели отойти подальше от того места, где приземлились. У Лизендир ужасно разболелась голова. Они устроились на ночлег возле каменной гряды. Неподалеку журчал источник. Хан понюхал воду, осторожно попробовал ее и решил, что пить можно.

Они молча и без всякого энтузиазма поели пищевых концентратов, затем нашли небольшое углубление в земле и улеглись там, крепко прижавшись друг к другу. Так было теплее. Лизендири дышала с трудом. Хан обнял ее. Он и сам чувствовал себя очень усталым, однако лучше, чем ожидал. Все-таки содержание кислорода в воздухе было достаточно высоким.

В небе сияли звезды, необычайно большие и яркие. Они казались странными, даже враждебными после ласкового мягкого света звезд Челседона.

Ночь была очень холодной. Хан оказался прав: температура здесь падала очень быстро.

Они спали очень плохо — этого и следовало ожидать на такой высоте. Хан обрадовался, когда увидел, что небо на востоке начало светлеть. Здесь ночь была на удивление короткой. Небо очень быстро приобрело цвет жемчуга, затем огня, и вот снова появилось ослепительное солнце. Теперь Хан понял, почему планета называлась Рассвет. Рассвет был прекрасен, но как-то по-своему. Он был красив, как отблеск на голубом клинке. Температура росла быстро, хотя подножия гор еще лежали во тьме.

Проснулась Лизендири. Она выглядела совсем большой и предложила Хану спать еще немного. Разреженная атмосфера была для нее настоящей пыткой. Однако они все же собрали свой нехитрый скарб и пустились в дорогу.

Несколько раз в течение дня они слышали подземные толчки — не сильные, но достаточно ощущимые. Лизендири никак не прокомментировала это, но Хан сказал:

— Строение гор, плато, землетрясения... По всему видно, мы приближаемся к континентальному срезу. В горах мы найдем ущелья и каньоны, а на другой стороне высота будет снижаться. Там мы опустимся до уровня моря, а, может быть, увидим его. Геология одинакова на всех планетах. Вся разница только в скорости, с которой дрейфуют материки.

Она кивнула. Она все слышала и поняла. Они снова двинулись в путь.

Они шли, но горы не становились ниже. По крайней мере, насколько мог судить об этом Хан. Они остановились рано, будучи не в силах продолжать путь. Воды поблизости не было. Они быстро поели и улеглись спать, снова тесно прижавшись друг к другу, чтобы спастись от ночного холода. Хан бросил последний взгляд вокруг. Солнце быстро опускалось за горы.

Быстро минула короткая ночь. За ней день, точно такой же, как предыдущий. И следующий, и еще один. Сначала им казалось важным, есть ли вода там, где они останавливались на ночлег. Затем они перестали обращать на это внимание, прекратили разговоры, а потом уже не смогли отличать один день от другого.

Однако дни были разные, хотя тянулись монотонно и однообразно. Горы заметно приблизились к ним, стали попадаться холмы. Подниматься на их пологие склоны было сплошным мучением, но спускаться с противоположного склона доставляло удовольствие, которое не могло омрачить даже сознание необходимости подыматься вскоре на следующий холм. Они очень экономно расходовали безвкусные пищевые концентраты, но уже были на грани истощения. Особенно Лизендири. Она очень много потеряла в весе, и Хану казалось, что сейчас она выглядела хуже, чем в тот день, когда он встретил ее на базаре. Казалось, это было годы назад, в далеком прошлом.

Шли дни, один за другим, лишенные всякого смысла. Единственное, что объединяло их с реальностью,— пакеты с пищевыми концентратами, количество которых непрерывно уменьшалось, да расстояние до гор, которое тоже сокращалось. Каждый вечер их фиолетовые тени становились немного ближе. Землетрясения случались чаще, притом более сильные. Горы занимали большую часть горизонта, вдвигаясь в небо острыми клыками вершин.

И вот, наконец, они подошли к краю пропасти. Они не заметили ее, пока не оказались совсем рядом. Противоположный край терялся в голубой дымке. Дна они тоже не могли рассмотреть из-за тумана, хотя в его просветах и казалось, что они видят серебристое русло реки. Они долго стояли на краю обрыва, глядя вниз. Если там есть река, то она течет на юг, к горам, хотя в них и не было видно никакого ущелья.

Лизендири смотрела вниз блестящими глазами:

— Воздух — вот что нужно мне. Если бы я снова могла дышать полной грудью! Я тогда спустилась бы вниз и умерла спокойно.

Голос ее походил на хрип.

— Я тоже,— заметил Хан.— Если бы нам удалось спуститься здесь!

Они начали спускаться, не теряя времени и не желая проводить еще одну ночь в мутной долине. Спуск был нелегок. Пологий склон становился все круче. Звезды высыпали на потемневшем небе, когда они решили остановиться.

Передохнув ночью, они стали спускаться снова. За день они проходили ничтожно мало, но упорно продолжали путь вниз. Каждый день воздух становился плотнее и теплее. Дышать стало легче. Тени удлинялись. Теперь у них всегда была вода: в камнях струилось множество источников. С водой они могли продержаться на пищевых концентратах дольше, но все равно было тяжело, особенно Лизендири. Все это беспокоило Хана. Сам он уже походил на скелет. Лизендири дошла до такой степени отчаяния, что стала говорить сама с собой. У нее появились галлюцинации.

Наконец, они доели остатки концентратов. Пищу можно было растянуть на пару дней, но они решили съесть все сразу и идти, пока хватит сил. Этот последний ужин их обрадовал. И даже Лизендири пришла в себя.

— Ну вот, Хан, мы доели все. Сможем ли идти дальше?

— Если бы мы были в хорошей форме, то могли бы идти три дня, но сейчас, мне кажется, без пищи не протянем и двух.

Она осмотрелась.

— Значит, здесь нас ожидает конец. Но я не боюсь. Посмотри вокруг!

Хан огляделся. На ущелье спускался вечер. Вокруг громоздились горы, и Хан был рад, что не видит их обнаженных остроконечных вершин. Ни один человек, ни одно разумное существо не полезло бы сюда по доброй воле, как это сделали они. Горы были очень высоки, таких он еще не видел. Там, вероятно, вообще не было воздуха.

Лизендири снова заговорила, не дожидаясь ответа.

— Ты не можешь рассмотреть горы так подробно, как я,— ведь я вижу ультрафиолетовую часть спектра. Эти камни, эта река... Здесь все полно дикой, безжалостной, жестокой красоты...

Она была захвачена величественным зрелищем, как ребенок. Она знала, что ее смерть близка, но повторяла:

— Как здесь красиво, посмотри!

Он же видел только спускающуюся с гор тьму, предвкушая холодную мучительную ночь, может быть, последнюю в жизни.

Спустилась тьма, они уснули. Утром собрали то, что у них оставалось, и снова стали спускаться. Им не попадалось ничего, что вселило бы надежду на спасение. Растения, которые они видели, были подозрительными и несъедобными. К тому же Хан ошибся, говоря, что они продержатся два дня. Он вскоре понял, что уже на следую-

щее утро они не смогут идти. Когда стало смеркаться, Лизендири из последних сил шла впереди. Хан с трудом различал ее лицо, светившееся радостью. Радостью? Может, это просто страх и истерия? Плюс голод и истощение? Но, пожалуй, права — лучше встретить смерть так, чем скорчившись на земле.

Она дожидалась его возле большого камня со счастливым лицом. Хан даже опасался подойти к ней, боясь, что ее рассудок помутится. Но она молча бросилась к нему и потащила за собой к камню. Не для любовных объятий — на это уже давно не было сил, а чтобы показать укромное место, где можно ночью укрыться от холода. Она прижималась к нему, как маленький ребенок, а когда, наконец, уснула, то стала говорить во сне. Это был Мультиспич. Она говорила очень долго. Хан смотрел на ее изможденное счастливое лицо. Он понимал причину ее счастья. Видимо, Лизендири не рассчитывала проснуться утром. Хан тоже. Он долго гладил ее волосы, пока не провалился в забытье.

Однако с первым светом оба проснулись и молча, почти отрешенно, поднялись. Уж этот-то день будет для них последним. Снова они собрали пожитки, хотя сейчас это был, скорее, ритуал, чем необходимость, и автоматически пошли вниз, огибая камень.

Перед ними оказался не спуск, а просторная терраса, тянущаяся параллельно реке, которая виднелась внизу. Шагах в пятидесяти находился грубый каменный дом. Голубой дымок, извиваясь, тянулся к небу. В окнах светился огонек, который казался желтым в голубом и фиолетовом свете планеты Рассвета.

Хан взглянул на Лизендири. Слезы текли по ее щекам. Она медленно опустилась на землю. Хан поднял ее, легкую, ничего не весящую — одни кости, обтянутые кожей. Он знал, что они спасутся. Держа ее на руках, Хан пошел к дому, но смог дойти только до ворот.

Хозяин был нескованно удивлен, найдя их тела.

Фермер был человеком. Он жил с женой и двумя дочерьми — здоровенными деревенскими девками.

Хан ничего не замечал вокруг. Он ел. Спал. И снова ел. И снова спал. Слышал голоса. Говорили на Синглспиче. Но для него речи были лишены всякого смысла. Он был далеко отсюда. Он ел и спал.

Наконец, он проснулся почти здоровый и бодрый. Возле его постели сидела Лизендири, похудевшая, но тоже

вполне здоровая. Он не знал, сколько времени проспал, зато знал, что полностью оправился, набрался сил. Хан посмотрел на Лизендири, ожидавшую его пробуждения.

Она спросила:

— Как ты себя чувствуешь? Я уже пришла в себя.

Он улыбнулся и кивнул ей. Лизендири осунулась, похудела, но испытания, через которые они оба прошли, наградили ее новой красотой, более суперской и задумчивой. В ней появилось больше женственности, глубокие глаза отражали голубой электрический свет неба.

— Думаю, что первое время тебе будет трудно общаться с ними. Они говорят на Синглспиче, но очень исковерканном. Даже я сначала с трудом понимала их. Но люди! Они изумляют меня. Не могут правильно пользоваться языком. Обязательно испортят его.

— Они хорошо относятся к нам?

— Да, более менее. Но они очень замкнуты. Я сказала им, что мы бежали от Воинов — с поля битвы, которая разыгралась на плато. Лучше такая версия, чем правда. Конечно, они не совсем доверяют мне, ведь я лер, но уверены, что я не из Воинов. Они очень удивлены, что мы смогли пройти такое расстояние.

— Ты прекрасна.

Лизендири отвернулась на мгновение, как будто эти слова доставили ей боль, а затем продолжала:

— Мы можем спуститься к реке. Она совсем близко. Но если мы останемся и поможем им, они подвезут нас, когда поедут на рынок. Знаешь, где рынок? На другой стороне гор! Ущелье пронизывает их насквозь.

Она снова оглянулась, как бы припоминая что-то важное.

— Эта планета очень странная, — наконец, сказала она. — Эти люди говорят на очень искаженном языке. Если я правильно их понимаю, здесь восемь времен года. По две зимы в год. Я еще никогда не слышала такого. Как это может быть? Не виноваты ли в этом горы?

Хан резко сел. Так ему было легче разрешить недоумение. Он все время удивлялся необычайному перемещению солнца по небосводу.

— А сейчас какое время года?

— Короткая осень, которая предшествует короткой зиме.

— А что такое короткая зима?

— Наступает тьма. Но они очень боятся долгой зимы.

— Теперь я все понял. Я подозревал это, еще когда мы шли по плато. Я слышал о таких планетах, но все

они находятся вне сферы обитания людей. Такие планеты называются ураноидами. Помнишь Челседон? Там не было смены времен года, так как он вращается по правильной орбите и ось его не наклонена. Здесь же ось наклонена так, что плоскость вращения планеты перпендикулярна плоскости ее орбиты. Так что полярные области здесь перекрываются тропиками. Здесь поэтому очень любопытный климат. Полагаю, здесь возможна жизнь только потому, что высокие горы мешают циркуляции воздушных масс.

— Сейчас дни стали намного короче, чем тогда, когда мы шли по плато. А солнце совсем склонилось к северу.

— Да. Значит, у них восемь времен года: четыре, когда солнце на севере, и еще четыре, когда оно перемещается на юг. А что творится на полюсах! Там летом так жарко, что плавится свинец, а зимой так холодно, что из воздуха вымораживаются газы.

— Да, они так и говорят. И утверждают, что на полюсе замерзает воздух и падает на землю. Я думала, что неправильно поняла их.

Хан подумал и спросил:

— А далеко до океана?

— Хозяин даже не знает такого слова. Ничего подобного поблизости нет. Правда, где-то на юге есть соленое озеро, они добывают оттуда соль. Но летом там все кипит от жары, а об океане он никогда не слышал.

— Любопытно!

— Но за горами есть и люди, и леры. Их очень много. Правда, леры живут там, как люди, — парами. Кроме Винов, конечно, которых он панически боится. Во всяком случае, слово «клан» даже не существует на этой планете.

Хан задумался. Он поднялся с постели и вышел на улицу. Бросив взгляд на себя, увидел, что очень исхудал. И был чистый. Он посмотрел на Лизендири. Та улыбалась.

— Я плачу свои долги, — сказала она больше ничего не добавила.

Фермер и его семья действительно дружески относились к ним, хотя у них и были какие-то подозрения, которые уравновешивались восхищением перед трудным переходом по высокогорной долине. Фермер слышал, что люди живут там, но не мог этого представить, ведь воздух там слишком разрежен. Кроме того, фермер ведь уверен, что высокогорное плато населено духами и привидениями. Правда, Хан не был уверен, что правильно понял его слова. Язык фермера был слишком непонятным для Хана.

Зато все его предположения относительно движения солнца по небу планеты подтвердились: действительно, оно склонилось к самому полюсу. И фермер подтвердил, что зимой на полюсе чрезвычайно холодно. Он был вблизи полюса зимой, и сам видел падающий сухой снег. Он с ужасом говорил об этом, и Хан не мог осуждать его — при таких температурах больше всего подходил бы космический скафандр.

В этом ущелье жили лишь разрозненные фермерские семьи. Они жили, невзирая на опасности, исходящие от кочевых племен, от холодной зимы, неизвестности высокогорной долины...

По другую сторону гор плотность населения была много выше. Там были даже города. Например, Лелиас, который фермер назвал центром разврата, коррупции. Лелиас был столицей людей. Правящая верхушка леров жила в замках, выше по течению реки.

Хан был крайне разочарован. Он понял, что на планете царит феодализм. К тому же жуткий климат заставил население жить в изоляции друг от друга. На планете не было ни морей, ни океанов — только озера. Вся поверхность была покрыта высокими горами, разделенными ущельями и долинами. Здесь довольно часто случались землетрясения, и Хан скоро привык к ним. Над планетой постоянно висела зловещая тень Воинов.

Годы проходили без всяких инцидентов, и о Воинах забывали. Но они появлялись снова, сея ужас среди мирных жителей. Они всегда захватывали пленных. И, естественно, захваченных никто больше никогда не видел.

Жители планеты не имели понятия о ее размерах, о звездном окружении. Они считали, что мир плоский. Хан не стал подробно расспрашивать об этом фермера, не желая быть втянутым в религиозный диспут.

Хан и Лизендири согласились остаться и помочь в полевых работах, а затем и в торговле на рынке в Лелиасе. Фермер, в свою очередь, согласился подвезти их по реке на ту сторону гор.

Фермер добавил, что к тому времени, как они вернутся из Лелиаса, наступит первая половина зимы. Первой зимы. Однако она не так страшна, как вторая зима, которая будет длиться полгода. Во всяком случае, у них еще будет время подготовиться к ужасам второй зимы. Исходя из этого, Хан решил, что сейчас они находятся примерно на тридцатой широте. Однако эта информация была бесполезна для них. Ведь они все равно не знали, куда двигаться дальше.

Это не настоящий мир. Настоящий мир — это Яр, мир блестящих городов, высоких башен, магии, плодородной земли и ласковых дождей. За наши грехи мы были выброшены сюда, в этот мир. И здесь мы искупаем наши грехи. Грехи наших предков. Мы не знаем, что это были за грехи. Вероятно, они были ужасны — ведь за них расплачивается цепкий народ. Говорят, что эти грехи нельзя даже передать словами. И вот мы здесь. И рядом с нами два ада. Один расположен на крайнем Севере, другой — на крайнем Юге.

Те, кого гложут ненасытные страсти, попадают на Север, где Бог обжигает их жутким пламенем. Те, в ком течет холодная кровь, попадают на Юг, где Бог обволакивает их невообразимым холодом. Первые люди поддерживали чистоту мира, и Воины были предназначены для искоренения нечестивых дум и ереси.

Особенно среди молодежи, которая всегда отличалась легкомыслием. Воины жили в мире, но подчинялись приказам Бога, который вездесущ, который видит все и от которого зависит, вернемся ли мы когда-нибудь на Яр Прекрасный. на Яр Ласковый.

История сотворения мира, рассказанная Лизендири Норманом Даскином, фермером из ущелья

Только тогда человек узнает, куда ему нужно идти, для него становится важно узнать свое местонахождение.

Канниадин Срит-Морен

Плот, сделанный из бревен и досок, плыл вниз по реке. Он был доверху нагружен мешками, тюками, коробками с товаром. Впереди и позади виднелись другие плоты, тоже груженые. Некоторые люди приветствовали с плотов фермера, другие проплывали мимо молча.

Норман Даскин, фермер, стоял на передней части плота, как бы прокладывая путь. Его две дочери, Узар Разинтира и Пелки Разинтира, гребли сзади. А по центру работали веслами Лизендири и Хан. Путь был на удивление легким: ни камней, ни отмелей, ни бурных перекатов.

Пелки объяснила, почему это так. Бурные вешние воды расчищают от камней русло реки, и все камни собираются на соляных отмелях ниже Лелиаса. Пелки, младшая дочь, была общительна и довольно миловидна, в от-

личие от старшей, Узар, угрюмой, молчаливой, с грубыми чертами лица. Пелки совершенно явно флиртовала с Ханом.

Лизендири заметила это и сообщила ему, вогнав его в краску. Дочери фермера нисколько не привлекали его.

Хана приводили в смятение нынешние чувства к Лизендири. Их нежные отношения друг к другу, казалось, уснули, отступили на второй план. Может, они снова расцветут, а, может, и нет. Сама Лизендири стала гораздо ближе Хану. Та величественная и недоступная, которую он встретил в Бумтауне, исчезла. Новая была непонятна ему. Может, даже больше, чем раньше. Она слишком ушла в себя, и это беспокоило Хана.

Лизендири сказала на Общем языке:

— Если у нас ничего не выйдет, ты, по крайней мере, сможешь жениться на Пелки.

Хан ответил:

— Не могу себе представить, что мне захочется взять ее в жены. Ее не назовешь соблазнительной, кроме того, она глупа.

Лизендири рассмеялась.

— Мне тоже так кажется, Хан, я просто дразню тебя. Она сменила тему разговора.

— У людей этой планеты странный обычай. Они дают детям двойное имя, причем второе — имя отца для мальчиков и матери для девочек.

Хан продолжил разговор о Пелки.

— Почему ты решила, что я женюсь на ней? Если у меня будет только такой выбор, лучше останусь без жены.

— Напрасно. Тебе лучше взять жену, так как если я пробуду здесь долго, останусь без мужчины.

— Оставайтесь, в чем же дело, — полураздраженно сказал Хан.

— Это не так просто, — ответила она. — Если у меня не будет мужчины, то отомрет система воспроизведения.

— Значит, ты будешь бесплодной?

— Да. Мы устроены так, что нужно воспользоваться этой системой, либо потеряешь ее.

— Но тебе пока не стоит думать об этом. Ведь ты в таком возрасте, что критический момент наступит через годы. Я надеюсь, что к тому времени мы либо покинем эту планету, либо ты подыщешь себе партнера-лера.

— При нормальных обстоятельствах так оно и было бы. Но здесь слишком короткий дневной цикл, и, вероятно, это ускорит все процессы. Все произойдет гораздо быстрее.

Хан смотрел на темную воду. Он не мог дать ответа на ее немой вопрос.

Они гребли и спали. Спали и гребли. Норман Даскин поторопливал:

— Смотрите на солнце. Оно уже совсем на севере. Дни стали короче. Скоро наступят холода. Наверху река замерзнет, внизу высохнет. Она будет непроходимой. Тогда нам придется остаться здесь на год.

Все согласились, что это будет гораздо страшнее, чем просто не добраться до Лелиаса. Узкое ущелье, где протекала река, изобиловало бандитами. Они боялись реки. Пока путешественники плыли по ней, они были в безопасности, но если застрять здесь и остаться на берегу, значит, потерять все: и жизнь, и имущество.

Хан подозрительно осмотрелся. Никаких следов людей. Река с легким шепотом терлась о каменистые бока утесов.

Пелки услужливо сказала:

— Они живут высоко над утесами. Они спускаются на веревках, когда видят, что добыча близка.

— Но почему они не падают на вас, когда вы возвращаетесь по суше?

— Никто не знает почему, но все знают, что они исчезают с последним плотом.

— Куда же они уходят?

— Кто знает? Может, они демоны, которые боятся наступающей темноты, а может, у них табу.

Вдруг плот зацепился за камни, покачался на волнах, отцепился и поплыл дальше. У Пелки вырвался крик ужаса. Она показалась вперед. Там, наверху, в самом горле каменного ущелья, в паутине веревок качалась человеческая фигура. Хан не мог на таком расстоянии сказать, человек это или лер. Он взял арбалет, прицелился и выстрелил. Стрела пролетела мимо. Человек стал выкрикивать угрозы сидящим на плоту и приказы своим товарищам, которые высовывались из-за камней. Хан выстрелил еще раз. Стрела вонзилась в спину, человек выпустил веревку и упал в воду. Раздались вопли разочарования. Эхо металось в узком ущелье, многократно отражаясь от стен. Больше они никого не видели. Даже того, кто упал в воду. Видимо, он сразу утонул.

Остаток путешествия прошел без приключений. Хан и Лизендири с интересом следили за берегами, проплывающими мимо них. Правда, смотреть было не на что: все было закрыто высокими горами. Они видели только разноцветные камни да бледно-голубое небо, по которому неслись облака. Чем ниже они спускались, тем влажнее становился воздух и теплее.

Иногда на солнце было даже жарко.

Так проходили дни.

Вскоре река начала расширяться. Вода стала серебряной, все говорило о том, что недалеко озеро, на берегу которого стоит Лелиас.

Вот и озеро. Оно было мелким и, заросло тиной. Они гребли и гребли, с трудом продвигаясь вперед.

На четвертый день справа по курсу они увидели замысловатое сооружение, а за холмами на берегу поднимались столбы дыма. Хан спросил Нормана, не Лелиас ли это.

— Он отсюда не виден, он дальше по берегу. Это дым из городских труб. А то, что ты видишь на воде, это пристань. Тут и происходит торговля. Доставка товаров в город обходится слишком дорого. Город не может приблизиться к озеру, так как во время половодья его заливало бы водой.

С удвоенной энергией они стали приближаться к пристани. Хан наблюдал за Лизендири, которая налегала на тяжелое весло, вкладывая в это все силы. Он наблюдал и за дочерьми фермера. Все трое были женщинами, но в Лизендири было что-то, чем не обладали две другие. Сначала он не понял, что именно, но внезапно осознал: Лизендири была как бы завершенней, в отличие от других. Хан постарался взглянуть на двух других девушек глазами человека. Да. Так и есть. Узар — просто толстуха, а Пелки, если хорошенько поработает над собой, будет миловидной деревенской девушкой. Да, им многоного недостает, чтобы сравняться с Лизендири.

Он снова посмотрел на Лизендири и заметил, что она уже немного отрастила волосы, что означало ее отход от юношества. Хан, хотя и подозревал это, но боялся. Лизендири перетянула волосы шнурком на затылке, они спускались по спине шелковистой прядью. Она заметила его взгляд и повернулась к нему.

— Ты так задумчив сегодня, что я хочу задать тебе один вопрос. Ты готов ответить? Я хочу знать, как такая речушка сумела пробить себе путь через такие высокие горы?

Хан рассмеялся.

— И ты, философ, спрашиваешь меня? Разве река не собирает в себя всю воду вокруг во время весеннего паводка? Ведь тогда она становится сильной и могучей.

— О, Дарленгдир был прав относительно тебя. Жаль, ты не лер. Мог бы стать мудрецом. Ведь ты запросто открываешь тайны. Как тебе это удается?

Он снова рассмеялся.

— О, я уединяюсь в пещере и там обдумываю тайны земли и воды, черного и белого, мужчины и женщины. И я должен сообщить эти тайны всем, иначе буду страдать от переедания. Кстати, о переедании. Как бы мне хотелось сейчас съесть хороший кусок мяса! Я так скучился по нему в этом обществе вегетарианцев. А эта река, скорее всего, старше гор, и она пробивала себе путь, размывая каждый год то, что зарастало на ее пути. Всю грязь река сносила в это озеро, и вот оно стало топким и илистым.

Норман внимательно следил за их разговором, и, хотя плохо знал язык, ему удавалось кое-что понять. Он с энтузиазмом кивнул.

— Да. Эта река послана в наказание горам. Они осмелились вырасти и коснуться неба. За это река постоянно мучит их.

Хан и Лизендир почтительно кивнули. Ни к чему не привел бы спор с этим ортодоксальным догматиком.

Сейчас они уже заметно ближе к пристани и могли грести медленнее. Хан почувствовал, что ему не терпится увидеть город, каким бы он ни был.

Ведь он с самого отбытия из Бумтауна не видел города. Базар Хобба не в счет. По рассказам Нормана, Лелиас был настоящим пупом этого мира, средоточием коммерции и культуры. В этом смысле он был сравним с древними городами Земли. Хан стремился изучать город. Лизендир же с подозрением смотрела на голубоватый туман над головой. Она была настроена скептически, и несколько коротких замечаний выдавали ее отношение к Лелиасу.

Вот их плот уткнулся в дощатый настил, и мгновенно на нем появилась банда нахальных торговцев. На взгляд Хана, это были настоящие разбойники, головорезы. Торговля началась сразу же, без всяких подготовок и формальностей. Закончилась она поздно вечером и началась снова, как только посветлело небо на востоке. К концу второго дня все было продано, кое-что украдено, и у них

в руках оказалась куча денег. Впрочем, вряд ли их можно назвать деньгами. Они имели хождение только в Лелиасе.

Они взяли с собой несколько оставшихся животных, погрузили на них одежду и направились к городу. Возле его стен они распрощались, и это не заняло много времени, так как Норман торопился. Он заметил нескольких фермеров из ущелья, которые собирались в обратный долгий путь. Норман очень хотел идти с ними. Ведь видятся они всего лишь раз в год. Хан и Лизендири взяли свою долю, посмотрели на фермеров и пошли в город.

По меркам этой планеты, Лелиас был большим городом — ведь здесь ему не было соперников. Вероятно, он был даже центром планеты, но в глазах Хана это был провинциальный городище, какие на Земле существовали еще до космических полетов.

Пока они шли по узким пыльным улицам, Хан ни у кого не видел оружия, кроме арбалетов. Система канализации отсутствовала напрочь. Ее заменили зловонные сточные канавы, сносившие отбросы в озеро. Через канавы кое-где были переброшены мостки из полусгнивших досок. Проходя по ним, каждый мог провалиться в грязную жижу. В воздухе стояла густая смесь запахов.

Улицы города не были ни прямыми, ни длинными. Видимо, город строился без всякого плана. Дома, таверны, лавки, виллы, заборы... В композиции города не чувствовалось единой мысли. Однако этот город был центром обширной торговли. Как бы он ни был богат, он не был центром культуры, метрополией. Хан решил, что население города не превышает тридцати тысяч человек.

Лизендири смотрела на город с молчаливой печалью. На улицах и в лавках встретилось несколько леров, но они не стали вступать с ними в контакт. Хан видел, что Лизендири не хочет этого. Даже Хан мог видеть разницу между местными лерами и Лизендири, хотя он и не мог сказать, в чем именно. Для Лизендири эти леры были существами совсем из другого мира, незнакомцами, и это очень беспокоило ее.

После долгих скитаний по городу они, наконец, обосновались в какой-то таверне, которая оказалась неожиданно уютной внутри, хотя снаружи со своими грязными потрескавшимися стенами и толстыми ржавыми решетками на окнах была похожа на тюрьму.

— Это для защиты от грабителей, — пояснил владелец.

Но это оказалось не таверной, а гостиницей, состоя-

щей из множества пристроенных к основному заведению каморок.

Хан с Лизендири выбрали две комнаты с окнами в красивый садик, с балконом, за который пришлось доплачивать, и ванной — за нее тоже взималась отдельная плата, потому что в доме не было воды. Комнаты были чистые, стены, ничем не украшенные, свежевымыты.

Лизендири была очень рада ванне и тут же послала слугу за водой и дровами. Пока она разводила огонь, Хан сказал ей, что мыться здесь он не будет, а пойдет в общественную баню. Потом они отправятся на улицу, чтобы посмотреть, что можно купить из еды.

Когда он вернулся, Лизендири уже крепко спала. На ней было чистое платье, лицо розовое, свежее. Комната освещалась свечой, стоящей на подоконнике. Все было тихо. Лелиас, несмотря на свою репутацию, рано ложился спать.

Лизендири проснулась внезапно, как только вошел Хан.

— Ты наслаждалась ванной, пока меня не было?

— О, тебе не понять! Мне казалось, я не мылась ценные годы! После ванны я сразу уснула. Сейчас я уже готова ко всему, что может предложить планета. Значит, это и есть великий Лелиас! Лелиас, жемчужина Рассвета! Что будем делать дальше?

Она облокотилась на подушку, и мышцы четко выделились на ее шее, отбрасывая резкие тени, которые легли на нежную розовую кожу.

— Гуляя по городу, я старался понять, что мы можем здесь узнать. Оказывается, немного. Самое большее, что мы можем сделать, это расспросить о планете. Затем нам следует проникнуть в селения леров в северных ущельях, хотя я не знаю, что мы там найдем. Может быть, и ничего.

— Согласна. Может, ничего. Но это лучше, чем сидеть здесь, в Лелиасе. Леры, которых я видела здесь, мне совсем не понравились. Может быть, и там не лучше. Но в городе нам делать нечего. Это город двадцатого столетия.

— Да, город старый и не собирается меняться. Во всяком случае, я не заметил, что они намереваются строить космодром.

Лизендири покачала головой.

— Скажи мне, Хан, что хочешь лично ты? Не мы, а ты?

Он сел на край постели и молча долго смотрел на свечу. Наконец, сказал:

— Я, конечно, хочу вернуться, но если это не удастся,

я хочу жить здесь нормальной жизнью, как жил бы в любом другом месте. Я хотел бы вернуться в свой мир, к своему народу. Хотел бы выкрасть свой корабль у Воинов. Но они далеко, и пока мы доберемся туда, может, и не найдем их.

— Что ты узнал о планете?

— Ничего. Я бродил и расспрашивал, но не узнал ничего нового. Нам придется потратить много времени на расспросы, прежде чем мы что-нибудь узнаем.

— Начнем завтра. Денег у нас немного, так что медлить нельзя.

Она поднялась с постели, легко прошлась по комнате и подошла к окну. Хан подошел к ней и задул свечу.

— Есть еще одно, Лизен... — сказал он решительно.

Лизендири шевельнула плечами, и легкое платье скользнуло на пол. Глаза ее сияли.

— Я думала, ты никогда больше не придешь ко мне, — мягко сказала она. — Скажи, любовь моя, чего ты желаешь?

Хан мгновенно выскользнул из одежды.

— Я хочу в эту ночь насладиться тобой, хочу, чтобы мои губы ощущали всю сладость твоего тела.

Она радостно улыбнулась ему и задрожала.

Хан прижал к себе девушку, вдыхая запах ее волос, свежего тела, ощущая руками мягкую нежность ее кожи. Они, не сговариваясь, повернулись к постели и легли на нее. Все чувства их были открыты друг другу. Руки Хана ласкали маленькие упругие груди девушки. Соски под пальцами набухли, он припал к ним губами. Лизендири вся дрожала. Она обхватила голову Хана руками, гладила его волосы. Не в силах сдержаться, она широко раскинула ноги, согнула их в коленях и приняла в себя Хана.

Они долго не спали и даже не вышли поужинать. Ужин мог подождать.

На следующий день они встали поздно, но сразу после завтрака вышли на улицу. Им необходимо было получить информацию о планете. А где ее можно было получить, кроме Лелиаса?

Как они быстро обнаружили, здесь совсем не было ни книг, ни газет. Печать здесь либо еще не была изобретена, либо уже забыта. Здесь не было и школ, куда они могли войти и задать дурацкий вопрос: какова география планеты?

Не было и карт планеты. Им пришлось довольствов-

ваться общением с астрологами и геологами. Сведения, получаемые от них, были туманны и противоречивы. Выделить истину из них было весьма затруднительно.

Когда вечером они вернулись в гостиницу и стали обсуждать имеющуюся информацию, оказалось, что они не выяснили ничего существенного.

Хан возмущался:

— Хотелось бы мне знать, как эти люди, не имея ни школ, ни книг, передают другим свои знания.

— Такое бывает. Люди всегда охотно сохраняют только знания, что им необходимы. Хан, ты вырос в обществе, где для передачи знаний используются школы, причем передаются они всем без исключений. Они нивелируют людей, хотя все люди отличаются друг от друга.

— Но как же эти люди могут обучаться без руководства? Да и в ваших кланах тоже действуют школы.

— Вспомни, как дети учатся родному языку. Для этого им не нужны школы. Они получают знания из общения со старшими. Обучение в школе только делает детей нечестными, так как они вынуждены говорить и делать только то, что приказывает учитель. Вспомни планету Сибрайт. Там континенты занимают мало места, почти вся поверхность планеты занята морями и океанами. Каждый житель умеет с детства плавать и передвигаться на парусных судах. А какая разница между современными парусными судами и судами древних жителей? Никакой, хотя они строили их, не зная физики газов и жидкостей, законов плавучести, законов трения. Но они поняли, что гладкие тела движутся легче, чем квадратные, и вот они построили корабли и поставили паруса, чтобы ловить ветер.

Хан горячо возразил:

— Да, но они тысячелетиями жили в невежестве и суеверии.

— В каждом веке есть свои суеверия, в нашем тоже. Она говорила терпеливо, как с ребенком.

— Знание никогда не бывает абсолютным. Чем больше ты узнаешь, тем больше понимаешь, что многого ты никогда не узнаешь.

Но они узнали очень мало об этом ином, примитивном мире. Лелианцы были уверены, что планета их плоская, солнце движется по небу, а землетрясения происходят, когда чудовище, на спине которого находится планета, поворачивается или чешется. Поляса — ад для грешников, а в средних широтах бывают две зимы подряд, посланные в наказание за грехи. К западу от Лелиаса

начинается бесконечная пустыня. Горы простираются с юга на север, и единственный путь через них — ущелье, пробитое большой рекой.

География была против них. Страна Воинов находилась где-то на другой стороне планеты, в двенадцати тысячах миль отсюда. И чтобы добраться до нее, следовало пересечь высокие горы, пережить жестокие зимы, выжить в бескрайних пустынях, где горячее солнце заставляет кипеть воду.

Они не могли присоединиться ни к торговому каравану, ни к пилигримам. На планете не было путешественников. Правда, ходили слухи, что где-то есть еще города, деревни, поселки. Например, все знали о стране Воинов, и никто не ходил туда. Только Воины прилетали сюда на своих кораблях. Люди на планете жили сами по себе, не зная, что происходит вокруг.

Насколько могли установить Хан и Лизендири, здесь была ранняя стадия эволюции жизни. Здесь не было сложного животного мира. Эволюция дошла еще только до какой-то помеси рептилий и амфибий. С растительным миром было не лучше. В основном, все культурные растения были завезены. Это был молодой мир, расцвет которого еще предстоял, если, конечно, не произойдет чего-то ужасного.

На планете было всего два космических корабля, и оба у Воинов. Хана и Лизендири отделяли от них тысячи миль. Они мало что могли поделать в такой ситуации.

Прежде чем уснуть, они снова оказались в объятиях друг у друга, а затем уснули, не осмеливаясь ни на что надеяться.

Утром они купили вьючное животное, похожее на мула, и нагрузили его продовольствием, на которое потратили почти все деньги. Они покинули гостиницу с печалью: ведь здесь было уютное жилье, хорошая пища, тепло, а их ждали неизвестность и опасное путешествие. На остатки денег Хан купил себе короткий меч и нож для Лизендири. Выехали они из Лелиаса через северные ворота.

Проезжая по пологому подъему, они оглянулись и посмотрели в последний раз на великий город Лелиас. Стены вокруг города были высокие, плохо укрепленные, во многих местах зияли бреши, пробитые временем и суровым климатом. Судя по теперешнему состоянию стены, она уже давно была не нужна городу. За стенами про-

стирался город — уродливый, заросший мхом и лишайниками — родной растительностью планеты.

Затем они повернули дальше на север. Справа от них возвышались горы, кое-где покрытые снегом, а там, где не было снега, громоздились голые камни. Слева от них тоже были горы, правда, более низкие и, судя по всему, вулканического происхождения. Тут и там из жерл дремлющих вулканов курился дымок. Хотя горы слева были ниже, их тоже было невозможно пересечь. Сейчас вокруг них расстилалась каменистая долина, дикая, освещенная свирепым солнцем.

В Лелиасе был сравнительно мягкий климат, ведь город лежал вблизи реки большого озера. Однако здесь было заметно холоднее. По всему было заметно приближение осени. Они шли все дальше на север, и с каждым днем солнце быстро заканчивало свой дневной путь. Дни становились короче, ночи холоднее.

К тому времени, как они достигли страны леров, погода совсем испортилась. Пришли дожди, слякоть, холод. Дома леров здесь были не эллипсоидными, как было принято у них, а обычные каменные двухэтажки. На дороге теперь встречалось совсем немного путников. Да и дорога становилась все уже. Хан и Лизендири начали чувствовать себя дураками. Те немногие леры, что попадались на пути, были еще более бесполезны, чем жители Лелиаса. Они вообще ничего не знали о планете. Лизендири сказала, что это какие-то вырождающиеся леры.

В ночь дикой бури с мокрым снегом они добрались до вершины перевала, но даже не заметили этого, будучи занятыми поисками убежища. В темноте они набрели на заброшенный сарай и забились туда. Сарай защищал от ветра, но не от холода. Они свернулись клубочками, обложились одеялами и лежали молча, не двигаясь. Да, они проиграли. Почти вся еда кончилась, им ничего не оставалось, как идти обратно в Лелиас.

Утром Хан вышел из сарая, чтобы посмотреть, сколько у них осталось еды. В сарае было холодно, но на улице лицо прихватил мороз. Видимо, всю ночь шел снег, так как возле сарая его намело целую гору. Хан взглянул на светлое небо северной осени. Кое-где на нем сияли звезды. С востока и запада громоздились неприступные горы, на юге стоял темный туман. Зрелище поразило его жуткой нечеловеческой красотой. Они сейчас находились в самой верхней точке перевала, вокруг не было видно ничего. Абсолютно ничего.

И вдруг на западе он заметил какое-то движение. Он всмотрелся, но не смог сказать, что это. Он прикрыл глаза, затем снова открыл. Это был дом из серого вулканического камня. А двигался дым, тонкой струйкой быстро исчезавший в морозном воздухе. Значит, здесь, в горной долине, кто-то живет.

Хан бросился в хижину и сказал об этом Лизендири. Пока он собирал вещи, она вышла посмотреть. Она вернулась дрожа, но согласилась идти с Ханом посмотреть, что там.

Расстояние оказалось больше, чем они предполагали. Ни Хан, ни Лизендири так и не научились правильно его определять. К тому же снег, выпавший за ночь, сильно замедлял движение. Через несколько часов пути они, наконец, смогли рассмотреть дом более подробно. Вероятно, это был замок или крепость из угрюмого черного камня. Солнце вышло из-за гор и осветило здание. Теперь они хорошо видели его, хотя оно находилось в нескольких милях.

Это был замок, на башнях которого развевались флаги. Но все-таки это было чье-то жилище.

Почти весь день они пробирались к замку через снега. И только к закату солнца Хан и Лизендири стояли перед закрытыми воротами. Казалось, их не открывали много времени. Еще один тупик. На верхушке стены росли маленькие чахлы́е деревца. Видимо, ветер занес туда землю и семена. Хан подошел к воротам и постучал в них эфесом меча. Лизендири смотрела на него, затем громко позвала. Они не ждали ответа, но через некоторое время послышались голоса, и над стеной появились лица. К этому времени стало почти совсем темно, только на востоке небо дрожало жемчужным светом. Хана и Лизендири попросили обойти замок и войти в маленькую боковую дверь, которую трудно было заметить даже при дневном свете. Они завели во двор мула, затем им показали комнату, где они могли провести ночь.

Внутри замка все было так, как и предполагал Хан,— он читал много средневековых романов. Это был настоящий замок дворянина, но без роскоши, о которой он читал. Стены были украшены старыми грязными коврами и гобеленами. Неряшливые слуги шныряли туда-сюда, наводя порядок. В замке было грязно, холодно и сырьо.

— Не могу поверить, что в этом замке живут леры. Но если они все же живут здесь, то не в такой конюшне, как эта,— сказал Хан Лизендири, когда один из слуг, человек, привел их в комнату, предназначенную для них.

— Я тоже не могу поверить этому, хотя после того, что видела на этой планете, ничему не удивлюсь: Брр...

Она вздрогнула, затем продолжала:

— Но зачем эта крепость? Люди строят крепость, когда ждут нападения, когда боятся. Эта крепость не спасет их от Воинов. К тому же здесь может укрыться совсем немного народа, так как крепость мала.

Хан не смог ответить на этот вопрос.

Умывшись, они совсем закоченели. Хан пошарил по шкафам и нашел несколько грубых одеял. Они улеглись на маленькое жесткое ложе, которое угрожающе заскрипело под их тяжестью. Лизендири крепко прижалась к Хану, чтобы было теплее. Вскоре усталость взяла вверх, и они уснули.

Они не знали, сколько времени проспали. Разбудил их мажордом. Он открыл дверь и провозгласил, что Лорд Эвинг Холд будет счастлив отобедать с ними. Мажордом говорил так, что дрожь побежала по телу Хана.

Не говоря ни слова, они поднялись, оделись и последовали за мажордомом, который вежливо ждал их в коридоре.

Он повел их через анфилады комнат, холлов, коридоров. В других местах было пустынно, как будто замок был давно покинут. Через распахнутые двери были видны темные комнаты. В отблесках факела, который нес перед ним слуга, Хан заметил грязь, груды обломков. Хану казалось, что это самое опасное место из тех, где они были за все путешествие. Может, Лизендири чувствовала то же самое, но ничем не показывала этого, не произнесла ни слова. Она была полностью поглощена зрелищем замка. После бесконечных проходов они, наконец, попали в огромный холл. Он был разукрашен и освещен так, как будто здесь проходило грандиозное празднество, хотя щиты, царившая повсюду в замке, была заметна и здесь. Хан надеялся, что, может, пища будет получше. Лизендири еле заметно улыбнулась Хану и кивнула.

Их усадили за большой восьмиугольный стол перед возвышением. Свечи и лампы освещали холл, в углу в камине горел огонь. Возвышение представляло собой сцену для музыкантов или актеров. Слуги суетились вокруг, расставляя стулья, столы, подметая. Появилась группа музыкантов с инструментами, совершенно незнакомыми Хану. Это были струнные инструменты с механическими устройствами, приводящими струны в движение. Музыканты уселись на сцене и начали играть без вступ-

ления. Дирижера не было, но мелодия лилась совершенно свободно и без запинок. Моторы, вмонтированные в инструменты, слегка жужжали, их шум органически вплетался в мелодию, не нарушая ее.

Хан с изумлением смотрел на музыкантов. Хотя они ничем не отличались от людей, были до странности похожи друг на друга, как близнецы. Но нет, это были не близнецы. Пусть похожие один на другого, как две капли воды, они различались выражением лица и манерами. Поэтому они вовсе не казались членами одной семьи.

Музыкальные инструменты отличались по форме, размеру, материалу, а также по характеру звуков, которые они издавали. Барабанов в этом оркестре не было. Ритмическая картина как бы подразумевалась, а не создавалась. Лизендири внимательно слушала музыку, а потом заметила, что по своему происхождению это музыка леров, хотя чересчур декадентская.

Хан рассмеялся и сказал:

— Я много узнал о тебе с момента нашего вылета из Бумтауна, но не подозревал, что ты искусствовед.

Она с удивлением взглянула на него и тоже рассмеялась.

— Ты этого не мог знать, но я действительно разбираюсь в искусстве. В цикл моего обучения входило искусство как одна из основных частей. Я хорошо знаю музыку, поэзию, танцы, живопись и многое другое, чего нет у вас, людей. Сама умею немного: пишу стихи, немного рисую, играю на инструменте, похожем на вашу флейту. Я даже выступала перед публикой, хотя и не завоевала большой известности. Я и теперь иногда играю одна или с небольшим оркестром.

Хан онемел. Он не мог представить себе Лизендири с флейтой. Она посмотрела на него, определяя реакцию.

— Ты удивлен, но тем не менее это так. Я действительно поэт и музыкант.

Хану все казалось очень странным: они, пережившие столько приключений и опасностей, сидят сейчас в этом холле и понятия не имеют о том, что ждет их в будущем. Сидят и рассуждают о музыке. Однако им пришлось прерваться. Музыка смолкла, сразу же наступила мертвая тишина. Ее нарушило только жужжение нескольких моторов. Видимо, кто-то из музыкантов забыл или не успел выключить их. Но вот и это прекратилось.

Мажордом, который привел их сюда, вышел на середину комнаты и торжественно провозгласил:

— Лорд Эвинг и его уважаемые гости!
Затем удалился Хан и Лизендири встали.

Двое вышли из-за занавеса и направились к столу, улыбаясь, видимо, очень довольные друг другом.

Это были леры, хотя слуги все были людьми. Хан и Лизендири знали и того, и другого: коротенький лысый — это Хатингар, высокий лер — тот самый, кто сказал Хану в Бумтауне, что его имя в переводе с языка леров означает «азбука». Он был одет в черную мантию, украшенную серебром. Первым заговорил Хатингар, старый лер почтительно ждал. Вероятно, он, хотя и именовался Лордом Эвингом Холдом, полностью подчинялся Хатингару.

Хану и Лизендири ничего не оставалось, как ошарашенно смотреть друг на друга, после того как они узнали своих хозяев.

VIII

Цель эволюции — это создание автономных существ, способных приспосабливаться, менять свою структуру в зависимости от окружающей среды. «Люди», как мы определяем гуманоидов, или леров, еще не достигли полного единения с окружающей средой. Мы не можем предвидеть их решение в том или ином случае. И даже не можем оценить его мудрость.

Аль Тванскорози Ктав
Книга Судного дня

— О, мы встречаемся уже третий раз! — сердечно воскликнул Хатингар.— Садитесь, наслаждайтесь отдыхом. Повара Эвинга искуснее, чем мои, и вообще лучшие на этой стороне планеты. Так мне говорили. Давайте, наваливайтесь, тут нет никакого обмана.

Он уселся и стал есть с видимым наслаждением. Эвинг дал знак музыкантам, те возобновили игру.

Хан и Лизендири опустились в кресла. Хан посмотрел на девушку. Она сидела неподвижно, как парализованная, глядя на двух врагов, расположившихся напротив. Хан наклонился к ней и сказал:

— Ешь, Лизен. Мы достаточно настрадались из-за этого дерhma, которое на их корабле называется пищевыми концентратами.

Лизендири посмотрела на тарелку так, как будто видела ее впервые в жизни, затем моргнула и стала есть.

— Прекрасный совет! К чему встречать будущее, каким бы оно ни было, голодными? Нам нужно хорошо поесть, подкрепиться, а, кроме того, есть о чем поговорить. А когда лучше всего дружески беседовать? За хорошим столом.

Хатингар с удовольствием играл роль радушного веселого хозяина.

Лизендири сверкнула на него глазами.

— Не представляю, о чем мы можем говорить.

— Да?

Его изумление было вполне искренним.

— Мне кажется, есть о чем. Но я должен выполнить обязанности хозяина. Позвольте представить своего друга Эвинга. А меня зовут, если отбросить всякие титулы, просто Хата.

Хан краем глаза заметил, что Лизендири вздрогнула при упоминании имени Эвинг. Хан понял в чем дело: в языке леров не было слов, оканчивающихся на двойную согласную. Их язык не допускал исключений, поэтому такое несоответствие резало ухо. Хата-Хатингар продолжал, он ничего не заметил:

— ...Эвинг следит за порядком на этой территории. И когда он обнаружил здесь вас, немедленно сообщил мне. Я прибыл сюда из страны Воинов на вашем корабле. Могу вас заверить — это великолепный корабль. Пылкий и порывистый, как молодая девушка. Я не знаю, зачем вы пришли, но теперь, когда вы здесь...

Хан постарался не выдать себя ничем при замечании о молодой девушке, но не смог. Хатингар и рассчитывал на это.

— Да. Я понимаю. Во время полета вы вступили в связь. Откуда я знаю? О, мне ведом язык тел, и от меня вам ничего не утаить.

Лизендири ответила Хатингару спокойно и холодно:

— Я сама решу свои проблемы. Когда наступит мой срок, я поступлю по закону.

— Фу! Мы уже давно наплевали на законы леров. Так что, Лизендири, если тебе нужны игрушки для тела, бери их. Это твое право, и никто не будет осуждать тебя.

Хан прервал его.

— Сейчас не время обсуждать игрушки. Мне кажется, ты в плену неверной концепции. Хата, уже давно дока-

зано, что леры вовсе не супермены, а просто другие, не похожие на людей, гуманоиды.

— Это мы увидим потом.

Лизендир спросила:

— А какие планы относительно нас?

— Хороший вопрос — хороший ответ. Во-первых, никто не собирается наказывать вас. Тебе, Лизендир, обеспечено место в нашей Орде. И тебе, Хан, тоже. Ты будешь учить нас управлять кораблем. Вы поняли, что наш корабль, который называется «Молот в руке», уже совсем старый, и у нас с ним очень много проблем. Я знаю, ты не техник, но можешь здоров помочь нам. Оба вы — незаурядные личности. Дважды вам удалось сбежать от меня, вы сумели добраться до замка Эвинга, куда не смог пройти ни один из живущих на планете. И вы не просто выжили, вы находитесь в прекрасной форме. Так что вы нужны нам.

Эвинг добавил:

— И, разумеется, получите вознаграждение в соответствии с той службой, которую вы будете выполнять у нас. Оба вы сможете выбрать себе пару. Для тебя, девушка, проблем здесь не будет. У нас много Воинов, и ты сможешь взять столько их, скольких захочешь. Тебя, Хан, тоже ждут сюрпризы. Дело в том, что мы приручаем людей, культивируем, выводим разные виды в зависимости от возможностей каждой индивидуальности. И достигли в этом больших успехов. Мы выводим слуг, сельскохозяйственных рабочих, техников, а также людей, предназначенных для развлечения. Я знаю, что люди держат домашних животных. Леры никогда не занимались этим, и теперь мы восполнili этот пробел.

Хан спросил:

— Это новая идея или старая?

— Старая, как мир.

— Удивляюсь, что вы решились идти по этому пути, — сказала Лизендир. — Вы отказались от мудрых принципов, на которых зиждется эволюция. В вас течет кровь Сандзирми?

— Мы действительно потомки этой великой праматери. С людьми мы столкнулись позже. И совершенно случайно. Одних стали сразу приручать, других поселили на планете, чтобы они жили в состоянии дикости. Это было давно, очень давно.

Хан спросил:

— А что будет с нами, если мы откажемся от твоего предложения?

— Я дам вам мешок зерна и отпушу. Делайте, что хотите. Да, что хотите. Я хочу проучить вас, а не уничтожить. Уничтожение — не самое важное и умное дело, хотя и простое. Так что отказывайтесь и идите своим путем. Но учтите — вам не покинуть планеты. Здесь всего два корабля. Вам не поднять местных жителей — ни людей, ни леров на восстание. Они убьют вас как еретиков, если вы станете рассказывать свои басни. Ведь они выживают здесь только благодаря нашей помощи. Без нас они давно бы питались корнями и жили в пещерах. Теперь о вас. Ты прекрасно знаешь, что скоро произойдет, Лизендири. Сейчас вы любовники, но когда настанет время ее, она либо уйдет, либо возненавидит тебя. Так что вы затратите свои жизни впустую. Можете уходить. Я щедрый. Даже дам вам мешок зерна на дорогу. Идите в Лелиас и живите там, как животные.

Хан ощущал холодок отчаяния, Хата нарисовал удивительно точную картину. У них был выбор, и в то же время его не было.

Лизендири сказала:

— Все это звучит прекрасно. Жестоко, но вполне приемлемо. Однако у меня есть несколько вопросов.

— Ты получишь ответы.

Хан почувствовал торжество в голосе Хаты. Он ожидал его, но Лизендири! Что она собирается узнать у этого монстра? И тем не менее он отчетливо слышал в ее голосе интерес и любопытство. Он внимательно посмотрел на нее, но не смог прочесть ничего на ее лице. Он ощущал, как холод пробежал по его телу. Не собирается ли она предать его? Все, что связывало их в прошлом, — их отношения — все вдруг перестало иметь значение. Он взглянул на нее. Лицо, которое он так хорошо знал, стало чужим. В нем уже не было участия, нежности, не было обещания... Оно стало лицом статуи, пустым, хотя и живым, даже выразительным. Хан не увидел в нем любви. Это было лицо женщины чужой расы, поступки которой он был понять не в силах.

Разговор продолжался, и Хан все время смотрел на Лизендири, стараясь понять, что кроется за этими теперь чужими чертами. Ее лицо ничто не открывало ему. Оно было каменным, далеким, абстрактным. Она смотрела на стол, на музыкантов, на слуг, на Хату и Эвинга. Эти двое сейчас вкрадчиво, но упорно убеждали ее в необходимости

мости перейти на их сторону. Хотя Эвинг совершенно определенно знал, что подчинен Хате, здесь он играл сейчас более важную роль. Видимо, был более компетентен в некоторых вопросах. Хан не мог следить за их беседой, так как она велась на древнем языке и касалась вопросов теологии. Хан плохо знал языки, а в теологии леров не разбирался вообще. Лизендири же, казалось, этот вопрос совершенно не интересовал.

Аргументы Хаты и Эвинга были исчерпаны, но результат разговора остался неясен для Хана.

Хата махнул рукой музыкантам, и тут же некоторые из них поднялись, отключили свои инструменты и ушли. Остальные продолжали играть, как бы не заметив ухода товарищей. Из боковых дверей холла появились другие музыканты, с новыми, еще более странными инструментами. На сей раз это были духовые инструменты самого разнообразного вида. Вновь прибывшие музыканты были похожи на тех, кто еще оставался, и в то же время чем-то отличались от них. Они сели на освободившееся место и тут же включились в игру. Хан прислушался к музыке, но у него тут же заболела голова от тщетных попыток почувствовать мелодию чужой музыки. Хан тут же бросил эти попытки, поняв их бесполезность.

Эвинг обратил внимание на попытки постичь новое для него искусство.

— Это непростая музыка,— сказал он, наклонившись к Хану.— Она основывается не на мелодии и поэтому совершенно не воспринимается человеком. Странно, но даже сами музыканты не могут запомнить ее. Им приходится играть по нотам.

Хан вежливо кивнул. Хата снова потребовал к себе внимания. Он говорил крайне доверительно.

— Я не обещаю, что у нас вы будете иметь неограниченную свободу действий. Здесь это — удел немногих, самых высокопоставленных. Чем ниже слой общества, тем меньше свобода выбора. Ты, Хан, вообще не принадлежишь ни к какому классу нашего общества, и, следовательно, у тебя вообще не будет выбора. Так что тебе остается только присоединиться к нам или возвращаться в Лелиас. У Лизендири выбор есть, но только номинальный. На самом деле он тоже ограничен.

Хан отвернулся от Хаты, размышляя, и тут заметил, что Эвинг внимательно слушает музыку, как бы прослеживая мелодичные линии. Хан посмотрел на музыкантов. Те были полностью поглощены игрой. Он снова вернулся

ся к своей проблеме: идти с Хатой или возвращаться в Лелиас. Тщательно обдумал оба варианта. Лелиас был, конечно, предпочтительнее: ведь там, по крайней мере, свобода, хотя бы внешняя, нет Воинов. Но — свобода бессмысленная. Ведь ему грозило остаться там навсегда. Идти к Воинам страшновато, но зато он окажется поблизости от корабля. И, кто знает...

— Я решил, Хата, — сказал он. — Иду с тобой, хотя это и не доставляет мне особой радости.

Лизендири проговорила без всякого выражения:

— И я тоже.

В ее голосе Хан не уловил и тени надежды.

Музыка продолжала звучать. Звуки были полны гармонии, обертонов. Они как-то странно тревожили, возбуждали Хана, будили неясные подозрения.

Лизендири спросила:

— Интересно, почему ты пытался захватить нас на Челседоне? Почему не послал отряд?

— Во-первых, там я был один. Требовался шпион высшего класса, как я. Я там был наблюдателем и, если нужно, должен был направлять общественное мнение в нужную сторону. Помнишь Ефрема? Мы захватили его, дали мешок денег и отпустили, чтобы он распространял слухи о нас по всей вселенной.

— Но вы же убили его, он так и не смог рассказать всю правду! — воскликнул Хан.

Хата задумчиво ответил:

— Мы здесь ни при чем. Ты удивил меня этой новостью, если это правда.

— А как же? Я сам видел труп.

Тут Хан почувствовал, что Лизендири толкнула его под столом, приказывая молчать. Он так и сделал. Он намеревался сообщить, что в это же время на Сибрайте был Эвинг, но Лизендири по каким-то причинам не желала этого. Эвинг ничего не заметил. Он слушал музыку.

Хата обратил внимание на паузу, но не понял ее смысла. Он продолжил:

— Я был один. Вы очень удивили меня. Я решил, что вы либо совершенно глупы, либо очень хитры, поэтому решил захватить вас, так как склонялся к тому, что вы шпионы высокого класса, ключевые фигуры. Но дальнейшие события убедили в противном. Вы — всего лишь игроки в руках какого-то могущественного игрока. Силы этого игрока я пока не знаю и поэтому должен предпринять дальнейшие расследования. Наблюдая за вами, мне ка-

жется, я приблизился к решению проблемы. Пожалуй, могу получить от вас ответы.

Лизендир произнесла:

— Но этих ответов мы сами не знаем. Однако раз уж решили присоединиться к вам, то если что-нибудь узнаем, поделимся с вами. А сейчас скажи, чем вы заменили обычную клановую систему леров? Этот вопрос волнует меня с тех пор, как мы сели на эту ужасную планету.

— Интересный вопрос, Лизендир, и я отвечу на него. У нас несколько систем. Обычная, клановая с четырьмя основными членами не удовлетворяла нас. Она была слишком реакционна. Новые поколения не восприняли идей Сандзирми. Поэтому мы разработали новую систему, но сначала попробовали парную, принятую у людей.

— Но вы должны знать, что это приведет к субрасовым ветвям.

— Да, и обнаружили это очень быстро, гораздо быстрее, чем ожидали. Этот факт до сих пор не получил объяснения. Потом мы приняли систему триад. Леры, которые живут парами, были отнесены к низшему классу. Они не Воины и живут так, как люди, которые находятся в самом низу общественной лестницы. Леры высшего класса распределяются по трое более или менее случайным образом.

— Понятно, — сказала Лизендир. И выдохнула: — Хмад!

Это слово прозвучало как оскорбление, но ни Эвинг, ни Хата не отреагировали на него. А для Хана оно вообще не имело никакого смысла.

Хата добавил:

— Такие триады существуют, пока их члены не погибают. Вот я сейчас остался один, так как члены моей триады убиты.

— Ну, хватит. Я должна привыкнуть к новому порядку, раз уж мне придется жить в этом мире.

— Хорошо, завтра вы увидите еще больше.

— Почему завтра? — обеспокоенно спросил Хан.

— Ничего здесь нет таинственного. Просто уже поздно. Я летел сюда весь день и устал. Мне нужно восстановить силы. Лизендир, как вы желаете провести ночь, вместе или отдельно?

— Вместе, — быстро, без колебаний, ответила она.

— Пусть так.

Эвинг сделал знак музыкантам.

Те остановились мгновенно. Вперед вышел мажордом и замер в почтительном ожидании. Эвинг и Хата подня-

лись с кресел и ушли. Хан и Лизендири молча последовали за мажордомом через длинные коридоры, обширные холлы, темные лестницы. Снова они оказались в комнате, где отдыхали до ужина.

Только теперь здесь было тепло и уютно. За ними с глухим щелчком захлопнулась дверь. Они оказались заперты.

Когда Хан освоился в комнате, он понял, что устал, и начал раздеваться. Лизендири погасила лампы и принялась растирать свое тело ароматным маслом. Через высокое зарешеченное окно в комнату смотрела одинокая звезда. Хотя глаза Хана быстро привыкли к темноте, он не заметил, как Лизендири скользнула к нему в постель и прижалась всем телом.

Он наполовину отвернулся от нее и спросил:

— Ты действительно думаешь, что мы поступили правильно? Или просто хочешь вернуться к своим? Но я никогда не смогу считать их своими.

Она ничего не ответила, снова обняла. О, он хорошо помнил эти вкрадчивые зовущие движения. Было невыносимо чувствовать ее тело так близко, ощущать аромат кожи, волос... Она стала шептать на ухо Хану что-то ласковое, нежное. Он стал разбирать ее слова.

— Слушай меня внимательно. Теперь нам не поговорить с тобой иначе, только так. Так что не отвлекайся. Я уверена, что мы с тобой все время будем под наблюдением.

Ритм, музыка ее слов пробуждали у Хана необузданное желание, но смысл ее речей пронизывал его, как ледяные иглы холодного тумана. Мягкий нежный голос продолжал произносить жестокие слова тоном любовных признаний, и Хан был вынужден слушать их, хотя они вносили в его душу смятение.

— Не подозревай меня в расовой привязанности. Я люблю тебя больше, чем любого из этих обезьян, хотя они одной со мной крови. Однако выхода у нас нет. Нам нужно идти к ним. Ты поступил правильно. Лелиас — всего лишь призрачная свобода, грязь... Теперь скажу о нас, чтобы ты все понял. Считай, что смысл наших отношений — в двух словах: любовь и секс. Знай, я отдала тебе тело не из чувства слабости или похоти. Чушь! Я достаточно тренирована и вполне могла сдержать себя... — голос ее был нежным, но слова...

Хану казалось, будто они жгли его, кололи, как кинжалы. Он застонал.

— Я понимаю тебя. Мое тело влечет неудержимо.

Ты не можешь совладать с собой. Звук моего голоса околдовывает тебя. Но ты должен выдержать и выслушать. Я подозревала этого Хату с самого начала, но колебалась, и в этом была моя ошибка. Мне нужно было действовать. Ты понимаешь, почему мы придерживаемся клановой системы общества. Отказаться от нее — значит открыть дверь непредсказуемому хаосу. Хаосу мутации. Помни, мы были созданы искусственно. Это животное Хата одержим одной мыслью: уничтожить и людей, и леров. Мы обязаны остановить его, но для этого нужно сблизиться с ним и Воинами. И еще. Хата не знает, что Эвинг покидал эту планету. Держи это при себе. Хата пока доверяет Эвингу, а мы оба давно открыли, что Эвинг — не лер, он просто похож на него. Может, это косметика. Видел, как он слушал музыку? А имя? Ни одно наше имя не оканчивается на две согласных. Могу только предположить, что ждет нас в стране Воинов. Но прошу тебя: если мы когда-нибудь вернемся в цивилизованный мир, ты должен помочь мне войти в клан. Хорошо?

Он кивнул.

— Я помогу тебе вернуться к людям. Ну, а сейчас для нас наступает трудное и опасное время. Мы должны делать все, чтобы выжить. Ты должен действовать так, словно меня нет. Тем более, что скоро придет срок, когда я стану способной к деторождению. Ты должен уже сегодня отвергнуть меня. Должен!

Он буквально онемел. Сколько же времени она опутывала его сетью своих слов? Хан выглянул в окно. Там светила все та же звезда. Значит, не более нескольких минут. Но он запомнил все ее указания. Сопротивляться было трудно, но постепенно он овладел своими эмоциями, отбросил прочь плотские желания и оттолкнул Лизендири.

— Нет!

— Но эта ночь последняя для нас!

— Нет, я не могу быть игрушкой для тебя.

Она отодвинулась от него, но в слабом свете, льющемся из окна, он заметил, что она подмигивает ему. В полуночке он различил ее нежное плечо. Она оттолкнула его на край постели.

— Как хочешь, но я буду спать здесь. Мне холодно. Подвинься.

Хан долго не мог уснуть. Вскоре дыхание Лизендири стало ровным и глубоким. С момента отбытия с Челседона у него не было возможности поразмыслить. Время требовало действий, и он действовал. Требовало реше-

ний, и он принимал решения,— самые оптимальные при соответствующих обстоятельствах. И вот теперь решение приняла Лизендири. Спать было невозможно. Его возбужденный мозг обдумывал, что может ожидать их впереди.

Утром их разбудил все тот же мажордом. Он проводил их в большой холл, где они обедали накануне. Там их встретил довольный Хата. Он говорил с ними весьма дружески, особенно с Лизендири, которой даже предложил место за столом. Хан пристально наблюдал за ним и постепенно пришел к выводу, что в эту ночь за ними следили. Прекрасно, значит, они смогли обмануть Хату. Но вдруг он заподозрил, что Лизендири дурачит его. Да нет, невозможно. Она не способна на коварство. Если бы она хотела расстаться с ним, она могла бы сделать это тысячу раз тысячу способами. Теперь, если и дальше удастся дурачить Хату, если ему и Лизендири удастся приблизиться к кораблю... Если, если...

Хан старался не вступать в застольную беседу. Он притворился хмурым, злым. Хата обращал на него мало внимания. Видимо, он полностью поверил в разрыв между Ханом и Лизендири, и это его вполне устраивало. Хата разговаривал с Лизендири и искусно старался вытянуть у нее сведения о Союзе, о лерах, их оружии, средствах обороны и нападения. Однако она умело избегала таких тем, как рыба спасается из сети, проскальзывая сквозь ячейки. Хан слушал их разговор и в который раз после их первого знакомства восхищался девушкой, видя ее в новом для себя свете. Она успешно противостояла в хитрости самому Хатингару, главе экспедиционного корпуса Воинов, умному, осторожному, опытному.

Когда с завтраком покончили, Хата нетерпеливо махнул рукой. Тут же появились девять Воинов. Все они были моложе и Хана, и Лизендири. Хан сразу понял, что это фанатики, готовые выполнить любой приказ Хаты. Они были снабжены разнообразным оружием. Некоторые типы оружия Хан узнал, другие были ему не известны.

— Естественно,— заговорил Хата,— для разумных существ очевидное не нуждается в объяснении. Это все равно, что растолковывать хороший анекдот. От этого он только теряет свою прелест. Я вовсе не желаю испытывать неприятности оттого, что кому-то из вас захочется проявить ненужную храбрость. Итак, Хан, ты поможешь управлять кораблем. Я уже немного умею делать это,

так что смогу контролировать, правильно ли ты поступаешь. Уверен, что ты способен подстроить аварию, но все равно хотя бы один из нас, десятерых, останется в живых и прикончит тебя и Лизендири.

— Мне все ясно. Я сделаю все, что ты желаешь.

Они покинули холл и пошли по извилистому коридору к тому месту, где стоял корабль. После темноты замка яркий дневной свет подействовал на Хана, как удар.

Было раннее утро северной осени. Солнце висело низко над зазубренными вершинами гор. Воздух был прозрачен, как вода источника, и богат голубыми и фиолетовыми оттенками, небо затянуто облаками, которые на севере казались серо-стальными, угрожающими, а на юге — бледно-голубыми, легкомысленными. Хан осмотрелся. Перед ним открылся ландшафт ошеломляющей красоты: горы с покрытыми снегом вершинами, яркое солнце, медленно плавающие по небу облака... А вот и корабль! Стоит возле каменной гряды. Он тоже красив. Когда они направились к нему, мерзлая земля заскрипела под ногами. Перед тем, как подняться на Палленбер, Хан задержался на трапе и бросил взгляд на горы.

Хата заметил это.

— О, ты оценил их красоту. Эти идиоты из Лелиаса не понимают ее, боятся этих прекрасных гор, думают, что там живут демоны.

Хан мог поверить в это. Кто еще мог жить среди обнаженных вершин, кроме демонов и злых духов? Планета была поистине красива, но это была злая красота, скорее, пробуждающая страх, чем восхищение.

Хата продолжал:

— Мы называем эти горы «Стена Вокруг Мира». Конечно, здесь преувеличение. Они не охватывают всю планету. Но такой горный массив существует только здесь, и ни на какой другой планете. Горы так высоки, что препятствуют циркуляции воздуха. Именно поэтому здесь можно жить. Если бы ветры могли гулять беспрепятственно, на поверхности планеты ничего не осталось бы. Говорят, эти горы еще растут в высоту.

Когда они вошли на корабль и очутились в рубке управления, Хан почувствовал себя увереннее. Воины, окружавшие его, внимательно следили за каждым его движением. Нет, сейчас не время что-либо предпринимать. Лучше выждать. Может возникнуть ситуация, при которой у него будет хоть небольшой шанс на успех.

Хан запустил одну за другой все системы корабля, затем повернулся к Хате и сказал:

— Все готово.

— Хорошо. Лети. Направляй корабль прямо.

Он повернулся к Воинам, стоящим в рубке управления, и сказал им что-то. Хан не понял слов, но смысл их был понятен и так:

— Убейте его при малейшем подозрении!

Хан повернулся к панели управления, затем снова взглянул на Хату.

— Подожди! Можно лететь на ручном управлении, а можно с помощью автопилота. Это требует меньших затрат энергии, и пилот отдыхает. Но я не могу включить автопилот, так как у меня нет данных о планете, размерах, массе и многоего другого...

— Я не располагаю такой информацией. Мы не пользуемся автопилотом. Когда мы летим куда-либо, просто поднимаемся повыше, чтобы ясно видеть препятствия.

Впервые Хан выглядел смущенным.

— Я могу взлететь вертикально, откалибровать высоту и определить массу и размеры, измерив силу тяжести и угловой диаметр. Потом ты мне скажешь, в каком направлении лететь, и я включу автопилот.

— Поднимись вверх и лети на такой высоте, чтобы горы остались внизу. Между этой страной и страной Воинов других гор нет.

Теперь, казалось, не только смущение овладело им, но он оказался в полном замешательстве. Почему?

— Хорошо.

Хан включил двигатели, и корабль взлетел вертикально вверх. Планета осталась далеко внизу. Она почти вся была в тени. Южная часть была затянута плотным туманом, небо северной части — в рваных облаках. Хан остановил полет и стал выполнять цикл измерений. Планета оказалась громадной по размерам, даже больше, чем Челседон. Закончив измерения, он сказал Хате, что готов включить автопилот, настроив его на курс, который укажет Хата.

Вскоре все было сделано, корабль лег на курс, и Хан с облегчением откинулся в кресле. Хата наблюдал за ним с изумлением. Видимо, он и понятия не имел, что корабль может управляться таким образом. А они еще летают в космосе, эти идиоты! Какой же энергией пользуются? Однако он не стал раздумывать над этим, так как внизу проплывали горы — Стена Вокруг Мира.

Обнаженные скалистые вершины были совсем рядом. Казалось, до них можно дотронуться, хотя на самом деле их отделяло несколько миль. За горами виднелось солнце, небо над ним казалось совсем черным, за исключением пепельно-жемчужной полосы на северной стороне.

Корабль теперь летел над высокими долинами. Хан смотрел на безрадостные пустынные скалы. Ему казалось, что именно здесь он и Лизендири шли несколько месяцев назад. Правда, он не мог заметить ничего, что подтвердило бы это предположение. Хан взглянул на высотомер. Несколько миль над уровнем океана. И они шли здесь! А вот и кратер справа. И полоса кустов, которую они видели с корабля Воинов. Больше ничего нельзя было разглядеть.

— Хата, когда ты заметил, что мы сбежали с твоего корабля?

— Очень быстро. Я сразу заподозрил это, когда увидел, что молодая леди исчезла, а все ее охранники лежат без сознания. Я должен был бы оставить побольше охраны. Сейчас она настроена миролюбиво, и все же мне иногда кажется, что следовало бы сделать что-нибудь, чтобы она стала совсем безопасна. Но даже и тогда нельзя быть ни в чем уверенным.

Он вежливо кивнул Лизендири:

— Верно, дорогая?

Она улыбнулась легким движением губ. Эту гримасу даже нельзя было назвать улыбкой.

Хан снова повернулся к главному экрану. Впереди лежала незнакомая страна. Она была покрыта туманом, но сквозь него можно было кое-что увидеть. Хан решил, что когда-то здесь были горы, но теперь вся поверхность изрыта болотами и озерами. Сверху озера казались гигантскими медузами, которые рас простерлись на земле, обнимая ее своими щупальцами и высасывая жизненные соки.

Вскоре Хану стало ясно, что они находятся на другой стороне планеты. Путешествие длилось всего час, а уже ощущалось приближение полярной ночи. Хан взгляделся в землю и увидел вдали какую-то громаду. Это был корабль Воинов, такой огромный, что его можно было разглядеть даже с высоты орбитального полета. Хан повернулся к Хате:

— Как вам удается посадить этого монстра и почему он не разлетается на куски в гравитационном поле?

— Очень просто. Мы никогда не выключаем двигателей.

— Никогда?

— Никогда. По крайней мере, пока корабль не нуждается в ремонте и переоснащении.

Лизендири все время пути молчала. Но сейчас, когда они приблизились к кораблю, вдруг сказала:

— Неужели это тот самый корабль леров, на котором они покинули Землю и улетели к звездам?

— Да. Это он, хотя в значительной степени переоборудованный и обновленный. Нам пришлось много потрудиться, чтобы корабль мог удерживать вокруг себя метеориты и управлять их движением на больших расстояниях. Внешняя оболочка тоже другая. Пришлось значительно увеличить размеры корабля, правда, при этом возникла проблема, о которой сказал Хан. Его размеры и масса таковы, что если мы выключим двигатели, он развалится от собственного веса. К тому же в корабле много течей, нам приходится постоянно поддерживать внутри него давление.

— Хата, скоро мы будем в зоне обнаружения ваших станций. Операторы не знают о нашем появлении и могут нанести удар. Не следует ли предупредить их?

— Нет. Никто не следит за нами. Посмотри на небо. Ведь мы на краю галактики. Оттуда никто не может прилететь.

Хан взглянул на экран. Звезд на нем почти не было.

— Ты сам понимаешь, что нам опасаться некого. Твой народ невообразимо далеко отсюда — там, где густое скопление звезд.

— Я не милитарист, не военный, но скажу, что такое мнение глубоко ошибочно. Да, люди пока освоили лишь малую часть галактики, но отнюдь не исключено, что они могут появиться здесь никем не замеченные. Ваш корабль будет для них прекрасной мишенью, подсадной уткой. Вы, по крайней мере, могли бы высыпать патрули. Ведь можно для этого построить несколько маленьких кораблей.

— Это не твое дело.

— Да?

Хан почувствовал, что зашел слишком далеко, но опасности большой не возникло. Можно попробовать двигаться дальше.

— О, я решил, что теперь, когда мы сотрудничаем, я мог бы оказать некоторую помощь. Вы могли бы использовать меня не только при создании космического оружия. Например, когда я поднял корабль и начал производить измерения, то обнаружил любопытное явление,

какую-то аномалию в системе. Похоже, поблизости находится корабль, так тщательно замаскированный, что я не смог его обнаружить. Поток энергии был слишком слаб, чтобы можно было определить направление на его источник с одной точки в пространстве. Следовало бы провести измерения с разных точек, однако мне не представилась такая возможность, и я могу только с уверенностью сказать, что в данной планетной системе имеется таинственный источник нейтрино.

— Может быть, это был наш корабль? — спросил Хата.

— Нет, он не аномалия, а гигантский сгусток энергии. Даже не имея большого опыта оператора и без хорошей аппаратуры я смог бы обнаружить ваш корабль даже на расстоянии, равном расстоянию до Челседона. А с хорошей аппаратурой можно наблюдать ваши перемещения даже с Земли.

Хата не встревожился, лишь спросил:

— А это не горячий газовый гигант? В нашей системе есть огромная газовая планета с необычайно высокой температурой. Таких мы еще не встречали во вселенной. Сейчас она за солнцем, но скоро будет видна.

— Нет. Газовые гиганты, даже самые горячие, не имеют подобного излучения. На большом расстоянии ощущаются только инфракрасные лучи, излучаемые ими. То, о чем я говорю, похоже на мощный источник энергии. Впрочем, ваши приборы, находясь под высоким давлением, могут вратить. Однако я уверен: нам удастся обнаружить его.

— Приземляйся здесь, возле корабля. Поговорим об этом позже.

Хан выполнил приказ Хаты, опустившись рядом с «Хаммерлэндом» — так назывался корабль Воинов. Действительно, его двигатели работали! Видимо, источники энергии корабля были не ограничены по мощности. Нет, игнорировать их нельзя, однако Хата уклонился от разговоров о системах защиты. Видимо, он понимал, что при первом столкновении с вооруженным противником это чудовище взорвется само и при этом уничтожит солнечную систему — так велики запасы его энергии. Воины, конечно, отважны до безумия, как те люди прошлого, уверенные, что обладают самым совершенным оружием. Предела совершенства здесь нет. Всегда против ножа найдется меч, против меча — пистолет — и так до бесконечности.

Когда они приземлились, Хан увидел на борту корабля

эмблему: гигантский кулак сокрушает башню. Вокруг сверкают молнии, а с неба на все это смотрит красный глаз. Обитатели башни с перекошенными ужасом лицами падают прямо в ад. Это напомнило ему что-то... А, да, изображение на старинных картах. Хан взглянул на Лизен-дир. Та тоже рассматривала эмблему, но на лице ее не было ни страха, ни суеверного поклонения.

Хан понимал, что корабль Воинов огромен, но когда он приземлился рядом с ним и взглянул на него, был потрясен. Это чудовище будто возвышалось над всем миром. Поистине чудовище! Оно достигало высоты семь-восьмь миль и примерно столько же было в диаметре в самой широкой части. И Хата утверждал, что корабль буквально нашпигован техникой!

Лизендир думала о другом. Она обратилась к Хате:

— Ты сказал, что вы использовали старую оболочку. Неужели и энергетические установки корабля те же, что были в самом начале?

— Понятия не имею, но думаю, что те. Я не занимаюсь техникой. Мое дело — войска, командование.

Хан подумал, что это самая распространенная ошибка в истории. Правители, которые предпочитали только отдавать приказы, становились жертвами интриганов, затевающих заговоры. Такие правители, ничего не понимая в отношениях между людьми, полностью доверяли свои внутренние дела интриганам и в конце концов становились игрушками в их руках.

Лизендир продолжала:

— Мы отказались от таких энергетических систем много лет назад. Мы продали ее людям, но те обнаружили в ней что-то, чего не заметили мы. Оказывается, эта система преобразует пространственную решетку в какую-то новую модификацию, совершенно нам не известную и потенциально опасную. Мы отказались от этого принципа, а люди переконструировали систему. Я не знаю подробностей, да и вообще ничего не понимаю в технике.

Хата немного подумал и сказал:

— У нас, насколько я знаю, никаких проблем, связанных с энергетической установкой, не возникало. Правда, какие-то слухи ходили, но я не обращаю на них внимания.

Хан задумался о завоевателях прошлого.

В те времена, когда люди и леры жили на одной планете, космических завоевателей не было. Даже для самых мощных кораблей межпланетные пространства были слишком огромны. Так с чем же можно было сравнить ситуа-

цию, которая сложилась на этой планете? Тамерлан с атомной бомбой? Или Гитлер с космическими кораблями? Да. Но только те, кто обладал могучим оружием, могут пользоваться им. Ни создавать новое, ни восстанавливать старое они уже не были способны, им не хватало знаний. И эти леры! Величайшие теоретики! Что же случилось здесь? Но что бы ни произошло, объяснить это было невозможно. Корни происшедшего лежали в далеком прошлом. Может быть, даже во временах легендарной Сандзирми.

Однако Хата не дал ему времени на размышления.

— Выключай двигатели. Мы уходим.

Тот неохотно подчинился, затем поднялся с кресла пилота и вышел за остальными.

Вблизи корабль леров казался еще более чудовищным. Он царил над планетой. Нос скрывался в тучах, и, вероятно, вокруг непрестанно сверкали молнии. Рядом на огромном пространстве вокруг корабля лежало множество метеоритов: глыбы железа диаметром в четверть мили.

Хан отвернулся от корабля и осмотрелся. Да, здесь зима уже была совсем близка. Сгущалась тьма. Низкое солнце бросало скудные лучи на приземистые строения, видневшиеся в Долине. Дома громоздились в немыслимом беспорядке. Это был город и вместе с тем не город, просто место, где жили леры, причем поселились они здесь без всякой причины. Они могли поселиться с таким же успехом в любом другом месте. Хан подумал: а есть ли здесь люди?

— Это Паннона Плейя. Здесь живем мы, но, конечно, не привязаны к постоянному месту жительства. У нас много поселений, каждый может обосноваться, где хочет. Вон там большое озеро, и многие предпочитают жить возле него.

Хан увидел вдалеке несколько фигур, но не смог в полутиме различить, люди это или леры. Скорее всего, это были Воины. Они шли к какому-то зданию, размеров которого Хан не смог определить, так как верхние этажи скрывались во тьме. Внутри здание показалось чем-то вроде административного центра и в то же время напоминало казарму. Тем не менее, несмотря на скудость обстановки, здесь было довольно уютно.

— Это, — сказал Хата, — мой дом. Пока я поселю вас здесь, а там посмотрим.

— Ты главный в этом селении? — спросила Лизендири.

— Нет. Я подчиняюсь большой Триаде. Я... примерно

то, что вы называете Министром иностранных дел. Во всяком случае, так было раньше. Но в последние годы у меня было мало работы.

Хата провел их в небольшую гостиную и мановением руки отоспал охранников прочь. Хан решил, что они не ушли далеко и при малейшей тревоге немедленно окажутся здесь. Хата уселся в кресло, Лизендири осталась стоять.

— А сейчас перейдем к делам. Садитесь, устраивайтесь поудобнее. Я полагаю, что вам не совсем ясна ваша будущая служба. Но что делать? Все мы рабы обстоятельств, и нам приходится делать не то, что нам хочется. Так что давайте работать! И сначала определим ваши задачи.

Лизендири опустилась в кресло.

— Если мне придется обучать всех леров, я умру от старости раньше, чем добьюсь какого-то прогресса.

— Ну, конечно, не всех. Только избранных, элиту. Надеюсь, весь курс займется у тебя всего год.

— Пусть так. Но, может, мне лучше обучать тренеров, которые затем займутся остальными. Тогда все будет быстрее.

— Не стоит. Группа совсем небольшая. Ведь то, чему ты будешь обучать, очень опасно. Мы не хотим, чтобы многие владели его тайной. Я приведу эту группу, и ты оценишь их пригодность к обучению. Если они не подходят, заменим их. Я верю, что особи высшего ранга должны иметь привилегии. Но я верю в советы и экспертов, и профессионалов. Личная дружба хороша в личных отношениях, но когда на карту поставлены интересы государства, первое место должны занять способности и знания, а не амбиции. За успешную работу ты, Лизендири, получишь право выбрать себе мужа из всей орды. Понимаешь?

Лизендири смотрела на Хату и ни словом, ни жестом не выдала своего отношения к перспективе, которую он нарисовал. Но Хан долго размышлял над этим. Право выбора! Но ведь для общества леров это представляет смертельную опасность, катастрофу! Хан видел также и то, что укрылось от Лизендири. Он понял, что Хата думает не только о завоевании новых миров, а в гораздо большей степени о завоевании власти над воинами. Он хочет, чтобы Лизендири обучила отряд леров, которых он мог бы использовать против своего народа — видимо, те, что стояли сейчас у власти, были достаточно сильны, в противном случае Хата выступил бы прямо сейчас. Ханом владели

смешанные эмоции. Было легко ненавидеть Хату в замке Эвинга или на Челседоне. Но здесь, в государстве Воинов, невозможно было не восхищаться хитрым и коварным умом Хаты, его целеустремленностью.

IX

Выдержки из доктрины Оппозитов

Причины изменения, истинные причины, а не воображаемые, совершенно неожиданы, многогранны. Более того, направление изменений в данной системе часто абсолютно противоположно ожидаемому. Когда в системе назревают изменения, она становится неуправляемой, хотя административный аппарат разбухает до бесконечности. Далее военная мощь системы увеличивается, даже если возможность войны минимальна.

Борзалий

Единственный постоянный аспект изменений — это флуктуации их скорости.

Вельдянзой Великий

Вода мягка и податлива. Единственное, к чему она стремится, — это занять самое низкое место. Но, тем не менее, она размывает высочайшие горы и устилает их обломками дно океанов. Космос тоже мягок и податлив, но он с пугающей легкостью поглощает все.

Жинверлис Слепой

Люди всегда помещают в свои сказки и мифы то, чего они лишены в реальной жизни.

Женнанскет

На следующий день Хата исчез, и Хану ничего не оставалось, как сидеть и размышлять, тем более, что когда он собрался осмотреть дом Хаты, то обнаружил запертые двери. Доступными остались всего несколько близлежащих комнат. Все они были пустыми. Да, по сути он пленник, хотя кажется свободным.

Лизендири же куда-то пропала. Она либо ушла с Хатой, либо была где-то в другом, недоступном ей помещении. Поэтому у Хана было много времени, чтобы размыслять над случившимся. И когда он перебрал в уме все факты, то выводы, которые следовали из них, оказались неутешительными. Все указывало на то, что будущее не сулило ничего хорошего — и не только ему.

Военный корабль Воинов представлял угрозу всей вселенной. Это была прекрасно отлаженная военная машина, которая в данный момент приводила в ужас две планеты — Челседон и Рассвет. Правда, на Челседоне не было космических кораблей вообще, а жители Рассвета не были вооружены ничем, кроме луков и мечей. Хан подумал, что при таких условиях он и сам мог бы править двумя планетами, имея всего лишь один Палленбер, который был гораздо меньше корабля Воинов. Воины могли бы расширить свои владения, но их корабль требовал ремонта. Поэтому им следовало торопиться.

Возникла и другая проблема. Корабль с его сложной техникой, огромной мощностью находится в руках народа, стоящего на низкой ступени культуры. Кто будет ремонтировать корабль? Заправлять его энергией? А ведь корабль мог пересечь всю галактику, его мощи хватило бы на уничтожение целой планеты. Те, кто обладал кораблем, понятия не имели об энергетических кривых, космонавгации и даже просто радиолокации. Они довели корабль до ужасного состояния. Его даже нельзя было оставить с выключенной энергетической установкой. Все это приводило к заключению, что существует какая-то высшая сила, которая тайно управляет примитивными Воинами.

И тут Хан вспомнил об аномалии, которую обнаружил, проводя измерения над планетой. Конечно, вполне возможно, Хата нарушил калибровку измерительных систем. И тем не менее Хан был уверен: в планетной системе не все укладываются в рамки его познаний. Чтобы определить это, потребовались годы изучения, наблюдений. Однако у Хана не было времени. Сейчас Хата владел двумя кораблями. Это представляло огромную силу — целый космический флот. А что если эта аномалия была вызвана каким-то неизвестным космическим кораблем, тщательно защищенным от обнаружения?

И это было не единственной тайной планеты. Вокруг нее существовало очень сильное магнитное поле. Без него на планете не могли бы жить люди из-за сильной радиации. Но магнитное поле экранирует радиацию. Тем не менее уровень ее достаточно велик, и она могла бы повлиять на жителей планеты.

Вероятно, дело обстояло следующим образом. Последователи Сандзирми укради корабль и постарались улететь подальше, где их не могли быстро обнаружить. Они нашли планету Рассвет и высадились на ней. Позже, исследуя близлежащее пространство, они обнаружили пла-

нету, заселенную людьми. Леры захватили людей, вероятно, желая сделать из них рабов. Тогда это не привлекло особого внимания: ведь в ту пору космические корабли часто пропадали без вести. В космических путешествиях всегда существовал элемент риска. Леры вернулись на Рассвет, чтобы создать новое рабовладельческое государство. Постепенно все технические навыки забылись, и новые поколения леров стали абсолютно безграмотны в техническом отношении. Корабль превратился в святыню, реликвию. Люди были приручены, порабощены, некоторые отпущены на свободу и предоставлены самим себе. О них можно было не беспокоиться. Покинуть планету они не могли, даже если бы верили в такую возможность. Постепенно и леры, и люди получили мощную дозу космического облучения. На людей это оказалось действие не сразу, а скорость мутаций леров сильно возросла. К тому же они давно отказались от системы воспроизведения, которая могла бы спасти их от этого. В результате они опустились по своим потенциальным возможностям ниже людей. Правда, для людей это не имело значения: ведь они за многие сотни лет привыкли к превосходству леров над собой. Леры опускались все ниже по ступеням цивилизации. Еще несколько тысяч лет — и они забудут речь, станут общаться с помощью жестов. Они растеряют то немногое, что имеют.

Но парадокс заключается в том, что леры, которые способны разве только на то, чтобы бросать копья, владеют могучим военным кораблем, использующим в качестве оружия метеориты! Все это ясно указывает на то, что Воины — лишь прикрытие какого-то высшего существа. Или народа? Но что он собой представляет? Каковы его цели? Хан хотел бы сейчас очутиться на Сибрайте, чтобы доказать Хетрусу, что его подозрения вполне справедливы. Однако у Хана очень мало шансов не только о чем-либо посоветоваться с Хетрусом, но вообще оставаться живым.

В полдень прибыли Хата и Лизендири, чем-то весьма довольные. Хата исчез снова, а Лизендири осталась с Ханом. Она быстро заговорила тихим голосом.

— Я не могу говорить долго и поэтому мало что смогу объяснить тебе. Ты должен принять все на веру. Хата скоро вернется. Слушай: во-первых, их система сексуальных отношений ужасна. Она не может привести ни к чему, кроме вырождения расы. Даже если Хата предложит тебе выбрать женщину, не отказывайся. Он уверен,

что наши отношения с тобой связаны только плотским вожделением. Он даже не знает о существовании высших чувств. Поступай, как варвар,— это он сможет понять и одобрить. Обо мне не думай, считай, что все делается для нашей пользы. Помни, та женщина, которая будет с тобой, тоже человек, как и ты. Понял? Хорошо. И дальше. На этой планете что-то не так. Я еще не осознала, что именно, но мне все это очень не нравится.

Хан понял, что должен будет принять решение сразу, без раздумий и возможности отступления. То, чем они были раньше, и то, что было, уже никогда не вернется. У них останутся лишь воспоминания. И он ответил:

— Я сделаю все, что смогу.

Времени больше не было. Хата возвращался. Он вошел в комнату.

— Мы крайне полезно провели время. Должен заметить, эта девушка — настоящий феномен. Ее служба будет очень ценной для меня. Кроме того, к своему удивлению, я обнаружил, что ты имеешь на нее сильное влияние. Поэтому я решил не разлучать вас.

Стараясь казаться равнодушным, Хан пробормотал:

— Это чудесно.

— А теперь, Хан,— сказал Хатингар, жестом отсылая из комнаты Лизендири, — теперь поговорим о твоей работе. Ты думал над тем, в чем вы сможете быть полезными?

— Да. Думал. Я считаю, что ваша система защиты может быть улучшена. Эти метеориты хороши, когда вы завоевываете мирные планеты. Но против военных кораблей, которые видят вас задолго до того, как вы обнаружите их... Понимаешь? Мне бы хотелось посмотреть ваш корабль, его аппаратуру.

Хан решил, что если Хата что-либо заподозрит, он не увидит в этой просьбе ничего опасного.

— Что же, в твоих словах есть мудрость. Я и сам думал над этим. Хорошо! Мы будем на корабле.

— Сейчас?

— Да, прямо сейчас. По пути все и обсудим.

Хата повернулся и вызвал охранника, который, видимо, ждал за дверью. Тот выслушал приказ, ушел, затем вернулся. Хата и Хан пошли за ним. Выйдя из дома, они подошли к одной из гондол. Через несколько минут они уже летели к кораблю. Вскоре Хата и Хан очутились на корабле. Снова Хан оказался там, где был вместе с Лизендири. Когда же? Полгода назад? Год? Хата повел Хана по лабиринту переходов. Наконец они оказались в боль-

шой комнате с низким потолком. Чересчур низким. Видимо, это был пункт управления. Везде стояли приборы, панели с кнопками, рычагами, дисплеи. Большинство приборов было выключено. В комнате сидела горстка людей — Хан не мог поверить своим глазам! — перед экраном радиолокатора.

Операторы вскочили, увидев Хату. Старший доложил, чем занимается группа. После этого начался общий разговор. Операторы с гордостью рассказывали о радиолокаторе, искренне убежденные, что это лучший прибор во вселенной. У Хана было свое мнение, но он держал его при себе. Радарная установка определения дальности и азимутального угла! Неуклюжие антенные системы на корабле! Чудовищно! Каменный век!

Хан выслушал все объяснения и тут же дал несколько ценных советов, благодаря которым эффективность системы могла повыситься без существенных переделок аппаратуры. Он также согласился взять на себя обучение второй группы операторов.

— А как у вас со связью? — спросил Хан.

Ответ, который он получил, ошеломил его. В самом корабле была телефонная связь, а на поверхности стола поддерживалась с помощью посыльных, а также световой сигнализации. Гелиографом. Источником света служили фонари. Код для передачи сигналов был очень сложным. Хан не стал предлагать радикальных изменений системы связи, только рекомендовал улучшить конструкцию фонарей, чтобы они могли посыпать сфокусированные лучи света в определенном направлении, а также разработал простой код, который намного ускорил передачу сообщения и уменьшил вероятность ошибок.

К удивлению Хана, Хата с готовностью согласился со всеми предложениями. Затем они пошли дальше по пульту управления кораблем. Хан обратил внимание, что многие приборы управления установлены совсем недавно и, по-видимому, в большой спешке. Очень важное наблюдение!

После этого они снова вернулись в гондолу. Хата буквально захлебывался от восторга, обсуждая проекты Хана.

— О, сотрудничество и прогресс! Мой мальчик, если ты осуществишь все свои проекты, наши возможности будут неограниченны. Ты — настоящий клад для нас. У нас много работы для тебя, так что принимайся. Я не техник, но и то чувствую, что многое здесь нужно переделать и усовершенствовать.

— А я решил, что вы хотите просто купить меня.

— О, это поспешное замечание, которое было вызвано событиями на Челседоне. Вообще-то говоря, если бы не твои технические знания, ты не представлял бы для нас никакой ценности. Нет, это не оскорбление, но среди пород людей, которых мы видели, есть такие, что гораздо интереснее тебя.

Хан подумал, что такие «одомашненные» люди — просто рабы, готовые делать все за пищу. Хата прервала ход его мыслей.

— Я лично не занимаюсь выведением новых пород людей и считаю это тратой времени. Ни к чему заниматься работой над совершенствованием чужой расы, когда собственная нуждается в этом.

— Как давно началось одомашнивание?

— С тех пор, как мы взяли первых людей в плен. Впрочем, вернемся к делу. Я обещал тебе плату, и ты её получишь.

Расчетливый блеск мелькнул в глазах Хаты.

— Я дам тебе дом, место для работы, несколько клерков. Но самое главное — я дам тебе возможность выбрать женщину. Видишь? Ты занимаешь довольно высокое положение. Немногие из Воинов получают право выбора.

— Но из кого мне выбирать? Я здесь видел всего несколько старух.

— О, это не проблема. Если ты не видел клеш, это не значит, что они не существуют. Клеш — это женщины, полученные нами путем селекции. Мы идем туда сейчас.

Хан снова забрался в гондолу вместе с Хатой. Чувствовал он себя очень неспокойно — не был уверен, что ему хочется смотреть на продукты селекционной работы леров. Какую цель они преследовали? Внешнюю красоту или чисто женские функции? Как выглядят клеш? Хан не мог представить этого.

Они летели на север. Ночь уже опустилась на эту часть планеты: дневной цикл тут был еще короче. Вскоре Хан различил громадный комплекс зданий, залитый огнями. Хата очень гордился своим детищем.

— Тебе повезло. Сейчас — ежегодная экспозиция успехов, достигнутых селекционерами. Демонстрируются управление генетическими кодами. Настоящие чудеса!

Они приземлились. Охранник почтительно поклонился Хате, когда тот вышел из гондолы и направился к комплексу. Хотя снаружи он напоминал цирк шапито, внутри все оказалось совсем иным: здесь царили роскошь и богатство.

— Сегодня выставка только тех клеш, что созданы для украшения, а не для работы. Они обучены хорошим манерам, ласковому обхождению. Большинство из них спокойны и уравновешены. Но некоторые капризны, иногда неуправляемы.

Они прошли в первую секцию. То, что увидел Хан, совершенно смешило его чувство реальности. Образцы помещались в кубических каморках с открытой стенкой, украшенных гобеленами и коврами. Все образцы были снабжены этикетками, висевшими на передней стенке каморки. Хан не смог прощать ни одной этикетки. В каморках сидели или расхаживали совершенно обнаженные мужчины и женщины, ничуть не смущенные ни своим положением, ни наготой. На лицах их можно было прощать любопытство, оживление, но ни страха, ни ненависти, ни негодования. В этой секции все образцы были рыжими и странно похожими друг на друга, как члены одной семьи. Хан присмотрелся повнимательнее. Нет, все же они чем-то отличаются друг от друга. У них были густые волосы цвета темной меди, спадающие на плечи, кожа — смуглая и гладкая. Странно, но и у мужчин, и у женщин ноги ниже колен были покрыты густыми темно-красными волосами. Женщины были хрупкими, с глазами цвета морской волны. Хан никогда не видел таких глаз.

Хата комментировал все, на что смотрел Хан.

— Это лучшие экспонаты клеш. Мне говорили, что их очень трудно вывести, но еще труднее поддерживать чистоту породы.

Хан чувствовал, что в нем бурлят эмоции. Их нельзя было не ощутить, глядя на такое издевательство над людьми. Он смотрел на красивые точеные лица, в которых не отражалось ничего, кроме покоя и безмятежности. Большинство были молоды, примерно одного возраста с Ханом. Но были и повзрослеве, а кое-кто входили в возраст старости, хотя и оставались в прекрасной физической форме.

— Должен признаться, Хата, мне больно видеть представителей моей расы в таком виде.

— Понимаю. Но это еще одно испытание для тебя. Немногие из людей могут равнодушно смотреть на подобное. Но что в этом плохого? Посмотри на них! Они вовсе не жаждут освобождения, предпочитают вести жизнь, полную покоя и неги.

Голос Хаты был холоден.

Хан еле удержался от того, чтобы не броситься на

него. Но он видел Хату в деле и понимал, что нет шансов справиться с ним голыми руками.

— Я не могу перевести надписи. Вот это, например, молодая девушка, да ты и сам видишь. Она заняла четвертое место в своем классе. Совсем неплохо для первого показа публике. Ее недостаток — хрупкость, чересчур тонкая кость. А вот эта заняла первое место. Разница между ними в том...

Пока Хата обсуждал достоинства занявшей первое место, Хан рассматривал обладательницу четвертого. Она спокойно сидела на ковре, глядя в никуда. Казалось, дремала. Почувствовал ее взгляд, она слегка шевельнулась, но не повернулась в его сторону. Потом она поднялась, грациозно двинулась по каморке.

Хан внимательно рассматривал ее.

Лицо девушки было овальное с чуть выдающимися скулами, глаза — глубокие и задумчивые, слегка раскосые, что придавало лицу неуловимое очарование. Рот красиво очерченный, хотя губы чуть припухшие. Красота ее поразила Хана. Он взглянул на ее тело: стройная фигура с прекрасно развитыми формами, груди маленькие, круглые, упругие. Она посмотрела на Хана и улыбнулась как бы по обязанности, но тут же она узнала в нем человека. Взгляд ее потепел, стал дружеским. Хан отвернулся от нее. Стыд пронзил его душу.

Хата продолжал объяснения. Хан пытался слушать его, но не мог забыть прекрасной девушки.

Хата был неистощим. Он провел Хана по всей выставке. Их путь составил несколько миль. Они просмотрели все типы выставленных людей. Здесь были сотни модификаций. Такого разнообразия особей невозможно было себе представить. В обычном мире нельзя было найти чистой породы людей. Они уже давно перемешались между собой, а здесь были представлены не только известные расы, но и совершенно новые, ранее никогда не существовавшие.

Наконец, Хата сжался над ним и закончил просмотр. Хан был потрясен. Экспонатов было еще очень много, но Хан не мог больше выдержать.

Хата сказал с гордостью:

- Ты видел далеко не все. Может быть, меньшую часть. Что-нибудь привлекло твое внимание?
- О, очень многое. Мне даже трудно сделать выбор.
- Понимаю тебя. Но все же ты выбрал?

— А можно только одну?

В голове Хана мелькнула безумная мысль взять всех, но это не решило бы проблемы, да ему бы и не позволили.

— Только одну.

— Ну, тогда...

Хан задумался, вспоминая. Девушек он видел много, но, пожалуй, лишь одна произвела на него очень сильное впечатление. В ней была не только женская красота и очарование — таких было много, чувствовалась личность.

— Из всех, кого я сегодня видел, меня околдовала лишь первая девушка. Та самая, четвертого класса.

— Как четвертого класса? Ты меня разочаровал. Но, пусть так. Сейчас я сделаю распоряжения. Это же надо! Четвертый класс. Вероятно, ты видишь в ней что-то, чего не замечаю я. Впрочем, четвертый класс дешевле, за что я благодарю тебя. Может, ты думал об этом, выбирая ее?

— Понимает ли она, что представляет собой?

— Нет, она не умеет ни писать, ни читать. Но это не проблема. Я знаю, этому она быстро научится. Ты действительно собираешься сделать ее своей женой? Если так, я бы посоветовал тебе выбрать что-нибудь получше, хотя это и обойдется мне дороже. Но я готов пойти на это, чтобы доказать тебе свое расположение.

— Нет, не надо.

— Ну, хорошо. Эх, молодость, молодость! Хорошо, пусть будет по-твоему. Идем!

Они вернулись обратно — туда, где выставлялись экспонаты четвертого класса. Хан с изумлением обнаружил, что уже вечер. Так быстро прошел для него день! После долгих поисков Хата нашел менеджера и выписал ему счет. Менеджер выдал Хану папку с подробной инструкцией владельцу злат, правда, написанной очень сложным по терминологии языком, так что Хан мало что мог почерпнуть из нее. Еще менеджер дал регистрационные бумаги, где содержалась родословная девушки, перечислялись ее предки. Да, девушка хоть и принадлежала лишь к четвертому классу, она была чистых кровей. Хан долго смотрел на затейливую вязь письма, затем ткнул пальцем в несколько букв:

— Это ее имя?

— Да, для регистрации, — ответил Хата.

— Сама она даже не знает, что проходит в книгах под этим именем. А как же ее зовут на самом деле? А, вот, Устейн, ее настоящее имя.

— Она умеет разговаривать?

Хан почувствовал себя идиотом, задавая этот вопрос.

— О, конечно. Но говорит она медленно, по слогам, как ребенок. И с ней надо так же.

Они вернулись на площадку, где выставлялись злат, и без труда нашли каморку с Устейн. Менеджер всю дорогу бубнил, что с ней нужно делать, чем кормить и тому подобном.

— Эти злат очень чувствительные. Но обращайся с ними правильно, и они будут настоящим чудом, жемчугом! Они могут делать все, кроме того, что требует силы. Лично я предпочитаю иметь дело с хайдарами.

Хан вспомнил, что Хата говорил ему о хайдарах. Он называл их охотниками и следопытами. Интересно, на кого они охотятся здесь, где нет зверей?

Устейн уже спала. Хан смотрел на нее, борясь с желанием обнять ее и прижать к себе. Но она была чужой ему, более чужой, чем Лизендири. Но тело ее было ему очень знакомо. Скольких девушки он держал в объятиях... И все же она была продуктом общества, совсем чужого ему. Девушка лежала в глубине каморки на низком диване, завернутая в мягкое покрывало. Губы ее были приоткрыты. Она дышала ровно и глубоко. Видимо, ей снилось что-то приятное, так как изредка на лице появлялась слабая улыбка. Хан жестом показал менеджеру, чтобы тот не будил девушку, пусть видит приятные сны. Но вот она шевельнулась, и в голове Хана всплыли строки старого классика Даррела:

— Нехорошо смотреть на спящую женщину.

Менеджер ласково разбудил ее. Сначала она испугалась, увидев возле себя стольких мужчин, но менеджер объяснил ей, в чем дело, и она успокоилась, даже ожила. Хан чуть не сошел с ума, глядя, как девушка радуется, что ее купили. Она спросила Хана, не разрешит ли он ей взять с собой некоторые вещи. Хан с бьющимся сердцем разрешил.

Пока она собирала подушку, покрывало, сумочку, менеджер сообщил Хану сведения о злат.

— Родословные их мы ведем очень давно. Они живут на этой планете почти столько же, сколько и мы. Это первые люди на планете. Ты должен обращаться с ней очень осторожно, кости ее хрупки и могут сломаться, если ты будешь груб с ней. Кроме того, она боится холода. Впрочем, об этом все написано в инструкции. Можешь не опасаться: бежать она не будет пытаться.

Хан вполне согласился с этим. Наверняка в них целыми

поколениями вдалбливали, что бегство — вовсе не выход. У них сложилась особая психология: бежать они не могли, оставалось только принимать все таким, как оно есть. Хан посмотрел на девушку. Лицо ее светилось счастьем. Она уже собралась и теперь ждала его. Хан взял ее за руку — первая рука женщины, которой он коснулся за столько лет — нет, веков! Рука оказалась мягкой, нежной, теплой, с аккуратно подстриженными ногтями. Девушка спокойно пошла с ним к гондоле.

На улице уже было темно. Ночь опустилась на планету. Хан опять изумился, что время для него пролетело незаметно. Начиналась сильнейшая буря. Колющие хлопья снега с силой обрушивались в лицо. Когда они шли к гондоле, Хан заметил, что девушка дрожит от холода. Он взял из рук Устейн покрывало, размотал и укрыл ее. Девушка смотрела на него широко открытыми глазами. Хан посмотрел на ее красивые босые ноги, оставляющие на снегу следы маленьких ступней. Ноги уже покраснели, но девушка не жаловалась.

Уже в гондоле Хан ощутил, как на него тяжелым туманом опустилась усталость. Сквозь туман до него смутно доносился голос Хаты. Тот говорил, что теперь Хан может работать над усовершенствованием корабля и отдыхать, играя с этим домашним зверьком. Когда они прилетели в дом Хаты, тот отвел их в прекрасно обставленные комнаты и ушел.

X

Цивилизация — это вовсе не то, чего действительно хочет человек. И это не то, что ему нужно. И поэтому очень часто нам приходится сталкиваться с простыми, но жуткими вопросами, которые начинаются с «почему»...

Апокриф Родриго

Вы можете ждать все или ничего, как вам заблагорассудится. Но и то, и другое неверно. Верно лишь то, что на самом деле происходит с вами. И это непредсказуемо.

Доктрина Покорности

Прошло несколько коротких унылых дней зимы, в течение которых Хан пытался приспособиться к новой реальности. Это была сложная задача, которая усугублялась тем, что он не знал в точности, к чему должен

приспособливаться, какова новая реальность. Он пытался сопоставить все, что произошло с ним, с прошлым опытом, но увы! Все, что было с ним прежде, невозможно было сопоставить с настоящим. Исходя из прошлого опыта, он не мог представить своего будущего. Более всего его тревожило незаметное присутствие этой девушки — Устейн, которая непрестанно напоминала ему о том, что его жизнь изменилась коренным образом. То, что началось, как обычное путешествие, кончилось иным. Там не было места обычным человеческим чувствам, исчезло само понятие личности. Пока события развивались закономерно, он и Лизендири поддерживали душевное равновесие. Затем резкие изменения ситуации оторвали их от реальности. И вот теперь эта девушка, казалось, вернула его к прежним ощущениям. Но эта реальность не имела для него никакого смысла.*

Что касается Устейн, она была тиха, ласкова, незаметна, полностью погружена в себя. Она жила своей особой жизнью, которая, казалось, не зависела от того, что происходило вокруг нее. Хан часто наблюдал за ней спящей. Она спала, как зверек, чутко, почти не двигаясь. Ей что-то снилось — Хан замечал это в смене выражений на ее лице. Вела себя она просто, без всякого кокетства, отвечала прямо. Возможно, она действительно считала себя всего лишь домашним зверьком, но Хан не мог сказать этого с уверенностью, так как Устейн не открывала перед ним своего внутреннего мира. Хан мог поблагодарить Лизендири, которая объяснила ему, что такое бесхитростное поведение может скрывать подлинные глубины души, в то время как открытое кокетство, умолчания могут означать всего лишь узость ума. Если это правда, то за внешней простотой Устейн скрывался сложный внутренний мир.

Время шло, и Хан все больше и больше убеждался в том, что девушка обладала исключительной красотой, но тем не менее она оставалась личностью. Выбрав ее, Хан встал перед сложной проблемой. Вопрос о постели решался легко: его приказ — основание вполне достаточное. Но общности чувств добиться было гораздо сложнее.

Хан понимал, что, несмотря на внешнюю безмятежность, эмоциональный баланс Устейн полностью нарушен. Хан стремился понять ее полностью, не хотел врываться в ее внутренний мир грубо, боясь его разрушить.

Странно, но сама Устейн, как подозревал Хан, вовсе не думала о себе как о личности. И это было вдвойне

странно, потому что бомбардировка планеты космическими лучами действовала губительно на интеллект леров, а интеллект людей оставался нетронутым. И, вероятно, поэтому Устейн находилась на более высокой ступени развития, чем Воины. Другой парадокс Хан видел в сравнении Устейн с Лизендири. Лизендири была продуктом цивилизации, Устейн же не имела к ней никакого отношения и тем не менее гораздо лучше управляла своими эмоциями, чем Лизендири, которая большую часть жизни потратила на овладение этим искусством.

Зверек... Тщательно выдрессированный зверек... Никто не будет пахать на чистокровной лошади. Никто не за пряжет ее в телегу, иначе она погибнет для будущего, пропадет многолетний труд по селекции благородного животного. И Хан боялся неправильными действиями погубить Устейн, если слишком резко, слишком прямолинейно начнет пробуждать в ней человека, личность. И чем дольше он находился рядом с ней, тем больше хотел, чтобы она навсегда вошла в его жизнь.

Он привык относиться с недоверием к слову «любовь». И Лизендири укрепила его в этом убеждении. Она была права, так как это слово имело тысячу оттенков, тысячу смыслов. Сначала Хан употреблял его только в одном аспекте, выражая желание, плотскую страсть. В его отношениях с Лизендири оно приобрело другой, более глубокий смысл. А теперь, когда рядом оказалась Устейн, совсем другие чувства захватили его. Но как бы оно ни было глубоко, оно не заслонила в его сознании Лизендири...

Что касается Устейн, она, казалось, была вполне довольна своим новым домом. Хан не имел понятия, сколько ей на самом деле лет. Она не грустила о прошлом, проводила много времени, прихорашиваясь, однако все ее действия при этом были лишены сексуального смысла. Она не стремилась соблазнить его, вернее, делала это для того, чтобы провести время. У нее была небольшая сумочка с туалетными принадлежностями, гребенками, щетками. Большую часть суток она занималась туалетом или спала. И только иногда Хан слышал, что она что-то про себя напевала. Это были длинные песни, языка которых Хан не понимал. В такие часы она, казалось, забывала обо всем, погружаясь в собственный мир, границ которого не знал никто. Хан позволял ей делать все, что она захочет, отдыхать, где пожелает. Она спала, свернувшись клубочком в уголке его постели. Сон ее был чуток. Она

просыпалась при малейшем шуме и тревожно вглядывалась в темноте, стараясь понять, что разбудило ее. Хан утолком глаза видел, что глаза ее широко раскрыты, во взгляде читалась тревога. Но через некоторое время дыхание ее становилось ровным. Она засыпала снова.

Когда он наконец понял, чего от нее хочет, он хотел реализовать свои намерения, но после размышлений понял, что лучше повременить, лучше дать ей привыкнуть к новому положению. Нельзя сразу и внезапно отрывать человека от того, что впитывалось в него годами, в течение многих поколений. Ведь леры шесть тысяч лет целенаправленно воздействовали на людей, чтобы вывести новую расу.

После того, как он и Устейн были предоставлены самим себе, Хан ничего не слышал о Лизенди, и это начало его тревожить. Наконец, она появилась. Хан был рад, что она хорошо выглядит, но присутствие Устейн смущало его. Он смог прочесть в ее глазах, что отношения их перешли в иное качество. Не почувствовал он в ней и ревности, а, скорее, понимание, одобрение. Хан проанализировал свои ощущения и понял, что они аналогичны ощущениям Лизенди.

— Я пришла потому, что теперь мы можем поговорить спокойно. У меня очень интересная информация. Очевидно, мы каким-то образом вошли в доверие к этим чудовищам. Я делаю, что могу. Они убеждены, что я обучаю их высшим тайнам. А на самом деле я даю им начальные знания. Мне немного не по себе, так как этого хватит, чтобы стать на этой планете самыми опасными. Но при встрече с другими лерами они будут выглядеть беспомощными, как дети. Правда, некоторые из них имеют врожденный талант. Например, Хата. Это заставляет уважать его, хотя я, как и раньше, ненавижу все, что за ним стоит. Хан, твое поведение изумило всех. Хата поражен. Он стал уважать тебя. И я тоже. Я пришла сказать, чтобы ты вел себя так же. А еще посмотреть на твою девушку.

Хан позвал Устейн. Она появилась мгновенно и спокойно ждала, пока Лизенди рассматривала ее. Теперь, когда он видел обеих рядом, у него возникло ощущение, что Лизенди какая-то одноцветная, монохроматичная, в то время как Устейн сверкает всеми цветами радуги. Устейн была немного ниже ростом, чем Лизенди, и более хрупкая. Однако не ей, а Лизенди пришлось сделать усилие, чтобы сохранить бесстрастность на лице.

Наконец, она заговорила.

— Я понимаю, ты выбрал лучшее из того, что тебе предложили. Она гораздо больше, чем просто молодая прекрасная девушка. Даже, на мой взгляд, она очаровательна. Мы с тобой оба знаем, что между нами не должна лечь тень горечи. Ты должен был сделать то, что сделал, так как это было твоей судьбой задолго до того, как ты встретил меня.

— Я борюсь с собой, как могу,— ответил он, пряча глаза, будучи не в силах взглянуть в глубину ее серых глаз.

— Я знаю, что ты чувствуешь. Не уподобляй меня секретаршам, с которыми ты имел дело в Бумтауне. У меня нет ни ревности, ни зависти. Я знаю, ты должен пойти на это, я сама этого хотела.

Хан молчал. Она продолжала.

— Ты спас эту девушку. Я тоже посетила выставку. Это отвратительно. Не сами люди, конечно, но то, что они стали такими, какие есть. Но все же люди на этой планете не лучше, да и леры тоже. Я не нашла ни одного заслуживающего уважения. Это животные, злобные, низменные. Оставь их, пусть ввергаются в хаос, какого заслуживают.

— Я сделал так, как ты мне сказала, так, как мне подсказывала совесть.

— Ты поступил правильно, но должен понимать, что это не награда тебе от Хаты, а проверка. И ты выдержал ее. Поэтому мы можем пользоваться теперь относительной свободой.

— Лизен... я не забыл...

Тут он увидел, как по ее 'лицу скользнула тень.

— Я тоже. Но ты прекрасно понимаешь, что мы не можем связать свои жизни навсегда, я буду вынуждена тебя оставить. Это предопределено судьбой. Твоя судьба читается даже в твоем имени. Теперь я могу сказать, оно означает власть воды. А она? Она предназначена для тебя. Посмотри на цвет ее волос — они огненно-красные — значит, она властвует над ветром. Я не ношу имя, которое означает власть огня. Ее ветер может погасить мое пламя, как свечу. Она на вид хрупка и нежна, но могущество вселенной на ее стороне. Вот так, Хан. Ты с самого начала знал, чем все кончится. Не думал же ты стоять возле моего дома и выпить на луну? Нет. А я не собираюсь стоять возле твоего, но всегда буду твоим другом и стану помогать тебе во всем, как бы мне это ни было трудно и больно.

Она повернулась и исчезла.

Хан долгим взглядом посмотрел на Устенин. Наконец, она заговорила и, как всегда, откровенно. Голос ее был тихим и немного гортанным.

— Кто эта женщина?

— Она пришла в этот мир вместе со мной.

— Ты принадлежишь ей?

— Нет. Мы оба дикие.

Хан сказал «дикие», вместо того чтобы употребить слово свободные — в этом значении оно использовалось на этой планете.

— Я боюсь ее. Женщины жестоки. Она знает любовь, я вижу это. Но, с другой стороны, она холодна, как лед. Она приходила на выставку раньше тебя, смотрела на меня такими глазами, будто хотела убить взглядом.

— Устенин, чего ты хочешь?

— Хочу? Я не понимаю, о чем ты спрашиваешь.

— Ну, нуждаешься.

Он помолчал.

— Каковы твои стремления, планы, надежды?

— Я... Не знаю. Чтобы иметь надежду, надо быть диким. Я не такая. Вижу, пока моя жизнь складывается более или менее сносно, но могло быть иначе. Для меня просто нет ни прошлого, ни будущего. Такова участь большинства людей.

— Мне сказали на выставке, что ты не лучшая из представленных, но все же я выбрал тебя.

— Захотел больше, чем остальных женщин?

— Да.

— Тогда я счастлива. Это так приятно, когда тебя хотят.

— О чем ты подумала, когда увидела меня?

— Я была очень удивлена. Ведь дикие клещи никогда не приходят на выставки. Значит, ты не дикий. Я решила, ты откуда-то издалека. И ты не такой, как я. Скорее всего, ты мнар. Но потом я поняла, что это не так.

Хан решил пока ничего не объяснять. Она подождала немного, затем продолжала:

— Я много слышала про диких клещей. Они в самом деле дикие. Все время воюют, убивают. Но ты не дикий. Что Воины хотят от тебя? Разрешили тебе стать таким, как они?

— Нет. Они считают, что я очень близок к диким. Но я оказал им услугу, и толстяк, с которым я был и на которого работал, дал мне тебя в подарок.

— Меня?

— Да!

— И разрешил тебе спать со мной? Я очень хочу этого.

Она произнесла это и бросила на него немного кокетливый взгляд из-под длинных ресниц, означающий, что это не просто слова. Хан, конечно, разделял ее желания, но сначала хотел немного переделать ее, перевоспитать, узнать получше. Однако она разрушила все его планы, назвав все своими именами. Хан решил быть честным:

— Прежде я хотел заслужить твоё уважение. Может, не сразу, а со временем.

Она не ответила, опустила глаза. Хан посмотрел на ее ресницы — длинные, пушистые, такого же цвета, как волосы. И вдруг понял, что она необычайно соблазнительна. Каждый изгиб ее тела, каждая округлость вызывали у Хана сладостный трепет. Он с трудом сдерживал себя. Страсть обрушилась на него, как удар грома.

С трудом шевеля губами, он проговорил:

— Я хотел подождать, не знал, как ты ко мне относишься.

Она взглянула на него влажными блестящими глазами из-под пушистых ресниц, губы изогнулись в улыбке:

— Конечно, ты мог быть и красивее. Но все равно, ты так не похож на других. Я обратила на тебя внимание сразу, как только увидела. Я очень хочу быть с тобой и не желаю ждать дольше.

Она стояла, глядя в ничто и выжиная. Хан видел, как бьется жилка на ее точеной шее. Он повернулся и запер дверь. Когда он подошел к Устейн, она протянула руку и нежно погладила его бороду. В душе Хана вспыхнул огонь. Он уже не мог произнести ни слова, не мог сказать: «Потом». Пусть будет то, что будет, подумал он, чувствуя, как огонь разливается по его жилам и весь мир закружился вокруг. Он нерешительно коснулся ее чистой кожи, провел рукой по густым благоухающим волосам. Платье само собой скользнуло на пол с плеч Устейн, и маленькие упругие груди с розовыми торчащими сосками прижались к его груди. Тело ее трепетало, ожидая мужских объятий, и Хан не заставил себя ждать. Он подхватил невесомое тело на руки и осторожно положил на постель. Устейн подалась навстречу ему, и он с радостью утонул в ее объятиях. Время для него перестало существовать.

Устейн была совершенным новичком в любви. Она не знала почти ничего. Ею руководили только собственные ощущения, рассказы более старших опытных подруг. Хану сначала было трудно с ней, но отсутствие опыта она восполняла наивным энтузиазмом и готовностью воспринять все уроки, которые он давал ей. Он овладевал ею терпеливо и очень осторожно, но она отвечала с яростной страстью. Устейн не думала о будущем, она жила в настоящем и хотела получить все сразу. Потом все равно наступит, а сейчас — это сейчас. Когда их страсть была утлена, они лежали рядом, каждый по-своему переживая случившееся. Хан подумал, что эту девушку еще очень многому нужно будет научить и что он с радостью будет посвящать ее в искусство любви.

Она хотела лечь в углу постели, где обычно спала, но Хан остановил ее, и Устейн свернулась клубочком рядом с ним. Казалось, она вся светилась в темноте от наполнявшего ее счастья. То, что она испытала только что, было чудеснее самых сказочных снов.

Хан подвинулся, давая ей место возле себя, и болезненно поморщился. Несмотря на свою хрупкость, она в порыве страсти была необузданна, мышцы ее, казалось, наполнялись раскаленной сталью. И она кусалась. Хан осторожно провел рукой по шее и плечам, которые хранили следы ее острых зубов. Он снова поморщился. Да, ему тоже есть чему поучиться у Устейн.

Когда он проснулся, было еще темно. Долгая зимняя ночь еще не кончилась. Под зажженной лампой Устейн причесывала волосы. Она сидела на уголке постели, завернув ноги в одеяло. Свет лампы золотил ее кожу, вспыхивал в волосах. Она сразу заметила, что Хан проснулся, посмотрела на него, затем кокетливо отвернулась.

— Мы должны заниматься любовью как можно чаще, пока есть возможность, — сказала она. — Боюсь, нас скоро разлучат. И я хочу насладиться любовью навсегда.

Хан смотрел на девушку молча. У него было ощущение, что счастье не может длиться вечно. А то, что это счастье, в чем оно, он уже знал. Любовь — сложное чувство, в ней нельзя все расставить по полочкам. Если можно сказать:

— Я люблю потому, что...
значит, любви уже нет, она исчезла, осталась в прошлом.
Он спросил:
— Как ты думаешь, сколько времени они дадут нам?

— Не знаю. Может, дни, а может, недели. Кто знает, что они хотят от нас?

Хан поколодел.

— Устейн, нам предстоит сделать очень многое.

— Я знаю.

— Ты не можешь этого даже предполагать,— сказал он.— Ты голодна? Сейчас я что-нибудь приготовлю.

Ее реакция была неожиданной.

— Ты хочешь покормить меня? — спросила она и заплакала.

Он склонился над ней, обняв рукой нежные плечи, и помолчал, ожидая, чтобы она успокоилась. Да, ему еще многое нужно узнать о ней, многому научиться. Постепенно рыдания смолкли.

— Мы — люди,— сказал он.— Мир, откуда я пришел, весь населен такими, как мы. Там нет клещ, там все просто люди.

— Я... я боюсь того мира. Я боюсь диких.

— Там нет диких. Там живут люди, которые гораздо лучше тех, что обитают на этой планете.

— Расскажи мне, я постараюсь понять. Я уже слышала о таких мирах, но не говорила. Но я боюсь, что не смогу стать такой, как ты. Ты должен отослать меня обратно, пока еще страсть спит в твоем сердце. Я не хочу видеть твой гнев, который проснется, когда ты увидишь, что я не равна тебе, что я слишком слаба.

— О нет! Ты не будешь слабой.

Он старался развеять ее страхи, пробудить в ней уверенность. Не сомневался, что ей хватит сил на все.

— Хватит об этом. Давай поедим. Потом расскажешь о себе.

— Все?

— Да. Я хочу знать все.

— А ты ответишь мне тем же?

— Конечно, сообщу то, что ты сможешь понять.

Он почему-то думал, что Устейн будет есть руками, но она довольно умело пользовалась ножом и вилкой. Правда, ела она чрезвычайно быстро. Она сказала:

— Пища — крайне серьезная вещь. Вот почему я удивилась, что ты пригласил меня поужинать. Мы, злат, всегда голодны.

— Ты не должна много есть. Ведь если ты растолстеешь, потеряешь свою красоту.

— Да.. Я видела толстых женщин. Красивыми их назвать трудно.

Когда они поели, Хан предложил чашечку горячего пива. Устейн понюхала жидкость с подозрением.

— Это запрещенный напиток.

— Для нас это не важно.

— Ты действительно хочешь оставить меня при себе навсегда?

— Да, если ты сама захочешь остаться.

— Ты предоставляешь мне решить это?

— Да. Но не здесь, а на моей планете, среди других людей, где ты будешь свободна даже от меня.

— О, я не воспользуюсь твоей щедростью ни здесь, ни там. У меня только одна жизнь, и я хочу прожить ее в любви...

Она замолчала, потом добавила с ехидством:

— А кроме того, мы еще здесь, а не там.

— Да, ты права. А теперь расскажи мне о злат. Садись рядом.

Она села возле него.

Начала она нерешительно, как бы опасаясь раскрыть тайну, но постепенно горячее пиво развязало ей язык, и она рассказала все.

Это была незамысловатая история. Из рассказа Устейн следовало, что вначале царил хаос и люди были такими же дикими, как звери. Но затем пришли леры, установили порядок повсюду, взяли под защиту людей. Мир для них стал тесным, но зато безопасным. Устейн знала, что некоторые люди все еще были дикими, но не завидовала им. Она вообще редко думала о них.

Злат, вот о ком она знала больше всего. Они, как показалось Хану из ее рассказа, были наиболее образованными, и все же намного ниже по культуре, чем люди цивилизованного общества, из которого вышел Хан. Они были для леров даже ниже, чем рабы, так как совершенно не использовались для практических работ. У них не было религии, верований. Они соединялись в пары только по разрешению и то не больше, чем на неделю. А потомство их тщательно проверялось и, если не подходило требованиям леров, уничтожалось. Оставленные в живых дети первые годы росли вместе с женщинами, затем их воспитанием занимались мужчины. Вступив в пору зрелости, дети вели такую же жизнь, как роди-

тели — жизнь, не имеющую никакой практической ценности, подчиненную лишь требованиям и капризам леров. У Злат не было ни чувства собственного достоинства, ни собственности. Единственное, что принадлежало ей,— мелкие личные вещи, вроде покрывала, что принесла с собой Устейн.

Постепенно она утомилась, сон овладел ею. Она легла в постель, Хан заботливо укрыл ее. Нежная улыбка скользнула по лицу девушки. Она что-то сказала на своем языке, Хан не разобрал. Он не мог уснуть. Сидел возле постели спящей и думал о ней.

Хан думал об Устейн. Девушка жила только настоящим. Она не была опутана цепями традиций, или, как это происходит в цивилизованном обществе, подсознательными цепями культурных ценностей. Единственное, что управляло ею,— чувство внутреннего баланса. Ведь для его проявления нужно было забыть о том, что ты — дитя цивилизации, и сознательно опуститься куда-то между диким зверем и рабом, ниже раба. Ведь раб несет какие-то общественные функции, делает какой-то вклад в развитие общества.

Но ведь она человек. Не лер. И не животное. И у нее сохранился разум, который можно было как-то использовать. Лизендири сделала Хана частично лером, чтобы стать ему хоть немного понятнее. А Устейн просто поглощала все в себя, спрессовывала в своем вечном настоящем.

Хан долго размышлял, пока не почувствовал, что сон одолевает его. Тогда он погасил лампу и лег рядом со спящей девушкой, которая доверчиво прижалась к нему.

Хан продолжал думать о ней. Он не был новичком в отношениях с девушками, но эта отличалась от всех, кого он знал раньше. Чем? Красотой. Но это была не внешняя красота, предназначенная, чтобы скрыть внутренний мир. В ней было что-то иное, нечто абстрактное, что невозможно ощутить материально. Видимо, связанное со временем. Итак, время. Жена? Дети? Любовь? Семья. Дети. Бронзовые волосы и стройные ноги... Время... Чувство времени... Дети...

И вдруг сон покинул его. Он понял. Получил ответ! Догадался, кто управляет воинами. Кто и почему. Для полной ясности требовалось задать несколько вопросов Хате. Простых вопросов. Впрочем, и так все ясно. Он взглянул на островок реальности, который находился рядом с ним. На спящую Устейн. Взглянул и уснул.

Природа — величайший активизатор. Она заставляет все свои компоненты воздействовать друг на друга, способствовать их изменению. То, что создано искусственно, не поддается этому правилу. Оно касается только живых или не живых частей природы, если вы предпочитаете такое деление. В узком спектре качеств леры превосходят людей. И тем не менее нельзя уклониться от того факта, что в целом люди и леры приблизительно равны друг другу. Они разные, но ни лучше, ни хуже. Человек будет поражен только при первом знакомстве с лером, но люди постоянно удивляют леров, впрочем, как и друг друга. Мы, леры, предпочитаем *наше* тщательно структурированное общество, но мы всегда поражаемся людям, которые живут почти в хаосе и совершенно не боятся этого, как мы.

Клислангир Тлан

Хан вскоре начал беспокоиться об Устейн так же, как о Лизенди. Если его предположения хотя бы частично правдивы, они находятся в величайшей опасности, гораздо большей, чем та, которую представлял для них Хата. Хану также стало немного жалко Хату и всех Воинов. Ведь они были всего лишь безмозглым орудием в руках кого-то, даже не подозревая об этом.

Но затем он вспомнил о зле, которое могут принести вселенной Воины — смерть, разрушения, разбитые семьи... У них было ужасное оружие: бомбардировка метеоритами. Правда, это оружие могло быть использовано против планет. Если бы Хан мог забыть об опасности, грозящей вселенной, и думал лишь об одной этой планете, он бы согласился с Лизенди: пусть они тут подыхают. Правда, он постарался бы сначала вывести отсюда людей, но увы! Эти бандиты угрожали вселенной, и их нужно было обезвредить раньше, чем они смогли что-либо предпринять. И совершить это могли только они, Хан и Лизенди. А для этого Хану нужно было завладеть обоими кораблями и добиться сотрудничества с Хатой. Хорошо бы вообще не вмешиваться в это дело Лизенди и сделать все это быстро, так как он слышал разговоры среди Воинов, что скоро они собираются в новый набег.

Он направился на поиски Хаты. Обойдя весь дом, он не нашел ни малейшего следа его. Хата исчез. И Лизенди тоже. Хан тщетно расспрашивал клерков и Воинов, которые или не знали, где находится их предводитель, или не хотели говорить ему. Наконец, он встретился с ма-

жордомом и уговорил его послать Хате гелиограмму. Мажордом заметил, что он не может сказать с уверенностью, приедет ли Хата, получив гелиограмму, Хан стиснул зубы. Хата может появиться через несколько дней, а без него он не сможет выполнить задуманного. Остальные Воины либо не доверяли Хану, либо не обращали на него внимания. А почему могло быть иначе? Ведь Хан, как и Устейн, для них не был личностью. Такой же зверек, как и девушки.

Хан вернулся в свои апартаменты. Когда он вошел в комнату, то увидел, что Устейн сидит на постели за своим обычным делом: причесывает волосы цвета темной меди. Он подошел, присел рядом. Им осталось быть вместе всего несколько дней... Или же, в случае удачи, они не расстанутся никогда. Хан легонько коснулся волос девушки.

— Дай мне гребень, я хочу причесать тебя.

Устейн с удивлением подала ему гребень. Хан коснулся ее волос, чувствуя, как в нем просыпается страсть.

Вскоре они забылись.

Хата не появился ни в этот день, ни в следующий. Хан проводил много времени с Устейн и с удивлением обнаружил, что она удивительно быстро понимает то, о чем он ей рассказывает. Она быстро приспособилась к мысли о том, что им придется жить в другом мире, где все люди дикие, вернее, свободные.

— Но мне будет там очень трудно.

— Я буду помогать тебе.

— Без тебя я никогда туда не поехала бы. Но ты будешь рядом. Не бойся за меня. Я сумею жить так, как хочешь ты, но я хочу просить тебя об одном.

— Проси, Устейн.

— Не заставляй меня сбривать волосы с ног. Я буду прятать их, если в твоем мире это будет считаться смешным. Но разве ваши женщины не прячут то, что некрасиво, и не выставляют напоказ только то, что может понравиться?

— Хорошо. Пусть будет, как хочешь ты. Я постараюсь привыкнуть.

Он погладил шелковистый мех, покрывающий ее ноги.

Он сидел задумавшись, а она смотрела на него ласково и нежно.

— Иди ко мне!

Так проходили дни и ночи. Хану не надоедало общество Устейн. Ее поведение было настолько разнообразно, а взгляды так оригинальны. Но вот наступил день, когда вернулся Хата, и время, отпущенное им, кончилось. Хата пригласил Хана к ужину. Хан попросил разрешения взять с собой Устейн, и, к его удивлению, тот не стал возражать, хотя цинично при этом улыбнулся. Улыбка эта встревожила Хана.

Стол к ужину был накрыт в большом холле. Когда они пришли, там уже была Лизендири. Выглядела она очень усталой, видимо, много работала. Однако Хан предполагал, что это не физическая усталость, а нечто другое. Вероятно, она пережила сильный стресс: ведь ей приходилось сотрудничать с Воинами, которых она ненавидела всей душой.

Хата в течение всего ужина не проронил ни слова. Вероятно, он был очень голоден. Хан с трудом сдерживался, чтобы не обратиться к нему с вопросами. Но вот, наконец, Хата заговорил.

— Вижу, что ты сотворил чудо со своей новой подругой, Хан. Я уже не могу относиться к ней, как к домашнему животному. Она стала человеком. Ты за несколько дней сделал то, на что требуется много тысяч лет. Но пойми, что это значит для нее. Ведь она никогда не сможет вернуться к злат. Она теперь знает слишком много. Если она окажется среди них, то будет несчастлива.

Хан почувствовал угрозу в этих словах. Сегодня Хата был в плохом настроении.

Но все же Хан решил идти вперед.

— С тех пор, как я появился на этой планете, многое беспокоит меня. Могу я задать несколько вопросов? У меня появились кое-какие подозрения. Если я неправ, то сохраню все при себе. Я никогда никому ничего не скажу, но если я хоть немного прав, то ты сам не захочешь ждать и потребуешь от меня действий.

— Да? Тогда спрашивай.

— Когда был построен Хаммерхэнд?

— Не так давно. В этом нет тайны. Приблизительно двадцать стандартных лет назад.

Как будто реле времени щелкнуло в мозгу Хана. Первый факт подтвердился. Многое стало яснее и понятнее.

— Как это произошло? Вы сами решили построить его или кто-то предложил вам?

— Это решил большой совет. Некоторые из нас, кто был тогда молод, хотели завоевать достойное место во вселенной.

- Кто сделал это предложение?
- Я.
- А откуда ты взял такую идею?
- По правде говоря, мне подал ее очень ценный помощник, но на совете ее выдвинул я.
- Хорошо. Кто он, этот помощник?
- Эвинг. И три его сына.
- Снова щелчок в мозгу. Все подтверждается.
- Ты знал это раньше?
- Чепуха все это. Я очень устал, и мне не до глупостей.
- Если ты позволишь задать еще несколько вопросов, я сослужу тебе и Воинам неоценимую службу. Гораздо более полезную, чем Эвинг.
- Что ты можешь сделать, ты всего лишь жалкий клеш и мой пленник. Впрочем, говори. Только короче. Значит, Эвинг. Нет, тогда я не знал Эвинга. Он занимал слишком низкое положение, но сумел быстро сблизиться со мной, оказывая мелкие услуги.
- Ты проверял его? Каково его происхождение?
- Он лер и пришел к Воинам.
- Кто-нибудь видел его или его так называемых сыновей раздетыми?
- Смешно и глупо! Его триада... Нет... Не знаю.
- Если ты поинтересуешься, видел ли его кто-нибудь раздетым, ты не найдешь никого.
- А для чего мне искать?
- Я считаю, что Эвинг не тот, за кого себя выдает. Он не человек, но и не лер. Думаю, у него даже нет пола. Я уверен, что он шпион и даже хуже того. Он использует Воинов, чтобы достичь своих целей.
- Хата вскочил вне себя от гнева. Если Хан не сумел посеять в нем семена сомнения, то теперь ему угрожала страшная опасность. Устейн тоже поняла это. И Лизендири.
- Что ты сказал? Хочешь внести в наши ряды рознь? Я засажу тебя в пещеру! Я...
- Подожди! Кто переоборудовал корабль?
- Охрана, сюда!.. Кто перестроил корабль? Какая разница! Эвинг и его сыновья!
- Он замолчал, задумавшись. В холл ворвались охранники. Хата движением руки остановил их.
- И они для перестройки улетели с планеты?
- Да, после мелкого ремонта. Сказали, что необходима невесомость.
- Ты видел корабль с планеты?

— Нет. Они улетели к газовому гиганту. Им необходимо было провести испытания.

— Как они объяснили, откуда получили сведения?

— Они сказали, что в их семье изучали старые книги и они многое познали из них. Ну? Ты удовлетворен? Ка-залось, что они... отсутствовали целый год. Раньше я об этом не задумывался. Но даже если ты и прав в своих предположениях, я не вижу в этом ничего страшного. В конце концов, у нас есть могучее оружие, и мы можем использовать его против кого угодно.

— Хата, это оружие действительно страшное, но только если направить его против незащищенных планет. Стрелы страшны тем, у кого нет щитов, для закованных в броню они безвредны. Лизендири говорила мне, что раньше ваш корабль был оборудован аппаратурой дальнего обнаружения. Где она теперь? Я не видел ее на корабле.

— Они сказали, что такая аппаратура не нужна.

Он все еще не был убежден, но уже колебался.

— Слушай! Я скажу тебе о том, чего ты наверняка не знаешь. На моем корабле, хотя он маленький и простой в управлении, есть средства, с помощью которых я могу обнаружить твой корабль на таком расстоянии, когда ты не подозреваешь о моем появлении. И я могу уничтожить твой корабль внезапно. Понимаешь? Это самый маленький корабль в космическом флоте людей. А что будет, если Хаммерхэнд встретится с военными кораблями, предназначенными для уничтожения врага? Они превратят твой Хаммерхэнд в пыль. Завоеватели! Вы идиоты! Хотите вести войну для кого-то и заплатить за это своими жизнями! Вероятно, первую планету, на которую вы нападете, вы завоюете, а потом вам придется иметь дело с военным флотом всей вселенной! Кто посоветовал вам брать в плен людей?

— Эвинг...

— Конечно. Он хотел, чтобы Воины видели, опознали, сообщили о них. Иначе как бы вселенная узнала, что Воины — леры? Ты знаешь, что пока ты был на Челседоне, Эвинг посетил нашу цивилизацию?

— Когда?

— Перед тем, как я и Лизендири прилетели на Челседон. Он хотел убедиться, что известие о Воинах достигло людей, а потом убил Ефрема.

— Это невозможно... Не понимаю, как он мог попасть туда. Он оставался здесь, когда мы улетели, чтобы предпринять нападение. И я командовал единственным кораблем нашей планеты.

— После вашего отлета он вызвал свой корабль и полетел за вами. Пока вы развлекались на Челседоне, он кружил где-то рядом, выжидая, что будет, затем посетил Сибрайт и вернулся сюда раньше вас. Он обогнал нас где-то на середине пути сюда, и мы даже обнаружили его корабль.

Тут Лизендири воскликнула:

— Да, да! Это был именно тот лер, которого никто не знал. И именно он настаивал, чтобы послать сюда не флот, а только нас двоих для разведки.

— Посмотрим, что скажет на это сам Эвинг!

— Нет, у меня другое предложение. Бери охранников и пойдем на мой корабль. Попробуем найти местонахождение аномалии планетной системы. Если мы найдем ее, вернемся сюда, возьмем корабль и высечем их тем самым кнутом, который они вложили в наши руки. Только позволь нам остаться всем вместе.

— Но если ты ошибаешься?..

— Нет, я прав. И даже больше. Ведь Эвинг и его друзья не напрасно выбрали вас и вашу планету. После того, как они сделают все, что хотят, вещественные доказательства их деятельности исчезнут, так как ваша звезда взорвется.

— Как, разве звезды не вечны?!

— О боги! Хата! Ваша звезда достигла критических размеров. Жить ей осталось совсем недолго — несколько лет. Она исчезнет и доказательства преступления вместе с ней. Эвинг выбрал эту планету как базу для своей операции. Здесь есть все, что ему нужно, — цивилизация с низкой культурой, отсутствие связи с той частью вселенной, где культура развита, убежденность, что взрыв уничтожит все следы их деятельности. Единственное, чего не знает Эвинг, это того, что леры на планете вследствие воздействия радиации перешли в более примитивную форму, деградировали. Лизендири сразу заметила это, да и я тоже. Ты, Хата, говоришь о том, что Воины — это высшая раса, но, уверяю тебя, дикие люди на планете гораздо выше вас. И лишь из-за того, что они не могут понять, осознать себя разумными существами, а не зверьми, не берут власть в свои руки.

Лизендири печально добавила:

— Все это правда, каждое слово. Вы деградировали, даже забыли Мультиспич, так как вам он не нужен.

Хата был потрясен. Он тупо смотрел на Лизендири. Когда он заговорил, как бы обращаясь к Лизендири, на самом деле говорил он сам с собой.

— Я слышал о том, что леры прошлого были выше нас, но не верил, не хотел верить. Именно поэтому мы и хотели завоевать вселенную и убедить всех в нашем величии, в том, что мы выше и людей, и леров. У нас есть и другие легенды, в частности, относительно злат. Говорят, они обладают сверхъестественной силой. Они сейчас выживают, выбирают момент, когда смогут собраться вместе и произнести заклинание. Тогда они будут хозяевами планеты, а не мы. Воины. Когда это произойдет, никто не знает. Но для этого им нужно собраться всем вместе, и поэтому мы препятствуем этому, держим их разобщенно.

Устейн взглянула на Хату.

— Я тоже слышала нечто подобное, но не могу сказать, правда это или нет. Об этом говорят только шепотом. Мы только знаем, что когда наступит момент действовать, мы будем знать, что делать. Однако я не знаю, чем все кончится. Ведь хотя мы и ненавидим вас, Воинов, мы должны быть благодарны вам, так как без вас не было бы и нас или мы были бы другими.

— А у меня нет оснований благодарить Воинов и тебя лично. Ведь вы привнесли несчастье миллионам людей, привели к гибели собственный народ. Я должен был бы мстить вам, но сейчас перед нами общая опасность, и поблизости нет никого, кроме вас, кто мог бы встать на защиту вселенной,— пылко проговорил Хан.

Хата заметил:

— Все должно иметь причину. Почему они, если они существуют, поставили перед собой цель, на достижение которой требуется много лет?

Ему ответила Лизендири:

— Они, вероятно, представляют очень старую цивилизацию. Численность их сильно уменьшилась, а энергетические ресурсы миров, которыми они правят, истощились. Они решили искать новые миры, но завоевать их силой не могут, поэтому хотят сгубить нас с остальной частью вселенной, а после того, как мы выдохнемся в войне, напасть на нас и уничтожить.

— Еще одно, Хата,— сказал Хан, поднимаясь на ноги.— Пистолет.

— Какой?

— Тот, что был у тебя на Челседоне. Где ты взял его?

Хата выглядел, как медведь, на которого напали пчелы. Он неуверенно переминался с ноги на ногу.

— Я взял его на корабле,— выдавил он.

— Да, на моем корабле есть такой же. Я нашел его возле трупа Ефрема в Бумтауне на Сибрайте, где ты никогда не был. Кто принес его туда?

Хан почти кричал. Охранники были в растерянности. Еще никогда на их памяти к Хате, великому Воину, никто не обращался подобным образом.

— Можешь найти точно такой же пистолет на Палленбаре, в рубке управления.

Говоря это, Хан незаметно двигался к охранникам, отходя подальше от Хаты. Никто не заметил этого маневра, кроме Устейн, даже Лизендири.

Хан спросил:

— Можно доверять этим охранникам, которые слышали все? Можешь ли ты сказать с уверенностью, кто из них служит Эвингу, а кто тебе?

— Я арестую их всех...

Хата не смог закончить фразы, так как один из охранников бросил меч, лук и стрелы и в руках его появился маленький пистолет. Двое других сделали то же самое. Раздались выстрелы, остальные охранники упали. Вероятно, они были настоящими лерами. Хата и Лизендири мгновенно перевернули столы и укрылись за ними. Они знали, что хотя пули начинены смертоносным ядом, они обладают малой пробойной силой. Хан, который оказался рядом с одним из фальшивых охранников, сильно ударили его в живот. К удивлению Хана, охранник мгновенно умер. Хан успел подобрать пистолет и, подняв тело охранника, прикрывался им, как щитом. Он выстрелил в другого, и тот упал, издав предсмертный крик. Вероятно, яд был смертельным и для них. Укрываясь за охранником, Хан видел гримасу на лице Лизендири. Она с отвращением относилась к подобному оружию, но ситуация сейчас была такова, что Хану было не до нее.

Казалось, прошла целая вечность, хотя на самом деле — всего несколько мгновений. Все они, кроме Устейн, находились в укрытии. Устейн же исчезла. Куда? Хан не мог отправиться на ее поиски, так как третий охранник укрылся у входной двери и стал звать на помощь. Его пронзительный голос был похож на птичий, а язык совсем непонятен Хану. Хан крикнул Лизендири:

— Я был прав! Они не леры. У них даже нет грудной клетки. Бей их в грудь! Удары будут смертельными.

Охранник все еще находился у двери и звал на помощь. Хан подумал, что они должны прикончить его, пока тот не вызвал подкрепления. Хата тоже стал скли-

кать своих людей. В этом гвалте Хан не мог сосредоточиться. Вдруг крики охранника стихли. Хата тоже замолчал. Хан осторожно выглянул из своего убежища. Где же Устейн? Охранника не было видно. Хан рискнул и одним прыжком оказался у двери... Там лежал охранник, а над ним, держа меч, стояла Устейн. С лезвия стекала какая-то коричневая жидкость, вероятно, заменявшая этим существам кровь. Устейн каким-то образом в сумятице успела выскочить за дверь и затем напала на охранника сзади.

Хан с изумлением смотрел на нее. В ее глазах горел огонек, которого он никогда не видел раньше. Хан повернулся к Хате.

— Где лук, который был у меня, когда мы пришли в замок Эвинга?

— В соседней комнате.

— Я схожу за ним. Он лучшие луков, которыми вооружены твои охранники. Оставайтесь здесь. Обыщите трупы. Нам нужны газовые пистолеты.

Оставив Устейн вместе со всеми, Хан прошел по коридору в комнату, которую указал Хата. Черт возьми! Здесь совсем темно. Сколько же врагов укрывается здесь? Хан осторожно вошел в комнату. Все тихо. На столе лежал его лук. Хан схватил его, спрятался за стол, зарядил. Колчан со стрелами, слава богу, тоже был здесь. Выждав немного и не обнаружив ничего подозрительного, он поспешил обратно. Вместе они пошли к выходу из здания. Они добрались без происшествий, но входная дверь была почему-то широко распахнута. Хата направился к ней, но Хан удержал его. И вовремя, так как пуля пригвоздила край плаща Хаты к стене. Он отскочил назад с побледневшим лицом.

Хан подполз к двери. На улице стояла кромешная тьма зимней ночи. Ничего не было видно. Он махнул рукой Лизенди. Та подползла.

— Можешь выскочить отсюда быстро, чтобы никто не настиг тебя прицельным выстрелом?

Она кивнула. Мышцы ее напряглись. Хан приготовился.

— Вперед! — шепнул он.

Лизенди, как змея, выскользнула за дверь. Запоздавшая пуля ударила о косяк. Посыпались щепки. Реакция врагов была медленнее, чем Лизенди. Хан успел заметить откуда стреляли. Он тщательно прицелился и выстрелил. Раздался вой, и из укрытия выскочила нелепая

фигура, прихрамывая и издавая крики. Она упала, и тут же справа на помощь поспешила другая. Хан уже зарядил лук и выстрелил еще раз. Второй упал сразу. Странно, он мог поклясться, что рана не была смертельной. Неужели они погибают даже от самой легкой раны? Он поднялся и вышел на улицу, оглядываясь вокруг. За ним шла Лизендири.

Ночь была ясная и очень холодная, небо чистым. Яркие звезды сияли, освещая Паннона Плейн призрачным светом. Вдруг краем глаза Хан уловил движение. Он повернулся и увидел еще одного фальшивого охранника, целившегося в него. Хан упал, зная, что это его единственный шанс спастись. Первая пуля пролетела мимо, Хан судорожно пытался зарядить лук, понимая, что ему все равно не успеть. Сейчас наступит конец. Но охранник не воспользовался своим преимуществом. Вместо этого он выскочил из укрытия, как бы убегая от кого-то. Хан не успел выстрелить. Корчась от боли, тот повалился на холодную землю. Он извивался, принимая самые невообразимые позы, и грыз ледяную грязь. Но вот он испустил жуткий вопль и затих. Хан оглянулся. Лизендири стояла рядом, с отвращением держа в руке пистолет.

Они посмотрели друг на друга, и она сказала:

— Я угрожала ему пистолетом, чтобы дать тебе время перезарядить лук. Но он решил бежать, и я испугалась, что он окажется за пределами досягаемости. Поэтому мне пришлось выстрелить. Любой закон может быть нарушен однажды. Исключений в этом нет.

Было видно, что ей нелегко далось это, хотя она умела скрывать свои переживания. Хан с признательностью тронул ее за плечо. Она отвернулась.

— Теперь меня будут называть Лизендири Нарушительница Законов!

Хан ничего не смог ответить. Внезапно ощущение близости между ними исчезло. Она не могла поделиться с ним своими чувствами. Иллюзия — вот чем были их отношения. Фантомом.

Хан оставил ее, подошел к охраннику, откинул плащ, пощупал тело. Оно остыпало гораздо быстрее, чем следовало ожидать даже на таком холде. Это существо было похоже на леров, хотя, возможно, было создано с помощью хирургической операции. Хан ощупал то место, где должна была быть грудная клетка. Костей там не оказалось — так, что-то хрящевидное. Странно...

Затем он присоединился к остальным, уже вышедшим на улицу.

— Быстро на корабль! — сказал он. — На нем мы доберемся до корабля Хаты. Нам нужны оба. Мы должны поднять их в космос, пока на нас не напали сообщники этих существ.

Однако больше инцидентов не возникало. Вероятно, в настоящий момент поблизости не было врагов. Они добрались до Палленбера. Действовать нужно было быстро, иначе все могло кончиться, не начавшись. Хата уже пришел в себя и командовал всеми. Пока Хан включал двигатели Палленбера, к нему подошла Устейн. Под мышкой она держала мешок со своими пожитками, рукой сжимала меч.

— Мне даже в голову не приходило, что я могу сделать такое. Но он... он хотел убить тебя, а только ты можешь нас спасти.

Она дрожала, в глазах ее стояли слезы. Но она овладела собой и снова повторила — то ли для себя, то ли для Хана:

— Мне даже и не снилось, что я могу сделать такое...

Хан поднял Палленбер, стараясь производить поменьше шума, и повел его туда, где под звездами, в холода зимней ночи стоял Хаммерхэнд. Хан заметил, что один из люков открыт, и без колебаний направил туда свой маленький корабль. Палленбер без труда проскользнул в гигантское нутро чудовищного корабля. Хата стоял возле выхода и, как только корабль остановился, сразу же выскочил и бросился по коридору. Хан и Лизендири едва догнали его. Они быстро обошли корабль и вернулись в рубку управления.

— На борту только команда и несколько часовых, — сказал Хата. — Я всем дал приказ связаться со Старшим Воином. Нужно всех привести в боевую готовность.

Хан сказал:

— Необходимо сбросить эти метеоры и набрать других, гораздо больших. Возможно, нам придется вступить в грандиозную битву.

Хата вскочил на ноги и тут же исчез. Через некоторое время он снова появился со словами:

— Все сделано. Нас будут ждать.

Хан с легкостью поднял Хаммерхэнд в воздух. Он включил экран и увидел, как по темной долине скользит еще более темная тень корабля. По мере того как корабль поднимался, тень становилась все меньше и вскоре стала неразличимой.

Когда они поднялись достаточно высоко, Хан включил автопилот.

Устейн стояла возле него. Она была ошаращена видом многочисленных приборов, экранов, бескрайней космической ночи. Хан взглянул на нее. Интересно, о чём она думает сейчас? Она придвинулась к нему и прижалась к его руке.

Хата некоторое время смотрел на экран, затем повернулся к Лизендиру:

— Из всего, что сказал Хан, следует, что здесь действуют враждебные силы. Но мне не совсем ясно, почему эти существа выбрали Рассвет для начала своей агрессии. Ответь мне.

Лизендири стояла, размышая, в дальнем конце рубки. Она сказала:

— Я думаю, что они хотели нанести удар в самое слабое место нашей цивилизации. И вообще я полагаю, что мы все попали в цепь случайностей, которая еще не кончилась, и чем она кончится, никто не знает.

Хан и Устейн не слушали их разговора. Хан наблюдал за приборами, стараясь как можно точнее определить местонахождение аномалии. Устейн, как зачарованная, наблюдала за миганием лампочек на пульте, появляющиеся на многочисленных экранах различные символы, но все они, а также цифры, буквы ничего не значили для человека, не умеющего ни читать, ни писать, ни считать даже до пяти.

— Ну вот, опять, — сказал он. — Опять то же самое, что я наблюдал в прошлом полете. Но мне не определить координатов. Нужно произвести измерения с нескольких точек, а это может потребовать значительного времени, может, даже года.

Устейн все смотрела на приборы пульта управления, и на лице ее было такое выражение, как будто она узнает что-то давно забытое. Она, видимо, решала в уме какую-то сложную задачу. Внезапно она схватила Хана за руку.

— Почему ты не сказал мне, что у тебя тоже есть рассказывающий блок?

Хан посмотрел на нее, не понимая смысла вопроса.

— О чём ты, Устейн? Какой рассказывающий блок? Что ты имеешь в виду.

Он чувствовал себя идиотом.

Она полезла в мешок, где хранила свои пожитки, и достала моток проволоки, похожий на паутину. Хан часто видел этот предмет у нее в руках. Он внимательнее

посмотрел на нее, но не уловил никакой закономерности в ее переплетениях. Проволока толщиной с человеческий волос была сделана из платины или серебра. Каждая нить заканчивалась малюсенькой круглой головкой. Устейн гордо держала в руках проволоку, не позволяя Хану притронуться к ней.

— Это,— сказала она тоном, каким сообщают очевидную истину,— рассказывающий блок. Он запоминает то, что ты ему говоришь, а потом сообщает тебе. У всех злат есть свои блоки. У тебя, оказывается, тоже, но он очень большой, и ты не можешь носить его с собой. А почему ты не пытаешься узнать у него о том, что хочешь? Он сломался? Не может говорить?

В голосе ее послышалось участие, соболезнование.

— Повтори все снова, Устейн. Только помедленнее. Я только сейчас начинаю понимать, что это.

Она в нетерпении покачала головой. Неужели он, который столько видел и столько знает, не может понять простых вещей?

— Это мой блок. Я сама сплела его, когда была маленькой. Такие блоки есть только у нас, злат. Больше ни у кого. Когда мне скучно и я хочу услышать что-нибудь интересное, я делаю так...

И она продемонстрировала сложное движение левой рукой. Некоторые головки шевельнулись, изменили свое положение, рисунок паутины изменился.

— Разве ты не видишь? — спросила она.— Это рассказ о любви Корен и Джелиси, злат. Они очень любили друг друга и однажды убежали...

Она замолчала, внимательно глядя в лицо Хану.

— Неужели не видишь?

В голосе ее звучало разочарование.

Хан тупо смотрел на паутину.

— Нет, я ничего не вижу. Не понимаю. Сколько же рассказов может храниться в этом блоке?

Хан предположил было, что это просто запоминающее устройство.

Он ошибался. Устейн ответила:

— Здесь может храниться бесконечное множество историй. Я хорошо сделала этот блок. Хотя я и заняла всего лишь четвертое место на выставке, мой блок лучший. Видишь, и провода, и головки находятся в определенном порядке относительно друг друга. Они не двигаются, сохраняют свое положение, не нарушают общую конфигурацию. Я могу бесконечно менять их взаимное

расположение. Достаточно сделать другой жест, другие движения руками.

Она замолчала, заметив, что Хан не понимает, глубоко вздохнула и начала снова...

Все смотрели на сверкающую паутину в руках девушки, и вот в их головах начали возникать видения: призраки из далекого прошлого, древние пророки, маги, бородатые тролли, бредущие по лесу, йоги, мгновенно переносящиеся с места на место, Миларепа, Тарот, Каббала, и Чинг, и ведьмы... И все это сделала девушка с волосами цвета меди, девушка, которая не умела ни читать, ни писать, ни заниматься любовью, которая даже не считала себя человеком... И тут раздался голос Лизендири:

— А что ты делаешь, чтобы вложить туда рассказ?

Она поняла, что представляет собой этот блок. И Устейн заметила это.

— О, я не рассказываю старые истории, я создаю снова. У нас, злат, много их, очень много — о любви, о прекрасных рыцарях, героях, о далеких странах. Никто не может знать их все. Но их нельзя рассказывать без конца. Это очень опасно. Они парализуют разум, волю, уводят слишком далеко от действительности, и в конце концов человек сам может запутаться в этой паутине и уже никогда не выберется оттуда.

Она помолчала, глядя на лица окружающих, на которых уже появились признаки того, что они поняли суть происходящего. Устейн очень хотела, чтобы Хан все это постиг. Устейн продолжала:

— Хан, любовь моя, почему не работает твой блок? Он сломался? Может, он... — она показала на Хату —... попробует поработать с ним?

Хата смутился. Он сказал, что это выше его понимания.

Хан ответил девушке.

— Нет, блок работает нормально, но он не сообщает мне о том, что я хочу знать.

Как он мог объяснить Устейн, что пороговый уровень слишком низок и информацию никак не выделить из шумов? Или сказать, что имеющихся данных недостаточно для обнаружения аномалии? Он ответил:

— Я не могу правильно установить все ручки управления блока.

— Я сделаю это потом, — сказала она, довольная, что поняла, в чем затруднения у Хана. — Я злат, поэтому умею это делать. Твой блок выглядит очень странно, но

это ничего. Я немного подумаю и выполню все, как надо. Жаль, что твой блок очень большой и его невозможно носить с собой. Но неужели так важно то, что ты хочешь услышать? Я немного поняла, что сообщает твой блок. Это о чем-то, что находится где-то.

— Ты можешь перевести рассказ моего блока в свой?

— О, это очень просто. Подожди.

Она взяла моток проволоки, встрихнула его.

Хан понял: она очищает память.

— А теперь, — сказала она, — покажи, что ты делаешь в первую очередь.

— В каком смысле?

— Ну, как появляются все эти огоньки и буквы?

Хан подчинился и проделал всю процедуру измерений снова. Он увидел, что результат остался прежним: по полученным данным невозможно было определить местонахождение аномалии. Устейн внимательно смотрела на мигающие экраны и табло. Она полностью отрешилась от окружающего. Наконец, посмотрела на Хана.

— Все? Это самая любопытная история. Я, пожалуй, сама могу воспроизвести ее.

И она снова взялась за блестящую паутину, сделала несколько еле уловимых движений, посмотрела на возникшую конфигурацию, снова на мерцающие экраны, затем на свой блок. Потом она перевела взгляд на Хана и рассмеялась:

— Очень интересно! Хан, ты должен рассказать мне истории, которые знаешь. Подобных я не слышала раньше, они короткие и легко воспроизводятся, но в них много загадочного! Я не понимаю все, что вижу...

— Что же ты видишь?

— Здесь три предмета. Каждый светится. Один — вот этот.

И она указала на звезду, свет которой проникал через фильтры в рубку. Видимо, она не узнала в этой звезде солнце планеты Рассвет.

— Он очень яркий. Другого предмета сейчас не видно... Он когда-то был на этом месте, где мы находимся сейчас, но движется очень быстро и часто останавливается. А третий предмет. Подожди... Он большой и в то же время маленький. Я вижу его и таким, и таким. Могу даже смотреть сквозь него.

— Это то, что я хочу видеть. Где этот предмет?

— Покажи мне планету, и я увижу, где он.

Хан щелкнул переключателем, на экране появилась

проекция планеты Рассвет. Устейн смотрела на карту некоторое время, затем показала на южный полюс.

— Если хочешь найти его, иди туда.

Она внезапно хихикнула, как маленькая девочка.

— Извини. Это очень печальная история.

Хата прервала ее:

— О чём говорит эта сумасшедшая клеш?

Ему ответил Хан:

— Она объясняет, где находится корабль Эвинга.

Оказывается, на южном полюсе!

Хата посмотрела на него, как будто он сошел с ума.

Устейн была возбуждена. Она сумела помочь Хану!

Лизендири посмотрела на блок, затем на Устейн.

— А ты можешь увидеть продолжение истории?

— О, да! Истории не имеют ни начала, ни конца, как и все в мире. Мы просто начинаем и кончаем смотреть там, где нам хочется. Но все увидеть нельзя. Наш мозг слишком слаб для этого. Я остановила эту историю, но могу продолжить ее. Подождите!

Она снова стала внимательно смотреть на блок и не отрывалась очень долго. Потом вдруг она отшатнулась и спешно встряхнула паутину, очистив содержимое блока.

Затем она начала говорить, дрожа от ужаса, в который привело ее то, что она увидела.

— Там зло! Там плохо! Я остановила историю. Не хочу смотреть дальше. Они — как черви в мусорной яме. Шевелятся. Очень злые. Смотрят... на нас. Как-то они могут нас видеть. Я не знаю, как, но если мы приблизимся, они причинят нам вред. Белым пламенем. Они похожи на людей, но они не люди. Они видят меня и мой блок, но не могут достать.

Она оглядела всех широко раскрытыми глазами и прижалась к Хану.

— О, не отдавай меня им! — воскликнула она.

Но Хан не обратил внимание, что хотя она была почти в истерике, но свой блок держала крепко.

Хан погладил ее по голове, успокаивая, затем повернулся к Хате.

— У них есть оружие, Хата. Какое-то излучение. Они сожгут нас, если мы приблизимся.

Хата ответил:

— Наплевать. Летим туда, я уничтожу их камнями, которых не могут сжечь их лучи.

Лизендири подошла ближе, рассматривая блок и изредка

поглядывая на Устейн. Она вздохнула с сожалением и сказала медленно и печально:

— Теперь я, наконец, вижу, кто она и что может. Но ни я, ни кто-либо из леров не сможет сделать этого. Тут нет никакой тайны, ничего сверхъестественного. У нее есть петля обратной связи с паутиной. Мозг человека приспособлен для такого общения. Паутина каким-то образом усиливает его биотоки.

Хан посмотрел на Лизендири, как будто она внезапно стала ему совершенно чужой.

— Что ты имеешь в виду, Лизендири?

Он никогда не видел такой печали на ее лице.

— Разве ты не видишь?

Устейн кивнула:

— Здесь нет никакой магии, никакой электроники. Лизендири продолжала:

— Это даже не механика, а нечто похожее на примитивные счетные устройства, которые использовали древние. Однако здесь, в паутине, не только счет, в этих нитях с головками заключена реальность. Это одновременно микроскоп и компьютер. Теперь ты видишь, что получил по моему настоянию? От нее ничего не укроется ни во времени, ни в пространстве.

Устейн отодвинулась от Хана и подошла к Лизендири, вглядываясь в ее глаза.

— Значит, ты знаешь, что я видела все, чем вы занимались с моим Ханом.

Лизендири фыркнула, но Устейн не обратила на это внимания. Она обняла Лизендири и сказала доверительным тоном:

— Но ты хорошая и ни в чем не виновата передо мной.

Лизендири спросила ее:

— А ты раньше видела это?

— Нет. Мы никогда не смотрим в свое будущее, потому что не хотим знать его. Но вот пришел он, купил меня, сделал своей собственностью. Все это было для меня ново, мне захотелось посмотреть на него, на его прошлое. Я долго не решалась. Но вчера решилась. Ваша жизнь так отличается от моей. Вы — настоящие люди, а мы несчастные существа, живем нереальной жизнью. Для нас все предопределено заранее. Ты, Лизендири, познала много любви, твое тело — прекрасный инструмент для этого. Но хотя я раньше вела значительно менее сложную жизнь, чем ты, я понимаю свою жизнь меньше, чем твою. Твоя жизнь не изменится, а моя будет меняться каждую ми-

нуту. Твоя жизнь интересна, но она зафиксирована, как старые истории злат. Для меня же все изменится, и пусть моя жизнь будет менее богата приключениями, но в ней будет больше истинных чувств. Ты не должна бояться меня, Лизендири Срит-Карен. Ты подготовила Хана для меня, ты подарила его мне, и за это я буду перед тобой в вечном долгу.

XII

Все религии начинаются там, где кончается наука.

Холден Чепелевски, Кайерс

Факты передаются от человека при помощи рассказов. И чем длиннее цепочка, тем больше искажений, тем больше хаоса. К фактам следует относиться с почтением, но их следует и остерегаться.

Брунсимер Фразен

Хан отвернулся от всех и стал программировать курс корабля. Снова повернувшись, он увидел, что одна из девушек улыбается, а другая тупо смотрит в пространство. Ему хотелось каким-то образом вернуть все в обычное состояние, но он боялся неосторожным словом разрушить то, что уже сложилось.

Нарушил тишину Хата, который спросил:

— Если все, что увидели мои глаза и услышали уши, правда, то, значит, любой злат или человек после соответствующей тренировки может с помощью этой паутины видеть все?

Ему ответила Устейн:

— Да, ты прав, все, что угодно. Но когда я жила среди своих, я ничего не знала о большом мире, и у меня не было причин интересоваться, каков он. Нет. Мы не используем свои блоки для этого, а только для историй. Мы делаем эти блоки сами — это наша гордость. Мы могли бы делать и большие, вроде того, что установлен на корабле, но у нас нет машин, источников энергии. Поэтому мы делаем только такие, которыми можно управлять руками.

Она улыбнулась как бы про себя:

— Может быть, мы смотрим истории, которые когда-то случались или произойдут в будущем. Например, история любви Корен и Джолиси. Может, она действительно

имела место когда-то, где-то. Но я не хочу этого знать. Ведь мой блок может показывать как прекрасные, так и страшные истории.

— Могу я научиться управлять им? — спросил Хан.

Она подумала мгновение, затем сказала:

— Нет, вряд ли. Потому что ты слишком много знаешь, слишком много видел. Тебе следовало начать это, когда ты еще не был тесно связан с миром, когда ты только начинал учиться ходить. А леры? Нет. Им никогда не постигнуть этого. У них другой разум. Теперь, когда ты изменил мою жизнь и я познаю многое, я тоже разучусь пользоваться блоком. Год, может, два — и он превратится для меня просто в проволочную паутину. Но ты не расстраивайся. Я сама выбрала этот путь и поэтому пошла с тобой. И пока это так, мне не нужны истории.

Она посмотрела на Хату.

— Когда мы были под ними, то не имели ничего, кроме времени, превращенного в иллюзии. У нас не было времени — были иллюзии. Вот еще одна причина, почему ты не можешь научиться пользоваться блоком: ты видишь слишком много времени, а леры не видят ничего, кроме времени. Для тебя, Хан, все видится во взаимосвязи: одно передает другое. А леры считают, что все происходит само по себе. И ты, и они не правы.

Хан был поражен. Девушка, которая еще вчера была домашним животным, сейчас свободно рассуждает о взаимосвязи времени и пространства — правда, словами восьмилетнего ребенка.

Лизендири сказала:

— Я с ней не согласна, но она хочет сказать, что случайность — иллюзия времени, а само время — это иллюзия протяженности, вернее, длины.

— О, да, она поняла меня! — воскликнула Устейн. — Все правильно: у меня просто не хватает слов.

Хата хмыкнула:

— Вы можете верить пророкам и прорицателям, если хотите. Но лично я их презираю и всегда гоню, если вижу, что они бродят по городу. Все это чушь. Она — клеш. И не знает ничего.

Девушка обратилась к нему со словами, полными яда:

— Это потому, что я знаю, что ты называешь словом «ничего», потому что я всегда могу проникнуть в твои мысли, планы. Высший народ держит домашних животных! Какая чушь! Домашние животные выше своих хозяев! А все твои животные меньше, чем ничего. Дырки в буб-

лике! Ты видишь только осколки явлений и никогда не поймешь их сути, никогда не увидишь явления в целом. Это не магия. Это инструмент, который позволяет мне видеть все так, как оно есть. Хочешь знать, что еще увидела я? Я узнала, что ты больше никогда не увидишь восхода солнца на планете!

Хата отшатнулся от нее. Было видно, что девушка напугала его.

— Пошла прочь от меня, ведьма!

— Я ничего тебе не сделаю. Ты сам придешь к тому, что ждет тебя.

Она явно разозлилась и, несмотря на свою хрупкость и отсутствие оружия, стала опасной. Хан обнял ее за плечи, стараясь успокоить. От прикосновения Устейн пришла в себя.

— Не трать времени на него. Пусть живет, как хочет. Лучше расскажи еще одну историю. Он тоже хочет услышать ее.

Она спросила:

— О чём?

— О яркой звезде. Поведай ее историю.

— О, я не могу больше пользоваться блоком. Я и так слишком долго работала с ним. Чем больше хочешь извлечь из него, тем меньше он отдает.

Она выжидающе повернулась к панели пульта. Хан снова включил прибор и проделал в необходимой последовательности вычисления. Он не понимал, что полезного может извлечь она из непонятных символов, кнопок, клавиш? Но, может быть, Устейн видит совсем другое? Ведь видит же она в беспорядочной паутине то, чего не могут увидеть они, цивилизованные люди!

— Еще раз, пожалуйста.

Он повторил все снова. Да, сомнений нет. Она видит и понимает все по-своему, но объяснить суть не может. Это все равно, что просить двухлетнего ребенка объяснить, как он ходит.

— Достаточно. Я могу воспроизвести все, но мне нужен сильный свет, дневной свет. Он позволит повысить точность движений.

Хан отрегулировал пропускание фильтра и развернул корабль так, чтобы свет звезды попадал в иллюминаторы. Устейн уже была за работой.

Она рассеянно сказала Хану:

— Хорошо, хорошо...

И замолчала, поглощенная своим блоком.

Сильный свет звезды проникал в рубку, делая все цвета более контрастными, а тени более резкими. И в этом сиянии стояла маленькая девочка с медными волосами и вертела в руках серебристую миниатюрную галактику. Тело ее было сориентировано точно под углом девяносто градусов к источнику света, глаза устремлены на сверкающие нити, рот полуоткрыт. Она шевельнула губами, как бы произнося что-то. Хан попытался угадать что именно, но не смог.

Но вот Устейн вся напряглась. Хан чисто физически ощутил это. Паутина двинулась, проволочки затрепетали, и появилась совершенно новая конфигурация. Устейн взглянула на нее, ахнула в ужасе и быстрым движением встряхнула блок, уничтожив образовавшуюся картину. Хан уменьшил яркость света, и Устейн, двигаясь, как в полусне, аккуратно сложила блок и спрятала его в мешочек. Она встала, но ничего не сказала. Выглядела она, как зомби. Хан прикоснулся к ней, но она не прореагировала. Он взял ее за плечи обеими руками, встряхнул.

— Устейн, что с тобой?!

Голос вернул ее к жизни. Она посмотрела на Хана, кивнула.

— Я сделала ошибку, захотев узнать слишком много.

— Что ты видела? Как насчет яркой звезды?

Она помолчала некоторое время, прежде чем ответить, как бы пытаясь воспроизвести все в памяти. Затем начала:

— Это было давно, очень давно. Царила тьма. Звезды, пустота, одиночество... Но вот возникло что-то. Оно начало распространяться в пространстве, затем концентрироваться в одном месте. В клубах пара возникли твердые островки, раскаленные до невообразимо высоких температур. Шло время. Некоторые островки остывали, другие оставались горячими. Прошло еще невообразимое количество лет. Холодные островки вращались вокруг горячих, и те постепенно увеличивались в размерах. Но это не могло длиться вечно, и горячие островки взрывались, один за другим.

— Где же мы в этой истории? — спросил Хан.

— Где-то около конца. Яркая звезда — один из таких островков. И если мы вернемся на планету, то пройдет не больше пяти лет, как солнце взорвется. Это случится рано утром весной. Небо будет чистым, и мы увидим... и...

Она помолчала.

— Что все это означает?

— Ты все видела и не поняла? — спросила Лизендири.

— Я вижу многое, чего не понимаю. Вот так блок и затягивает того, кто хочет получить ответы на непонятное. Ты смотришь, хочешь узнать, что будет дальше, и так до бесконечности.

Она замолчала и снова впала в транс, глядя в никуда.

Хан потормошил ее. Безрезультатно. Только после третьего зова она пришла в себя, обняла Хана и взмолилась:

— Не нужно заставлять меня смотреть ваши истории, в которых я ничего не понимаю, но чувствую, что в них таится опасность.

Она прикоснулась к Лизендири.

— Я снова здесь, во времени, в котором я живу.

Хан повернулся к Хате.

— Она видела прошлое и будущее твоего солнца. Оно взорвется. Через пять лет. Так что у тебя есть время эвакуировать народ с планеты. И как можно дальше. Мы тоже вернемся к людям и увезем их.

Хаммерхэнд уже находился на другой стороне планетной системы. Его сопровождал метеорит — гигантский слиток железа и никеля, почти такой же огромный, как сам корабль. Хан и Хата начали прощаться. Хата заговорил первым.

— Ну вот и все. Должен признаться, я многое теперь понял. Я всегда считал, что ценность пленника со временем уменьшается. Но с тобой и Лизендири все вышло наоборот. Я ошибался, считая вас шпионами. Вы оба что-то другое.

— Разумеется, мы не шпионы в общепринятом смысле этого слова. Мы были посланы вовсе не для того, чтобы выведать ваши тайны. Просто должны были узнать, что же случилось на Челседоне. Хетрус, который занимался этим делом, чувствовал: здесь что-то не так. Его смущило поведение Ефрема. Во всяком случае, если бы ты оставил нас с Лизендири на Челседоне, может быть, все было бы так, как хотел Эвинг.

Хан хотел дать понять Хате, что снова он послужил орудием, но на этот раз орудием Хана в борьбе с Эвингом. Конечно, это была не месть за многолетние издевательства Воинов над людьми. Но если Хата и заметил намек, то не обратил на него внимания.

— Возможно, возможно, — сказал он. — Но сейчас мы

пойдем каждый своим путем. Я нанесу удар по врагам, а ты с двумя девушкиами полетишь в свой мир.

— Да. Но когда ты сделаешь то, что задумал, ты должен спасти свой народ, вывезти его отсюда, пока эта звезда не взорвалась. Но знай: я, Лизендер и Устейн улетаем, но вернемся сюда через год во главе целого флота, мы заберем всех людей. И, клянусь, если хоть один Воин поднимет против нас меч, мы отполируем поверхность планеты, как стальной шар. Не вздумай причинить вред людям или вывезти их на другую планету.

— Всех? Даже домашних животных?

— Не трогай ни одного человека. Оставь их всех в покое, а сам иди своим путем. Следуй учению Сандзирми или хоть самого дьявола. Но если ты не выполнишь моего условия, мы достанем тебя даже на краю вселенной. Ведь с нами Устейн, которая видит, она найдет тебя, даже если ты спрячешься в черной дыре.

Хата посмотрел на Хана:

— Хорошо. Видимо, мне следует подчиниться. Не беспокойся, я сделаю все, что ты просишь. Даже если я не вернусь из этой экспедиции, все равно пошлю приказ на планету. Правда, без корабля они не смогут никуда убежать.

Он улыбнулся:

— А сейчас у нас с вами общий враг.

— Я буду сопровождать тебя. Облети планету со стороны солнца и сбрось метеориты, когда будешь над ними. Есть уверенность, что они наверняка будут стрелять в метеорит. Но сомневаюсь, что даже их оружие сможет уничтожить его. Потом лети к замку Эвинга. Успеха тебе!

— Хан, ты сделал для нас очень много, имея мало возможностей. Я знаю, ты не шпион и не завоеватель. Улетай домой. Я буду ждать тебя через год на корабле и без оружия.

Он повернулся и вышел из каюты, не сказав больше ни слова, не сделав прощального жеста.

Вскоре Палленбер с Ханом, Лизендер и Устейн на борту отчалил от Хаммерхенда. Устейн повернулась к Хану, стоящему возле пульта управления.

— Что будем делать теперь? Полетим к тебе, в твой мир?

— Нет. Мы должны закончить дела здесь. Расправиться с Эвингом. Затем мы улетим отсюда, чтобы вернуться и вывезти всех людей.

Хаммерхенд уже взял курс на планету. Огромный

метеор, который можно было тоже принять за небольшую планету, неохотно двигался за ним, как бы не желая покидать удобную орбиту в космосе. Хан некоторое время смотрел вслед огромному кораблю, затем включил автопилот, и Палленбер начал двигаться по замысловатой кривой, которую никто не мог видеть, кроме корабельного компьютера.

Они уже были над планетой, а под ними, почти в верхних слоях атмосферы, двигался Хаммерхенд. Метеорит все еще был сзади, но он уже начинал перемещаться самостоятельно. Но вот Хаммерхенд начал описывать широкую дугу над планетой, в конце которой должен был уходить прочь. Эта кривая проходила точно над южным полюсом, окутанным в полярную мглу. Вечный лед поблескивал в свете звезд. Единственное, что знал Хан,— враги где-то там, внизу. Но кто они такие и что намереваются делать, он не имел понятия.

Вдруг где-то над полярной областью возник голубоватый луч света. Он неуверенно колебался из стороны в сторону, как бы отыскивая что-то. Нащупал он и корабль Хата, и метеорит — корабль удалялся с увеличивающейся скоростью, а метеорит, тоже увеличивая скорость, устремлялся к полюсу. Цель его была очевидна. Луч остановился на метеорите, сжался в острую иглу ослепительно белого света. Все экраны на Палленбере исказили изображение — все утонуло в помехах. Метеор просто исчез, испарился, как будто его и не было. Луч снова стал широким, бледным, едва различимым после ослепительного свечения. От метеора осталось только легкое облачко пара, которое быстро рассеялось.

Хан включил все защитные поля, приготовил оружие, хотя понимал, что ничего не сможет противопоставить этому лучу. Холодное сосущее ощущение возникло внизу живота — ожидание неотвратимого.

Но Хата тоже видел, что произошло с метеоритом, и предпринял собственные действия. К тому времени, как голубоватый свет снова нашел его, корабль уже лег на обратный курс и устремился к полюсу. Вероятно, Хата включил все силовые установки.

— Самоубийство,— сказал Хан.— Он переключил всю энергию на двигатели и защитные поля.

Находящиеся на полюсе поняли этот маневр слишком поздно. Снова луч уподобился раскаленной добела игле, стремящейся превратить корабль в облачко пара. Но этот удар не принес ему вреда, только высек сноп искр из

металлического корпуса. Внезапно по всем экранам прошла странная рябь — такая же, какую видели Хан и Лизен-дир, когда приближались к Челседону. Они оба сразу узнали ее. Теперь они понимали, что враги запустили двигатели своего корабля и готовят его к взлету.

Вот на полюсе лопнула ледяная шапка, и из нее начало подниматься что-то непонятное. На экранах почти ничего не было видно, помехи от луча и двигателя корабля складывались друг с другом, на экранах стояла сплошная рябь. Корабль врагов был огромен — гораздо больше корабля Хаты, да и двигатели несравнимы по мощности с двигателями корабля Хаты. Он ворочался подо льдом, как громадное насекомое, стремясь выбраться наружу.

Но было уже поздно. Прежде чем чужой корабль появился на поверхности, в него врезался корабль Хаты. Хан видел все, как при замедленной съемке. Вот они коснулись один другого, но не взорвались — сначала медленно раскалились докрасна, а затем до ослепительного белого цвета. Затем — столб пара, тумана — и пульсирующая рябь на экране исчезла. Все сразу успокоилось. Системы детектирования показали, что во всем окружающем пространстве остался только один источник энергии — солнце планеты Рассвет. Сейчас его не было видно, так как планета закрывала его, а вокруг нее сияла огненная корона.

Лизендири смотрела на все происходившее без каких-либо комментариев. Наконец, после долгого молчания, она тихо сказала:

— Хата в конце жизни поступил, как настоящий лер. Наш закон говорит: не используйте оружие, покидающее руки. Хата не выпустил оружие. И он не совершил просто самоубийство, ибо то, что он сделал, было единственным возможным в его положении.

Хан посмотрел на нее, оторвавшись от приборов.

— Я понимаю. Но, по его воззрениям, чем выше человек по своему положению, тем шире у него возможность выбора в той или иной ситуации. Но перст судьбы привел его к тому, что у него вообще не осталось выбора.

Устейн угрюмо добавила:

— Все кончено. Они убили его, как я и предсказывала. Как я видела.

— Он нанес им еще большее зло, — ответил Хан. — Теперь главный заговорщик в ловушке — бежать ему не-

куда. На планете ему оставаться нельзя — ведь Воины будут преследовать его. Даже если он сможет скрыться от них, его ждет взрыв звезды, а его корабль, который мог бы спасти его, уничтожен.

— Значит, мы присутствовали при конце легенды, — сказала Лизендир. — Это был конец истории Сандзирми. Все кончено, мы можем лететь домой. Мы свободны.

— Да, мы свободны, — спокойно заметил Хан. — И теперь имеем возможность выбора.

— Какого выбора? — спросили одновременно две девушки.

— Мы можем вернуться домой или остаться здесь и закончить оставшиеся дела.

— Что мы еще можем сделать здесь?

— Эвинг. Забыли? Я знаю, его не было на полюсе. Он не погиб вместе с этими. Но он наверняка заподозрил что-то неладное. Ведь у него была связь со своими сообщниками, а теперь она прервалась. Я не знаю, может ли он связываться со своим миром. Может, сейчас он уже просит помощи. Мы даже не знаем, где его мир. Может, за сотни световых лет отсюда, а может, рядом, в соседней планетной системе.

Лизендир задумчиво смотрела на него.

— Да, понимаю тебя. Но, Хан, это может оказаться более опасным, чем все, что было до сих пор. Если мы ищем опасности, то надо пуститься на эту авантюру. Лично я не желаю больше никуда лететь, кроме как на свою планету, в свой мир.

Устейн неожиданно поддержала ее.

— Я согласна с Лизендир. Подумай, Хан, кто будет охотиться на это существо? Ведь нас только трое, и только двое воины. Я ничем не смогу помочь вам.

— Я не имею в виду, что мы должны броситься вслепую. Я предлагаю лишь осмотреть замок Эвинга. Мы знаем, что у него нет корабля. И мы можем быть уверены, что нет и оружия, которым он мог бы причинить большой вред нашему кораблю. Мы сможем издалека обнаружить источник энергии, если он там есть. Если же исчез, мы не станем тратить остаток своей жизни на охоту за ним. Но мне очень не хочется оставлять его здесь.

Лизендир встала и подошла к пульту управления. Она сама включила приборы.

— Согласна. Ты прав. Я тоже не хочу оставлять его тут.

Устейн переводила взгляд с Хана на Лизендир.

— Мне все это не нравится, но я не могу остановить вас. И я не могу управлять этим кораблем. Но, могу признаться, я боюсь существ, которые могут обращаться с разумными существами так.

— Ты боишься? Я не думаю, а уверен, что ты быстро научишься быть смелой. Ведь если кому-то из нас придется идти в замок, то это будем ты и я. На корабле должен остаться один из тех, кто может управлять им. А это Лизендири.

Вскоре, летя в нижних слоях атмосферы, они приблизились к замку Эвинга. Когда они пролетали над Лелиасом, Хан и Лизендири внимательно вглядывались вниз, стараясь обнаружить признаки жизни, но напрасно. Лелиас был погребен под снегом. Видны были только камни. Приблизившись к замку, они снизили скорость и постарались спуститься как можно ниже, но ничего живого не увидели. В сумраке зимней ночи замок казался пустым, темным, покинутым.

Пока Хан и Лизендири изучали замок, Устейн смотрела вперед, на главный экран. Ее острый взгляд заметил вдали группу людей, которые двигались к югу. Видно, хотели уйти прочь. Она позвала Хана и Лизендири.

Хан подлетел поближе, чтобы лучше рассмотреть людей. Да, они уходили от замка, бежали. Хан не мог узнати никого на таком расстоянии, но то, как они спешили, как они хотели скрыться от корабля, доказало ему, что это не Эвинг. Хоть тот был лжец и обманщик, он бы с достоинством встретил свое поражение. Хан был убежден, что Эвинг бежать не будет, ибо тогда станет легкой добычей тех, кто будет охотиться за ним. Нет, его нет в этой группе. Он, должно быть, спрятался в замке или в Лелиасе. Хан развернул корабль по направлению к замку.

Чем ближе он подлетал, тем становилось яснее, что это глупая затея. Они никогда не смогут найти Эвинга. Техника им не помогла, а спуститься на планету и обыскать всю ее поверхность у них не было времени. Может быть, в замке найдутся какие-либо доказательства. Хан несколько раз пролетел над замком, но они не увидели ни огонька, ни дымка. Хан посадил корабль прямо во внутреннем дворике замка. Корабль был маленьким, но, окруженный каменными стенами, казался огромным.

Двигатели затихли. Хан приготовился выйти из корабля.

— Лизенди, ты останешься здесь. Если что-нибудь случится и мы не вернемся, доставишь всю информацию в Союз. Улетай сразу — ты знаешь, как. И прежде чем покинуть эту систему, сожги замок, преврати его в пепел. Забудь все запреты. Ты можешь улететь отсюда через матричное пространство. Я включил этот режим. Тебе останется только нажать кнопку.

— Это неправильно! — воскликнула Лизенди. — Мы должны идти с тобой вместе.

Устейн завернулась в покрывало.

— Я боюсь этого замка. Боюсь оставить корабль. Только здесь и в нашей комнате в доме Хаты я ощущала реальность жизни. Но несмотря на это, я должна идти с тобой, Хан. Ты должна понять меня, Лизенди. Понять и не обижаться.

— Я понимаю. Идите. И возвращайтесь побыстрее.

Хан дал Устейн один из пистолетов и научил пользоваться им. Девушка серьезно и внимательно слушала его. Себе Хан взял два пистолета — один лучевой, формирующий вспышку света с длинной волны, близкой к ИК, другой — с управляемыми пулями, обладающий громадным разрушительным действием. Он также нашел теплую одежду и предложил ее Устейн, но девушка отказалась.

Они спустились с корабля во двор и некоторое время стояли, выжидая.

Солнца не было видно. Оно висело низко над горизонтом, и его скрывали стены. Однако его рассеянный свет все же освещал двор и замок. На небе сияло несколько ярких звезд и заливали двор призрачным светом. В углах двора, казалось, затаились угрожающие тени.

Над головой, в глубинах темнеющего неба, что-то слабо мигало, потом появились вспышки света. Хан и Устейн остановились и посмотрели вверх: это рождалось северное сияние, но еще слишком слабое, чтобы различить цвета. Оно появлялось только в периодических изменениях яркости. Стоя голыми ногами на пушистом снегу, завернутая в одеяло Устейн наклонила голову и жадно вдыхала морозный воздух. Ноздри ее раздувались. Перед нависшей опасностью в ней будто проснулись древние инстинкты, берущие начало во тьме времени и пространства — в обледеневших лесах земли.

Они пошли по снегу, слыша скрип под ногами, и вско-

ре достигли огромных дверей, распахнутых настежь. Прислушиваясь к каждому шороху, они, как взломщики, вошли в замок.

Там было так холодно, как на улице.

Устейн прошептала:

— Они все ушли. Я ничего не ощущаю. Они ушли отсюда еще до того, как корабль был разрушен. Замок пуст и мертв.

— Как это может быть? Ведь должно было пройти не больше часа. Тепло еще не должно было выветриться.

— Помнишь, когда я работала с твоим блоком памяти на корабле, я сказала, что они могут видеть меня. Не знаю как, но могут. Возможно, тогда они почувствовали опасность и бежали.

Они обследовали весь замок, и Хан убедился, что она права. Замок был пуст, его покинули еще до того, как корабль чужаков был уничтожен Хатой. Остались следы спешного бегства. Все было разбросано, кое-где валялись трупы леров и людей, но не чужаков. Возможно, здесь разыгрался бой, но следов его не было видно.

Наконец, они достигли центрального холла. Хан нашел дверь, через которую сюда вошел Эвинг, и сказал:

— Когда мы с Лизендири впервые оказались здесь, нам во время обеда играли музыканты. Тогда я ничего не знал о клеш и решил, что музыканты — члены одной секты, так они были похожи друг на друга.

— Музыканты? И они действительно играли? Но ты знаешь, большинство клеш уже давно утратили способности к этому. Они больше не делают того, для чего их создали. Я не знаю, кого ты видел.

— Мне кажется, что среди трупов их нет. Они были щупленькими, некрасивыми, с коричневыми волнистыми волосами и большими носами, как у хайдаров.

— А! Это пейниры. Не знаю, где они находятся, но, по слухам, они где-то есть. Они такие же старые, как золоты.

Пройдя дальше по коридору, в одной из темных комнат, освещенных лишь светом звезд из окон, они нашли нечто вроде установки коммуникации. Во всяком случае, так они решили. Они увидели какие-то приборы, индикаторы, даже небольшой микрофон странной формы. Пульт дал мало пищи для размышлений, настолько был не похож на то, что они видели раньше. Хан даже не мог найти, где подключается источник энергии. Кое-где на пульте были надписи, но ни Устейн, ни Хан не смог-

ли их прочесть. Хан сказал больше себе, чем девушке:

— У Воинов есть радар, но нет радио. Это все равно, что иметь голос только для того, чтобы слушать эхо. Значит, Эвинг мог пользоваться радиосвязью на любых частотах. Никто здесь не был в состоянии перехватить его сообщения. Но, скорее всего, он предпочитал длинные волны, и антenna наверняка находится под землей, чтобы он мог вести передачи даже во время магнитных бурь.

Устейн прошептала:

— Я не знаю, о чём ты говоришь. Кажется, этот Эвинг был колдуном, но ты тоже колдун. Великий колдун, так как смог распознать все его хитрости. Но подожди! Посмотри в окно!

Хан подошел к единственному в комнате узкому окну и выглянул. Окно выходило на север, и на горизонте Хан увидал заходящее солнце. Все небо на севере играло красками, царил настоящий праздник красок, фейерверк красок. Да, это было настоящее северное сияние.

Устейн подошла и встала рядом с Ханом. Она была в трансе. Это было самое мощное северное сияние, какое когда-либо видел Хан. Устейн стояла, подняв голову вверх. Лицо ее стало еще прекраснее в этом переливающемся свете, струйки пара вылетали из ноздрей, волосы переливались всеми цветами радуги.

Она отошла от окна.

— Я видела северное сияние много раз, но такое красивое — впервые. А теперь идем отсюда. Здесь никого нет.

Хан неохотно отошел от окна, собрал несколько книг и манускриптов. Он не знал, что будет с ними делать, но раз уж он вошел сюда, как взломщик, значит, должен что-нибудь украсть.

Устейн ничего не взяла — она не нашла ничего, что могло бы ей пригодиться. Хан видел, что ей не по себе в этом замке и она хочет побыстрее покинуть его.

Они пошли к Палленберу через вереницу холодных пустых коридоров и холлов и снова не увидели ничего нового: трупы, сломанная рухлядь, брошеное оружие.

Весь путь они проделали осторожно, прячась в тени выступов стен, как бы чего-то ожидая: нападения, крика, звона стали, укола слепящей боли. Но в холодной тишине не было слышно ничего, кроме биения их пульсов. Во дворе их ждал корабль с выключенными огнями и открытым люком — таким же, каким они оставили его. Все

вокруг казалось мирным и безопасным. Все, кроме неба над головой, где пылало, торжествовало, буйствовало северное сияние. Хан посмотрел на Устейн. Ее красивое лицо больше не выражало священного трепета, а лишь ожидание. Хан вздохнул: Эвинг сбежал от них и, возможно, спасся, так как у них не было возможности обшарить всю планету в поисках его. Он мог скрываться где угодно.

Они стали подниматься по лестнице — впереди Хан, за ним Устейн с пистолетом наготове. Она была напряжена, хотя Хан не видел причин для этого. Устейн все время озиралась, как будто чего-то ожидая. Хан взобрался на корабль и сказал Устейн, что прикроет ее, пока она будет подниматься по лестнице. Они уже были готовы войти в корабль, как Устейн остановилась и сказала:

— Подожди. Минуту. Я хочу в последний раз посмотреть на мой мир. Я ведь больше никогда его не увижу.

— Хорошо. Но поторопись. Очень холодно. Когда войдешь во вторую дверь, нажми кнопку — и люк закроется.

— Я только на минуту.

Хан пошел вперед. Устейн, возможно, наплевать на мороз, а он уже начал ощущать его укусы. Он не мог понять, как она ходит по снегу голыми ногами. Странно, она сказала, что они никогда не вернутся на эту планету, что она видит ее в последний раз. Но они же должны прилететь за клешами, за людьми, чтобы увезти их. Ведь через пять лет планета сгорит в ужасном пожаре. Планета зловещая, скрывающая новую тайну вселенной. То, что случилось здесь, не было вызвано дьявольскими устремлениями Воинов или манипуляциями Эвинга — нет, сама планета как-то воздействовала на умы, вытесняя из них все величественное и оставляя только низменные инстинкты.

Хан прошел через коридор и подошел к рубке управления. Как только он открыл дверь, он услышал крик Устейн. Он остановился и, оставив дверь приоткрытой, устремился назад.

— В чем дело?

— Хан! Снег! Что-то неладно. Я чувствовала это. Ты и я. Мы пришли и ушли. Четыре следа на снегу — твои в сапогах и мои босые. Четыре! А здесь пять! Лизендири вышла из корабля? Нет? Кто-то вошел в него!

Хан сразу узнал этот голос еще до того, как слова дошли до него. Это был голос не Лизендири, но и не лера, вообще голос не человека.

Из громкоговорителя раздался приказ:

— Я держу под прицелом твою бывшую любовницу. Прикажи клеш повиноваться, пусть поднимается сюда и входи сам. Оружие оставь у двери. И побыстрее, у нас мало времени, а дел еще очень много.

Хан повернулся к Устейн:

— Входи.

Он старался придумать план действий, но ничего утешительного не приходило на ум. Во всяком случае, лучше войти в корабль, а не оставаться замерзать здесь. Всегда у них троих может появиться шанс на спасение. Какой, он пока не видел.

XIII

Характеры людей четырехмерны, подобно тому как двумерны морские волны, следы ветра на песке, колебания трав в полях. По форме движения волн можно определить силу и направление ветра. Но трудно оценить характеры людей и еще труднее понять, какие житейские веры сформировали эти характеры.

Зерманшан Тлан

Устейн вошла в рубку управления, возбужденная и испуганная, и проговорила:

— Хан, там чьи-то чужие следы на снегу. Это не наши... О! — она замолчала и спокойно вошла в рубку. Затем закрыла за собой дверь, встала рядом с Ханом и сбросила с себя одеяло.

— Это лучевой пистолет, — сказал Эвинг. — Он очень хорош на небольшом расстоянии, как здесь. Я поставил его на максимальный радиус поражения. Конечно, он не убьет с первого выстрела, но ожоги будут очень сильными, смерть наступит не сразу. Я знаю, эта девушка натренирована для войны, и чтобы нейтрализовать ее, буду держать под прицелом вас двоих.

Он замолчал, дав им время на обдумывание. Они не сомневались, что Эвинг не будет говорить зря. Лизен-дир спокойно сидела в кресле пилота, ничего не говоря и не двигаясь.

Эвинг, увидев, что его поняли, продолжал:

— А теперь за дело. Программа проста. Ты переправишь нас в мой мир, где и останешься. Высший Совет обсудит создавшуюся ситуацию и попробует найти выход. Помните — сон мне не нужен.

Хан отчаянно пытался найти хоть какую-то возможность спасения и, чтобы выиграть время, спросил:

— Значит, я был прав относительно ситуации на планете?

— Да. Воины не понимали ее. Они были слишком примитивны. Но мы недооценили способности людей — тебя, например, или этого Хетруса с Сибрайта. Он что-то заподозрил с самого начала. Я смог только добиться, чтобы изучить положение двоих некомпетентных людей. Естественно, вы не должны были что-либо обнаружить здесь, и совет ничего не узнал бы от вас. Если бы вы что-либо обнаружили, то должны были бы просто исчезнуть. Но ты оказался более пронырливым и изворотливым. И девушка хорошо дополняла тебя. Да, я недооценил вас обоих. Во всяком случае, тебе удалось исключить эту планету из наших расчетов, основать здесь базу для дальнейших операций. Ты понял с помощью измерений, что звезда этой системы скоро взорвется, но к этому времени мы надеялись закончить подготовку к установлению правильного порядка будущих событий.

— Каких?

— Тебе это теперь неинтересно.

— Удовлетвори мое любопытство.

— Пожалуй, это не повредит. Ты все и сам предполагал. Мы надеялись вызвать войну между людьми и лерами. Ты сам знаешь, что нет войны более жестокой, чем между родственниками. Конфликт должен был ослабить и людей, и тогда мы спокойно завоевали бы ваш мир. Мы — старая цивилизация и не можем представить себя среди пионеров новых миров. Снова воевать с дикими зверьми? Вырубать леса?..

— Твоя внешность настоящая или это просто маскарад?

— В основном, настоящая. Но, разумеется, с небольшими ухищрениями, чтобы не возбуждать подозрения у Воинов. Вообще-то мы похожи на леров. Но хватит! Поговорить можно и по дороге. Садись, или стой, если хочешь, но давай трогаться в путь. Помни, жизнь людей этой деревушки — это цена за любое подозрение, которое ты вызовешь у меня.

— Я буду стоять и говорить Лизендир, что включать.

Хан лихорадочно соображал:

— Они по образу мышления больше похожи на людей, чем на леров. За это можно зацепиться! Идея! Она должна сработать!

Чем больше Хан думал, тем больше утверждался в

мысли, что идея должна сработать. Во всяком случае, она поможет выбить пистолет из руки Эвинга. А там посмотрим!

Хан подошел к панели управления, Эвинг спросил:

— Тебе не нужен курс?

— Пока нет. Ты когда-нибудь летал на наших кораблях?

— Нет. Только на своем.

— Тогда позволь объяснить кое-что. Я не хочу возбуждать никаких подозрений своими действиями. Когда мы путешествуем в пространстве, то ориентируемся на заранее установленные точки, координаты которых заложены в памяти корабля. Я не знаю, где твоя планета, поэтому мне придется пользоваться ручным управлением. А сейчас я должен определить точные координаты корабля по теории Гейзенберга.

— Хорошо. Только делай это побыстрее и без фокусов. Ты знаешь, что будет иначе. Сначала эта девушка, а потом рыжеволосая клеш. Ты же не хочешь, чтобы они страдали? Тогда поторопись... Время бежит...

Хан кивнул, поморщившись. Если он ошибается...

— Теперь так. Мы входим в космос...

Устанавливая курс на выбранную точку, он незаметно посмотрел на Лизендири и Устейн. На их лицах не мелькнуло ни единой мысли — обе были сама пассивность. Это хорошо. То, что он хочет сделать, будет успешно, если они не выдадут его. Значит, они не должны узнать ничего заранее. Нельзя вызывать у Эвинга подозрение, что он делает что-то не то.

Корабль достиг намеченного пункта, двигатели отключились. Теперь оставалась только ручная коррекция, которую выполнила Лизендири, поставив корабль в искомое положение. Звезды, к которой они стремились, оказалась в центре главного экрана. Она сияла, как укор. Ведь все теперь знали, что конец ее неотвратим.

Пора!

Хан повернулся к Эвингу:

— Мне нужен прибор для измерений. Он в маленькой сумке. Пусть девушка подаст его.

— Как он выглядит?

— Для тебя это всего лишь моток проволоки.

— Ты уверен?

— Ты что-нибудь понимаешь в астронавигации?

— Нет. Этим занимается команда.

— Тогда позволь мне решать самому, что предпринять.

Хан повернулся к Устейн. Девушка выпрямилась, но она все еще не понимала его. Беспокойство было написано на ее лице.

— Ты уверен, что тебе нужно именно это, Хан? Это опасно, и я не понимаю....

— Ничего, ничего. Подай мне блок, Устейн. Я знаю, что делаю.

Хан почувствовал раздражение. Если она скажет хоть слово об истинном назначении блока...

Но она этого не сделала. Наклонившись над сумкой, Устейн вынула блок, размотала его и неохотно подала Хану. Свои сомнения она не могла скрыть.

— Возьми! Только будь осторожен. Когда им пользуется кто-то другой...

Хан оборвал ее:

— Ничего! Я буду иметь это в виду.

Он взял блок, рискуя бросить взгляд на Лизендири. В ее глазах мелькнула искра. Она поняла! Хан посмотрел на Эвинга. Внезапно тот заинтересовался блоком и внимательно смотрел на него. Хан, игнорируя это, поднял блок так, чтобы на него попал свет звезды. Он надеялся, что сейчас похож на астронавигатора, производящего измерения.

— Любопытно,— думал он, держа его перед собой и глядя на игру переплетений проволоки.— Как же она использует эту штуку? Как переводит все это в материальные символы? Как, воспринимает их? Он вглядывался, стараясь найти что-либо, за что можно зацепиться взглядом. Ничего! Лишь игра света. Оптическая иллюзия. Но по этим линиям можно бесконечно двигаться мысленно. Это как гипноз. Можно усыпить самого себя — и ничего больше.

Он неохотно оторвался от блока и посмотрел на часы. Прошло десять секунд. От какого момента? Неважно. Времени уже не было. Оно превратилось в иллюзию, он даже видел его в сплетении мерцающих линий и узлов.

Но вот все вокруг сдвинулось с места: рубка управления, корабль. Все поплыло, растаяло. Он сам стал двигаться, течь, менять форму, перемещаться. Он превратился во что-то нематериальное, не имеющее массы, живущее вне времени и пространства. Он ощущал, как его существо растекается по вселенной, пропуская сквозь себя звезды-гиганты, целые созвездия. Он стал волной, захлестывающей вселенную...

Стоп! Не уменьшение скорости, а просто мгновенная

остановка. Он один. Нет, не один. Есть другие. Где-то тут.

— Нет,— сказал он себе, пытаясь найти какую-то оценку, подобрать известные символы, разорвать цепь незнакомого, осознать себя. Хан оказался в рубке, где уже находились Эвинг, Устейн, Лизендер и он сам. Нет, нужно уйти отсюда, черт их подери, и немедленно. Он посмотрел назад. Там ничего не было. Вселенная, окружающая его со всех сторон, исчезла. Как теперь он может выйти отсюда, если не знает, как попал сюда? Как добраться до места, если не знаешь, где оно?

Хан услышал шипенье воздуха, нагнетаемого вентиляторами, увидел приборы на панели управления, снова ощутил бег времени, почувствовал блок, который держал в руках, и теперь уже мог отвести от него взгляд. Да, он вырвался из его чар, но он видел, ощущал...

Но, стоп! Хан взглянул на часы. Пятнадцать секунд. Абсурд! Или, может, стрелки прошли целый круг? Нет! Хан заметил, как обмякло его напряженное тело. Да, эта штука опасна. Он обернулся к Устейн, посмотрел на нее так, будто видел впервые. Она ответила ему взглядом, означавшим, что ему удалось вырваться из чар блока. Вырваться и оставаться самим собой.

Она заговорила, разорвав мертвую тишину.

— Ты провел измерения?

Теперь она все поняла.

— Да. Это оказалось очень просто.

Он повернулся к Эвингу.

— Я все сделал. Дьявольски трудно набрать курс на внешние области. Думаю, что у вас есть способ попроще.

— Что это за штука у тебя? — не ответив на вопрос, спросил Эвинг.

— Калибратор. Мы пользуемся им редко, только когда приходится прокладывать курс между двумя открытыми точками. Наши машины хорошие, быстрые, но они ограничены. С помощью калибратора мы получаем цифры, которые затем вводим в машину.

— Ты закончил? Дай посмотреть эту штуку. Никогда не видел ничего подобного.

— Ну что ж, мне бы нужно еще кое-что проверить, но...

— Дай ее мне! Я хочу рассмотреть! Не могу понять, как она устроена...

Он вдруг замолчал, не закончив фразы. Его остекленевшие глаза были прикованы к блоку.

— Да, он ближе к человеку, нежели к леру,— напомнил себе Хан.

— Это электрооптическое устройство. Смотри в него, следя за проводами, за сочленениями, поворачивай под разными углами, чтобы было лучше видно.

Эвинг взял блок и стал вертеть его, не отрывая взгляда от играющих светом проволочек. Пистолет все еще был направлен на Лизендири, но он уже забыл о нем. Хану даже стало на мгновение жалко его, но он вспомнил, кто перед ним.

Эвинг что-то неразборчиво пробормотал, и Лизендири, слушая его голос, двинулась. Она не должна была прерывать его. Эвинг сейчас оказался в положении рыбы, которая сама себя поймала на крючок.

Хан сказал:

— Тебе нужно побольше света, Эвинг.

И повернул ручку на панели, открыв на экране светофильтр. В рубку хлынули лучи света. Устейн и Лизендири соскользнули на пол, но Эвинг ничего не заметил. Его остановившиеся глаза были устремлены на сплетение проводов. Рука с пистолетом опустилась, палец отпустил спусковой крючок. Лизендири осторожно отобрала у него пистолет. Хан снова повернула ручку, светофильтр закрыл экран, ограничив доступ в рубку, которая вновь погрузилась в полутьму.

Эвинг не изменил положения. Он все еще держал в руках блок, устремив взгляд в непроницаемые глубины переплетения проводов. Хан, Лизендири и Устейн стояли рядом, но Эвинг не реагировал, просто не замечал их.

Лизендири спросила:

— Больше у него нет оружия?

— Нет,— ответил Хан, а Устейн взволнованно заговорила:

— Сначала я не поняла, что собирается делать Хан, а потом смекнула. Хорошая штука! Я бы до этого не додумалась. Смотри!

Она подошла к Эвингу и взяла из его рук блок. Для этого пришлось приложить усилие, так как он не желал выпускать его. Но вот Эвинг вздрогнул, зашевелился, все еще продолжая смотреть туда, где только что был блок.

Устейн подошла к нему сзади и ударила под колени, а затем подхватила, чтобы он не упал на спину. Она повернулась к Хану:

— Прекрасная штука! Но это стоило мне моего блока — слишком дорогая цена за таких, как Эвинг.

— Что же случилось?

В голосе Устейн прозвучал гнев.

— Я же говорила тебе, что если долго смотреть в него, он захватывает. Именно это и произошло с Эвингом, и теперь в блоке его дух. Теперь тот, кто будет пользоваться блоком, часть его духа перенесет в свой мозг. Если его дух силен, то он может полностью завладеть тобой.

— Как это может быть? Это же просто гипноз!

— Нет, нет. Это очень опасно. Этого нельзя допускать. Нельзя, чтобы кто-нибудь пользовался им.

С этими словами Устейн изо всех сил стала мять сплетение проводов, стараясь не смотреть на них. Затем она бросила исковерканный моток на пол и начала его топтать, пока он не превратился в комок и стал неузнаваемым.

— Лизенди, у тебя пистолет. Сделай узкий пучок света, узкий и мощный. Сожги блок, уничтожь! Расплавь!

Ее повелительный голос не допускал возражений.

— Не думайте об Эвинге. Он жив, только лишен разума. И я не знаю способа вернуть его. Пистолет! Быстрее! Нужно сделать это сейчас, пока я еще решительна. Потом будет поздно.

Лизенди настроила луч пистолета, направила его дуло на моток проволоки и стреляла до тех пор, пока на полу не остался комок оплавленного серебра.

Устейн долго смотрела на него, затем вздохнула и снова стала сама собою. Изменения в ней происходили постепенно. Хан даже не заметил, что она стала нормальной.

— Ну вот. Дело сделано. Это тело не может быть полезным нам, его можно выбросить в ночь.

— Но он еще жив! Может, попытаться вылечить его?

— Нет. Он все равно скоро умрет. Блок забрал от него все, в том числе жизнь. Он оказался более чувствительным к нему, чем я или Хан, менее защищенным. Блок захватил его, когда он был в твоих руках, Хан. Так мы скажем в твоем мире. Нам поверят.

— Мы не можем как-то помочь ему? Привести его в чувство?

— Нет. Я не знаю никого, кто оправился бы от этого. Посмотри на Эвинга — он уже мертв. Не могу сказать, как это происходит, но знаю, что это неминуемо. Когда блок захватывает человека, он должен быть очищен огнем. Если бы мы сейчас не уничтожили его, то им восполь-

зовалась бы я, и мой дух вошел бы в блок, а дух Эвинга поселился в моем теле. Вы получили бы Эвинга в моем теле, и не думаю, чтобы вам хотелось этого.

— Ты можешь сделать новый блок? Или взять другой у злат?

— Нет. Ни то, ни другое. Все блоки индивидуальны, в чужом я буду видеть ложь. Помнишь историю с Карен и Джолиси? Так вот в чужом блоке я вдруг вижу, что Джолиси убивает Карен каким-нибудь страшным способом. Сильные эмоции останутся, но примут другое выражение. Понимаешь? В блоке есть только «как», а не «что». Это я наполняю содержимым «что».

Устейн наклонилась к телу Эвинга и стала подталкивать его к люку, чтобы вытолкнуть в космос. Лизендири подошла помочь. Он был не тяжел, и девушки без труда справились. Хан открыл люк, тело Эвинга исчезло.

Наконец, они вернулись к пульту, и Хан выставил курс прямо на Сибрайт, затем показал Устейн ручку запуска двигателей и сказал:

— Возьмись за нее покрепче и поверни.

Девушка улыбнулась Хану, посмотрела на Лизендири и нерешительно повернула ручку. Корабль лег на обратный курс. Устейн еще долго не отпускала ручку, опасаясь, что иначе все окажется сном. Наконец, она убедилась в реальности происходящего и отпустила ручку, чему-то улыбаясь.

Эпилог

Конец? Какой конец? Я знаю только начала.

Вальдолин Тлан

На планете Кентен, первом доме леров после того, как они покинули Землю, царила весна, ранняя весна — время года, когда появляется первая зелень и теплые солнечные дни перемежаются холодными, напоминая, что зима еще жива и надеется оставаться на планете.

По городку, расположенному на берегу пролива, соединяющего два больших города, Хан возвращался в чайный домик. Там его ждала Устейн. Он шел, наслаждаясь теплым дождем, сырым ветром, запахами моря, и обдумывал свое донесение Хетрусу.

Хетрус направил его сюда, в маленький городок Пленкхандер, названный так в соответствии с законами леров, которые гласят: чем меньше город, тем длиннее у него должно быть название.

Но донесение мало беспокоило его. Оно было, скорее, формальностью, так как роль Хана в событиях на Рассвете закончилась по его собственному желанию — в основном этого хотела Устейн. Они все трое прилетели на Кентен в городок Пленкхандер провинции Яльвен, чтобы выдать замуж Лизендира и самим зажить нормальной жизнью. Хан размышлял, проходя мимо залитых дождем витрин магазинов, что приключения хороши для тех, кто их ищет, а лично он их больше не хочет, насытился. Пусть мечтают о подвигах те, кто всю жизнь провел за прилавком магазина.

Они прилетели на Кентен, оставили Палленбер в главном порту и приехали сюда. Как Хан и ожидал, Хетрус хотел, чтобы они полетели на Рассвет руководить эвакуацией. Но Хан отказался, так как Лизендиру нужно было подумать о своей судьбе. У Устейн тоже были проблемы: ей предстояло многому учиться. Хетрус щедро расплатился с ними, подарил корабль.

— Вы его заслужили, — сказал он и оставил их в покое.

Хан слышал, что планета леров отсталая, но это слово совсем не передавало милого очарования, которым она была полна. Здесь было приятно вести ленивую, расслабленную жизнь. Здесь Хан видел только людей-леров и ощущал только реальность жизни. Это было именно то, в чем нуждались и он, и Устейн.

Пленкхандер был назван по имени моста, переброшенного через пролив, соединяющий два моря. Мост был старый, ему было больше лет, чем прошло со времени заселения родной планеты Хана. Устейн очаровало это местечко, да и Хан не хотел покидать его, упоенный покоем и тишиной.

Они сняли комнату в небольшом, но удобном отеле и ждали, когда Лизендири устроит свое счастье. Ни Хан, ни Устейн не могли помочь ей в этом. Они ждали, и чем дольше они жили в безмятежном городе, тем яснее становилось, что они не уедут отсюда и тогда, когда у Лизендира появится семья.

Хан уже приближался к чайному домику, низкому стеклянному зданию, украшенному куполом. Он посмотрел вперед, надеясь увидеть в толпе Устейн. Да! Ее рыжие

волосы были видны издалека. Таких не было ни у кого, они спадали пышным каскадом на плечи. Она спокойно сидела за столиком и прихлебывала чай. Ее умиротворенный взгляд был устремлен на море, тоже спокойное и безмятежное.

Хан вошел в домик, стряхнул воду с плаща, повесил его на вешалку и заказал себе чая. Затем подсел к Устейн.

Она обернулась, и на лице ее появилось такое выражение тепла и любви, что у него заныло в груди.

— Ты соскучилась ждать меня? Связь — очень долгое дело.

— Нет, нет. Я учусь жить у леров. Они живут совсем не так, как Воины. Мне хорошо здесь, и все больше хочется оставаться. Тут не бывает скучно. Ты же знаешь, я могу часами смотреть на море, оно мне рассказывает ласковые истории, где не происходит ничего плохого, и которые никогда не кончаются и не надоедают. У нас на Рассвете не было морей. Только озера — скучные, мертвые, соленые озера. В них никто не жил, они противно пахли. Но море — чудо! Еще больше, чем космос. Но я знаю, что должна увидеть в твоем мире еще очень многое, и очень этого хочу.

Она посмотрела на его серьезное лицо и продолжала:

— Мальчик сказал, что для тебя получено сообщение. О чём оно?

— Для клешей подобрали планету подальше от Рассвета. Ее держали в резерве, но случай особый, и планету отдали Рассвету. Узнав тебя, я теперь уверен, что злат смогут приспособиться в новом мире. Даже наоборот, нам придется приспособливаться к ним. С дикими людьми Рассвета тоже решен вопрос. Они вольются в человеческую цивилизацию и приобщатся к ней, правда, не сразу. Не знаю, что будет с лерами Рассвета. Тут два мнения. Одни хотят оставить их на Рассвете и предоставить собственной судьбе, другие — эвакуировать. Но ни те, ни другие не желают внедрять их в свою цивилизацию. Странно, но леры всегда упорно боролись против разделения расы на леров и людей, а сейчас у самих расовая проблема.

— Леры странные. Очень странные. Еще больше, чем я думала. Те, на Рассвете, были обыкновенные. Здесь, на Кентене, они мягкие, добрые, но могут быть и жестокими по отношению друг к другу. Однако я не могу себе представить целую планету клешей или диких людей. Что с ними случится потом?

— Понятия не имею. Никогда не слышал ни о чем подобном. Я полагаю, возникнут племена, причем сильные будут подавлять и эксплуатировать слабых. А как бы действовала ты на их месте?

— Я даже сейчас этого не знаю. Думаю, они должны создать общество. Если этого не получится, они одичают. Ведь они в общем-то примитивны. Видишь, Хан, я знаю, кто я. И не стыжусь.

Попав в цивилизованный мир, Устейн, наконец, стала носить одежду, хотя ей это не особенно нравилось. Одевалась она по моде леров, причем платье закрывало ее полностью.

Но однажды, находясь дома, она сбросила платье и, показывая Хану прекрасную нежную грудь, гордо сказала:

— Сколько поколений трудилось, чтобы получилась кожа такого цвета.

Затем она подняла подол, чтобы продемонстрировать ноги, покрытые пушистым мехом цвета меди.

— А это? Но все приходится закрывать, так как обычай здесь другие!

Но тем не менее ей нравилось подбирать одежду, она забавлялась этим, как ребенок игрушками.

Лизендири не очень одобряла ее стиль одежды, но должна была признать, что вкус у Устейн есть и она быстро вошла в струю моды. Теперь она отличалась от леров только цветом волос и хрупкостью телосложения. По стандартам леров, она была даже маленькой.

Хан все еще думал о новой жизни, которая ждет клешей.

— Я боюсь, когда они объединятся в племена, начнутся войны и всякая несправедливость. Но Хетрус сказал, что пошлет на планету людей, которые поддержат относительный порядок.

— Да, они будут воевать. Мужчины — драться из-за женщин, и наоборот. Я слышала, что такое случалось и на Рассвете.

Она испуганно подняла брови.

Затем оба, не сговариваясь, стали смотреть на море. Неброские цвета дождливого дня плавно и незаметно переливались, переходя от одного оттенка к другому. Вскоре дождь прекратился, облака на западе окрасились в теплые тона. Море стало серебряным, по нему покатились спокойные волны, вызывающие гипнотическое действие. Они стали говорить о Лизендири, о ее трудностях; ища под-

ходящего мужа, она много времени проводила в поездках.

Устейн была еще более, чем Хан, озадачена обычаями леров в отношении создания семьи. Леры сделали семью чисто социальным явлением, а не личным делом каждого.

Устейн допила чай, грациозно поднялась и потянулась, как экзотическое животное.

— Я хочу спать. Пойдем домой?

— Прекрасная идея! Я долго смотрел на волны, и мне тоже захотелось спать.

Они накинули плащи и вышли из чайного домика, чтобы вернуться в отель по извилистым улочкам, все еще блестевшим от дождя. Все вокруг обещало на завтра хорошую погоду. Они были на улице почти одни. Конец дня, все магазины закрыты, тихий вечер опускался на Плекхандер.

Когда они поднялись в комнату, где жила и Лизендири, когда бывала в городе, то увидели, что она здесь и собирает пожитки. Она казалась очень усталой, но на лице ее светилось нечто, и они догадались, что ей сопутствовала удача.

Она слабо улыбнулась и сказала:

— Теперь мы можем пожелать мне счастья.

— Значит, ты нашла себе мужа? — спросил Хан.

— Да. Ирония судьбы. Весь день я провела в горных районах и рыбакских деревушках. Там ужасная грязь, и мне совсем не хотелось войти в рыбакскую семью. Но когда я вернулась, меня ждало письмо. И представьте! Сколько поисков и мытарств — тщетных, так что я уж испугалась, что никто не захочет меня — и вот: иос находится совсем рядом, за мостом, по дороге на пляж. Меня приглашают второй женой.

Хан подумал с минуту и спросил:

— Ты думаешь, что сможешь быть счастлива с ними?

— После того, что я испытала, после клятв, которые нарушила? Это хорошие леры, спокойные, а мне именно это и нужно. Проводите меня!

Все втроем вышли на улицу и остановились возле фонаря. Лизендири не смогла справиться с волнением. Они стояли и смотрели друг на друга. Лизендири понимала, что Хан и Устейн читают все на ее лице.

Она сказала:

— Да, это правда. Теперь это мой дом. До сорока лет. Прямо здесь, в Плекхандере.

Она осмотрелась. На деревьях сверкали капли дождя. Запах моря наполнял воздух, и с берега, который был

совсем рядом, слышался неумолчный гул прибоя. Волны лизали коричневый песок, не давая ему просохнуть.

— Это трудно представить,— сказала Хан.

— Тебе. Но не мне.

Они шли к востоку, миновали старый каменный мост и, пройдя еще несколько сотен метров, подошли к низкой стене, увитой виноградом. Иос был окружен деревьями, и вход в дом ярко освещен. Лизендири дернула за веревку, раздался звон колокола. Они вошли в сад, и сразу из дома выбежала девочка, хотя она была в таком возрасте, что пол ее еще невозможно было определить. За нею появилась женщина-лер, которая встала возле двери, ожидая их приближения. Она была низенькая, смуглая, миловидная, хотя красивой назвать ее было нельзя. Видимо, она занималась хозяйством, так как волосы ее были перевязаны платком. Хан заметил, что руки у нее были красные от работы, но сильные и красивые. Она была лет на пять старше Лизендири.

Девочка бегала вокруг них, затем подбежала к Лизендири, обняла и прижалась к ее щеке. Затем повернулась к Хану и засмеялась. Хан едва подавил желание рассмеяться в ответ при виде ее беззубого рта. В женщине был какой-то шарм. Лицо у нее было уже и более овальное, чем у Лизендири, волосы темнее. У нее были мягкие полные чувственные губы и прямой взгляд глаз цвета моря во время шторма.

Она сказала:

— Я Хветмерлейн. Жаль, мужа нет дома. Он на виноградниках и пробудет там несколько дней.

Голос ее был чистый, прозрачный.

— Вы останетесь с нами на этот вечер? Располагайтесь, пожалуйста, я буду счастлива.

И они вошли в дом под деревьями. За ужином рассказывали о своих приключениях Хветмерлейн, которая с плохо скрытым изумлением слушала их. Если Хан отклонялся от течения рассказа, Устейн и Лизендири поправляли его. К концу вечера Хан заметил, что и Лизендири, и Хветмерлейн стали более доверительны друг к другу. В отношениях между ними появилась теплота. Он вообще-то сомневался, что Хветмерлейн тепло примет Лизендири: ведь она провела с мужем много лет, вырастила ему детей, а теперь сама привела в дом новую жену. В свой дом... Хан пытался вообразить, как это будет, но не смог.

Они знали, что Лизендири входит в клан людей, что на синглспиче означает «вино». Хветмерлейн все больше

нравилась Хану. Она была доброжелательная, теплая. И, подумал он, может быть, Лизендири повезло, теперь ее жизнь наполнилась. Она была довольна, когда узнала, что Хан знает немного синглспич, и настояла, чтобы он и Устейн взяли с собой бутылку ее вина. Она много говорила о муже Ториандасе.

Она подозревала, что Ториандас ушел на виноградники, чтобы найти ей нового мужа. Видимо, он обладал мрачным юмором, так как пообещал привести горького пьяничу.

Устейн громко рассмеялась:

— И что ты с ним будешь делать?

— О, быстро перевоспитаю, — ответила она беспечно. — Или выгоню.

Вскоре Хан заметил, что Хветмерлейн клюет носом. Да и Лизендири начала зевать. Леры рано ложились спать. Поэтому они распрощались без особых церемоний и собрались уходить.

Лизендири пошла к двери проводить их, а Хветмерлейн осталась чуть позади, чувствуя, что они хотят что-то сказать друг другу. Во дворе было темно, дождь прекратился, слышался только шум прибоя. Где-то вдали по булыжникам протащила телега.

Устейн нарушила тишину:

— Лизендири Люден, я желаю, чтобы в твою жизнь пришло то, что нашли и постараемся сохранить мы.

— Это хороший дом. Я думаю, что приживусь здесь. Не буду с вами прощаться навсегда, так как надеюсь, что скоро увидимся. Я буду видеть вашу жизнь, вы — мою, некоторое время мы будем идти рядом.

Она замолчала, прикусив губу, затем порывисто обняла обоих и побежала в дом. В дверях она остановилась и крикнула:

— Много вам счастья! И побольше детей!

Затем она скрылась в доме.

Устейн и Хан повернулись и пошли домой, вдыхая сырой ночной воздух и слушая шум прибоя. Они перешли каменный мост и пошли по темным улицам, погруженные в мысли, изредка касаясь друг друга.

ТАЙНА КРАНГА

I

Флинкс был этичным вором, в том смысле, что крал только у жуликов, и притом только тогда, когда это становилось абсолютно необходимым. Ну, наверное, не абсолютно, но он старался приспособиться к этическим нормам окружающей среды. А когда человек живет один и еще не достиг семнадцати лет, в ряде вопросов требуется делать определенную скидку.

Можно было бы доказать, если бы Флинкс захотел слушать (событие маловероятное), что выносить окончательное решение относительно того, кто попадает под определение жулика, а кто нет — дело сугубо индивидуальное. Философ знающие кивнул бы, соглашаясь с этим. Флинкс не мог позволить себе такой роскоши. Его нравственные нормы диктовались стремлением выжить, а не абстракциями. И, к его большой чести, он сумел, насколько возможно, покамест оставаться на принятой стороне морали. Приличной долей этой чести он был обязан случаю.

Однако, как правило, он получал свой скромный доход по большей части честно. Это происходило сколько по соображениям здравого смысла, столько и по желанию. Чересчур преуспевающий вор всегда привлекает внимание. И вступает в действие «закон уменьшенной отдачи».

Дралларские тюрьмы славились негостеприимством. Хороших мест в городе для демонстрации своих талантов

бродячими жонглерами, менестрелями и тому подобными имелось ограниченное количество. Некоторые были намного лучше других. То, что он в своем сравнительно малом возрасте сумел обеспечить одно из наилучших, являлось данью удачи и стойкости старой Мамаша Мастифф. Она с детства зарезервировала ему небольшой помост рядом со своей лавкой, отгоняя других предприимчивых циркачей криком или выстрелом, как требовали случай и сила покушавшегося на место конкурента. Мамаша Мастифф было, конечно, не настоящее ее имя, но все называли ее именно так. Включая Флинкса. На рынках Драллара настоящие имена употреблялись редко. Они плохо служили для отождествления личности и слишком хорошо для сборщиков налогов. Поэтому каждого нового обитателя быстро награждали подходящим именем. Мамаша Мастифф, например, имела поразительное сходство с земной представительницей семейства собачьих того же названия. Его дали в порядке юмора и приняли с плохой миной, но тем не менее приняли. А ее язвительный характер дополнял физическое сходство.

Этот мужчина-мальчик был сиротой. Вероятно, невольным, как и большинство ему подобных. И все же, кто мог сказать? Не проходи она в то время мимо загонов для рабов и не взгляни случайно туда, она бы никогда не заметила его. По причинам, которых она так никогда полностью и не поняла, она купила его, вырастила, направила учиться ремеслу, как только он достаточно подрос. К счастью, его театральные наклонности обнаружились в очень ранней стадии, наряду с другими талантами. Поэтому проблема выбора ремесла разрешилась сама собой. Он обладал острой и несколько мрачной наблюдательностью и поэтому сделался своим собственным талантливым учеником. И к лучшему, потому что циркачи постарше всегда становились в его присутствии нервозней, чем хотелось, провозглашали его неподдающимся обучению и предоставили самому себе.

Она также внушила ему, что в Дралларе независимость всегда была намного важнее, чем неосозаемая мысль. Она была имуществом, даже если не лезла в карман или сумку и поэтому ценилась как таковая. И все же, когда он поймал ее на слове и переехал жить отдельно, печаль долго не отставала от нее, как слой краски. Но она никогда не открывалась из страха продемонстрировать слабость. Ни в словах, ни в лице. Его подгоняли любовно, но твердо, во многом, как юных птиц. К тому же она знала,

что для нее конец может наступить в любое время, и хотела, чтобы он задел его жизнь как можно легче.

Флинкс снова почувствовал в душе мягкую боль, как от обложенного сахаром зонда: сознание, что Мамаша Мастифф доводилась ему матерью только посредством сочувствия, а не рождения. Отцом его был случай, а наследием удача. О своих истинных родителях он ничего не знал. В его карточке имелось больше пробелов, чем обычно, она не сообщала ничего, даже самой элементарной родословной. Помесь проявлялась в его длинных оранжево-рыжих волосах и оливковой коже. Причина его сиротства навеки останется столь же неясной, как и лица его родителей. Он позволил потоку городской жизни войти в его мозг и затопить неприятные мысли.

Один турист, более проницательный, чем большинство его собратьев, заметил однажды, что идти через большой центральный рынок Драллара все равно, что, стоя в низком прибое, давать лизать себя терпеливым волнам. Флинкс никогда моря не видел, так что сравнение это оставалось неясным. На Мотыльке вообще было мало морей и никаких океанов. Только бесчисленные озера ослепительной голубизны, по сравнению с которой лазурь казалась жалким подражанием.

Планета с необычайной быстротой выходила из своего последнего ледникового периода. Быстро уменьшающиеся ледники оставляли ее поверхность словно изрытой оспой от сверкающей ляпис-лазурной глади озер, прудов и больших водоемов. Почти ежедневные дожди поддерживали уровень воды, установленный первоначально отступающими ледниками. Драллару случалось располагаться в исключительно сухой долине, хороший дренаж и отсутствие ливней (а потому и грязи) были одной из главных причин роста города. Сюда купцы могли явиться торговать своими товарами, а ремесленники ставить мастерские, не страшась, что их будет смывать каждый третий месяц.

Испарение — осадки круговорота воды на Мотыльке — отличались также от подобных явлений на многих в остальном схожих планетах челанкского типа. Появление пустынь предотвращалось отсутствием любых настоящих горных хребтов, перегораживающих путь обремененному влагой воздуху. Отсутствие океанских бассейнов и общая неровность местности так и не дали шанса возникнуть крупной системе стока воды. Реки на Мотыльке имелись в таком же бесчисленном количестве, как и озера, но были

по большей части небольшими по длине и пропускаемому объему воды. Поэтому вода на планете распространялась по ее поверхности довольно ровно, за исключением двух больших ледяных шапок на полюсах и полушарных остатков крупных ледниковых систем. Мотылек представлял собой Великие Прерии Земли с хвойными деревьями вместо кукурузы.

Полиритмичный речитатив зазывал торговавших в разнос товарами с тысячи миров, образовывал рваный контрольный пункт к сравнительно ровному гомону и ропоту толпы. Флинкс прошел мимо знакомой галантерейной лавки и, проходя, обменялся с ее владельцем короткой тайной улыбкой... Этот почтенный рослый блондин среднего возраста только что закончил продажу пары курток из шкур дурафара двум броско одетым инопланетянам... по цене в три раза большей, чем они стоили. В его голове лениво проструилось еще одно изречение: «Те, кто прибывает в Драллар не готовыми купить шкуру, неизбежно покупают».

Подобные вещи не оскорбляли хорошо продуманных этических постулатов Флинка. Это была не кража. Меха и древесное волокно, древесина и вода были Мотыльком. Разве можно украсть семечки у помидора? Продавец был счастлив от своей продажи, покупатели довольны своей покупкой, а разница все равно пойдет на поддержание города в виде мероприятий по улучшению быта и взяток. Кроме того, любой инопланетянин, могущий себе позволить поездку на Мотылек, вполне был в состоянии, черт возьми, позволить себе платить по местным ценам.

Планета эта была по большей части довольно открытой. Правительством служила монархия, атавизм более ранних времен планеты. Историки находили ее странной и изучали, и она лишь номинально нагоняла страху на своих граждан. Мотылек внезапно и без подготовки швырнуло в водоворот межзвездной жизни, и он выдержал этот трудный переход — как быстро выяснили несостоявшиеся заезжие культуртрегеры. Но на планете, где основная масса туземного населения состояла из кочевых племен, следующих за кочевыми носящими мех животными, проявлявших редкую драчливость при потере названных мехов, представительное правительство оказалось бы крайне неудобным. А церковь, естественно, не вмешивалась. Советники даже себя не считали составляющими правительство и, следовательно, и подумать не могли навязывать

таковое другим. С демократией на Мотыльке придется подождать, пока кочевники не позволят себя сосчитать, снабдить индексами и ярлыками, занести в картотеки, а это казалось делом далеким-предалеким.

Было хорошо известно, что Королевское Бюро Переписи ежегодно публиковало цифры, скорее, комплиментарные, чем точные. Главными промыслами планеты являлись продукты леса, меха, туризм и ремесла. В бескрайних лесах планеты изобиловали носящие мех существа всех мыслимых видов (и несколько немыслимых). Даже насекомые были покрыты мехом, чтобы укрыться от вездесущей воды.

В лесных землях произрастали главные разновидности твердой и мягкой древесины, включая много уникальных и неклассифицированных видов, таких как некая периодически отмирающая древесная губка. Когда на Мотыльке поминали «зерно», оно не имело никакого отношения к муке. В гигантских озерах водилась рыба, которую приходилось ловить с модифицированных барж, снаряженных забрасываемыми киборгами лесками. Широко цитировалось, что из всех планет Галактики настоящие неподдельные рыбы имели равный шанс уйти домой с рыбаком, а не наоборот. А охотники только начинали открывать этот аспект потенциальных возможностей планеты... по большей части оттого, что уходившие в огромные леса неподготовленными хранили тревожное молчание.

Драллар был столицей и самым большим городом. Благодаря удачным галактическим координатам и просвещенной налоговой политике сменявших друг друга королей он стал теперь межзвездной расчетной палатой для товарообмена и коммерческих сделок. Все крупные финансовые дома имели здесь по крайней мере филиал штаб-квартиры, зарезервировав свои более пышные правительства для более цивилизованных планет. Монарх и его чиновники были не больше чем номинально коррумпированными, и король присматривал за тем, чтобы народ не задавили репрессивными правилами и постановлениями. Не то чтобы это делалось из любви к простому человеку. Просто это было хорошо для бизнеса. А не будь бизнеса, не было бы и налогов. Нет налогов — значит, нет правительства. А нет правительства — значит, нет и короля — положение дел, которого текущий монарх, Его Сущайшее Величество Король Деве Ног Ка XXIV, старался избежать.

И потому Драллар можно было почувствовать также обонянием.

Вдобавок к местным жителям, в Дралларе занимались бизнесом полсотни других разумных рас. Для поддержания гладкой пульсации этого скопления коммерции требовалось фантастическое разнообразие органического горючего. Поэтому сам центральный рынок окружала кружаяся бесконечной серия закусочных, автоповаров и ресторанов, образовавших в действительности одну огромную непрерывную кухню. Конечная комбинация ароматов, производимых этими заведениями, сливалась в не повторявшуюся больше нигде в известной галактике атмосферу. На более рафинированных торговых перекрестках такие экзотические миазмы держали бы, как приличествует, под замком. В Дралларе же не имелось для разложения никакого озона. Хлеб насыщенный для одного являлся для другого наркотиком. А наркотик для одного мог вызвать тошноту у другого.

Но благодаря какой-то случайности химии, или химии случайности, испарения так хорошо смешивались в естественно влажном воздухе, что любое потенциально вредное воздействие сводилось на нет. Оставался только вечно кружящийся густой запах, щекотавший горло и оставлявший не ожидавшие того рты в состоянии непрерывного слюноотделения. Всякий мог получить обманчиво полный и сытный обед, просто посидев часок в центре рынка и вдыхая воздух. Не много других мест в рукаве приобрели то, что можно лучше всего описать как обонятельную репутацию. И это правда, что гурманы прилетали из такой дали, как Земля и Процион, всего лишь для того, чтобы посидеть на окраинах рынка и устроить долгие и бурные состязания, участники которых пытались опознать обрывки ароматов, выносимые наружу влажным ветерком.

Причина кругового расположения данных заведений была простой. Любой бизнесмен мог подкрепиться на окраинах рынка, а затем погрузиться в водоворот коммерции без необходимости беспокоиться о том, что важную сделку прервут внезапный порыв, скажем, едкого дыма прего от горящих дров дерева бан. Большую часть дня огромный круг служил восхитительно хорошо, но в обеденные часы пик он заставлял рынок больше, чем когда-либо, походить на это проницательное туристское сравнение с морскими отливами и приливами.

Флинкс остановился у лотка старого Кики, продавца

сладостей, и купил пирожок с тиском. Эта стряпня готовилась на основе крепкого местного гибридного зерна. Внутри он начинялся кусочками фруктов, ягодами и маленькими недавно созревшими мясистыми орехами парма. Законченный продукт затем обмакивали в чан с тепловатым золотистым медом и давали ему затвердеть. Он был жестким в зубах, но, ах! что творил с небом! У него имелся один недостаток: плотность. Кусать тиск было все равно, что жевать старую изоляцию скафандра. Но он обладал высоким содержанием энергии, орехи парма являлись слабым наркотиком, а Флинкс испытывал нужду в слабом стимуляторе перед выступлением.

Но превыше голосов и запахов, превыше всего Драллар можно было увидеть.

Сооружения на рынке были довольно низкие, но за пределами продовольственных полумесяцев виднелись древние стены, остатки Старого Города. За ними и среди них были рассеяны здания, где имела место коммерция поважней. Именно здесь-то и текла живая кровь Мотылька, а не в живописных ларьках ниже. Каждый день в темных задних комнатах и корторах этих старых и новых строений обменивались продукты экономики дюжины миров. Там находились рестораны для гурманов, обслуживающие богатых спортсменов, возвращавшихся с озер и воротивших нос и закрывавших окна от плебейских испарений, наступавших на них с продовольственных ларьков внизу. Там чучельники занимались своим шумным искусством, набивая шкуры пушистых яксымов и крепя к щитам кошмарные черные головы рогатых демонических дьяволов.

За ними поднимались многоквартирные дома, где жили средние и низшие классы. Те, что победнее, отличались малочисленными окнами и потрескавшейся штукатуркой, а те, что поблагородней, — чудесными многоэтажными фресками, нарисованными бродячими художниками, и блестящей лазурной черепицей, сохранявшей в домах тепло зимой и прохладу летом. Еще дальше поднимались изолированные скопления башен богатых инурбов с висячими садами и террасами из укрепленного хрусталия. Они высоко воспаряли над шумом и гамом обыденности, искрясь при каждом утреннем тумане, словно усыпанные самоцветами жирафы.

А из центра города поднимался, господствуя над всем, огромный дворец правителя Драллара. Короли поколениями добавляли к нему новые постройки — сек-

тор здесь, крыло там, каждый налагал на дворец отпечаток своей личности. Там жили король Деве Ног На и его двор. Иногда король поднимался на самый высокий минарет и там, сидя с комфортом на медленно врашающейся платформе, наблюдал на досуге невообразимый муравейник, составлявший его владения.

Но самым прекрасным у Мотылька был не Драллар с его сверкающими башнями и разноцветными гражданами, не бесчисленные озера и леса, не великолепные и разнообразные существа, обитавшие в них, а сама планета. Именно это и привлекло первоначально людей к данной звездной системе. Окольцованые планеты встречались достаточно редко.

А Мотылек был крылатой планетой.

«Крылья» и дали ей название и сделали ее уникальной в Рукаве. Они, несомненно, когда-то являлись совершенным кольцом сатурновского типа. Но когда-то в далеком прошлом они сломались в двух местах — возможно, в результате гравитационного напряжения или смены магнитных полюсов. Наверняка никто сказать не мог. В результате получилось незавершенное кольцо, состоящее из двух огромных полумесяцев из камня и газа, окружавших планету с двумя разделяющими их большими разрывами. Ближе к планете полумесяцы сужались, но, уходя в пространство, они благодаря уменьшающейся гравитации развертывались в естественную форму веера, образуя таким образом прославленный эффект крыла. Они также достигали куда большей толщины, чем древние кольца Сатурна, и содержали более высокий процент флюоресцентных газов. В результате с обеих сторон планеты возникали две гигантские маслянисто-желтые треугольные фигуры.

Не случайно, наверное, единственную луну Мотылька нарекли Пламенем. Некоторые считали это название бanalным, но никто не мог отрицать его уместности. Она была примерно на треть меньше земной Луны и находилась почти вдвое дальше. У нее имелась одна специфическая характеристика. Она не «горела», как, казалось бы, предполагало ее название, хотя и светила достаточно ярко. Фактически некоторые почувствовали, что ярлык «луна» совершенно непригоден, так как Пламя вовсе не вращалось вокруг своей родительской планеты, а шествовало вместо этого впереди нее вокруг солнца приблизительно по той же орбите. Поэтому два названия прижились. Морковка, манящая вперед усыпанного само-

цветами осла, никогда не могущего достать ее. К счастью, открывшие эту планету устояли перед импульсом назвать эти две сферы в честь последнего изречения. Подобно столь многим вывихам природы, они отличались слишком необыкновенным великолепием, чтобы подвергнуться такой насмешке.

Крыло на стороне Драллара виднелось Флинксу только как тонкая светящаяся линия, но он встречал его изображения, снятые из космоса. Сам он никогда не бывал в космосе, но посетил много приземлявшихся в порту кораблей. Там, путаясь под ногами старших членов экипажа, он внимательно слушал, как они рассказывали повести об огромных кораблях с КК-двигателями, курсировавших по темным и пустым местам небесного свода. Поскольку эти чудовищные небесные суда никогда, конечно же, не касались почвы планет, он лично никогда их не видел. Такую посадку никогда бы не стали производить, кроме как при крайне чрезвычайных обстоятельствах, да и в этом случае никогда на обитаемую планету. КК имел на носу гравитационный колодец небольшого солнца, подобно пчеле, несущей пыльцу. Даже съежившись до крошечных размеров, необходимых для совершения простой посадки, это поле защитит огромный корпус корабля. Оно также выдолбит существенный кусок планетной коры и вызовет всевозможные нежелательные природные явления вроде цунами, ураганов и тому подобного. Поэтому челночные корабли поменьше сновали туда-сюда между судном и землей, перевозя людей и товары, в то время как сами гигантские транспорты оставались в ссылке бескрайней черноты и холода.

Он хотел отправиться в космос, но еще не нашел для этого законной причины и не мог оставить Мамашу Мастифф без всякой опоры. Несмотря на беспрестанные крики, утверждавшие ее доброе здравие, ей было сейчас сто с лишним. Мысль оставить ее одну ради увеселительного путешествия его не привлекала.

Он поплотней натянул на плечи плащ, почти похоронив Пипа в складках густого толстого меха. Постольку поскольку это касается населенных людьми миров, Мотылек не являлся исключительно холодной планетой, но, разумеется, был и далеко не тропическим. Он не мог припомнить ни одного случая, когда его не приветствовал бы при пробуждении липкий и влажный туман. Он был надежным, но мокрым спутником. Здесь меха использовались больше для укрытия от воды, чем для за-

щиты от лютого холода. Да, бывало и холодно, но без морозов. По крайней мере, снег выпадал только зимой.

Пип тихо зашипел, и Флинкс начал рассеянно скормливать ему изюмины, выковыривая их из пирожка с тиксом. Змей жадно глотал их целиком. Он бы и губами чмокал, будь они у него. А так — выскоцил длинный язык и погладил щеку Флинкса деликатным прикосновением алмазного резака. Радужная чешуя мини-дракончика, казалось, сияла сильнее обычного. По какой-то причине он особенно любил изюм. Может быть, ему пришлось по вкусу содержащееся в нем железо.

Он бросил взгляд на плюсовое окошко своего личного картометра. Он не на мели, но и не купается в роскоши. О да, определенно настало время пойти поработать!

Из-за прилавка своего киоска с разнообразными товарами, выставленными напоказ, Мамаша Мастифф дружески торговалась с парой маленьких усыпанных самочувствами туристов-транксов. Она это делала виртуозно.

— И не мудрено, — размышлял он. — У нее было много времени для совершенствования.

Он лишь слегка удивился присутствию инсектоидов...

*Куда проникли люди,
Там транксы тоже будут,
И наоборот.*

Так гласил детский стишок. Но было видно, что они чувствуют себя немного неуютно. Транксы любили дождь и сырость, и в этом отношении Мотылек представлялся им идеальным, но они предпочитали куда меньший холод и большую влажность. Как это ни парадоксально, воздух мог быть влажным и все-таки для них слишком сухим. Каждый раз, когда обнаруживалась новая парниковая планета, они приходили в экстаз, несмотря на тот факт, что такие места характеризовались самой неприятной и воинственной окружающей средой.

Подобно любому молодому человеку он видел бесчетные изображения транксийских планет — Ульдома, их эквивалента Земли, а также знаменитых колоний транксов в бассейнах Амазонки и Конго на самой Земле. С какой стати людям страдать в изнуряющем климате, когда там могли процветать транксы? Они нашли этим негостеприимным районам куда лучшее применение, чем когда-либо мог найти или находил человек. Точно так же, как люди на средиземном плато Ульдома.

Слияние и впрямь пошло на пользу обеим сторонам.

Судя по раскрою ожерелий, эта пара прибыла, вероятно, с Эвории. Во всяком случае, тиара и глянец яйцеклада самки четко указывали на это. Вероятно, охотники, прилетели сюда ради чего-нибудь волнующего. Мало что могло привлечь транксов на Мотылек помимо отдыха, развлечений, политики, торговли легкими металлами. Мотылек был богат легкими металлами, но лишен более тяжелых. Мало было золота, свинца и тому подобного, зато в изобилии встречалось серебро, магнезия и медь. По слухам, гигантский транксийский концерн «Элексид» пла-нировал превратить Мотылек в ведущего производителя компонентов электрических и думающих машин, во многом так же, как он сделал на Амропулосе. Но покамест это оставалось только слухами. В любом случае для побуждения квалифицированных рабочих-транксов к миграции на Мотылек лучшим психопублицистам фирмы понадобилось бы работать день и ночь плюс магакредиты для оплаты трудностей. Даже рабочие с других планет сочли бы условия жизни в лучшем случае неприятными. Он считал это маловероятным. А без местных атомных электростанций возникает крупная проблема с энергией. Гидроэлектростанции служили лишь ограниченно из-за отсутствия мощных рек. Это создавало сложную проблему. Как выработать достаточно электричества для работы завода, производящего электричество?

Все эти размышления ни добавляли кредита на его счете, ни клали хлеба в рот.

— Сударь, сударыня, что вы думаете о моих товарах? Лучше из этой разновидности никак не найти по эту сторону Низкого леса и чертовски мало по ту.

Она порылась с кажущейся беспечностью среди своих образцов.

— А вот предмет, который может привлечь вас. Как насчет этих одинаковых медных жувшинов для питья, а? Один — для него, один — для нее.

Она протянула два полированных медных высоких тонких транксийских питейных прибора. Стенки их покрывала сложная гравировка, а горлышки были сработаны в виде хитрых спиралей.

— Заметьте, как выполнено. Прекрасный орнамент в виде завитков, сударь, — уговаривала она, проводя морщинистым указательным пальцем по тонким кружевам узоров.

— Ну-ка, попробуйте найти получше, да, где угодно!

Самец повернулся к своей подруге.

— Что скажешь, дорогая?

Они говорили на симворечи, этой специфической смеси общеземного с транксийскими толчками-шипением, ставшей господствующим коммерческим языком по всему Челанксийскому Сообществу и на многих других планетах остальной цивилизованной галактики.

Самка протянула стопоруку и твердо охватила прибор за одну из ручек. Ее маленькая сердцеобразная головка слегка склонилась под углом в странно человеческом жесте, когда она прошлась обеими иструкками по глубоко гравированной поверхности. Она ничего не сказала, а вместо этого посмотрела прямо в глаза самцу.

Флинкс оставался там, где был, и понимающие кивнул при виде невинной улыбки на лице Мамаши Мастифф. Он видел раньше этот хищный оскал. Привкус ее мыслей снабдил его дальнейшей информацией о том, что неизбежно должно последовать. Несмотря на век близкого знакомства и общения с транксами, еще оставались некоторые люди, неспособные истолковать даже самых обычных нюансов транксийских жестов и взглядов. А Мамаша Мастифф была специалистом и знала все их назубок. Глаза ее светились достаточно ярко, чтобы прочесть горящие заглавные буквы: *ПРОДАНО*.

Муж начал торговые переговоры в восхитительной импровизированной манере.

— Ну... наверное, кое-что не подойдет... У нас уже много таких безделушек... Непомерные цены... Разумный уровень...

— Уровень! Вы говорите об уровнях?

Возмущенное оханье Мамаши Мастифф было достаточно сильным, чтобы донести запах чеснока до того места, где стоял Флинкс. Транксы, замечательное дело, проигнорировали его.

— Милостивый государь, я живу сейчас на уровень голого существования! Правительство забирает все мои деньги, а мне остаются жалкие гроши, жалкие гроши, сударь, для трех моих сыновей и двух дочерей!

Флинкс покачал головой, восхищаясь несравненным стилем Мамаши Мастифф. Потомство транксов всегда было кратным двум — врожденное свойство, необходимое для выживания. С большинством земных и человеческих дел не возникало никаких конфликтов, но благодаря кому-то вывижу психологии транксы не могли не считать нечетные рождения у людей делом жалким и в немалой степени неприличным.

— Тридцать кредитов,— наконец, вздохнула она.

— Кощунство! — воскликнул муж, сильно задрожав антеннами.— Они стоят, возможно, десять, да и то я немилосердно льщу ремесленнику.

— Десять! — простонала Мамаша Мастифф, симулируя обморок.— Десять говорит это существо, и еще похваляется! Наверняка... сударь, вы ведь наверняка не ожидаете, что я буду в с е р ь е з обдумывать такое предложение! Оно неудачно даже как шутка!

— Тогда пятнадцать, и мне следовало бы сообщить о вас местному магистрату. Даже у простых воров хватает приличия работать инкогнито.

— Двадцать пять. Сударь, вы, культурные и богатые существа, наверняка можете найти лучшее занятие, чем насмехаться и потешаться над старой самкой. Той, которая, несомненно, оплодотворила столько же яиц, сколько и вы...

У самки хватило достоинства опустить голову и покраснеть. Транксы относились к сексу вполне открыто... И к своему, и к чужому...

— Но все же,— подумал Флинкс, с у щ е с т в о в а л и границы, переступать которые не полагалось.

Может, это и не было проявлением хороших манер, но в данном случае, похоже, являлось хорошим бизнесом. Самец неловко хмыкнул, издав глухое вибрирующее гудение.

— Только двадцать.

— Двадцать три с половиной, и не на десятую кредита меньше я не соглашусь! — продекламировала Мамаша Мастифф и сложила руки на груди в признанном жесте окончательности.

— Двадцать один,— сделал встречное предложение самец.

Мамаша Мастифф упорно покачала головой, неподвижная, как дерево. Она выглядела готовой переждать энтропию.

— Двадцать три с половиной и ни десятой кредита меньше. Мое последнее и окончательное предложение, милостивый государь. Эта пара сама найдет рынок сбыта. Я должна жить и боясь, что и так уже позволила вам отклонить меня чересчур далеко.

Самец бы спорил дальше, хотя бы из принципа, если не ради чего либо еще, но в этом пункте самка положила истрику ему на грудную клетку-б, как раз ниже уха, и чуть погладила. Это кончало торг.

— Азах, Темные Центры! Двадцать пять... Нет, два-

дцать три с половиной тогда! Воровство! Покушение на разум! Всем хорошо известно, что деловой человек обманет и свою родительницу, лишь бы нажить пол-кредита!

— И всем также хорошо известно,— гладко ответила Мамаша Мастифф, продолжая торги,— что транксы — самые хитрые продавцы галактики. Вы сами совершили кражу, так что вор-то вы, а не я!

Как только передача кредитов закончилась, Флинкс покинул свой наблюдательный пост и прогулялся к комбинации ларька с домом. Транксы счастливо отбыли, переплелись антенны. Может, у них брачный полет? Самец, по крайней мере, казался слишком старым для этого. Цвет его хитинового покрова переходил понемногу в синий, несмотря на явное применение косметики, в то время как самка была куда более молодого аквамаринового цвета. Транксы тоже имели любовниц. Во влажном воздухе их тонкий аромат долго не пропадал.

— Ну, мать,— начал он, не указывая родства,— на этом она настояла много лет назад,— а употребил титул, дарованный ей народом рынков. Ее все называли матерью,— бизнес, кажется, идет хорошо.

Она явно не заметила его приближения и мгновенно смешалась.

— Что? Что? А, это ты, щенок! Ва!

Она сделала пренебрежительный жест в направлении отбывших транксов.

— Ворье эти жуки, так меня обкрадывать! Но разве у меня есть выбор?

Она не дождалась ответа.

— Я старая женщина и должна иногда продавать, чтобы обеспечить себя, даже по таким ценам, ибо кто в городе станет кормить меня?

— Вероятней, мать, город станешь кормить ты. Я видел, как ты покупала эти же спиральные кувшины у Олина Медника не далее как шесть дней назад... за одиннадцать кредитов.

— Да? Кхгм,— кашлянула она.— Должно быть, ты ошибся, мальчик. Даже ты, знаешь ли, можешь иной раз ошибиться. Гм, ты уже ел сегодня?

— Только пирожок с тиском..

— Разве так я тебя воспитывала — жить на сладостях?

В своей благодарности за смену темы она стимулировала гнев:

— И, ручаюсь, ты в любом случае отдал половину его этому своему проклятому змею!

На этот раз Пип проснулся, поднял голову и тихо зашипел. Мамаша Мастифф не любила мини-дракончика. Этую неприязнь разделяли многие. Лишь некоторых из них можно было убедить после долгих уговоров погладить его. Но никто не мог забыть, что яд его мог свести человека в могилу за шестьдесят секунд, а противоядие являлось редкостью. Флинкса никогда не обманывали ни в чем, когда на его плечах лежал, свернувшись, змей.

— Полегче, мать. Он, знаешь ли, понимает, что ты говоришь. И не столько что, сколько почему.

— О, разумеется, разумеется! Утверждай теперь, что это чудовище обладает разумом! Он, наверное, околдован. В это последнее я, по крайней мере, верю, так как,— да, не могу отрицать,— видела, как эта тварь странно ведет себя. Но он не работает, постоянно спит и чудовищно много ест. Ты, малыш, намного лучше жил бы без него.

Он рассеянно почесал мини-дракончика.

— Твое предложение не смешно, мать. Кроме того, он-таки работает.

— Дешевый трюк,— фыркнула она, но не громко.

— А что касается его обычая спать и есть, то он иной, хотя в его организме происходит обмен веществ. И, самой важное, он мне нравится, и... я нравлюсь ему.

Мамаша Мастифф поспорила бы еще, если бы они не прошли за долгие годы бесчетные вариации этого самого спора. Несомненно, собака или одна из местных одомашненных птиц была бы более полезным дружком для мальчика, но когда Мамаша Мастифф взяла к себе вызвавшего у нее сочувствие малыша, у нее не было кредитов на собак или птиц. Флинкс сам натолкнулся на дракончика в переулке за их первой лачугой, роющегося в мусорной куче в поисках мяса и сахара. Не ведая, кто он такой, Флинкс приблизился к нему открыто и без страха. На следующее утро она обнаружила обоих в постели мальчика. Она схватила метлу и попыталась шугануть змeya, но испугалась, когда тот открыл рот и угрожающе зашипел на нее. Эта попытка была первым и последним усилием разлучить эту пару.

Отношения между ними были необычными и многоократно обсуждались, особенно потому, что Аласпин находился во многих парсеках от Мотылька, и никто не мог вспомнить, чтобы слышал раньше о мини-дракончике, жившем на свободе вне своего родного мира. Большинство

подозревало, что он принадлежал какому-то космическому торговцу, освободился в членочном порту и убежал. Поскольку ввоз ядовитых животных являлся уголовным преступлением на большинстве планет, в том числе и на Мотыльке, никого не удивляло, что первоначальный владелец не предпринял усилий предъявить права на свою собственность. В любом случае он никому не причинял вреда (Флинкс-то знал нечто иное, и знал, что этим фактом лучше не похваляться), и поэтому никто на рынке на заявил протеста властям по поводу его присутствия, хотя все страстно желали, чтобы он убрался куда-нибудь подальше.

Флинкс решил сменить тему.

— Как ты обеспечена кредитами, мать?

— Пхе! Как всегда, плохо. Но,— с лукавой чуть заметной усмешкой сказала она,— на последней сделке я должна бы суметь протянуть какое-то время.

— Рад за тебя,— засмеялся он.

Он стал разглядывать беспрестанно текущую вокруг и перед лавочкой разноцветную толпу, пытаясь измерить процент богатых туристов. От этих усилий у него, как обычно, заболела голова.

— Обычный дневной косяк, мать, или нет?

— О, деньги там сейчас есть, что и говорить! Я их носомчу. Но они отказываются подходить к моей лавке. Наверно, тебе повезет больше, малыш.

— Наверно.

Он вышел из-под навеса, взобрался на помост, возвышавшийся слева от лавки, и принял осторожно представлять большие горшки и тазы, составлявшие основную массу дешевых товаров Мамаши Мастифф, чтобы освободить место для работы.

Зрителей он приманивал простым и устаревшим способом. Вытянув из кармана четыре шарика — брана, он начал жонглировать ими. Их отливали из сока дерева, росшего только в экваториальном поясе Мотылька. При рассеянном ультрафиолетовом свете солнца они пульсировали слабым желтым светом и идеально подходили для его нужд, будучи твердыми и одинаковой плотности. Начала собираться небольшая толпа. Теперь он добавил пятый шарик и начал варьировать упражнение, кидая их за спиной, не нарушая ритма. Слух расползся, словно невидимые щупальца, притягивая одного здесь, другого там, с краев перетасовывавшегося скопища народу. Вскоре возник небольшой островок зевак. Он тихо про-

шептал дракончику, почти погребенному в теплом меху:

— Пошел, приятель.

Пип размотался с плеча Флинкса, расправляя во всю ширь свои перепончатые кожаные крылья. Несмотря на его редкость, толпа узнала смертельный силуэт и отпрянула. Змей взвился в воздух и исполнил искусный спиральный спуск, обвившись вокруг головы юнца, словно корона. Затем он принял ловить каждый шарик и подбрасывать его высоко в воздух, меняя форму, но не ритм. Непрерывная флюорецентная линия стала чертить более сложный узор. Это новшество приветствовала легкая рябь аплодисментов. Жонглеры в Дралларе являлись более чем обычным зрелищем, но такой молодой, столь умело работавший с ядовитой рептилией,— нет. На помосте приземлились несколько монет, с металлическим звоном отскакивая от металлических тазиков. Новые аплодисменты — и новые монеты, когда змей запустил все пять шариков, один за другим, в корзину позади помоста.

— Благодарю вас, благодарю вас, господа! — театрально поклонился Флинкс, думая теперь о гвозде номера.— А темерь вам на просвещение, удивление и уведомление... и за небольшой гонорар (легкий смех) я попытаюсь ответить на любой вопрос, л ю б о й вопрос, каким кто-либо из зрителей, безотносительно к его расе или месту происхождения, захочет испытать меня.

Раздался обычный скептический ропот собравшихся и немало скучающих вздохов.

— Вся мелочь в моем кармане,— выпалил коммерсант в первом ряду,— если ты сможешь сказать, сколько ее там!

Он усмехнулся среди нескольких нервных смешков из глубины толпы.

Флинкс проигнорировал сарказм в его голосе и спокойно стоял, плотно закрыв глаза. Не то, чтобы это требовалось. Он мог работать ровно хорошо и с широко открытыми. Это было образчиком чистого циркачества, которого, кажется, всегда ожидали толпы. Почему они ожидали, что он будет смотреть внутрь себя, когда ему требовалось смотреть снаружи, оставалось для него вечной загадкой. Он не имел никакого представления о том, как приходили к нему ответы. В одну минуту у него в голове царили пустота и туман, а в следующую... иногда... появлялся ответ. Хотя «появлялся» тоже не совсем верное слово. Он много раз даже не понимал вопросов, особенно когда задавали их не люди. Да и ответов не понимал.

К счастью для зрителей, это не составляло никакой разницы. Он не мог дать обещанных истолкований. Вот!

— Дорогой сэр, у вас в кармане четыре десятых кредита и две сотых... и ключ, дающий вам доступ в некий клуб, где...

— Хватит, хватит! — неистово замахал узловатыми руками коммерсант и неловко поглядел на тех в толпе, кто стоял поближе к нему. — Это подойдет! Я убедился...

Он порылся в кармане и извлек пригоршню мелочи, затолкав злополучный ключ обратно в карман, подальше от глаз любопытных, желавших поглядеть на него поближе. Он начал считать монеты, а затем рассеянно остановился с ошеломленным выражением лица.

— Клянусь бурлящим приливом Пали, этот щенок прав! Сорок две сотенных. Он прав!

Он передал монеты и ушел, что-то бормоча про себя.

Флинкс по опыту определил настроение толпы. Вера и насмешка качалась на весах примерно вровень. Имелись, естественно, и такие, которые подозревали, что коммерсант служил подсадной уткой. Они полагали, что он сыграл свою роль убедительно.

— Полно, полно, господа! У нас здесь какая-то детская игра. Наверняка среди вас найдутся существа с вопросами, какими стоит испытать мое простое искусство?

Существо в задних рядах толпы, киллип в полном послебрачном оперении, вытянул вперед свою тонкую страусиную шею и спросил высоким, писклявым голосом:

— В каком лете-месяце появятся на свет мои птенцы?

— Искренне сожалею, сэр, но этот вопрос связан с будущим, а я не ясновидящий.

Существо удрученно вздохнуло и приготовилось покинуть сборище. У многих тоже, кажется, появилось намерение уйти вместе с орниторпом. И Флинкс поспешил добавить:

— Но я горячо надеюсь, что все пять ваших птенцов окажутся удачными!

Удивленный киллип круто обернулся и выпучил глаза

— Как вы узнали, какое число в моей кладке?

Разволновавшись, он заговорил на родном языке, и соседу пришлось напомнить ему, чтобы он перешел на симворечь.

— Я сделал своим правилом не раскрывать профессиональных секретов.

Флинкс зевнул с рассчитанно преувеличенной скучой.

— Бросьте, господа, задавайте настоящий вопрос.

Мне быстро становится скучно. Чудес я, однако, производить не могу, да и в любом случае они быстро приедаются.

К сцене настойчиво проталкивались два человека, рослых мускулистых парней. Тот, кто находился слева от Флинкса, носил очки не ради их древней терапевтической ценности, а потому что в каких-то текущих модных кругах это считалось чем-то вроде увлечения. Он протянул кредитную карточку.

— Ты можешь принять этим, мальчик?

Флинкс едва удержался от язвительного ответа на «мальчик», но достал картомер.

— Безусловно, сэр. Задавайте свой вопрос.

Очкастый открыл было рот и остановился.

— Откуда я знаю, сколько тебе заплатить?

— Я не могу устанавливать цены на свои ответы, только на ваш вопрос. Стоимость его на ваше усмотрение, сэр. Если я не дам ответа, то переведу ваши кредиты обратно вам.

Он показал на плечо, где бдительно покоялся мини-дракончик.

— Мой приятель, кажется, очень чувствителен к эмоциональному состоянию других. Даже больше, чем я сам. Жулик, например, излучает нечто такое, к чему он особенно чувствителен. Меня редко обжаливают.

Очкастый невесело улыбнулся.

— Интересно, почему?

Он набрал на карточке нужную сумму и снова протянул ее.

— Сто кредитов подойдет?

Флинкс быстро подавил свою реакцию. Сто кредитов! Это же больше, чем он иногда заколачивает за месяц! У него возникло на миг искушение снизить цифру, но удержала мысль о том, как будет смеяться Мамаша Мастифф, если прознает об этом. Особенно после его замечания о ее ценах этим утром. Затем он напомнил себе, что очкарик сам установил цену и сам-то себя наверняка не обманывает. Он прозондировал его, но не смог заметить никаких следов юмора — так же, как и у его спутника. Совсем наоборот. И еще он не слышал вопроса. Что, если он не сумеет ответить на него?

— Э, ста кредитов будет вполне достаточно, сэр.

Очкастый кивнул и сунул карточку в маленький черный картометр. Компактная машина тихо загудела, и на крошечном диске со щелчком появилась сумма — единица —

ноль — ноль. Возникла короткая пауза, а затем она снова зажужжала и наверху загорелся яркий красный огонек. Он отмечал, что такая-то сумма номер карточки такой-то соответствовала набранной сумме и что сто (100) кредитов переведены на счет некоего Филипа Линкса (имя, под которым он фигурировал в городских ведомостях) в Королевский Банк суверенной республики Мотылек. Флинкс вернулся на место картометр в сумку и снова посмотрел на двоих ожидающих.

— Задавайте свой вопрос, сэры.

— Мы со спутником ищем одного человека.. друга... Мы знаем, что он находится где-то в этой части города, но покамест нам не удалось встретиться с ним.

— Что в нем приметного? — спросил, не открывая глаз, Флинкс.

Теперь в первый раз заговорил другой. Голос его был нетерпеливым, что подтвердили его мысли. Он отличался грубостью и низкой тональностью.

— Он высокий... худощавый, у него рыжие волосы, как у тебя, только потемнее и в мелких кудряшках. И кожа у него не такая темная, как у тебя. Она испещрена родинками, и у него влажные глаза.

Это помогало. Рыжие в Дралларе не изобиловали, а ссылка на влажные глаза указывала на человека с высокой сексуальной потенцией. Обнаружить такое сочетание будет легко. Флинкс начал чувствовать себя уверенней. И все же Драллар велик. Требовалось также принять во внимание челночный порт.

— Недостаточно. Что еще?

Двое переглянулись. Затем более рослый заговорил:

— На этом человеке обмундирование штурмана. У него есть... вероятно, на себе... маленькая карта... звездная карта. Она начертана от руки и выглядит непрофессионально. Он обычно держит ее за пазухой, под блузой, и на ней от этого небольшая выпуклость..

Флинкс сосредоточился посильнее. Так, мысленно абстрагируемся, определяем угол... Он открыл глаза и с удивлением поднял голову. Его взгляд устремился в задние ряды смолкшей толпы и остановился на стоявшем позади всех индивидууме.

Рыжий, невысокий, с испещренной родинками кожей, влажными глазами и легкой выпуклостью над сердцем. Неудивительно, Флинкс почувствовал и документ за пазухой. Как только их взгляды встретились, глаза рыжего расширились. Он сорвался с места и нырнул в рыночное

столпотворение. Последовала суматоха, и рослый парень, обернувшись, напряг зрение, как бы пытаясь разглядеть сквозь массу народа. Он стиснул руку на плече спутника и настойчиво показал в ту сторону. Они кинулись в направлении возникшего волнения, вынуждая других собравшихся уступать им дорогу, скорее, силой, чем тактом.

Флинкс чуть было не окликнул их, но вместо этого пожал плечами. Если их удовлетворила такая форма ответа, то он, разумеется, не собирался спорить с ними. Сто кредитов! Даже не связывая себя ответом. И куча монет на помосте для Мамаши Мастифф. Он импульсивно махнул рукой толпе.

— Премного благодарен за внимание, господа. На сегодня, во всяком случае, представление окончено.

Собравшаяся толпа начала вливаться обратно в поток рыночного коловорота под аккомпанемент немалого числа разочарованных стонов. С подаренной ему двумя незнакомцами неожиданной драматической кульминацией он мог бы, вероятно, немало выудить и у остальных, но его дар отличался капризностью и имел тенденцию быстро утомлять его. Лучше всего остановиться на неоспоримом успехе. Это неожиданная удача давала ему право как следует отпраздновать ее, и ему не терпелось приступить к этому.

— Пип, если мы сможем получать то, что получили сегодня, каждый день, то король сделает меня казначеем, а тебя назначат официальным охранителем казны.

Пип уклончиво зашипел, глядя на него угольно-черными глазами. В этих крошечных омутах кипели чернила. Его явно не очень-то привлекала работа на правительство.

— Ты, несомненно, опять проголодался.—Это вызвало более согласное шипение, и Флинкс, засмеявшись, снова почесал дракончика: — Так я и думал. Однако я чувствую, что лично мне требуется нечто более жидкое. Поэтому мы отправимся в заведение Маленького Симма, где я буду хлебать перченое пиво, а ты можешь проглотить все соленые сухарики, какие только поместятся в твоем ядовитом тельце!

На это змей вильнул хвостом, поскольку его тело вообще состояло главным образом из хвоста.

Когда они шли своей дорогой по булыжной мостовой, он начал мысленно упрекать себя за то, что не поиграл с толпой подольше. Он по-прежнему считал, что злоупотребляя своим талантом, он сожжет его.

Но бывают времена, когда требуется проявлять не только осторожность, но и деловитость, как не раз наставляла

его Мамаша Мастифф. И все же он сегодня долго спал и начал позже обычного. Толпу, вероятно, все равно оказалось бы трудно удерживать. В Дралларе темнота имела тенденцию быстро рассеивать народ, и даже сейчас уже стало темным-темно. Кроме того, у него есть в кармане сто кредитов! По существу, а не в действительности, поскольку они находились на его счету в банке. Так зачем же беспокоиться? Разве солнце сражалось за приобретение больших количеств водорода?

Он почти добрался до тускло освещенного бара, когда услышал звуки. Они просачивались из переулка слева от него, дыры, темной, как глотка гигантской псевдостерляди с одного из Великих Северных Озер.

Звуки сильно походили на шум драки. Поисковый зонд принес ему обертоны страха, гнева, ужаса, жадности, жажды крови. Драка для развлечений сопровождалась многочисленными ругательствами и криками. Ничего подобного не издавали в бою насмерть, так как участвующие в нем слишком заняты и слишком сосредоточены на своей цели, чтобы терять зря дыхание. С таким предельным безмолвием дрались только люди, поэтому Флинкс сообразил, что дерущиеся не принадлежат к нечеловеческому населению города. И присутствовала эта особая немота мыслей...

Флинкс не вмешивался в такие стычки. В городе вроде Драллара, где в изобилии сосуществовали толстые животы и пустые кошельки, имевший свои дела сохранял здоровье, покуда не совался в чужие. Он сделал шаг к мирному полумраку бара, но тут Пип размотался с его плеча и устремился в переулок.

Даже в сравнительно юном возрасте Флинкс умел бегло ругаться на четырнадцати языках. У него хватило времени только на пять, прежде чем он бросился в темень за своим приятелем. И лишь их предосторожности выхватил, не прерывая шага, из-за голенища сапога тонкий стилет.

Теперь он смог различить в смутном свете от задернутых облаками звезд и городских огней три фигуры. Две большие, стоявшие на ногах, а третья, легкого телосложения, лежала на земле с узнаваемой неподвижностью. Одна склонилась над распростертым телом. Прежде чем она смогла осуществить свои неизвестные намерения, она дернулась и проревела в тиши переулка:

— ПРОКЛЯТЬЕ!

Выругавшийся начал дико молотить по налетающей и пикирующей ему на голову кожаной ленте. Другой выхва-

тил из наплечной кобуры опасный на вид нейтронный пистолет и попытался прицелиться в быстро движущийся объект. У Флинкса не оставалось времени на раздумья. Смутно надеясь свалить противника наземь и нокаутировать его, он прыгнул ему на спину, под его блузой он ощутил толстые веревки мускутов. Надежда на легкую победу исчезла. Противник наклонился. Еще секунда и он раздавит Флинкса о стену ближайшего здания. Но лезвие вонзилось в спину противника. Верзила ужасно выругался и свалился наземь, словно большое дерево. Флинкс сбросил мертвую тушу на мостовую.

Когда верзила ткнулся лицом в булыжник, его спутник резко обернулся, чтобы встретить новую угрозу. Он выругался и выстрелил в направлении Флинкса. Прокатившись по земле, юноша укрылся за сломанным металлическим ящиком. К счастью, стрелявший, кажется, видел ночью куда хуже, чем Флинкс. Но даже и так, от попавшего в него заряда по ноге пробежало болезненное покалывание. Попадание в любую часть тела из этого коварного оружия способно было заставить человека буквально затрястись от неудержимых спазмов мускулов. Прямое попадание в сердце или мозг убивало мгновенно. Такое оружие считалось на Мотыльке предположительно находящимся вне закона. Закон явно можно было и обойти. Стрелявший обвел лучом участок слева от него. Это было ошибкой. Пип изловчился и плонул разок.

Это был не вызывающий жест, а смертельный удар. Летающие змеи, или «миниатюрные» драконы Аласпина сродни некоторым плотоядным существам. К ним относится и плюющаяся кобра с Земли. У нее имеются выступающие вперед зубы, и вместо укуса, она может плеваться ядом на удивительное расстояние и с замечательной меткостью. У Аласпинских дракончиков подобного яда однако не имелось. Только маленькие резцы. Но эти существа на редко посещаемой планете выбрасывали яд через шедшую вдоль неба сужающуюся трубку из хрящей. Тянувшиеся вдоль челюстей и шеи мускулы извергали яд дальше, чем иные змеи, и с большей меткостью. К счастью, мини-дракончики отличались относительно мирным нравом и нападали только тогда, когда им угрожали. Поэтому действия Пипа были необычными, но отнюдь не непостижимыми.

Стрелявший издал пронзительный, рвущий душу вопль и рухнул на колени, вцепившись в глаза. Яд не только убивал, но и разъедал. Он не был смертелен, если не попадал в кровеносную систему, и поэтому, натирая глаза, человек,

в сущности, сам себя убивал. Через тридцать секунд он стал неспособен даже протереть глаза, а еще через тридцать секунд не мог делать что бы то ни было.

Пип вернулся на место. Когда он обвился вокруг плеча Флинкса, юноша почувствовал, что мускулы змея напряжены. У него возник порыв хорошоенько наказать его, но факт, что он едва уцелел, а змей опять спас ему жизнь, заставил его отбросить эту мысль. Время поджимало. Все еще дрожа от недавней схватки, он выполз из своего укрытия посмотреть на результаты своих действий...

В переулке раздавался только шелестящий шепот влажного воздуха и непрерывный звук падавших капель крови, вытекающий из раны на спине приконченного стилем. Оставалось еще и третье тело. Несмотря ни на что он слишком поздно пришел на помочь этому малорослому человеку. Ему аккуратно сломали шею. Неподвижные незрячие глаза отражали свет безмолвных звезд.

Света Флинксу вполне хватило, чтобы различить ярко-рыжие волосы убитого.

Застывшая в спазме рука стискивала скомканный кусок пластика. Флинкс выковырял его, разгибая безжизненные, но все еще неподатливые пальцы.

Над его головой начали появляться огни, когда осторожные жители переулка решили, что будет безопасным доверить свою драгоценную жизнь тихой неопределенности ночи. Осмотрительность сослужила свою службу, и теперь верх взяло любопытство. Ему пришло время убираться. Теперь, когда местные жители зашевелились, а схватка кончилась, должна прибыть местная полиция. Хоть и не будет она торопиться с этим, но тем не менее доберется. Ему определенно не улыбалось оказаться застигнутым около трех безжизненных тел инопланетян. Особенно когда один из них только этим днем зарегистрировал на его счет сто кредитов.

Ему не нравилось обкрадывать мертвеца, но все, что могло вызвать в одну ночь смерть трех человек, являлось слишком важным, чтобы оставлять его на усмотрение полиции. Бросив на мятый лист всего лишь беглый взгляд, он сунул его в сумку.

Полиция прибыла вскоре после того, как он вышел из переулка. Усилившиеся голоса свидетельствовали, что тела обнаружены. Для местных порядок последующих действий был определенным. Когда полиция обнаружит, что три трупа принадлежали инопланетянам, она без большой задержки приведет в действие систему поиска.

Убийства не способствовали увеличению туризма.
Флинкс заспешил к бару.

Заведение Сморчка Симма славилось не столько своей выпивкой и закуской, сколько репутацией одного из немногих мест в Дралларе, куда любой мог пойти ночью выпить со всеми удобствами и при этом еще иметь гарантию, что останется в неприкосновенности. Сам Сморчок Симм отлично знал, какие доходы приносила заведению эта благоприятная обстановка, поэтому поддерживал ее, не жалея трудов и сил. Он не знал, что если бы его заведение было страной на Земле не один век назад, то ее назвали бы Швейцарией.

Так как Сморчок Симм превышал ростом два метра и весил где-то около ста пятидесяти килограммов, мало кто испытывал склонность оспаривать его нейтралитет. Жаждущим побуянить приходилось довольствоваться поглощением спиртного в других заведениях и замечаниями о необыкновенной чуткости слуха владельца бара.

На Мотыльке не существовало никаких сухих законов. Только мокрые, как гласила пословица. С точки зрения судей, всякий мог переходить с материнского молока на самое лучшее пойло из всех спиртных напитков, к бутылке Старой Пенной Закваски. Конечным итогом этой часто порицаемой политики дегенерации являлись процветание местной промышленности и удивительное малое число алкоголиков.

Временами однако попадались некоторые, отмечавшие сравнительную юность Флинкса и таким образом ставившие под вопрос его право поглощать перебродившее спиртное. Один такой гражданин, путешествующий борец с планеты Пуританин, был особенно несносным в этом отношении. К нему подошел тяжелым шагом Сморчок Симм и вежливо посоветовал не соваться не в свое дело. Стойко придерживавшийся догматов своей веры (и сам малость подвыпивший) приезжий совершенно недвусмысленно передал Симму, куда тот мог идти со своим предложением. Но не успел он и глазом моргнуть, как его правая рука оказалась сломанной в двух местах. С наивозможной мягкостью. Приезжий отправился прямиком в полицию, и полиция возражала... в конце концов, инопланетянин, да еще уважаемый..., но не слишком энергично. Особенно после того, как Симм взял полицейский глейдер и надежно забил им канализационный люк. После этого Флинкс и Симм обнаружили, что служители Бога и Фараона стали куда меньше докучать им.

Великан обрадовался, увидев его. У них было много общего, и не последним то, что оба являлись сиротами.

— Сухого тебе очага, юный мастер! И как мир находит тебя сегодня ночью?

Флинкс уселся в конце стойки.

— Он находит меня достаточно благоденствующим, громадина. Достаточно благоденствующим, чтобы я получил от тебя бутылку твоего самого лучшего пива «Репейник» и котел соленых сухариков для моего друга.

Он погладил змея под челюстью, и Пип оценивающе сощурил глаза. Бывали времена, когда Флинкс мог поклясться, что слышит, как змей мурлыкает. Но поскольку никто больше не слышал, он никогда не обсуждал этот вопрос.

Симм слегка поднял брови. «Репейник» был напитком дорогим и крепким. Его однако намного больше волновала способность юноши управляться с первым. Красное пиво привозилось с далекой Крынки, транксийской планеты, и могло легко свалить даже взрослого человека. Но он принес его, как и сухарики для дракончика.

Когда он вернулся, змей, не дожидаясь приглашения, сразу нырнул в чашу и принялся баражаться в соленых крендельках, стремительно выбрасывая язык и выхватывая со скоростью машины крупные кристаллы каменной соли. Как и многое другое в Дралларе, даже соленые сухарики обладали изысканностью. Флинкс снова стал рассуждать, что для животного, бесспорно, плотоядного, его приятель слишком явно любил хлебную выпечку. Именно кулинарная адаптабельность дракончика и являлась одной из причин, позволявших ему так процветать в городе. Бывали времена, когда мясо не часто появлялось у них на столе, да и грызуны куда-то пропали, и они с Мамашей Мастифф с удивлением смотрели, как змей с удовольствием уплетал большие порции соленого хлеба или пиме, дешевого растения вроде кукурузы, наводнявшего многие леса мягкого дерева на Мотыльке.

Флинкс взял бутылку изысканной работы и налил вишнево-красное варево, наблюдая, как льется через край кружки розовая пена. Пивоварение являлось одной из самых отшлифованных способностей транксов. Было уже слишком поздно для немногих законченных пьяниц и еще слишком рано для большинства ночных завсегдатаев. Маленький Симм удостоверился, что все прочие клиенты обслужены, и согнулся над стойкой, опираясь на сложенные руки, похожие на косматые деревья. Он молча смотрел,

как юноша сделал большой глоток шипучего напитка, а затем принял пить остальное небольшими осторожными глоточками. Время от времени справа от них, от сухариков, раздавалось удовлетворенное шипение.

Владелец бара снова вскинул брови, когда Флинкс предпочел оплатить питание монетой.

— Дела, значит, идут очень хорошо?

— Да, неплохо. Хочешь верь, дружище, хочешь нет, я сегодня зашиб сотню кредитов. И к тому же честно!

Тут он вспомнил о появившихся недавно трех трупах в переулке.

— Хотя теперь я, может, не так уж рад этому.

— Странно слышать.— Великан налил себе немного иттерийского коньяку.— Я рад за тебя, но также и несколько разочарован, так как это значит, что тебе не понадобится работа, которую я тут тебе сосватал.

— Вот как? Не нужно так спешить, массивный. И не пытайся также давить мне на психику. Верно, в данный момент я платежеспособен, но деньги имеют свойство ускользать меж пальцев. К тому же слишком много раздаю. И мне надо подумать о старушке, хотя она теперь могла бы приобрести городские фонтаны, несмотря на свои жалобы на нищету.

— Ах, да, конечно, Мамаша Мастифф. Ну тогда, возможно, тебя это заинтересует. По крайней мере, могу обещать тебе интересное общество.— Он показал на бар за спиной у Флинкса.— В третьей кабине. Двое самых необыкновенных личностей.

Флинкс обернулся и посмотрел на небольшие, покрытые материей кабинки, шедшие в ряд вдоль противоположной стены заведения. В этих укрытых анклавах часто занимались делами и предавались удовольствиям, иногда совмещая одно с другим.

Он пригляделся попристальней в сумеречном свете. Большинство людей ничего не смогли бы различить даже на таком небольшом расстоянии, но Флинкс-то смотрел не только глазами. Да, в указанной кабинке и впрямь сидели две фигуры. Судя по тому, что он увидел, это была странная пара.

Один был очень высоким человеком, с лицом, состоящим по большей части из острых углов, словно из-под кожи выпирали лезвия ножей. Волосы его седели на висках и на затылке — вполне естественная смена цвета, а со лба до затылка тянулась одна чисто белая прядь. С лица смотрели резко сужавшиеся, почти монголоидные глаза, такие

же черные, как большая часть его волос. Сходившиеся над переносицей кустистые брови придавали ему слегка надменный вид. Портрет дополнял маленький рот с тонкими губами. Тело хотя и не тощее, но стройностью обязанное скорее заботливой диете, чем энергичным упражнениям. Видимые части тела сильно загорели, а по такому загару Флинкс теперь узнавал людей, долго находившихся в космосе и подвергавшихся воздействию ультрафиолетового света.

Если человек был необычен, то его спутник вдвое превосходил его в этом. Хотя Флинкс видел не так уж часто транксов, поскольку в Дралларе они не задерживались, этого хватило, чтобы понять: там напротив сидит самый старый человек, какой ему попадется. Его хитиновый покров поблек с нормального голубого цвета до темно-пурпурного, казавшегося чуть ли не черным. Антенны обвисли по бокам и покрылись внизу чешуей. Даже на таком расстоянии он заметил, как исщелушился покров под футлярами для крыльев. Только светящиеся алмазные фасетчатые глаза сверкали золотом, означавшим юность и энергию. Жалко, что он не мог рассмотреть подробнее.

О чем они говорили, не было слышно, но инсектоид время от времени жестикулировал иструкой, а человек степенно кивал в ответ. Флинкс почувствовал, что спиртное начинает действовать, и, почти рассердившись, снова обернулся к своему другу.

— Ты прав, Симм. Странная здесь оказалась пара.

— Они заходят каждый вечер уже четыре дня подряд и непрерывно пьют, хотя спиртное для них не более чем вода. Но к делу! Как ясно даже птице мстл, они здесь чужаки. Вчера они впервые начали спрашивать насчет гида, сказали, что желают получше рассмотреть город. Я не знал, чем им помочь, пока не вспомнил о тебе. Но теперь, раз ты стал богат, как король...

— Нет, нет, подожди!

Флинкс почувствовал прилив щедрости. Наверное, из-за пива.

— Они сгодятся для пары рассказов, даже если не обломится ничего другого. Я берусь за это дело.

Симм ухмыльнулся и грубо взъерошил волосы юноши.

— Отлично! Я так и думал, что один взгляд на них заинтересует тебя, так как всем известно о твоем особом пристрастии к инопланетным делам. С чего бы это! Подожди здесь, я пойду скажу им.

Он вышел из-за стойки и подошел к кабине. Сквозь вызванный пивом легкий туман Флинкс увидел, как великан отодвинул занавеску и зашептался с сидящим в кабинке существами.

— Ну,— пробормотал он про себя.— Во всяком случае, одно хорошо. По крайней мере, они не обычные туристы. Наверное, я буду избавлен от такой муки: смотреть, как они ликуют, покупая кучу барахла втрое дороже честной цены.

Он издал звук, начавшийся долгим шипением и кончившийся хлопком, как от лопнувшего пузыря. Из чаши уничтожаемых сухариков, количество которых порядком уменьшилось, высунулась надменная чешуйчатая головка. Дракончик соскользнул на стол, прополз к протянутой руке и свернулся клубком на своем любимом месте на плече Флинкса.

Вернулся Симм с двумя инопланетянами.

— Этого юношу, сэры, зовут Флинкс, он предлагает себя в гиды. В городе невозможно найти лучшего. Пусть вас не вводят в заблуждение его относительная молодость, он знает все, что надо.

Здесь, вблизи, Флинкс мог получше изучить своих подопечных, что он и сделал, да притом внимательно. Высокий человек был на добрую шестую часть метра короче громадного Симма, но транкс был воистину великаном для своего вида. Сейчас, когда он поднял верхнюю часть тела, его глаза находились почти на одном уровне с глазами Флинкса. Весь инсектоид достигал длины полных двух метров. Нормой для самца этого вида были полтора метра. Флинкса не волновало, что их глаза, в свою очередь, пристально рассматривают его. Как циркач он к этому более чем привык. Но он обнаружил, что отводит взгляд от своих огромных золотых кругов. Встретиться с ним взглядом было все равно что разглядывать океан разбитых призм. Он гадал, на что это похоже — смотреть на жизнь таким вот образом, через тысячи крошечных глаз вместо двух больших.

Когда человек заговорил, то голос у него оказался на удивление мелодичным.

— Здравствуйте, молодой человек. Наш добрый податель спиртного уверяет, что вы практически незаменимы для любого, кто желает что-то посмотреть в вашем городе.

Он протянул руку, и Флинкс пожал ее, удивившись мозолям. По мере того как слабело действие галлюциногенного варева, он начинал осознавать все больше уникаль-

ность двух существ, с которыми ему предстояло общаться. Оба они излучали ауру чего-то такого, чего он прежде не встречал, даже в своих странствиях среди обитателей челночного порта.

— Меня зовут Цзе-Мэллори... Бран. А это мой спутник, Эйнт Трузензюзекс.

Представленный инсектоид поклонился в пояс. Его движения напоминали броски озерного бегунка, ныряющего на плавающую у поверхности рыбу. И еще один сюрприз: он говорил на земшарском, не на симворечи. Тут и впрямь ученый и вежливый жук! Мало кто из транксов обладал способностью усвоить больше нескольких элементарных фраз из земшарского языка. Присущие ему логические несообразности вызывали у них головную боль. Однако у этого инсектоида произношение было не хуже, чем у него, а скрежет был неизбежным из-за разного устройства голосовых связок.

— Высшего видоизменения тебе, юноша. На самом деле, нам уже несколько дней нужен гид в этом вашем запутанном городе. Мы очень рады, что вы согласились помочь нам преодолеть наши затруднения.

— Я сделаю все, что в моих силах, господа.

— Мы предпочли бы начать завтра на рассвете,— сказал Цзе-Мэллори.— Видите ли, мы здесь по делу, и более близкое знакомство с городом — важная предпосылка дела, которое мы и так уже слишком долго откладывали. На самом-то деле мы ожидали, что гид встретит нас, но поскольку он явно передумал, эту миссию придется доверить вам.

— Мы остановились в небольшом трактире немного дальше по этой улице,— добавил Трузензюзекс.— У него на вывеске три рыбы и...

—...Звездолет. Я знаю это заведение, сэр. Я встречусь с вами завтра в первом тумане — в семь часов — в холле.

Двою опять обменялись рукопожатием и, похоже, собирались уходить. Флинкс деликатно, но настойчиво кашлянул.

— Э, небольшая деталь, сэры.

— Да? — остановился Цзе-Мэллори.

— Вопрос оплаты.

Транкс произвел жвалами серию быстрых щелкающих звуков, сходивших среди его вида за смех. У этих инсектоидов имелось высоко развитое, а иногда озорное чувство юмора.

— Вот как! Наш гид к тому же плутократ! Вы, несом-

ненно, как все личинки, безнадежный любитель припасать сладости. Как тогда насчет следующего? Завтра, по завершению нашего тура — надеюсь, одного дня хватит для наших целей — мы угостим вас обедом в лучшей обжорной лавке на продовольственном полумесяце.

Отлично! Давай-ка посмотрим: двенадцать блюд в «Порцио» обойдутся им в... отлично!

У него даже слюнки потекли.

— Это будет великолепно... Я хочу сказать, достаточно, сэры.— Да уж, что и говори, хватит!

II

Флинкс, разумеется, не был гидом по профессии, но он знал в десять раз больше о настоящем Дралларе, чем скучные наймиты правительства, проводившие официальные туры по лучшим ночных клубам города для ошеломленных инопланетян. В прошлом он не раз оказывал эту услугу другим гостям Маленького Симма.

Эти клиенты, однако, оказались довольно эксцентричными туристами. Он показал им большой центральный рынок, где можно было найти товары с половины Рукава. Они ничего не покупали. Он сводил их к воротам Строго Драллара, Монументальной арке, высеченной ремесленниками из чистой, как вода, двуокиси кремния, и настолько древней, что ее создание не было зафиксировано в дворцовых хрониках. Они ничего не сказали. Он сводил их к красным башням, где в парниках под заботливым присмотром преданных делу Королевских ботаников пышно разрослась фантастическая флора Мотылька, а потом к крошечным необычным заведениям на отшибе, где можно купить необыкновенное, редкое и запрещенное: посуду из драгоценных камней, произведения искусства, оружие, билеты куда угодно, научные приборы, ученых самок или существ любого другого пола и любого вида, наркотики, медицинские, галлюциногенные, смертельные, предохранительные, чтение мыслей и будущего по ладони. Лишь изредка один из них делал то или иное незначительное замечание об окружающей обстановке. Можно было подумать, что им чуть ли не скучно.

Один раз это произошло в лавке продавца древних карт, да и тогда на непостижимом для многоязычного Флинкса наречии.

Да, для личностей, казалось бы, столь нуждавшихся в гиде, они покамест проявляли удивительно мало интереса к окружающему. Они, казалось, намного больше интересовались Флинксом и Пипом, чем городом, который он им показывал.

Когда давно перевалило за полдень, он вдруг поразился, сообразив, как много они о нем узнали, по большей части через невинные и косвенные вопросы. Однажды, когда Трузензюекс нагнулся, чтобы разглядеть дракончика поближе, тот осторожно отодвинулся и спрятал голову за шеей Флинкса. Это само по себе было странным. Обычно змей реагировал либо равнодушно, либо воинственно. Впервые на памяти Флинкса он проявил неуверенность. Трузензюекс вроде бы мало понял в этом эпизоде, но больше не пытался приблизиться к змею.

— Вы — выдающийся гид и веселый спутник, — заметил транкс. — Я считаю, мне повезло, что вы с нами.

Они все гуляли и гуляли, пока не оказались на немалом расстоянии от городского центра. Трузензюекс показал на раскинувшемся впереди ландшафте башенные дома богатых.

— А теперь нам бы хотелось посмотреть подстриженные газоны и висячие сады, о которых мы так много слышали.

— Боюсь, что этого я не могу обеспечить, сэр. Территория Враав закрыта для таких, как я, а там есть сторожа при оружии на стенах, чтобы не пускать простонародье испакостить зелень.

— Но вы все-таки знаете ход туда? — настаивал Цзэмллори.

— Ну, — начал, поколебавшись, Флинкс (В конце концов, что он на самом деле знал об этих двоих?) — Ночью я иногда находил это необходимым..., но сейчас не ночь, и нас наверняка увидят, когда мы будем перелезать через стены.

— Тогда мы пройдем через ворота. Ведите нас, — твердо сказал он, обрывая зарождавшиеся возражения Флинкса, — о проходе мимо охранника побеспокоимся мы.

Флинкс пожал плечами, раздраженный его упрямством: пусть убедится на собственном опыте в его словах. Но мысленно добавил к вечерней трапезе дорогой десерт. Он провел их к первым воротам и держался на заднем плане, когда к ним подошел, недовольно ворча, рослый властный человек, бездельничавший до этого в маленьком здании при воротах.

Именно теперь-то и произошло самое необыкновенное событие за весь день. Прежде чем явно не расположенный любезничать парень успел издать звук, Трузензюзекс сунул руку в сумку и ткнул вынутую оттуда карточку прямо под нос сторожу. Глаза сторожа расширились, он разве что не отдал честь, воинственность его растаяла, словно воск. Флинкс никогда не видывал, чтобы охранники, люди, широко известные своей специально взлелеянной грубостью, вели себя так беспомощно с кем бы то ни было, даже с самими жителями Враава. Ему стало еще любопытнее узнать, кто же такие эти его знакомцы. Но они оставались в основном непроницаемыми. Черт бы побрал это проклятое пиво! Ему казалось, что он где-то слышал прежде фамилию Цзе-Мэллори, но он не мог сказать наверняка. И он многое бы отдал за возможность хоть мельком взглянуть на карточку, которой Трузензюзекс столь небрежно махнул перед охранником.

Теперь путь сделался совершенно беспрепятственным. По крайней мере ему предоставлялась возможность в первый раз увидеть при дневном свете кой-какие знакомые вещи и к тому же без спешки, без необходимости оглядываться.

Они молча шли меж изумрудных садиков у домов, похожих на парки, журчавших водопадов, иногда мимо богато одетого обитателя этих мест или потеющего служителя, вспугивая иной раз среди кустов оленя или филопу.

— Как я понимаю, — нарушил молчание Цзе-Мэллори, — каждая башня принадлежит одной семье и потому носит ее фамилию.

— Верно, — ответил Флинкс.

— А вы знакомы с ними?

— С большинством, но не со всеми. Раз уж вам любопытно, я буду называть известные мне, когда мы пройдем мимо них.

— Сделайте милость.

Это казалось глупым, но ведь они платили. Так кто он такой, чтобы оспаривать практичность? К меню присоединится отличное вино...

— ...А это, — сказал он, когда они оказались рядом с высокой башней из черного стекла, — дом Малайки. Неудачное имя, сэр. Как я понимаю, на одном из мертвых языков оно означает «ангел».

— Ни один из земных языков не «мертвый», — загадочно поправил Цзе-Мэллори. А потом помолчав, спросил: — Это тот, по имени Максим?

— Ну, да. Я-то знаю, потому что в прошлом несколько раз выступал здесь на вечерах. Этот, следующий, желтый...

Но он увидел, что они не слушают. Оба остановились у черной башни и уставились вверх — туда, где верхние этажи окружали протоверанды из розового хрусталия, занавешанные пышной зеленью висячих лоз и воздушных кустов.

— Просто случайность,— услышал он замечание Трузензюзекса,— что вы знаете друг друга. Это может облегчить определенные дела, а может и нет. Идемте, мы несем визит вашему мистеру Малайке.

Флинкс был совершенно ошеломлен. Не потому ли они в первую очередь наняли его? После короля и его министров семьи дралларских торговцев, кочевников, отправившихся проявлять свои таланты вне планеты, являлись самыми богатыми и могущественными. А некоторые, возможно, были и побогаче, так как величина крупных состояний — такое дело, куда даже и монарх не мог соваться безназанно.

— Это всего лишь шапочное знакомство, сэры! Что заставляет вас верить, что он сделает что-нибудь иное, кроме как выпрет нас пинком под зад? Что заставляет вас верить, что он хотя бы встретится с нами?

— А что заставляет вас думать, что мы можем войти в ах — какой — недоступный..? — уверенно ответил вопросом Трузензюзекс.— Он встретится с нами.

И двое направились по мощеной дорожке к большой арке входа в башню, а крайне раздраженному и озадаченному Флинксу осталось только последовать за ними.

Двойные двери из простого резного хрусталия вели в коридор под куполом, установленный статуями и увешанный картинами и мыслограммами, в которых даже неопытный глаз Флинкса мог распознать большую ценность. В противоположном конце находился единственный лифт.

Они остановились перед выложенным платиной деревом. Из решетки репродуктора на одной из стен их приветствовал механический женский голос:

— Добрый день, господа, и добро пожаловать в дом Малайки. Будьте добры сообщить о своем деле.

Ну, теперь-то они покончат с этой дуростью! Требование предъявили в высшей степени любезно, и окружение тут приятное. Он заметил уголком глаза искусно разрисованную ширму, чуть колыхаемую слабым ветерком коридорных вентиляторов. За ней, несомненно, находилось наведенное на них дуло лазерной пушки или другого негостеприимного

прибора. В коридоре царила идеальная прохлада, но тем не менее он почувствовал, что начинает потеть.

— Бывший Второй советник и социолог Бран Цзе-Мэллори и старший философ Эйт Трузензюзекс выражают свое почтение Максиму из дома Малайки и желали бы побеседовать с ним, если он дома и расположен к этому.

Разум Флинкса внезапно распахнулся от рванувшихся к выходу мыслей. Не удивительно, что они так легко прошли мимо охранника у ворот! Церковник и чистый ученый, да притом высокого ранга, хоть Цзе-Мэллори сказал «бывший». Второй советник — это по меньшей мере планетный уровень. Он был менее уверен насчет важности Трузензюзекса, но знал, что с уважением, испытываемым транксами к их философам и теоретикам, могло соперничать только почтение к самым почетным Матерям Улья и Первым Советникам Церкви. Мозг его переполнился вопросами, окрашенными столь же неуверенностью, сколько любопытством. С какой стати две такие знаменитости сидели в заведении у Маленького Симма? Почему они выбрали в гиды его, юнца, ничто, когда королевский министр мог предоставить им царскую свиту? Ответ на это он прочел легко. Инкогнито: слово, часто произносимое и много подразумевавшее. А в данную минуту что за дела могут быть у двух таких изощренных умов с солидным, твердо стоящим на земле коммерсантом, вроде Максима Малайки?

Покуда он ошеломленно перебирал эти вопросы, в его мозгу созрело решение.

Решетка репродуктора заговорила вновь:

— Максим из Дома Малайки приветствует гостей, хоть и поражен, и немедленно побеседует с достопочтенными сэрами. Он желает, чтобы вы оба... — возникла пауза, покуда скрытый где-то глаз просканировал коридор, — вы трое поднялись наверх. Он сейчас находится на западной веранде и примет вас там как можно быстрей.

Голос из репродуктора смолк, и сразу же раздвинулись искусно выкрашенные под дерево двери. Человек и транкс без дальнейших приглашений вошли в кабину. Флинкс с секунду размышлял, последовать ему за ними или бежать, как от черта, но Цзе-Мэллори решил за него.

— Не стойте тут, разинув рот, юноша. Разве вы не слышали, как нам сказали, что он желает видеть нас троих?

Флинкс нигде не проявлял злобности. Он шагнул в лифт. Тот вместили их всех более чем с комфортом. Он и прежде

бывал в этом доме, но если в чем и был уверен сейчас, так это в том, что теперь его не позвали дать представление. И это не вход для слуг, которым он пользовался прежде. Тихий свист воздуха от закрывшихся дверей прозвучал в его ушах громко, как взрыв.

Когда они поднялись, их встретил человек-скелет, обласченный в черно-алые цвета семейства Малайки. Он ничего не сказал и провел их в помещение, которого Флинкс прежде не видел.

Противоположный конец помещения как будто уходил в открытое небо. На самом деле это была одна из больших хрустальных протоверанд. Именно они и придавали этому району Драллара вид усыпанного драгоценностями леса. Он вздрогнул, когда ступил на что-то гладкое. Двух учених это, казалось, не трогало. Он ходил прежде по такому полу, когда выступал, но тот был непрозрачным, а этот совершенно прозрачный, лишь с намеком на цвет. Он взглянул вверх, головокружение прошло.

Мебель тут стояла сплошь красно-черная, со случайным пятном яркого цвета здесь и там на каком-либо призывном предмете или произведении искусства. В воздухе витали густые пары фимиама. Вдали начало садиться солнце Мотылька, погружаясь в непрекращающийся редкий туман... На Мотыльке темнело рано.

На одной из многочисленных больших пушистых кушеток сидели две фигуры. Одну узнал сражу же: Малайка. Другая — поменьше, белокурая, с совершенно иными формами, длинными до талии волосами.

Голос, грохотавший из горла с толстыми мускулами, походил на оживающий спящий вулкан.

— Хе? Вот и наши гости, Сессиф, дорогая, беги и стань еще прекрасней, ы д и й о?

Он оглушительно чмокнул ее в щеку и направил из помещения звучным шлепком по самой выдающейся части ее тела.

— А у него новая,— подумал Флинкс.— Эта — блондинка, и с немного более зрелой фигурой, чем предыдущая.

Вкусы торговца явно росли вместе с животом. Правда, тот пока только чуточку бросался в глаза.

— Ну, ну! — прогремел Малайка, сверкнув эбеново-черным лицом с белыми зубами, заискрившимися среди клочьев кудрявой бороды.

Он в два шага подошел к ним и пожал руки.

— Бран Цзе-Мэллори и эйт Трузензюзекс.

— Тот самый Трузензюзекс?

Инсектоид отвесил еще один из своих медленных грациозных поклонов.

— Вынужден признать себя виновным в предъявленном обвинении.

Флинкс нашел время восхититься способностями инсектоида. Из-за природы физиологии движения транксов бывали крайне скованными. Увидеть, чтобы транкс кланялся так, как Трузензюзекс, доводилось исключительно редко.

Когда Челанкское Сообщество еще только образовывалось, люди дивились искрящейся голубой и зеленоватой переливчивости цвета тел транксов и обмирали от испускаемого ими естественного аромата. И сокрущенно гадали, какими транксы находят их самих — тусклых, вонючих, мягких. А транксы увидели гибкость в паре с твердостью, с которыми ни один транкс никак не мог и надеяться соперничать. Вскоре гастролирующие танцевальные группы с гуманоидных планет вошли в число самых популярных видов на сценах транкских колоний и метрополий.

Но, по меньшей мере, от грудной клетки и до макушки Трузензюзекс производил впечатление сделанного из резины.

Малайка закончил обмениваться рукопожатиями с обоими, а затем преподнес Флинксу еще один небольшой сюрприз. Вытянув голову, коммерсант коснулся носом антенны инсектоида. Так человек мог ближе всего подойти к исполнению трационного приветствия транксов путем переплетения антенн. Но, впрочем, напомнил он себе, человек, ведший дела со столь многими расами, обязан знать все жесты ради обыкновенной вежливости... и коммерции.

— Садитесь! Садитесь! — проревел он тощом, который, несомненно, считал мягким. — Какого вы мнения о моей маленькой мвензангу, а? Спутнице, — добавил он, видя озадаченность на их лицах, и дернул головой в том направлении, куда удалилась девушка.

Цзе-Мэллори ничего не сказал, хватило огонька, вспыхнувшего в его глазах. Трузензюзекс пошел дальше:

— Если я правильно понимаю текущие человеческие ценности, то рискнул бы сказать, что такие пропорции мраморных тел по отношению к ширине тазовой области рассматриваются как необыкновенно эстетичные.

— О звезды! — заржал Малайка. — Вы, сэр, бесспорно, ученый. Какова сила наблюдательности! Что я могу дать вам выпить?

— Мне — светлое пиво, если у вас есть хорошего года.

— Пхе! Есть, положитесь на мое слово, сэр, вы найдете его приятным на вкус, если вы тот самый Цзе-Мэллори, о котором я слышал. А вам, сэр?

— У вас случайно не найдется абрикосового бренди?

— Ого! Не только ученый, но и гурман! Думаю, мы сможем вас удовлетворить, дорогой философ. Но для этого понадобится вылазка в погреба. Я не часто принимаю таких знающих толк гостей.

Тень, провожавшая их от лифта, все еще маячила, словно призрак, в глубине помещения.

— Позабыться об этом, Бульф.

Страж незаметно поклонился и ушел, волоча ноги, прихватив с собой нечто, витавшее в воздухе. Флинкс, более чувствительный, чем другие, почувствовал облегчение, избавившись от его присутствия.

Теперь сердечный голос хозяина в первый раз нескользко утратил свой добродушно-шутливый тон.

— Что же привело вас сюда, в Драллар? И притом так, втихую.— Он переводил быстрый взгляд с одного невозмутимого лица на другое, медленно оглаживая свою длинную ассирийскую бороду.— Как ни сильно это льстит моему самолюбию, я не могу поверить, что такой въезд украдкой в наш прекрасный город вы совершили только ради удовольствия составить мне компанию.

Он выжидательно нагнулся вперед на манер, предполагавший, что он умел нюхом чуять деньги, по меньшей мере не хуже Мамаши Мастифф.

Малайка уступал ростом Цзе-Мэллори, но почти вдвое превосходил его по ширине и обладал сложением отставного борца. На смуглом лице, носившем чекан королей древней Мономотапы и Зимбабве, сверкали потрясающие белые зубы. Из рукавов небрежно подпоясанного полушелкового халата без швов высовывались массивные волосатые руки. И ноги под стать им, столь же крепкие на вид, как мотийское железное дерево, выпирали из плиссируемых складок на коленях. Короткие узловатые пальцы на вывернутых наружу ступнях обладали большим сходством с кишевшими на таких растениях древесными паразитами. По крайней мере, на одной ноге. Другая, зная Флинкс, кончалась у колена. Подправленные кредитами, хирурги-протезисты сделали все возможное и невозможное, чтобы левая стопа соответствовала своему естественному эквиваленту справа. Соответствие было не совсем идеальным.

Настоящую, как узнал Флинкс на одной из вечеринок Малайки от болтливой молодой женщины, коммерсант потерял еще в юности. Он занимался добычей мехов на планете мелкого солнца из созвездия дракона, когда на его отряд напал ледовый ящер. Попавшись довольно глупо, вдалеке от своего оружия, они беспомощно смотрели, как хищник инстинктивно выбрал самого слабого члена их отряда, юную бухгалтершу. Вмешался только один Малайка. Не имея подходящего оружия, он заставил зверя задохнуться очень простым приемом — вогнал тому в глотку свою левую ногу. Никто бы не ожидал от прагматичного коммерсанта такого смелого поступка. К несчастью, к тому времени, когда его смогли доставить в достаточно оснащенный госпиталь, конечность не поддавалась никакому лечению.

— Мы не намерены вас обманывать и не ожидаем, что это удалось бы, друг Малайка. Нам действительно удалось напасть на след того, что, как у нас имеются веские причины думать, вы считете ценным. Для нас однако это означает намного больше, чем жалкие несколько сотен миллионов кредитов.

Флинкс сглотнул.

— Но, — продолжал Цзе-Мэллори, — наши личные ресурсы ограничены и поэтому мы вынуждены, хоть и с неохотой, искать сторонний источник помощи. С открытым кредитом и закрытым ртом.

— И поэтому вы направили стопы ко мне. Ну и ну! Кажется, я все-таки польщен. Я был бы нечестен, если бы сказал, что мне это не льстит. Тем не менее вы, разумеется, должны доказать, что то, на что требуется моя финансовая поддержка, принесет мне прибыль... в твердых кредитах, а не в чем-то несвязанном философском... прошу прощения, друзья. Расскажите мне побольше об этой штуке, что стоит намного больше, чем всего лишь несколько миллионов кредитов.

— Мы ожидали от вас именно такой реакции. Любая другая, честно говоря, вызвала бы у нас подозрения. Это — одна из причин того, почему мы чувствуем, что можем быть откровенными с такой личностью, как вы.

— Меня очень утешает сознание, что вы рассматриваете меня как столь явно предсказуемого, — сухо сказал Малайка. — Продолжайте же.

— Мы могли бы обратиться в правительенную организацию. Самые лучшие из них, несмотря на официальные заявления церкви, чересчур часто коррумпированы.

Мы могли бы обратиться и в крупную филантропическую организацию. А они чересчур подвержены шоку. В конечном итоге мы решили, что лучше всего обратиться туда, где обещание большой прибыли гарантирует инкогнито нашего предприятия.

— А если предположить, что я соглашусь вложить феда в это предприятие, какие у вас гарантии, что я тут же не убью вас, если оно окажется успешным, и не вернусь с предметом поиска и двумя отмененными чеками?

— Очень простые. Во-первых, как это ни странно может показаться, мы знаем, что вы в своих делах — человек надежный и разумно честный. Это оказалось наилучшим аргументом в вашу пользу и окажется еще не раз, несмотря на тот кровожадный образ, который ваши публицисты любят рисовать доверчивой публике. Во-вторых, мы не знаем, что мы ищем, но узнаем, когда найдем. И есть вероятность, что мы вообще ничего не найдем. Или, еще хуже, что-то будет найдено, но останется для нас не нужным из-за своей непостижимости.

— Хорошо! Любые другие соображения и подозрения появились бы у меня! Мне становится все любопытней и любопытней. Снизойдите к уму бедного невежественного торговца, разъясните мне. Почему ко мне, пор фавор?

Трузензюзекс проигнорировал каламбур и по-транкской пожал плечами.

— Кто-то же нужен. Как уже упоминалось, ваша репутация в бизнесе, известном своими законами джунглей, заставила моего брата по кораблю избрать вас.

— Еще одно откровение,— подумал Флинкс.

— А сам Мотылек близок к нашей цели... лишь в относительном смысле, так что вам было бы мало толку и много расходов пытаться найти ее самостоятельно. К тому же еще одно покинувшее Мотылек судно ничего не будет значить при здешнем постоянном потоке межзвездных перелетов. Здесь наш курс не вызовет подозрений, тогда как в каком-либо месте ином он мог бы навести кого-то на нежелательные размышления. А торговцы часто летают, описывая странные кривые, чтобы сбить со следа конкурентов.

В этот момент принесли напитки. Разговор по взаимному согласию отложили, пока собеседники потягивали освежающее. Флинкс попробовал имбирный эль из кувшина Цзе-Мэллори и нашел его приятным, хотя слабоватым. Малайка одним глотком осушил по меньшей мере половину содержимого своей огромной кружки и вытер

пену с губ рукавом безупречно чистого халата, оставил на нем несмываемое пятно. Зная стоимость этой ткани на рынке, Флинкс не мог не содрогнуться.

— Еще раз извините за мою тупость, сэры, но я хотел бы, чтобы мне разжевали, что же это за штука такая, для чего требуется сбивать со следа конкурентов.

Он обернулся и посмотрел прямо в лицо Цзе-Мэллори.

— И хотя вы явно больше не связаны с Церковью в своем официальном качестве, как социолог, мне, признаться, любопытно узнать, почему вы не обратились в поисках помощи к ней.

— Мои отношения с Объединенной Церковью, Малайка, уже много лет не отличались особой теснотой. Расстался я с ней достаточно дружески, но в определенных кругах в моем уходе возникла некоторая степень неизбежной горечи, которая... осложнила бы, скажем так, дело, если бы я в это время открыл им то, что знаю. А для получения их помощи это стало бы необходимым.

— Гм. Ну, это достаточно откровенно. Не будем бередить раны. Может быть, нам следует перейти к ...

Он вдруг смолк и посмотрел направо. Цзе-Мэллори и Трузензюзекс направили свои взоры туда же.

Флинкс, сразу почувствовав себя неуютно, переменил позу. Он сумел услышать столь многое, оставаясь совершенно незаметным, хотя внешне был и на виду — искусство, которому он научился у некоего терпеливого и очень вороватого старика. С добавлением его собственных странных талантов оно не раз оказывало ему важные услуги. Однако эти трое были куда наблюдательней попадавшихся на рынке. Он ясно видел, что ему придется выйти. Почему бы не сделать этого добровольно?

— Э, сэры... Мне не помешает немного... Если вы, достопочтимый хозяин, укажете, в каком направлении буфетная, я попытаюсь мгновенно и безболезненно исчезнуть.

Малайка оглушительно расхохотался:

— Похвальная догадливость, юноша. Поэтому вместо того, чтобы отсылать тебя домой... Возможно, мне пришлось бы гадать, а где же он может быть... Ты пойдешь обратно по коридору, вторая дверь направо. Там найдешь достаточно продуктов, чтобы даже ты оказался на несколько минут занятым по горло!

Флинкс развернулся, поднимаясь с пола из своей позы лотоса, и отбыл в указанном направлении. Он чувствовал на себе их взгляды и мысли, пока не скрылся из вида. Веселость Малайки его не одурачила. Возможно, он

и так уже слышал больше, чем было полезным для здоровья. Его сильно интересовали ответы на множество вопросов, которые Малайка сейчас, несомненно, задавал своим гостям, и он развлекался мыслями обнаружить хорошее место для подслушивания у тонкой части стены. Однако в коридоре вновь появилась мертвая голова и расположилась у входа на веранду. Голубые глаза скользнули по нему разок, как будто второго взгляда он и не заслуживал. Флинкс было разозлился, а затем вздохнул. Ему пришлось бы удовольствоваться тем, что он мог уловить без визуального контакта. Можно с таким же успехом насладиться иной возможностью, пока та у него есть. И он пошел дальше.

Буфетная была — сплошная фантастика. Он чуть было не забыл о приведших его сюда необычных обстоятельствах, покуда они с мини-дракончиком пожирали глазами припасенную роскошь. Он не успел зайти дальше колебаний между земным шампанским и сосновой мяты с Барабаса, когда в его ум забрела короткая серия крайне странных мыслей. Он повернулся и заметил, что дверь в комнату справа от него слегка приоткрыта. Из-за нее-то и выходили дразнящие суб-вокализации. Он ни на минуту не сомневался, что этой двери полагалось быть надежно запертой. Осторожно, бросив быстрый взгляд на вход в кухню, он подошел к двери и приоткрыл ее еще на дюйм.

Комната по соседству с кухней оказалась узкой, но длинной. Она, вероятно, вытянулась на всю длину радиуса башни. В назначении ее, во всяком случае, сомневаться не приходилось. Она служила баром. Он приготовился было войти с намерением отыскать еще более вкусные напитки с обострившимся любопытством, но быстро остановился.

Комната была уже занята.

У противоположной стены, крепко прижавшись ухом, согнулась фигура. По другую сторону головы он различил контуры вентиляционной решетки или чего-то, схожего с ней. Лицо было повернуто от него и поэтому скрыто. Увиденные им там металл и дерево были тонкими и легкими. Голоса из соседней комнаты слышались четко и ясно даже с того места, где он стоял.

Он как можно медленней и осторожней отодвинул дверь. Фигура, совершенно поглощенная происходящим по другую сторону стены разговором, не заметила его тихого приближения. Теперь стало видно, что сама решетка намного больше, чем требовалось для целей вентиляции. Она выглядела незакрепленной и, вероятно, пово-

рачивалась на петлях. Через нее могли удалять из другой комнаты мусор, а потом уносить его к ближайшим мусоропроводам. Он держал в одной руке большой кусок прянного байского сыра и ножку фазана в зубах. Его свободная рука рванулась было к спрятанному в сапоге стилету, затем остановилась. Мысли фигуры не обладали холдностью и смертельно четкой логичностью профессионального шпиона или убийцы. Совсем наоборот. Глухие убийцы редко встречались, а этот по-прежнему не замечал его присутствия.

Он быстро принял решение и, отведя ногу назад, нанес удар по выпирающей части согнувшейся фигуры. Та издала единственный пронзительный звук и пролетела за решетку в комнату за ней. Через какую-то долю секунды он с сожалением отбросил фазана и сыр и покатился следом за ней, поднимаясь на ноги по другую сторону. Удивленные лица Малайки, Цзе-Мэллори и Трузензюзекса уже пораженно глядели на эту сцену. Фигура стояла напротив него, потирая пострадавшую часть тела и осыпая его непрерывным потоком браны. Уклоняясь от метнувшихся к его гортани пальцев, он заметил, что фигура очень сильно походила на женскую. Это соответствовало его мыслям. Он неохотно принял защитную стойку, расставив ноги, слегка согнув колени и вытянув руки вперед. Пип нервно затрепетал у него на плече, расправляя перепончатые крылья и готовясь взлететь.

Женщина сделала было еще одно движение, словно опять собираясь напасть, но застыла, услышав рев Малайки:

— Ата!

Она повернулась лицом к нему.

Рослый коммерсант подошел и встал между ними. Его взгляд переходил с одного на другого и наконец твердо остановился на Флинксе.

— Ну, к и д ж а н а ! Я предлагаю кое-что растолковать, и побыстрее!

Флинкс постарался говорить по возможности ровным голосом, несмотря на возбуждение.

— Я был в буфетной и случайно заметил, что дверь в соседнюю комнату открыта (неважно, почему он это заметил). Заглянув, я увидел фигуру — эту, пригнувшуюся рядом с решеткой. Комнате наверняка полагалось быть запертой. Я счел, что это не входит в обычный метод вести приватные переговоры, и поэтому решил принудительно вынести этот вопрос — и эту личность — на

открытое обсуждение, где воздух почище. Сожалею, если я нарушил ваш фетиш или табу.

— Что?

Он уловил юмор и усмехнулся:

— Думаешь, у меня бзик, а, к и д ж а н а ?

— Такая мысль возникала, сэр.

— А д а б у ! Нет, ты поступил правильно, Флинкс.

Он обратил свирепый взгляд на девушку. Она слегка съежилась под этим испепеляющим взором, но с лица ее так и не сходило выражение упрямства. Она каким-то образом нашла способ выглядеть правой.

— Черт тебя побери, девчонка, двойное проклятье и сдохшие двигатели! Я же уже говорил тебе об этом!

Он раздраженно покачал головой.

— И опять, к в а а д ж и л и я а д а б у , приличия ради, я прощаю эту выходку. Отправляйся в порт и проверь членок.

— Его опять проверяли только на прошлой неделе, и ничего с ним не...

— Р-р-р! — он поднял ручищу размером с окорок.— Я... настойчиво... предлагаю... тебе...!

Она увернулась от опускающейся руки и стремглав бросилась к выходу, по пути бросив на Флинкса выразительный взгляд: короткий, но достаточно горячий, чтобы расплавить металл. Малайка перевел дух и, казалось, несколько успокоился.

— Много ли из того, что услышала она, услышал и ты?

Флинкс соврал. В данный ситуации он считал это более чем этичным.

— Достаточно.

— Так-так! — коммерсант подумал.— Ну, наверное, это обернется к лучшему. Ты, вероятно, окажешься самым продувным малым на борту, но я бы на твоем месте временно держался подальше от Аты. Боюсь, что твой способ завязывать первое знакомство никогда не заменит рукопожатия!

Он затрясся, смеясь над собственной остротой, и протянул было руку, словно собираясь обнять Флинкса за плечи, и поспешно убрал ее при предупреждающем движении Пипа.

— Она работает на Вас?

Вопрос был риторическим, но Флинкса разбирало любопытство, какое положение занимает эта девушка, раз она способна вызвать такое доверие со стороны Малайки, что тот мог так вот обращаться с ней.

— Ата? О да.

Он посмотрел в том направлении, куда удалилась девочка.

— Ведь не подумаешь, что у такой свирепой маванамке хватит терпения в ее возрасте выучиться на второго пилота звездолета, не так ли? Она уже шесть лет служит у меня в этом качестве.

Флинкс снова принял прежнюю позу на полу. В ответ на вопросительный взгляд Цзе-Мэллори Малайка объяснил:

— Я решил, что наш юный друг будет сопровождать нас в этом путешествии. Я знаю, что делаю, господа. Если дорога окажется долгой и скучной, он обеспечит нам развлечение. Кроме того, он хитер, как бес, и к тому же обладает своеобразными способностями, которые могут оказаться полезными для нас, несмотря на их своеобразие. В прошлом я собирался уделить этому вопросу больше внимания, но так и не нашел времени.

Флинкс с интересом поднял взгляд, но не заметил ничего, помимо налета поверхностной веселости коммерсанта.

— В любом случае он слишком беден, вернее, не настолько богат, чтобы представлять для нас угрозу. И я считаю его до отвращения честным. Хотя у него в изобилии были возможности украсть что-нибудь в моем доме, он ни разу этого не сделал... Насколько я знаю.

— Его честность никогда не подвергалась сомнению,— сказал Трузензюзекс.— Я не возражаю против присутствия этого юноши.

— Равно как и я,— добавил Цзе-Мэллори.

— Тогда, социолог, не продолжите ли вы свой рассказ?

— На самом-то деле тут можно сообщить мало чего нового. Дело обстоит так. Как вам, возможно, известно, мы с моим спутником двенадцать с лишним лет назад бросили свою карьеру и постоянное занятие и принялись вместе исследовать историю и цивилизацию тар-айимов.

— Да, кое-какие слухи о вашей работе просочились и до моего уровня. Продолжайте. Естественно, меня интересует все, имеющее отношение к тар-айимам... или их деятельности.

— Простите, сэр,— перебил Флинкс.— Я, конечно, знаю о тар-айимах, но только по слухам и книгам. Не могли бы вы рассказать мне побольше? Пожалуйста.

Он принял соответствующий случаю виноватый вид.

Поскольку Малайка не возражал, наверно, и сам не считая такие сведения излишними, Цзе-Мэллори согласился.

— Ладно, малыш, идет.

Он сделал еще один долгий глоток имбирного эля.

— Приблизительно, насколько мы могли определить, пятьсот тысяч стандартных земных лет назад этот район галактики, как и сейчас, занимало большое число различных высокоразумных рас. Самой сильной из них были тогда тар-айимы. Большую часть их времени и усилий явно поглощали войны с менее могущественными соседями сколько ради удовольствия, столько и ради приносимого ими богатства. Одно время империя тар-айимов покрывала это пространство на четыре квадранта в глубину и по меньшей мере на два в ширину. А может, и больше. Любая выдвинутая нами причина, объясняющая полное исчезновение тар-айимов и большинства покоренных рас, может являться только догадкой. Но, работая, не жалея сил, с обрывками и осколками мифов и слухов и очень немногими надежно документированными фактами, исследователи предложили одно объяснение, подходящее, кажется, больше, чем другие. В пике своей мощи тар-айимы наткнулись на более примитивную расу, проживающую далеко в глубине галактического центра. Интеллектуально эта раса была не совсем равна тар-айимам и лишь недавно овладела межзвездными путешествиями, но она обладала невероятным упорством и размножалась с невероятной скоростью. Они сопротивлялись с успехом всем усилиям подчинить их гегемонии тар-айимов. Фактически под действием давления тар-айимов они начали делать гигантские шаги вперед и быстро распространяться на другие системы. Тар-айимское руководство совершило явно самый нехарактерный для него шаг. Оно ударились в панику, направило своих военных ученых изобретать новые, еще более радикальные виды вооружений для борьбы с предполагаемой новой угрозой из центра. Верные себе, их великие лаборатории скоро выдвинули несколько предложений. То, что в конечном итоге приняли и применили, было разновидностью муттировавшей бактерии. Она развивалась с феноменальной скоростью, изживая себя, если не было никакого другого доступного носителя. Она являлась совершенно и неизменно смертельной для любого существа с более сложной нервной системой, чем у высших беспозвоночных.

— Далее сюжет развивается прямо и просто, — продолжил Трузензюзекс. — Чума сработала так, как надеялось руководство, до такой степени, что совершенно уничтожило врагов. Она также полностью уничтожила самих

тар-аймов и большую часть разумной и полуразумной жизни в огромном секторе космоса, известном нам сегодня как Зараженная Зона. Ты знаешь о ней, Флинкс?

— Разумеется. Это большой сектор между нашим краем и центром. Сотни миров, где не живет ничего разумного. Когда-нибудь их снова заселят.

— Несомненно. Однако пока их населяют только низшие животные и обломки прежних цивилизаций. К счастью, последние остатки умирающих тар-аймов уведомили уцелевшие развитые до космических путешествий миры о природе этой чумы. Должно быть, ввели в действие строгий карантин, потому что, кажется, целые века почти ничего не проникало ни в Зараженную Зону, ни из нее. Иначе, вероятно, никто из нас не сидел бы сейчас здесь. Только в недавние времена начали вновь открывать и с некоторыми колебаниями исследовать звездные системы в Зараженной Зоне.

— Табу остается, даже если исчезла породившая его причина,— спокойно рассудил Малайка.

— Да. Ну, некоторые из подвергнутых карантину рас на обочине эпидемии вымерли довольно медленно. Посредством межпространственной ретрансляции или какого-то похожего устройства они сумели передать несколько нитей из фактов, описывающих Армагеддон. Невинные и виновные одинаково умирали, покуда чума не выжгла сама себя. Слава Улью, что все следы этих бактерий давным-давно вывелись из природного кругооборота!

— Аминь,— пробормотал, к удивлению всех, Малайка, а затем сказал громче: — Но, пожалуйста, господа, к сути. А суть — это кредиты.

Цзе-Мэллори снова взял рассказ на себя:

— Малайка, вы когда-нибудь слышали о Кранге?

— Ни и? Нет, я... нет, минуточку.

— Торговец задумчиво свел густые брови.

— Да, да, по-моему, слышал. Он образует часть мифологии, э, браннеров, не так ли?

Цзе-Мэллори одобрительно кивнул.

— Совершенно верно. Браннеры, как вы, может быть, помните, а, может, и нет, занимают три звездные системы на периферии Зараженной Зоны, напротив Мотылька. Согласно их преданию, дошедшему со временем катализма, несмотря на то, что тар-аймы находились под сильным давлением поисков решения избавиться от угрозы из центра, они все-таки не забросили все виды невоенных изобретений и экспериментов. Как нам теперь точно

известно, тар-аймы необыкновенно любили музыку.

— Марши, несомненно,— пробормотал вполголоса Тру-зензюзекс.

— Наверно. Так или иначе, одной из самых великих работ в области искусства, предположительно созданных их культурой, был огромный музыкальный инструмент под названием Кранг. Теоретически его завершили в закатные дни империи, как раз тогда, когда чума стала известна на планетах Империи, так же как на вражеских.

— Или? — сказал Малайка.— И что?

— На краю Зараженной Зоны почти в ста пятидесяти парсеках от браннеров находится родная планета примитивной расы гоминидов, мало посещаемая остальной галактикой. Она расположена вдалеке от главных торговых путей и может предложить мало что ценного в смысле как продукции, так и культуры. Это приятный пасторальный и неагрессивный народ. Некогда они, кажется, путешествовали меж звезд, но погрузились обратно в до-атомную цивилизацию и только теперь начинают показывать признаки научного возрождения. И, что интересно, у них тоже есть легенда о чем-то под названием Кранг. Только по их версии это не предмет искусства, а оружие войны. То, которое тар-аймские ученые изобрели параллельно с чумой, до того, как последняя получила широкое распространение. Согласно легенде ему предназначалось быть в первую очередь оборонительным, а не наступательным оружием. Если это так, то налицо первый известный в литературе случай того, что тар-аймы дошли до постройки аппарата для оборонительных целей. Это противоречит всему, что мы знаем о психологии тар-аймов, и показывает, как жестоко нажимал на них тот новый враг.

— Интересное раздвоение,— заметил Малайка.— И у вас есть какие-то указания относительно того, где может находиться это оружие, или лютня, или что бы там оно ни было? Будь оно хоть тем, хоть другим, оно будет очень ценным на рынках Сообщества.

— Верно, хотя нас интересуют только его культурные или научные свойства.

— Конечно, конечно! Покуда мои бухгалтеры оценивают его общую стоимость, вы можете извлекать из его недр теоретические рациональные объяснения, сколько вашей душе угодно... при условии, что вы запомните, как опять собрать его. Так где же этот загадочный маленький клад, а?

Он нетерпеливо нагнулся вперед.

— Ну, это мы знаем точно, вернее, почти точно,— сказал Цзе-Мэллори.

— Точно? Почти? Опять мой слабый ум не в состоянии понять такого, господа. Простите меня, но я, признаться, в полном недоумении.

Трузензюзекс издал очень человеческий вздох.

— Планета, на которой предположительно расположен Кранг, была открыта случайно почти год назад одним старателем, работавшим независимо в Зараженной Зоне. Он охотился за тяжелыми металлами и нашел их, только они располагались в земле не так, как он ожидал.

— У этого парня, должно быть, имелись заказчики,— сказал Малайка.— Почему он не передал эти сведения им?

— Этот человек очень многим обязан моему брату по кораблю. Он знал о его интересе к реликтам тараймов. Снабжение Брана этими сведениями было его способом отплатить долг. Он носит личный характер, и вникать в него здесь незачем. Но это было бы более чем справедливым возмездием.

— Было бы? — веселье Малайки заметно превращалось в раздражение.— Бросьте, господа, все эти тонкие уклонения усыпляют мой ум и укорачивают терпение.

— Уклонение совершенно преднамеренное, коммерсант. Этот человек должен был встретиться с ними в наших номерах рыночного сектора города, имея с собой звездную карту с полными координатами планеты. Так как мы заранее сошлись на вас как на вероятном финансисте предприятия, то потом наша троица должна была проследовать к этому дому. Когда он не прибыл в назначенное время, мы после некоторых колебаний решили тем не менее отыскать вас, надеясь, что вы с вашими средствами сможете найти какой-то намек относительно его местонахождения. В любом случае нам трудно было бы и дальше долго сохранять свою независимость. Несмотря на все наши усилия, мы не выглядим похожими на туристов. Некоторые предприимчивые личности уже начали задавать ненужные вопросы.

— Я не...— начал было Малайка, но его перебил Флинкс.

— Ваш друг случайно не рыжий?

Цзе-Мэллори круто обернулся. На секунду Флинкс увидел отблеск чего-то ужасающего и кровавого, того, что социолог до сих пор держал погребенным под спокойным фасадом. Оно растаяло столь же быстро, как и появил-

лось, но намек сохранился в жесткой военной интонации голоса социолога.

— Откуда вы узнали?

Флинкс вытащил из кармана скомканный кусок пластика и вручил пораженному Трузензюзексу. Цзе-Мэллори оправился и быстро взглянул на развернутый лист. Флинкс невозмутимо продолжал рассказ.

— У меня есть предчувствие, что это — наша звездная карта. Я шел в заведение Маленького Симма, когда мое внимание привлек шум в переулке. В обычной ситуации я бы не обратил на него внимания: именно так живут в Дралларе, если желают долго жить. Но, по неизвестным и трижды проклятым причинам, мой приятель — он показал на Пипа — сделался любопытным и захотел что-то выяснить. Находившихся в переулке оскорбило его присутствие. Там шел вовсю нешуточный бой, и в сложившейся обстановке моим единственным аргументом оказался нож. На вашего друга напало двое человек. Судя по их виду и действиям, профессионалы, но не очень толковые. Я убил одного, а Пип прикончил другого. Ваш друг был уже мертв. Мне очень жаль.

Он не упомянул о более ранней встрече с этой троицей.

Цзе-Мэллори перевел взгляд с карты на Флинкса.

— Ну, уже говорилось, что наше внимание к вам привлекло счастливое обстоятельство. Теперь похоже, что оно было вдвое счастливым.

Его прервал целеустремленный Малайка, выхвативший карту и перешедший поближе к лампе. Направляя мощный луч, он принялся тщательно изучать линии и символы на пластике. Пылинки отплясывали танец, кружась пьяными спиральями в приглушенном свете.

— Крайне необычный и разносторонний у вас приятель, — небрежно заметил Трузензюзекс. — Я слышал о них. Процент смертности от их яда знаменательно высок и создает им репутацию, совершенно не соответствующую ни их численности, ни их склонностям. К счастью, как я понял, они, кажется, не нападают без причины.

— Совершенно верно, сэр, — подтвердил Флинкс, почесывая предмет обсуждения по краю узкой головы. — Один корабельный врач как-то рассказывал мне в челночном порту, что он встретил ученого, действительно бывавшего на Аластине. Дракончик, как вы знаете, происходит оттуда. Тот ученый в свободное время немного изучал их. Он говорил, что они кажутся неприветливыми, довольно странный способ описывать ядовитых рептилий.

Но они безвредны, если их, как вы сказали, не спровоцируют. Пип был уже вполне ручным, когда я нашел его. По крайней мере, у меня никогда не возникало с ним никаких затруднений. Жители моего района привыкли терпеть его в основном потому, что у них не было иного выбора.

— Позиция вполне понятная,— пробормотал философ.

— Друг этого врача участвовал в экспедиции на Аляспин, изучавшей там развалины древней цивилизации. Он выдвинул гипотезу, что предки мини-дракончика, возможно, разводились как домашние животные теми, кто бы там ни произвел ту культуру. Селективное разведение может объяснить некоторые их особые характеристики. Например, то, что у них нет на планете никаких естественных врагов. К счастью, уровень рождаемости у них очень низкий. И они не только плотоядны, но и всеядны. Я давно выяснил, что это значит, так как Пип начал есть хлеб, когда не мог найти мяса. Ах, да, он также говорил, что подозревает, будто они эмпатические телепаты. Ну, знаете, способные к телепатии на эмоциональном, но не на мыслительном уровне. Почему меня никогда не обманывают ни на рынке, ни в делах, ни в играх. Пип чувствителен к таким вещам.

— Могу только опять сказать — завораживающее существо,— повторил Трузензюзекс.— Вопрос, которым мне хотелось бы заняться поглубже. Однако, так как я не экзегерпетолог, мне думается, что пока это не нужно. Меня занимает слишком много других вещей.

Признание это не казалось до конца правдивым, насколько мог понять Флинкс. Не до конца.

Малайка вытянул шею над картой и водил пальцами по линиям на пластике, иногда кивая про себя.

— Н д и й о , н д и й о ... да.

Наконец, он поднял голову.

— Планета, о которой идет речь, вращается вокруг звезды солнечного типа. Четыре пятых пути к Центру Галактики, прямо через Зараженную Зону. Путь неблизкий, господа. Он не прилагает много сведений о самой планете, во всяком случае, он н д е г е — залежах, но, возможно, этого хватит. Планета земного типа, чуть меньше, атмосфера более разреженная, но в пределах допустимого, более высокий процент определенных газов, например, гелия. Восемьдесят один и две десятых процента поверхности покрыто водой, так что мы должны найти эту штуку без большого труда.

— Если она не расположена под водой,— заметил Трузензюзекс.

— Это так. Я предпоючию не рассматривать возможностей, расстраивающих печень. Кроме того, если бы дело обстояло именно так, ваш друг-старатель не нашел бы его. В любом случае, у нас будут те же самые инструменты для обнаружения тяжелых металлов, но я готов побиться об заклад, что он находился выше уровня воды. Если я правильно помню, имеющиеся у нас сведения о тараймах предполагают, что они были какими угодно по своему строению, только не жителями вод.

— Это верно,— признал философ.

— Большую часть пути мы будем лететь через пустые районы, но, впрочем, один сектор пустоты мало чем отличается от другого, к в е ли? Я не предвижу никаких проблем. Это, вероятно, означает, что их будет целая м а в у н о. По крайней мере, путешествовать мы будем с комфортом. От всех нас на «Славной дырке» тесноты не возникнет.

Флинкс улыбнулся, но постарался спрятать улыбку от коммерсанта. Происхождение названия личной гоночно-призовой яхты Малайки было хорошо известным анекдотом среди сведущих людей. Большинство думало, что это древнее земное выражение, означавшее богатую минеральную шахту...

— Если, конечно, эта пушка или гигантская арфа или что бы там ни было не вызовет тесноты. Насколько, вы сказали, он велик?

— Я не говорил,— уточнил Цзе-Мэллори.— Мы представляем это ничуть не лучше вас. Знаем только, что он... большой.

— Хм! Ну, если он слишком велик, чтобы влезть в челнок, нам просто придется послать за настоящим транспортным судном. Я предпочел бы сидеть на нем, коль скоро мы его найдем, но в том районе нет никаких ретрансляционных станций. Если он пробыл там нетронутым несколько тысячелетий, то может подождать несколько дней.

Он скатал карту в трубку.

— Значит, решено, сэры. Если нет никаких возражений, то я не вижу причин, почему бы мы не могли отправиться к е ш о, завтра.

Возражений не было.

— Э м а! Тогда тост. За успех и прибыль, и не обязательно в таком порядке! Н а з д р о в и я!

И поднял кружку.

— За Церковь и Сообщество,— тихо провозгласили хором человек и транкс.

И допили то, что еще оставалось в их кружках.

Малайка посмотрел сквозь хрустальную стену — туда, где солнце Мотылька быстро тонуло за туманами.

— Уже поздно. Значит, завтра в порту. Портовые служащие направят вас к моей пусковой шахте. Челнок свезет нас всех за один раз, и мне понадобится немного времени, чтобы привести в порядок свои дела.

Цзе-Мэллори встал и потянулся.

— Могу ли я спросить, кого это «нас всех»?

— Тех четверых, что находятся сейчас здесь. Вульфа и Ату для управления кораблем и, конечно же, Сиссиф.

— Кого? — переспросил Цзе-Мэллори.

— Да Рысь, Рысь,— прошептал Трузензюзекс, усмехаясь и тыкая в ребра своего брата по кораблю.— Нужели у тебя глаза состарились так же сильно, как мозг? Девушка!

И они направились к выходу в коридор.

— Ах, да.

Они остановились у тенеподобного Вульфа, открывшего им дверь. Он улыбнулся, явно предполагая, что это будет дружеским жестом. Вышло же совсем иначе.

— Да, очень, э, интересная и забавная личность.

— Н д и й о,— дружески согласился Малайка.— И пара у нее тоже ничего себе, не правда ли?

Когда другие попрощались с призрачным швейцаром, на плечо Флинкса опустилась тяжелая рука.

— А ты погоди, к и д ж а н а,— прошептал коммерсант.— У меня есть к тебе еще один вопрос. Задержись на минутку.

Он пожал руку Цзе-Мэллори, соприкоснулся органами обоняния с Трузензюзексом и направил их взмахом руки к лифту.

— Приятного отдыха, сэры, и завтра в первом тумане!

Вульф закрыл дверь, скрыв ученых от взгляда Флинкса, и Малайка немедленно склонил к нему внимательное лицо.

— А теперь, малыш, когда наши этичные друзья удалились, уладим один вопрос, гм, бизнеса. Я о тех двух трупах, которые ты столь правильно оставил гнить в переулке. На них самих или их одежде были какие-нибудь особые знаки различия или метки? П о д у м а й, юноша!

Флинкс попытался вспомнить.

— Было страшно темно... Я не уверен...

— А с каких таких пор тебя это стало беспокоить? Не виляй мне, к и д ж а н а. Это слишком важно. Подумай... или что ты там делаешь.

— Ладно. Да. Когда я пытался выковырять эту карту у покойника, то заметил подошвы убитого Пипом громилы. Он упал поблизости. На металле набоек вытравлен определенный узор. Он выглядел похожим на своего рода птицу... по-моему, абстрактное изображение.

— С зубами? — подсказал Малайка.

— Да... нет... не знаю наверняка. Ну и вопросы вы задаете, коммерсант. Возможно, и так. И по какой-то причине во время схватки у меня возникло видение женщины, старо-молодой женщины.

Малайка выпрямился и поклонился юношу по спине. Лицо его выражало веселье, но мысли были мрачными. Обыкновенно Флинкс вознегодовал бы на этот покровительственный жест, но в данный момент, еще со стороны коммерсанта, он казался только лестным.

— Слава мти из Мити, что ты обладаешь такой силой наблюдательности, малыш. И такой хорошей памятью.

Флинкс увидел другое слово: у ч а в и, колдовство, но удержался от уточнения.

— Значит, увидимся к е ш о на корабле?

— Да уж я не упущу такого. Можно мне узнать, сэр, почему вы об этом спрашивали?

— Нельзя. Значит, завтра на корабле. Приятного отдыха.

И проводил озадаченного Флинкса к лифту.

Некоторое время коммерсант стоял, молча размышляя, ругательства срывались с его уст, словно пузыри пены с кипящего котла. Они были единственными звуками в пустынной теперь комнате. Наконец, он повернулся и подошел к внешне ничем не выделяющейся секции стены. Нажав скрытую кнопку, он заставил зернистую панель уйти в потолок и открыть сложный стол. Над всей пречей аппаратурой господствовал тонкий корпус межзвездного передатчика. Он нажал кнопки, повернул диски, настроил параметры. Внезапно экран вспыхнул огненным шаром разноцветных помех. Он удовлетворенно хмыкнул и взял небольшой микрофон.

— Дайте, пожалуйста, шестой канал. Срочно. Я желаю говорить по прямой связи лично с мадам Рашалейлой Нуаман, на Ниневии, в системе Сириуса.

Из крошечного репродуктора, установленного сбоку от рябившего на экране радужного потока, дошел тихий голос.

— Вызов произведен, сэр. Минуточку, пожалуйста.

Несмотря на невероятные расстояния, легкая задержка вызывалась необходимостью передавать вызов через полсотни ретрансляционных станций. Время же передачи, благодаря применению концепций «меньше-чем-пространство», было почти мгновенным.

Изображение начало приобретать четкость, и вскоре он оказался лицом к лицу с одной из десяти самых богатых гуманоидных самок во вселенной.

Она лежала на своего рода кушетке. С одной стороны он легко различал мускулистую голую ногу того, кто держал ей микрофон портативного передатчика. На заднем плане виднелась пышная зелень, разросшаяся до фантастических размеров и форм без ограничений тяжелой гравитации. За ней, как он знал, находился купол, ограждавший от безвоздушной пустоты, являвшейся нормальной атмосферой Ниневии.

Природа вступила в бой с хирургией, когда женщина растянула губы в зубастой изящной улыбке. На этот раз хирургия победила. Улыбке предназначалось быть соблазнительной, но для знающего она выходила только злобной.

— Ах, это ты, дорогой Макси! Какой приятный сюрприз! Мне всегда так радостно видеть тебя! Надеюсь, с твоим прекрасным телом все благополучно, равно как и с делами?

— Со мной все благополучно, только когда дела хороши. В данную минуту они обстоят сносно. Однако я надеюсь, что они очень скоро сделают внезапный скачок к лучшему. Видишь ли, у меня только что вышел интересный разговор с двумя господами... или с тремя, если считать и рыжего...

Нуаман попыталась излучать ауру безразличия, но хирургия не могла скрыть, как напряглись мускулы ее шеи.

— Я уверена, что разговор вышел очень интересным, и надеюсь, что он окажется прибыльным для тебя. Но твой тон, кажется, подразумевает, что, по твоему мнению, это как-то касается меня.

— Да? Не припомню, чтобы я говорил что-то, способное привести тебя к такому выводу... дорогая. О, это не тот рыжий, о котором ты думаешь. Того твои громилы убрали... несомненно, в полном соответствии с инструкциями.

— Ах, Макси, о чём таком ты думаешь? С какой стати кому-то из моих помощников находиться на Мон-

тыльке? Как тебе хорошо известно, мои дела на этой планете невелики. Именно ты-то и блокируешь все мои попытки расширить там свои интересы. В любом случае я вообще знаю мало рыжих... и, разумеется, не припомню ни одного, кого хотела бы убить. Наверно, малость помять бока, но не убить. Нет, дорогой, ты ошибаешься. Что за странный разговор! На этой вашей жалкой влажной куче грязи нет ничего, рыжего или иной масти, из-за чего я рискнула бы пойти на убийство.

— Хмм. Даже ради этого, х а с а?

Он поднял карту, сложенную так, чтобы не было видно, что внутри.

Это не имело значения. Она узнала ее, что и говорить. Она резко выпрямилась и нагнулась там, что ее лицо, похожее на маску ведьмы, заполнило весь экран.

— Где ты ее достал? Она принадлежит мне!

— А вот в этом, Раша б и б и, я сильно сомневаюсь. И сядь чуть подальше. Крупные планы, знаешь ли, не твой конек.

Он сделал вид, что изучает карту.

— Боюсь, никакого имени тут нет. И, кроме того, я получил ее от живого рыжего. Юнца на самом-то деле. Ему довелось проходить мимо как раз тогда, когда твоим «помощникам» случилось совершать против первоначального владельца действия сомнительной законности. Или- этот юноша необыкновенный молодец — во что я склонен верить — или же двое помощников, которым ты поручила это задание, были болванами очень низкого класса — в это я, по зрелым размышлениям, тоже склонен верить. Я вижу, что они были твоими ребятами. Это дело носит типично твой наглый почерк. Я всего лишь хотел удостовериться. Теперь я это сделал. Спасибо тебе, дорогая Раша. А теперь, с и к у д з у р и.

Он оборвал ее, не дав закончить ругательства, и отправился отыскать Сиссиф.

В общем и целом, день вышел довольно неплохим.

III

На Ниневии Рашалейла Нуаман, матриарх и глава одного из самых больших частных концернов в Сообществе и одна из десяти самых богатых гуманоидных самок в известном космосе, выла от бешенства. Она пнула стояв-

шего поблизости голого слугу, державшего в неделикатном месте портативный приемник. Несчастный прибор упал в бассейн с мутировавшими золотыми рыбками. Те испуганно метнулись укрыться среди пастельных водяных кувшинок. Множество очень редких и дорогих бокалов из опалина было разбито о каменную дорожку.

Утолив на какое-то время свой гнев, она уселась в шезлонг и потратила пять минут на укладку растрепанных волос. На этой неделе они были оливковыми. По окончании этой процедуры она почувствовала себя достаточно спокойной, чтобы встать и пойти к главному дому.

Как этот гнусный ублюдок Малайка прознал о карте? И как она попала к нему в руки? Или, может быть... может быть, все случилось совсем наоборот? Двое упомянутых им с такой небрежностью господ — это, несомненно, тот субъект Цзе-Мэллори и его приятель-жуц. Но кто этот новый «рыжий»? Кто сумел так потрясающе быстро поломать то, что всего несколько минут назад было сравнительно заурядной операцией? И это сейчас, когда Никососу всего два дня пути до Мотылька! Это просто невыносимо!

Она сгребла мимоходом букет бесценных яирбиттиумских цветов-труб, раздирая в клочья карминные листья. Изящные, похожие на трубы лепестки посыпались на землю. Кому-то определенно — да, определенно — следует спустить шкуру.

Она протопала в гостиную, служившую ей одновременно кабинетом, и безутешно рухнула в белое облегающее меховое кресло. Голова ее упала на правую ладонь, в то время как левая рука нервно пощелкивала на столе из чистого корунда. Яркое мерцание ртути было единственным движением в волноизолированном помещении.

Это определенно невыносимо! Ему это так не пройдет. Сам будет виноват, да, сам, если операция с одним убийством развернется в дело со множеством смертей. Она может даже распространиться на его собственное прекрасное тело, а это ли не печально? Из него выйдет прекрасный труп.

Так не сиди тут, сложа руки и брызжа слюной, сука. Кроши их! Она нагнулась над столом и нажала кнопку. На экране перед ней появилось худое усталое лицо.

— Драйден, свяжитесь с Никососом и скажите ему, чтобы он не приземлялся в Дралларе. Пусть вместо этого следит за всеми звездолетами на парковочной орбите вокруг планеты и держится наготове. За любым, улетевшим в направлении Зараженной Зоны, он должен следовать,

держась как можно ближе к нему, но в то же время всегда за пределами непосредственного диапазона детектора. Если будет жаловаться, скажите ему, что я понимаю, насколько трудна задача, и пусть он просто сделает все, что в его силах.

— После я всегда могу уволить его,— мрачно подумала она.

— Если он будет нажимать, требуя объяснений, скажите ему, что из-за непредвиденных и непредотвратимых обстоятельств планы изменились. Он должен следовать за тем кораблем! Я гарантирую, что такой будет, и, вероятно, скоро. Он направится к планете, куда Никосос первоначально должен был найти путь по карте. Теперь же ему придется лететь, не имея собственных координат. Все ясно?

— Да, мадам.

Она оборвала его, прежде чем он успел добраться до второго «м».

Ну, она сделала все, что могла, но это казалось чертовски недостаточным. Ощущение своего сравнительного бессилия умножало ее ярость и соответствующее желание сорвать на ком-то злость. Давай-ка посмотрим, кто там под рукой? И заслуживает? Гм! Идиот, напортачивший с этими двумя убийцами? Прекрасный выбор! Ее племянница? Эта пустоголовая дуреха? И подумать только, ведь в один прекрасный день ей, может быть, придется взять на себя руководство фирмой. Когда она не способна проанализировать даже простого изъятия!

Она нажала другую кнопку.

— Пусть Телин ауз Руденуаман явится ко мне в кабинет в... пять часов завтра утром.

— Да, мадам,— ответил репродуктор.

Вот если бы теперь подвернулся еще кто-нибудь! Уничтожить одним махом чью-то удачную карьеру. Но если по справедливости, то нет никого, заслуживающего от нее хорошей взбучки. Не то чтобы она стала принимать во внимание, если бы это особенно допекло, но верность сотрудников можно гарантировать только равной смесью страха и наград. Нет смысла перебирать с первым. Нет, надо смотреть фактам в лицо. В чем она действительно нуждалась, так это в развлечении и отдыхе. Будем надеяться, что этот хлыщ ван Клееф окажется сегодня ночью в приличной форме.

Несчастную кнопку снова надавили.

— Отмените последнее распоряжение. Пусть моя

племянница явится завтра в пять часов... но ко мне в спальню, а не в кабинет.

— Отмечено,— коротко сказал репродуктор.

Рашалейла откинулась на спинку кресла и роскошно потянулась. Она определенно почувствовала себя лучше. Она знала, что ее племянница безнадежно влюблена в ее теперешнего жиголо. Почему, она, хоть убей, не могла понять, но это факт. Интересно будет посмотреть, сумеет ли завтра эта девчонка сохранить бесстрастное выражение лица, когда на нее накричат в то время, как он сонно шевелится в постели ее тетки. Это укрепит ее характер, безусловно, укрепит. При этой мысли она хихикнула, и даже в пустой комнате звук этот был не из приятных.

IV

Бран Цзе-Мэллори и Трузензюекс небрежно держали путь обратно в свои номера по извилистым маршрутам рынка. Ночью он делался вдвое более шумным и путанным, чем днем. Сверкающие огни моторизованных ручных тележек и флюоресцирующие лоточники немало усиливали атмосферу управляемой анархии. И все же они не нуждались в услугах Флинкса. Каким бы ни был маршрут извилистым и запутанным, один раз пройдя его, транкс всегда может возвратиться тем же путем.

— Ну, брант,— обратился Трузензюекс, уворачиваясь от мобильного продавца игрушек,— что ты думаешь о нашем друге-коммерсанте?

— Я бы чувствовал себя намного лучше, если бы наш друг — необычный юноша — был лет на двадцать постарше и на его месте. Он наверняка частичный телепат. Я чувствую это. Но такие желания бесполезны. Хаос. На вселенную! — добавил он вполголоса.

— На вселенную! — отозвался Трузензюекс.

Оба улыбнулись только им понятной шутке, имевшей более глубокое значение, чем предполагал поверхностный юмор.

— Этот человек кажется настолько заслуживающим доверия представителем своей профессии, какого у нас вообще есть возможность найти, и у него есть нужный нам корабль. Я, конечно, еще не могу сказать наверняка, но при данных обстоятельствах мы, по-моему, очень хорошо отделались. А присутствие юноши на судне послужит

сдерживающим фактором. Он, кажется, тоже доверяет торговцу.

— Согласен. Присутствие этого паренька внесет элемент неопределенности, если и ничего другого.

— Определенный фактор неопределенности. Очень подходит к этому предприятию, во всяком случае. Пока!

Инсектоид покачал головой, намеренно копируя человеческий жест.

— Покамест оно стало причиной трех смертей. Надеюсь, что других не будет.

— Так же, как и я, брат, так же, как и я. Мы с тобой повидали уже слишком много смертей.

Тружензюекс не ответил, так как сосредоточился на трудной развилке их пути.

Цзе-Мэллори механически последовал за ним. Шум и огни имели тенденцию гипнотизировать, и он позволил своим мыслям унестиесь далеко-далеко...

V

Картина, которую они видели на обзорном экране стингера, ничем не отличалась от светившейся на экранах всех членов оперативной тактической группы. Она показывала высокого худого орниторфа с черным и желтым оперением. Существо это обладало высоким природным достоинством, которое ему в настоящее время с трудом удавалось сохранять. Нелегко быть достойным, когда умоляешь.

Мичман Бран Цзе Мэллори, двадцати шести лет от роду, Четвертая Боевая Группа Шестого Корпуса Мироблюстительной Руки Объединенной Церкви, смотрел, как душевно крошится военный губернатор голубой планеты внизу, моля о помощи их собственного командующего. Гнев и смущение смешались в его безотчетно пересохшем горле, когда он следил за ходом разговора.

— Майор Гонзалес,— снова завел свою песню орниторф.— Я прошу вас в последний раз, а потом буду вынужден пойти и сделать все, что могу, для своего народа, даже если это всего лишь гибель вместе с ним. Вы используете имеющиеся в вашем распоряжении силы, чтобы вмешаться и прекратить резню?

Голос командующего Оперативной Тактической Группой майора Хулио Гонзалеса просочился сквозь решетку

маленького репродуктора межфлотских частот. Он был хладнокровным и сдержаным. Брану хотелось разнести вдребезги репродуктор и сидевшее за ним отвратительно надменное лицо.

— А я вынужден еще раз напомнить вам, губернатор Боло, что как бы сильно я ни сочувствовал вашему бедственному положению, я ничего не могу поделать. В конце концов моя группа вообще оказалась здесь по чистой случайности. Мы занимались патрулированием, охраняя мир, и остановились у вашей планеты только для того, чтобы нанести обычный визит вежливости. Прилети мы неделей раньше или позже, мы даже не стали бы свидетелями этой несчастной ситуации.

— Но вы ведь оказались здесь, и вы стали свидетелями. Джоар,— начал в семнадцатый раз губернатор,— и...

— Пожалуйста, сэр, я и так уж чересчур долго слушал. Церковь и Сообщество давно заключили мир с Анской Империей...

— Ничего себе мир! — буркнул где-то по связи голос.

Если Гонсалес и услышал его, то не подал вида.

— ...И я отказываюсь подвергать опасности этот мир, вмешиваясь в дело, которое меня не касается. Вступление в бой на любой стороне было бы равнозначно акту войны. К тому же я действовал бы в прямом противоречии с моими приказами и задачами этого патруля. Я вынужден отказаться это сделать, сэр. Надеюсь, вы войдете в мое положение.

— Ваше положение! — возмущенно охнул губернатор.

Голос его заметно ломался под напряжением последних нескольких дней, ему пришлось бороться с собой, чтобы и дальше излагать свои мысли на симворечи.

— А что насчет этих гиджиотов Аннов там, в космосе? Открытое нападение на беспомощную колонию! Вы говорите, акт войны. А разве это не прямое нарушение вашего драгоценного Договора? Того, который «ваш» патруль предположительно сохраняет?

— Если ваши претензии справедливы, я уверен, что арбитры Договора решат в вашу пользу.

— В чью пользу? — взревел губернатор.— Вы ведь наверняка знаете, что делают Анны с покоренными планетами. Особенно с имевшими дерзость сопротивляться. Если не останется в живых никого из нас, чтобы принять благоприятное решение арбитражной комиссии, то

что толку в вашем проклятом Договоре?! Или память о нас получит возмездие?

— Я искренне сожалею, губернатор. Я желал бы иметь возможность помочь вам, но...

— Пошлите всего один из ваших кораблей, символическую демонстрацию поддержки,— воскликнул губернатор.— Они могут заколебаться...

— Я же сказал, что сожалею, губернатор. Мне крайне тяжело. Всего хорошего, сэр.

И Гонзалес прервал связь.

Бран услышал сверху и сзади голос своего юного брата по кораблю. Сине-зеленый хитоновый покров инсектоида делала еще более великолепным охватывающая его цилиндрическое тело серебряная боевая сбруя.

— Это,— произнес холодным ровным голосом Трузензюзекс,— вполне возможно, был самый тошнотворный образчик риторической бессмыслицы, какой я когда-либо имел несчастье слышать.

Бран согласился. Он обнаружил, что ему все труднее и труднее сдерживаться. Даже без повышающих восприятие наркотиков стремление убивать начало потихоньку горячить ему кровь. За ним стоял мощный стимул справедливого негодования.

— Ведь нет возможности, чтобы у местных?..

— ... не найдется и одного шанса,— закончил Трузензюзекс.— Их превосходят в численности и вооружении, и у них вообще нет регулярных вооруженных сил — что Анны, несомненно, хорошо знали заранее. Я даже сомневаюсь, что у них есть корабли с КК-двигателями. У них всего лишь колония, и много кораблей им не нужно.

— Типично Аннский маневр. Черт бы побрал этих антропоморфных ублюдков! Всегда норовят куснуть с краю. Желал бы я, чтобы они выступили в открытую и прямо сказали, что намерены оспаривать у нас эту часть галактики. Пусть встанут и дерутся, как мужчины!

— Чего не может случиться, брат, потому что они явно не мужчины. И я имею в виду не только их физиологию. По Аннским стандартам, установленным их философией «вечной войны как естественного положения вещей», любое преимущество, какое ты сумеешь получить над противником, является, по определению успеха, этичным. Они не безнравственны, у них просто нет нравственности. Нападение из-за угла — их кусок сахара. Извиняюсь, хлеба.

— Если бы майор согласился помочь, я уверен, что штаб задним числом одобрил бы его действия,— сказал Бран.— Разумеется, ему бы выразили порицание, но, ручаюсь, в частном порядке Маршал Н'Гара одобрил бы.

— Может, и одобрил бы, а может, и нет. Когда солдаты становятся старше и могущественней, их характер склонен делаться все более и более переменчивым. Я не могу себе представить, чтобы душка Гонзалес рискнул помочь кучке нелюдей, особенно не из Сообщества. Он слишком любит свой шотландский виски и импортные земные сигары. Кроме того, чтобы предпринять такие действия, требуется хоть малость воображения — качества, которого нашему командиру, к сожалению, не хватает.

Бран поднял взгляд на огромный боевой экран над средствами связи. Там, в пустоте космоса, множество кораблей, изображаемых только призрачными точками, разворачивались на тысячи километров в построении для боя, который окажется примечательным только своей краткостью.

Местные где-то наскребли шесть годных для выхода в космос кораблей. Он готов был поставить на кон годовое жалование, что ни один из них не был настоящим военным кораблем... Скорее всего, полицейские катера. Напротив, хорошо вымуштрованные, в высшей степени дисциплинированные силы Аннов выстраивались в один из своих характерных четырехгранников. Около пятнадцати ударных кораблей, пара эсминцев — два раздутых зерна, которые он в обычной боевой ситуации счел бы дредноутами. Более тонкие приборы на большом пульте сообщили вернее: та же самая масса, малые гравитационные колодцы. Десантные суда, содержащие в себе дюжины маленьких, сильно экранированных десантных челноков.

Он видывал прежде Аннские оккупационные силы в действии. Несомненно, сейчас члены первой атакующей волны с комфортом отдыхали в своих трюмах, тихо напевая про себя и ожидая, когда начнется «битва», удостоверясь, что их доспехи надраены до блеска, а нейрохлысты полностью заряжены...

Он бухнул кулаком по пульту из дюраlesпласта, содрав кожу на мягкой нижней стороне запястья. В челанкский отряде имелось десять стингеров и крейсер — более чем равные силы для Аннов, даже без сомнительной помощи местных. Но еще до того жалкого спора несколько минут назад он знал, что майор Гонзалес пальцем не шевельнет в своей обшитой деревянными панелями каюте

на «Альтаире» для вмешательства в любой конфликт, где не подвергались прямой угрозе интересы членов. Он вдруг застыл от неожиданно пришедшей в голову мысли. Конечно, если бы можно было навязать такое столкновение, если подобная угроза возникнет... Все равно никакой верной гарантии... Определенно, военный трибунал... Увольнение из рядов Корпуса... 300 000 разумных существ... Лагеря уничтожения...

Он вдруг потерял уверенность, что ему хочется в конце концов стать капитаном. И все-таки ему нужно согласие...

— Бран, у нас, похоже, разладился двигатель.

— Что? Я не...

— Да, никаких сомнений в этом. Похоже, нас неизбежно несет в район предстоящего боя. И на полной скорости, никак не меньше. Крайне необычное и неудобное происшествие. Ты согласен, не так ли?

— О! О, да.

Лицо его прорезала острые, как ятаган, псевдоулыбка.

— Я вижу, что мы не в состоянии это предотвратить. Чертовски злополучное положение. Нам, естественно, придется срочно приготовиться к защите. Не думаю, что Аннские компьютеры будут слишком тщательно разбираться, какие корабли залетают в район их прицела.

— Правильно. Я как раз собирался подвергнуться своим инъекциям.

— И я тоже.

Он откинулся в амортизированном кресле и почувствовал, как поле, дававшее им возможность маневрировать при высокой скорости и все еще действовавшее, мягко сжало его.

— Лучше поспешить с этим.

Он выполнил принятую в таких случаях процедуру и сделал все, что в его силах, чтобы не обращать внимания на едва воспринимаемое давление игл, когда те эффективно вошли в вены у него на ногах. Сразу же начали действовать специальные наркотики, повышавшие его восприятие и освобождавшие рассудок от искусственных ингибиций, возвращенных для обуздания инстинкта убийцы. В его мысли закрался прекрасный, окаймленный розовым, пыл жара свободы. Именно так и должно быть. Именно так правильно! Именно для этого он и создан. Он знал, что наверху и позади от него Трузензюзекс подвергается схожей терапии, иными наркотиками. Они стимулируют его природную способность принимать мгновенные решения и решать логические уравнения безотносительно к таким

отвлекающим моментам, как установки Улья и сложные моральные соображения.

Вскоре после Слияния, когда человеческие и транксийские ученые открывали друг в друге одну удивительную вещь за другой, транксийские психологи откопали то, что давно подозревали некоторые люди. Разум Гомо Сапиенса находился в вечном состоянии неустойчивого равновесия между полным эмоционализмом и компьютероподобным контролем. Когда удалялись все следы последнего — как естественные, так и искусственные — человек возвращался к своего рода управляемой звериности и сущности. Он становился самой хитрой и эффективной убивающей машиной во вселенной. Если же возникал прямо противоположный процесс, он превращался в растение. Для этого состояния не нашли никакого применения, но для первого...

Об этом в общем-то помалкивали. После множества ужасных, но честных демонстраций, проведенных транксами на своих человеческих ассистентах, человечество признало истинность этого открытия с немалым вздохом облегчения. Но ему не нравилось, чтобы о нем напоминали. Конечно, определенный сегмент человечества все время знал это, и данная новость на него не повлияла. Другие же начали читать иными глазами произведения древних, вроде *Данатьена Франсуа де Сада*. Со своей стороны, человеческие психологи пролили более ясный свет на чудесную способность транксов принимать быстрые и правильные решения с полнейшим отсутствием эмоциональных отвлечений, с высоким уровнем практичности. Вот только транксы не считали ее такой уж чудесной. Установка их Ульев и сложные этические системы давно держали эту самую способность на привязи, точно так же, как человечество — свои убийственные желания.

Конечный результат всех этих исследований и экспериментов был таков: в соединении с баллистическим компьютером для отбора и расчета целей триумвират транкс — человек — машина оказался непобедимой комбинацией в космической войне. Транкс служил узкой для человека, а человек — побудителем для транкса. Триумвират этот был эффективным и безжалостным. Всякие человеческие понятия о «джентльменской» войне исчезли навек. Только Анны осмелились более чем однажды бросить вызов этой системе, и у них хватало достаточно сил и ума, чтобы делать это только спорадически и только тогда, когда они считали, что соотношение сил складывалось с большим перевесом в их пользу.

К счастью, транксы и люди оказались даже более психологически совместимыми, чем смели надеяться проектировавшие эту систему, потому что природа связки наркотик — машина вызывала слияние двух разумов на сознательном уровне. Положение складывалось такое, словно два полушария мозга должны были бороться за решение между собой, а достигнутый компромисс затем передавался на спинной мозг и остальное тело для проведения решения в жизнь. Некоторые пилоты сравнивали это с двумя близнецами в утробе. Только в таком виде итоговая боевая машина действовала со стопроцентной эффективностью. Партнер человека был его братом по кораблю.

Мало кто из летающих на стингерах долго оставался женатым, за исключением тех, кто сумел найти высокопонятливых жен.

Глаза его залило пощипывающим туманом, затемнявшим и все же усиливающим зрение. Самые крошечные вещи становились для его восприятия очевидными, пылинки в атмосфере каюты стали четкими, как валуны. Глаза его приклеились к белым ромбам на боевом экране со всей сосредоточенностью голодной кобры. Все пилоты стингеров подвергались, находясь под влиянием боевых наркотиков, легкому утешающему ощущению эйфории. Именно его-то Бран сейчас испытывал. Ради рекламных целей вербовочные плакаты мироблюстительных сил утверждали, что оно — благотворный побочный продукт ГИП-наркотиков. Пилоты-то знали, чем именно оно было: естественным возбуждением, охватывающим наиболее полно освободившихся от ингибиций людей, когда они предвкушали острое ощущение убийства. Чувства в нем кружились в вихре, но мысли оставались сфокусированными.

— На вселенную, о мармеладный жук! — пьяно засорал он.

А из тридевятого царства тридесятого государства долетел голос Труzenзюекса:

— На вселенную, о вонючий примат!

Корабль рванулся к углу Аннского четырехугольника. Вражеские силы терпели это, сколько могли. А затем три корабля отделились перехватить их безрассудную атаку. Остальное построение продолжало образовываться, ничуть не испугавшись. Несомненно, никто из командующих еще не заметил, что эта самоубийственная атака происходит не из района круживших внизу жалких оборонительных сил планеты. А так как они слышали весь разговор между флотами, то знали, что это никак не может быть судном

из Сообщества. Бран навел один их средний СККАМ на ближайшего из трех перехватчиков, коренника. Он смутно, сквозь теперь уже сплошной ароматический туман, различал разъяренный голос майора Гонзалеса на межкорабельной частоте. Он раздражавше вторгаясь в его целиком занятое сознание. Командование явно не купилось на их кодовое сообщение о неполадках с двигателем.

— Эй вы, там! Вы что делаете? Вернитесь в строй! Корабль номер... Корабль номер двадцать пять, вернитесь в строй! Отвечайте, э... черт побери! Брауншвейгер, чей это корабль? Даст мне кто-нибудь какие-нибудь сведения, черт возьми, или нет!

В стручке стало слишком шумно. Он отключил репродуктор, и они помчались дальше в сравнительном безмолвии. Он ясно представил себе Аннского адмирала. Сидит себе с комфортом в каюте одного из десантных судов, лениво пожевывая наркопалочку, поглядывая одним глазом на плавающие поблизости силы Сообщества. Он, несомненно, тоже прослушивал разговор между губернатором планеты и майором Гонзалесом. И, несомненно, здорово посмеялся. Ожидает приятной рутинной резни. Мысли его теперь, должно быть, немного смешались, особенно если он заметил единственный стингер, безумно рванувшийся к центру его построения.

Бран боялся, что он разорвет ушные мешочки, прислушиваясь к сигналам детекторов.

Его рука плавно опустилась к гашеткам. В мозг прохрался, сводя с ума, голос Трузензюзекса.

— Погоди. Еще рано.

Пауза.

Вероятность.

Он сердито попытался выдавить эту мысль из головы. Это было слишком похоже на попытку отрезать часть своего «я». Рука его оставалась у гашетки, покуда точка кремового цвета становилась на экране безумно большой.

Снова раздался спокойный бесиящий голос:

— Изменение курса на десять градусов минус У, плюс Х два градуса приведет к оптимальной касательной для перехвата.

Бран знал, что им предстоит умереть, но в его особенно помрачненном сознании это казалось вопросом лишь косвенной важности. Непосредственной задачей и единственной причиной существования было убить как можно больше их. В том, что их самих уничтожат, сомневаться не приходилось, учитывая противостоящую им численность,

но они могли, по крайней мере, притупить воздействие Аннского вторжения. Крошечная часть его «я» отдала дань благодарности за спокойное присутствие Трузензюзекса. Он однажды видел запись отряда стингеров в действии, где пилотами служили только люди. Она очень сильно напоминала виденную им на Земле трехмерную картину, показывавшую неистовствующих при кормежке акул.

Нужный миг сам уведомил его.

— Огонь!

Не появилось никаких противоречащих предложений от инсектоидной половины его ума. Он почувствовал легкий крен поля своего тела, когда корабль сразу же выполнил сложный маневр, который запутает любой ответный огонь и в то же время позволит им разделаться с оставшимися вражескими судами. Без поля его бы превратило в желе.

Исчезновение с экрана гравитационного колодца сказали ему, что снаряд СККАМ попал в Аннский корабль, пронзив его защиту. В космосе безмолвно вспыхнул сильный взрыв. СККАМ был неспособен «почти попасть».

Сама по себе система СККАМ была модификацией КК-двигателя, тянувшего корабли большинства вышедших в космос рас. Когда встретились люди и транксы, обнаружилось, что человеческая версия двигателя мощнее и эффективнее транкского позигравитационного. Она также обладала более высокой пропорцией сохранения энергии, что делало применение ее более разумным. Работая вскоре после Слияния со своими человеческими коллегами, транкские ученые изобрели множество улучшений в и так уже замечательной системе. Этот модифицированный двигатель сразу же установили на всех челанкских кораблях, и другие расы начали заказывать компоненты, которые дадут им возможность сделать собственные модификации.

Однако адаптация гравитационного двигателя в качестве оружия неотразимой силы была целиком транкской наваццией. Снаряды СККАМ являлись на самом деле термоядерными устройствами, насаженными на маленькие корабельные двигатели, за исключением того, что все их части, помимо тех, что требовали точки плавления выше 2400 градусов, делались из сплава осмия. Используя собственный гравитационный колодец запускающего судна в качестве первоначальной движущей силы, снаряд отправлялся к цели, на заранее определенном безопасном расстоянии от корабля, включая собственный двигатель сна-

ряда. Двигатель этот сразу же достигал преднамеренной перегрузки. Перегруженное силовое поле, уклониться от которому было невозможно, притягивалось к ближайшему гравитационному колодцу — в данном случае, к двигателевой системе вражеского корабля. В паре с неуправляемой энергией термоядерной реакции два пересекающихся силовых поля двигателей неизменно ликвидировали всякие следы цели. И вражескому судну было бесполезно пытаться спастись, отключив свое собственное силовое поле, потому что оно могло пережить столкновение с небольшим полем снаряда, но еще не сконструировали корабли, способные выдержать без экрана силу термоядерного взрыва. А так как защитные экраны действовали от энергии позигравитационных двигателей...

Он почувствовал, как корабль снова накренился, на этот раз не так сильно. В диапазон эффективного удара влетела новая цель. Он опять выстрелил. Труэнзюэкс предложил возражение четвертого уровня, а Бран парировал возражающим вето второго. Компьютер согласился с Браном и выпустил снаряд. Обе половины корабельного мозга были частично правы. В результате — новое попадание... Но только незначительное.

Анское построение, казалось, заколебалось. Затем левая половина четырехгранника развалилась, когда корабли с этой стороны попытались противодействовать трехвойной атаке на их фланг. Скорее всего, приказ рассеяться отдал Анский командующий. Запертый в медленном неуклюжем десантном судне, он теперь уже, вероятно, начинал тревожиться за собственную драгоценную шкуру. Подбодренные этим нестратегическим шагом своих противников, туземные оборонительные силы набросились на сломанное построение с фронта, умножая если и не число уничтоженных, то сумятицу, и пытаясь отвлечь внимание Анских боевых кораблей от своего неожиданного союзника.

Бран только что сделал третий выстрел — промах! — когда стингер сильно качнуло. Даже в защитном поле его с силой дернуло вперед. Свет мигнул, померк и погас, его заменил миг спустя жуткий синий свет аварийной системы. Он проверил свои приборы и передал обыденный доклад наверх.

— Тру, на этот раз двигатель сдох по-настоящему. Нам предстоит переходить на всего лишь свободный дрейф...

Он смолк. Типичный иронический ответ что-то запаздывал.

— Тру? Как дела на твоей половине?

Репродуктор выдал в ответ только приглушенное шипение. Он несколько раз щелкнул ручкой переключателя. Тот, кажется, действовал.

— Тру? Да скажи ты что-нибудь, слизень! Странная улитка, термит, пьянчуга... Черт подери, скажи хоть что-нибудь!

С прекращением способности корабля вести бой в его кровеносную систему автоматически вспрыснули ГИП-противоядия. Слава Лимбу, автофельдшер все еще цел! Он чувствовал, как тяжело вытекает из него стремление убивать, заменяемое остающимся неясным привкусом и неизбежно следующей за боевыми действиями временной летаргии.

Одновременно ругаясь и плача, он начал бороться со своими ремнями. Он отключил силовое поле, не заботясь, что корабль может вдруг прыгнуть в боевом рывке и размазать его по всей переборке. Побагровев от усилий, он принялся перелезать через переломанные трубы и искрящиеся короткие замыкания наверх, где лежал на своей боевой кушетке Трузензюзекс. Его собственные мускулы отказывались повиноваться, и он проклинал свои руки, которые упорно соскальзывали с поручней, словно с влажной пеньки. Он и не представлял в утешающем состоянии гипноза, как сильно пострадало от повреждений маленькое судно. Повсюду плавали колеблющиеся волокна и разорванная обшивка, указывая на потерю набортной гравитации. Но стручок остался цел, и он мог дышать без кислородной маски.

Пост транкса был длинней и ниже, чем у него, поскольку рабочая поза инсектоида — лежать, распластавшись, лицом вверх. Поэтому первой встреченной Браном частью тела его напарника-мичмана оказалась сердцеобразная голова с блестящими многофасетчными составными глазами. Знакомое свечение в них померкло, но не исчезло. Он принял бешено массировать участок над шейным сочлением, совершая операцию, призванную стимулировать открытую систему кровообращения транкса. Он продолжал делать это, несмотря на сверхнасыщенную влажность, застилавшую его глаза. Откинув голову назад, он по крайней мере заставил кровь из пореза на лбу временно поплыть назад.

— Тру! Брось, приятель! Двигайся, черт тебя подери! Встряхнись, сделай что-нибудь, черт возьми!

Трузензюзекс начал слабо шевелиться, под помогающи-

ми руками Брана запульсировало рвано и неровно шипение из дыхательных спикул.

— Мммффф! Оооо! Друг мой, сим я уведомляю всех без исключения, что удар по черепу решительно не способствует ученым размышлению! Пожалуйста, немного ниже и правей — зудит именно там. Увы, боюсь, что я получил приступ головной боли.

Он медленно поднял иструку к голове, и Бран увидел, где сильно ударили высвободившийся откуда-то штырь, после того, как спало силовое поле тела. По лазурному экзоскелету инсектоида протянулась уродливая темная полоса. Организм транксов отличался исключительной крепостью, но также и большой уязвимостью к глубоким порезам и проколам из-за их открытой системы кровообращения. Когда их доспех цел, они практически неуязвимы, намного больше, чем их человеческие коллеги. Тот же самый удар, вероятно, разбил бы Брану череп, как яичную скорлупу. Огромные глаза обратили взгляд к нему.

— Брат-по-кораблю, я замечаю в углах твоих окуляров легкое выпадение осадков, отличающихся по составу от жидкости, что даже сейчас сочится из твоей головы. Я понимаю значение такой продукции и заверяю тебя, что в этом нет необходимости. Помимо повреждений моей безукоризненной неотразимой красоты, со мной совершенно все в порядке... Как мне кажется.

— Мне, между прочим, приходит в голову, что мы оба чересчур долго остаемся в живых. Так как я, похоже, временно ни на что не способен, то бы оценил, если бы ты прекратил свой дождь-на-лице, вернулся на свой пост и выяснил, что именно там, черт возьми, происходит!

Бран вытер слезы с уголков глаз. То, что сказал Тру, было совершенно верно. Оживление инсектоида настолько поглотило его, что как-то не заметил, что по всем разумным стандартам военных действий им обоим уже несколько минут полагалось быть покойниками. Анны-бойцы, может, и лишенные воображения, но тем не менее действенные. Он залез обратно в кресло и перебросил аварийную энергию на боевой экран. То, что он там увидел, оглушило его рассудок, если не голос.

— Ооо — ваууу! Бей иххх! Врежь им Шестой, малыш!

— Да прекрати ты, наконец, издавать непонятные звуки и скажи, что там творится? Мои глаза еще неполностью сфокусировались, но я вижу, что ты подпрыгиваешь в своем кресле на манер, никоим образом не связанным с действиями корабля.

Бран зашел слишком далеко, чтобы слышать что-либо. Сцена на экране изображалась соответственно слабо, но была тем не менее видимой. Она напоминала игру в теннис, ведущуюся при нулевой гравитации двумя скоростными компьютерами. Аннские силы или, скорее, или, скорее, их остатки, полностью обратились в бегство. Яркие стрелы стингеров Сообщества петляли с характерной непредсказуемостью как среди отступающих боевых порядков, так и вне их. Иногда короткая вспышка отмечала место, где еще один корабль покидал плоскость материального существования. И сквозь рычание и вопли по связи каким-то образом прорывался голос, который не мог принадлежать никому, кроме майора Гонзалеса. Он снова и снова, раз за разом, повторял разными словами один и тот же в сущности вопрос:

— Что случилось, что случилось, что случилось, что...?

И тут Бран пострадал от второго боевого ранения. Он растянул бока от смеха.

Все стало совершенно ясным позже, в военном трибунале. Другие члены Оперативно-тактической Группы увидели, что один из их числа сорвался с занимаемой позиции и понесся на Аннское построение. Их пилоты-напарники терпели завязавшуюся из-за этого схватку, сколько могли. Затем они принялись срываться и следовать за ними. Только крейсер «Альтаир» не принял никакого участия в битве. Его экипаж тяжело переживал это, хотя его вины тут не было.

На планете не спалили даже деревца.

Председательствовал в суде пожилой транксийский генерал с самого Ульдома. Его несгибаемая жестокость в соединении с полинялым экзоскелетом и язвительным голосом делали его и впрямь грозной фигурой. Что касается большинства членов Оперативно-тактической Группы, то с них сняли всякое обвинение в каких-либо проступках. Трибунал постановил, что они действовали в пределах предписаний Сообщества о действиях «при оправдывающих обстоятельствах, где акту насилия против собственности или лиц, принадлежащих к Сообществу или Церкви надлежит противодействовать всеми силами, необходимыми для предотвращения последствий такого насилия». Это положение, постановил трибунал, и вступило в силу, когда Аннские корабли вступили в бой со стингером номер двадцать пять. А вопрос о том, что корабль номер двадцать пять спровоцировал данное столкновение трибунал «подвергнет тщательному изучению... в скором времени».

По приказу трибунала мичманов Брана Цзе-Мэллори и Трузеню из Улья Зекс лишили всех званий и уволили с воинской службы. Однако предварительно их требовалось наградить орденом Церкви «За заслуги» одним звездным скоплением. Что и сделали. Каждому неофициально презентовали свиток, на котором граждане планеты-колонии, известили как Хорошая Охота, записали свои имена и благодарности... Все двести девяносто пять тысяч.

Майора Хулио Гонзалеса произвели в капитаны 3-го ранга и сразу же перевели на тихий кабинетный пост в безвестной звездной системе, населенной полуразумными амфибиями.

После того, как формально приняли в Улье брата по кораблю, в Зексе Бран вступил в Церковь и с головой окунулся в дела Канцелярии Нечеловеческой Социологии, получая там диплом и почетные звания. Трузензюекс же оставался на своей родной планете Ивовый обзол и возобновил занятия психологией и теоретической историей, которыми увлекался еще до воинской службы. Вскоре после этого ему присвоили титул Эйт. Их интересы сходились независимо друг от друга, пока оба не погрузились в изучение древней тар-аймской цивилизации-империи.

Прошло десять лет, прежде чем они встретились вновь, и с тех пор всегда оставались вместе — ситуация, о которой ни у одного не имелось причин сожалеть.

— Не купите ли зимний костюм, сэр? Сезон быстро приближается, и астрологи предсказывают холод и слякоть. Самые прекрасные шкуры пирримов, уважаемый сэр!

— А? Нет. Спасибо, торговец, не нужно.

Как раз впереди обрисовывался поворот к их постостоянному двору, около продавца молитвенных колокольчиков.

Бран испытывал необыкновенно сильную потребность заснуть.

VI

Флинкс вернулся в свою квартиру привести дела в порядок для путешествия. По пути домой он остановился у хорошо знакомой лавки и купил маленькую сумку. Имен-

но такие он часто видел у матросов в порту, и ему она подойдет ничуть не хуже. Она была легкой, со встроенными сенсорными замками на обтюраторе и очень прочной. Они проформы ради поторговались о цене, остановившись, наконец, на сумме девяносто шесть и двадцать сорок кредитов. Он, вероятно, мог сократить цену еще на кредит, но его слишком занимали мысли о путешествии — до такой степени, что торговец осведомился о его здоровье.

В квартире он не очень удивился, обнаружив, что все его ценное и полезное имущество умещается в одну сумку. Он почувствовал лишь легкий укол сожаления. Он огляделся, ища, чего бы еще взять, но постель не влезла бы, равно как и его портативная кухня. В любом случае он сомневался, что будет испытывать на корабле недостаток в том и другом. Воспоминания же удобно хранились где-то в другом месте. Он повесил сумку на плечо и покинул комнату.

Консьержка осторожно поглядела на него, когда он приготовился оставить ей ключи. Она была в общем-то хорошей женщиной, но отличалась необыкновенной подозрительностью. В ответ на ее настойчивые расспросы он сказал только, что отправляется в довольно продолжительное путешествие и понятия не имеет, когда вернется. Нет, он не скрывается от закона. Он видел, что женщина страдает болезнью, известной как пристрастие к телевидению, и ее воображение соответственно отравлено. Не сохранит ли она комнату за ним до его возвращения? Сохранит... за четырехмесячную квартплату, авансом, если позволите. Он предпочел не спорить и заплатить. Это отрезало большой кусок недавно заработанных ста кредитов, но он обнаружил, что спешит как можно быстрее истратить эти деньги.

Он вышел в ночь. Его рассудок подумывал о сне, но тело, напряженное от скорости, с которой двигались вокруг него события, категорически не соглашалось. Сон стал невозможен. И на улице было приятно. Он двинулся на огни и шум, погружаясь в знакомую горячку рынка. Он смаковалочные запахи продуктового полумесяца, хриплое уханье пекарей, продавцов и лотошников, здоровался со знакомыми и тоскливо улыбался иногда изящному лицу, выглядывавшему из пастельно освещенных окон менее респектабельных салунов.

Бывало, он замечал особенно знакомое лицо. Тогда он лениво подходил, и они некоторое время дружески болтали, обмениваясь рассказами и сплетнями, которых у

Флинкса всегда имелся большой запас. Потом богатый торговец или бедный нищий трепал на счастье ему рыжие волосы, и они расставались.

Если бы джунгли можно было организовать и обложить налогами, их назвали бы Дралларом.

Он прошел почти милю, когда заметил легкое посветление западного небосклона, означавшее приближение первого тумана (настоящей зари на Мотыльке не бывало). Время летело быстрей, чем ожидалось. Вскоре ему надо быть в порту, но осталось сделать одно последнее дело.

Он резко повернул направо и заспешил по хорошо известным ему переулкам и проходным. Поближе к центру рынка, где ночью было тише, чем на окраинах, он вышел к крепкому небольшому щитовому зданию. На его стенах рекламировались все виды металлических изделий, какие только продавались. На внутренней стороне двери имелся цифровой замок, но он знал, как обойти это препятствие, и осторожно закрыл за собой дверь.

В маленьком здании стояла темень, но свет просачивался в открытые края крыши, пропускавшие воздух, но не воров. Он тихо прокрался в заднюю комнату, не нуждаясь даже в этом сумеречном свете. Старуха спала там, тихо храпя, на простой, но с роскошным одеялом постели. Дышала она неглубоко, но ровно, и на древнем лице играло то, что можно было назвать понимающей улыбкой. Конечно, чушь. Он постоял несколько долгих мгновений, глядя на морщинистое пергаментное лицо. Затем нагнулся. Мягко откинув в сторону хорошо причесанные седые волосы, он один-единственный раз поцеловал костлявую щеку. Женщина пошевелилась, но не проснулась. Он отступил из комнаты так же тихо, как вошел, не забыв запереть за собой замок на главной двери.

Затем повернулся и двинулся проворной трусцой в направлении челночного порта. Пип каменно дремал у него на плече.

VII

Огромный порт располагался на приличном расстоянии от города, чтобы его дым, шум и торговая суета не мешали делам народа и сну короля. Идти туда было слишком далеко. Он остановил запряженного ми пахом рикшу, и возница направил быстроногого зверя бегом в

порт. Мипахи бегали проворно и могли огибать пробки, созданные более современным транспортом. Это был спортивный способ путешествовать, и свистевший ему в лицо влажный ветер стирал последние остатки начавшей одолевать сонливости. Так как животные являлись чистыми спринтерами и годились только для одной долгой пробежки на час, они были очень дороги. Они пролетали мимо более медленных машин и больших грузовиков на воздушной подушке, везших тонны товаров из порта. Бедняки Мотылька шли по обочине шоссе, как ходили веками и, несомненно, будут ходить еще века. На Мотыльке не имелось общественных движущихся тротуаров, какие можно в изобилии встретить в столицах более цивилизованных планет. Помимо их дороживизны, кочевое население имело склонность нарезать их на металлы.

Когда он добрался до района рядом с суетой коммерческих пусковых шахт, находящегося, по его мнению, поблизости от частных причалов, он расплатился с возницей; выгрузился и поспешил к большим трубообразным зданиям. Он неплохо знал расположение порта благодаря своим многочисленным экспедициям сюда в детстве. Он не мог догадаться, откуда у него взялся интерес к этому месту. Уж, конечно же, не от Матушки Мастифф. Но порт с раннего возраста всегда завораживал его своей связью с другими мирами и расами. Когда ему удавалось ускользнуть от бдительного родительского ока, он добирался сюда, часто проходя весь долгий путь на коротких нетвердых ногах. Он часами сидел около поседевших старых матросов, посмеивающихся над его интересом и рассказывавших свои даже более старые, чем они, повести о пустоте космоса и точечках жизни и сознания, рассеянных по нему. А он почтительно внимал, жадно впитывая услышанное. Бывали случаи, когда он оставался до темноты, а потом очень осторожно крался домой, всегда в поджидавшие и дающие нагоняй объятия Матушки Мастифф. Но в порту он делался разве что не загипнотизированным. Больше всего он любил рассказы о межзвездных грузовозах, этих огромных, похожих на дирижабли судах, преодолевавших громадные расстояния между обитаемыми мирами и перевозивших странные грузы и еще более странных пассажиров.

— Ты пойми, сынок,— говорили ему матросы,— как бы не было грузовозов, вся чертова вселенная развалилась бы к чертям собачьим, и сам Хаос вернулся бы править.

Теперь, возможно, у него будет шанс лично увидеть одно из этих легендарных судов.

Позади него послышалось приглушенное рычание, и, обернувшись, он увидел, как прыгнул в космос объемистый силуэт грузового челнока, оставляя знакомый кремово-алый след. Звукопоглощающий материал его шахты еще больше усиливало многослойное стекло самого здания, призванного приглушить рев ракет и реактивных двигателей. Он уже много раз видел подобное зрелище, и, казалось бы, какая-то частичка его отправляется в космос с каждым новым взлетом. Он поспешил дальше, разыскивая портового служащего.

Приблизительно каждые пятнадцать минут в Дралларском порту приземлялся или взлетал челнок. А этот порт был не единственным на планете. Некоторые частные порты, принадлежащие лесозаготовительным компаниям, ничуть не уступали ему по величине. Челноки вывозили древесину, меха, легкие металлы, продукты, привозили машины, предметы роскоши, торговцев и туристов. Кипу пластиковых панелей проверяла фигура в черно-белой клетчатой форме док-стюарда. Он поспешил туда.

Док-стюард оценил взглядом одежду, возраст и сумку Флинкса и взвесил эти факторы против явно опасной рептилии, бдительно свернувшейся вокруг плеча юноши. Он обдумывал, отвечать ли ему на поставленный Флинксом краткий вопрос. Мимо проезжал на скутере еще один, старший стюард. Он притормозил и остановился.

— Затруднения, Прин?

Док-стюард благодарно посмотрел на своего начальника.

— Эта... личность... желает узнать, где частные причалы Дома Малайки.

— Гм!

Старший стюард окинул взглядом терпеливо ждущего Флинкса. Тот ожидал чего-то в этом роде, но прочел со стороны старшего только добрые намерения.

— Так скажи ему. От того, что дашь поглазеть на корабли, вреда не будет, а, может, у него и в самом деле есть причина быть там. Я видел на борту у Малайки и более странных.

Он прибавил оборотов у скутера и умчался по сводчатому коридору.

— Пятая шахта, вторая поперечная труба налево,— неохотно объяснил стюард.— И помни: больше никуда!

Но Флинкс уже тронулся в указанном направлении.

Найти его было нетрудно, но выдвижной трап оказался бесконечным. Он испытал облегчение, увидев высокую фигуру поджидавшего его коммерсанта.

— Рад видеть, что ты появился, киджана! — проревел он, хлопая Флинкса по спине.

К счастью, тот сумел уклониться от основной массы удара.

— Ты прибыл последним. Все остальные уже на борту и надежно пристегнуты. Отдай свою сумку стюарду и пристегнись сам. Мы как раз готовимся отрываться.

Малайка исчез впереди, и Флинкс отдал сумку служивому на вид молодому парню, носившему герб Дома Малайки (скрещенные звездолет и пачка кредитов) на фуражке и куртке. Тот нырнул в низкую дверь в задней части членка, оставив Флинкса одного в маленьком шлюзе. Чем стоять там, подпирая стену, пока стюард не вернется, он предпочел двинуться в пассажирскую каюту и найти себе пустое место.

Поскольку членок был частный, а не коммерческий, он уступал по размерам большинству. В низком узком салоне имелось только десять сидений. Судно спроектировали явно не для продолжительных путешествий. Украшения по стилю приближались к барокко. Он окинул взглядом сиденья в узком проходе.

Первые два кресла занимали Малайка и его Рысь, Сиссиф. Она для разнообразия облачилась в мешковатый комбинезон, но он только подчеркивал красоту ее лица. Во втором ряду сидели, свесившись в проход, Бран Цзэ-Мэллори и Трузензюзекс, оживленно, по-дружески спорившие о каком-то предмете, оставшемся непостижимым для Флинкса на всех уровнях восприятия. Затем шли два пилота звездолета, Ата-Мун и человек-тень, Вульф. Оба внимательно смотрели, но на разные вещи. Ата глядела в иллюминатор, наблюдая обычные приготовления к взлету. Глаза же мужчины непоколебимо сфокусировались в невидимой точке в шести дюймах от его носа. Лицо его, как обычно, совершенно ничего не выражало. Он оставался непроницаемым.

Внимание Аты постоянно переключалось с того, что происходило вне их крошечного судна, на происходящее в передней части салона. Она то и дело высовывала голову в проход или заглядывала за спинку сидения перед ней, особенно когда оттуда доносились необычно громкое хихиканье или смешок. Вероятно, она считала, что не привлекает к себе внимания. Наверное, и не заметила,

что он поднялся на борт позади нее. Во всяком случае, присутствие Вульфа ее, кажется, не заботило. Даже отсюда он видел, как вибрируют мускулы ее шеи и щек, как пытает лицо, учащается дыхание, реагируя на то, что она видит. Реакция была не сильной, но все же...

Он покачал головой. Они еще даже не добрались до корабля, а уже складывалась взрывчатая ситуация. Он не мог сказать, сколь долго она образовывалась, но знал одно: лично он не желал быть поблизости, когда этот нарыв, наконец, лопнет.

Он гадал, имеет ли Малайка хоть малейшее представление о том, что его личный пилот, верно служившая ему шесть лет, безнадежно влюблена в него.

Оставалось немало пустых кресел, он выбрал находившееся позади Аты. Не то что он так уж сильно предполагал его любому другому, но он старался держаться как можно дальше от загадочного Вульфа. Он не мог прочесть мыслей этого человека и поэтому все еще не был уверен в нем. Как и во многих других случаях, он желал бы, чтобы его своеобразные таланты проявлялись не столь оригинально. Но когда он направил внимание на Вульфа, то обнаружил только одну рассеянную пустоту. Занятие это походило на поиски в густом тумане. Роса плохо сохраняла следы.

Громкоговоритель в салоне дал краткое предостережение, и Флинкс почувствовал, как от гидравлического подъема членока корабль накренился. Вскоре он занял устойчивое положение под углом взлета в семьдесят градусов.

Когда Флинкс пристегивался, то осознал еще одну проблему. Пип по-прежнему удобно обивался вокруг его левого плеча. Это определенно не годится! Как же им управляться с дракончиком? Он подозвал стюарда. Тот влез наверх по проходу, держась за ручки, приделанные с краю кресел. Он осторожно посмотрел на змея и стал немного вежливей.

— Ну, сэр, он, кажется, умеет весьма хорошо держаться хвостом, однако не может оставаться на том же месте, потому что будет раздавлен при взлете между вашим плечом и креслом.

Тон, каким он это произнес, ясно давал понять, что он был бы не прочь наблюдать такой исход, и спустился обратно по проходу.

Флинкс огляделся и, наконец, сумел побудить змея перебраться на толстый подлокотник кресла напротив

него. Поскольку Пип был существом, жившим на деревьях, Флинкса намного больше волновало то, как он прореагирует на давление при взлете, чем на невесомость, не упоминая уже о том, как сумеет справиться сам.

Ему не требовалось беспокоиться. Роскошное суденышко взлетело так плавно, что давления практически не возникло, даже когда вместо реактивных двигателей включились ракеты. Оно было не хуже, чем тяжелое одеяло у него на груди, и мягко прижимало его к глубокому креслу. Приглушенное гудение ракет едва проникало в хорошо изолированный салон. В целом он испытывал лишь слабое ощущение дезориентации. По контрасту, Пип, похоже, пребывал чуть ли не в экстазе. Тут он вспомнил, что Пип прибыл на Мотылек в космическом корабле, следовательно, подвергался подобному испытанию прежде по меньшей мере два раза. Его опасения оказались беспочвенными. Но они сослужили свою службу, отвлекли его мысли от полета. Еще один взгляд на мини-дракончика показал, что его узкая голова раскачивается из стороны в сторону, а нераздвоенный язык быстро снует туда-сюда, касаясь всего в пределах досягаемости. Перепончатые крылья разворачивались и хлопали от чистого удовольствия.

После того, как ракеты отключились и маленький корабль поплыл в невесомости, Флинкс почувствовал себя достаточно акклиматизировавшимся, чтобы протянуть руку и взять змея. Он опять поместил его на прежнее место на плече. Ощущение, что змей на привычном месте, как всегда, успокаивало. А то проклятая тварь чересчур уж забавлялась. А что им определенно не нужно в начале экспедиции, это ядовитая рептилия, как безумная, летающая при невесомости в ограниченном пространстве салона.

Они миновали несколько судов на парковочной орбите вокруг планеты, включая одну из огромных заправочных станций для челноков. Некоторые из гигантских судов находились под погрузкой или разгрузкой, вокруг них плавали, искрясь, словно алмазная пыль, люди в скафандрах. Глаза юноши впитывали все. Один раз, когда челнок повернулся на девяносто градусов вбок и двинулся по прямой на стыковку со звездолетом, в поле зрения величественно всплыла находившаяся под ними планета.

Под этим углом зрения были ясно видны знаменитые кольца-крылья. Лучистые масляно-холодные слои камня и газа в соединении с блестевшими сквозь разрывы в облачном покрове, как сапфиры, озерами делали планету более

чем когда-либо похожей на земное насекомое, в честь которого ее назвали.

Он лишь на короткий миг увидел мельком их корабль «Славную Дырку». Этого оказалось достаточно. Зажатая между раздутыми грузовозами и пузатенькими транспортными судами, она выглядела, словно породистое животное на скотном дворе. Хотя она и имела (это было неизбежно) форму корабля с КК-двигателем, дирижабля, воткнутого в конец разводного ключа, контуры ее отличались от других судов. Один конец отводился для размещения пассажиров и груза, а поршень другого служил нагнетающим вентилятором для позигравитационного двигателя. Вместо того, чтобы быть широким и неглубоким, как тарелка, нагнетающий вентилятор «Славной Дырки» был уже и глубже, как кубок. А пассажирско-грузовой отсек хоть и походил на дирижабль, но был вытянутым, заостренным. Просто по одному внешнему виду всякий мог определить, что «Славная Дырка» летала быстрее любого грузовика или космического лайнера. Она была одним из самых прекрасных среди когда-либо виданных им предметов.

Он ощутил легкое подергивание ремней, когда челнок состыковался с переходным шлюзом большого корабля. Следуя инструкциям стюарда, он освободился от сдерживающих ремней и поплыл вслед за другими в трубу-пуповину, перебирая руками по выдвижной лестнице. Роскошь «Славной Дырки» по сравнению с описанными ему грузовиками вскоре сделалась очевидной. Шлюз звездолета был отделан мехом.

Стюард и Малайка обменялись короткими фразами, и молодой человек в форме поплыл обратно в трубу, таща за собой трос. Спустя немного времени дверь закрылась, и они оказались практически отделенными от челнока.

— Если вы все последуете за мной, держитесь за скобы, мы перейдем в салон.

Малайка поплыл к выходу из шлюза.

— Ата, ступай с Вульфом в рубку и заводите двигатель. Давайте-ка устроим здесь какую-то приличную гравитацию. Я вам не буйбуи, чтобы ткать собственную паутину! Вы знаете, где ваши каюты.

Ата и Вульф уплыли в боковой проход.

— Остальным же я покажу номера сам.

Салон представлял собой сказочную страну из стекла, дерева и пластика. По всему большому помещению висе-

ли на тонкой, но прочной сети из пластиковой паутины пузыри из хрустяля, содержащие разные виды водной жизни ярких цветов. Сквозь зеленый мех пола прорастали настоящие деревья, все, как одно, являвшиеся образчиками произрастающих на Мотыльке видов. С потолка, являвшегося трехмерной солоидной картиной открытого неба в комплекте с облаками и солнцем, свисали подобно тучам металлические скульптуры, покрытые слоем пыли от самоцветов. «Небо» это начинало темнеть, эффективно стимулируя закат, происходящий на какой-то стороне планеты внизу. Странные сравнения приходили тут на ум, но Флинкс по какой-то причине лучше всего мог уподобить вызываемое ощущение с прохождением сквозь особенно светлое пиво.

Корабль содрогнулся раз-другой, и он почувствовал, как к его телу начинает возвращаться вес. Он поплыл к боковой двери, а потом начал неистово молотить руками воздух, чтобы приземлиться на ноги, а не на голову. Один быстрый взгляд показал, что никто из других пассажиров схожих трудностей не испытывал. Сиссиф поддерживал Малайка, а Цзе-Мэллори и Трузензюзекс даже не потрудились прервать свой спор. Он сердито заставил свои сбившиеся с пути ноги оказаться внизу. Никто не сделал никаких замечаний по поводу данных затруднений, за что он был благодарен. Через короткий промежуток вернулась полностью гравитация.

Малайка прошел к тому, что походило на кактус, но оказалось на самом деле баром.

— На протяжении всего путешествия мы будем сохранять гравитацию в девяносто пять процентов от нормы. Возможно, большинство из вас не привыкло поддерживать в космосе мускульный тонус.

Флинкс быстро проверил склад ума двух ученых и усомнился в точности замечания Малайки.

— Поэтому я колеблюсь устанавливать ниже этого. Небольшой разницы будет вполне достаточно для хорошего настроения, и она приблизительно та же, что мы встретим при посадке у нашей цели. Этот салон станет постоянным местом сбора. Обеды будут подавать сюда автоЛефповаром, если вы не предпочтете есть в своей каюте. Надежа, я покажу вам ваши...

Флинкс провел три дня, изучая свою. Она была набита фантастическими приборами, выпрыгивающими на тебя из пола, потолка и стены. Приходилось следить за каждым своим шагом. Нажмешь не на ту кнопку — тебя окатит

теплой водой безотносительно к твоему наряду в данный момент. Это приводило в уныние, особенно когда он пытался постричься. К счастью, никто не мог засвидетельствовать этого, кроме Пипа.

Он озабоченно следил, как его приятель отнесется к ограничениям жизни на борту корабля. Все прочие, за исключением, возможно, Сиссиф, приспособились к присутствию рептилии. Поэтому с данной стороны у него не возникало причин для беспокойства. Как оказалось, не возникло и никаких других. Дракончик стремительно летал туда-сюда среди пилонов и пластиковых гобеленов салона, словно они принадлежали ему, до одури пугая обитателей стеклянных шаров. Иногда он повисал, как летучая мышь, на особенно привлекательной искусственной или настоящей ветке. Когда обнаружилось, что селектор пищи в их каюте мог доставлять свежие кусочки мяса в и од о р а, довольство змея было гарантировано.

Они уже несколько дней удалялись из звездной системы с медленной, но постоянно нарастающей скоростью. Малайка был в благодушном настроении, и поэтому когда Флинкс попросил разрешения присутствовать на подхвате в Рубке во время перехода, коммерсант благосклонно согласился. Коль скоро они совершат первоначальный прыжок за пределы скорости света, при переходе степень их ускорения станет громадной.

Внешне никто другой не разделял его любопытства. Малайка уединялся в каюте со своей Рысью. Цзе-Мэллори и Трузензюзекс проводили большую часть времени в салоне и беседовали на языках и о предметах, из которых Флинкс мог только иногда хоть что-то уразуметь. Он опять возвращался к размышлениям об их полнейшей непринужденности и знакомстве с путешествиями на звездолетах.

Малайка пообещал прийти в рубку во время перехода и объяснить Флинксу, что и как. Но когда пришло время, Сиссиф стала дуться из какого-то непостижимого пренебрежения, и коммерсанту пришлось остаться с ней в каюте. Он поручил Ате ответить вместо себя на любые вопросы Флинкса относительно работы корабля и двигателя. Она подтвердила получение приказа с нескрываемым отвращением.

Флинкс пришел к выводу, что именно ему-то и придется прервать молчание, вызванное бесцеремонностью их первой встречи. Иначе они могут не обменяться ни словом за все путешествие, а даже большой космиче-

ский корабль слишком мал по площади для сохранения состояния враждебности.

Он вошел в рубку и подошел сзади к ее креслу. Вульф находился на противоположной стороне помещения. Она ничего не сказала, но он знал, что она заметила его приход.

Он прочел в ее взгляде прямоту и решил ответить тем же.

— Послушайте, я не собирался пинать вас там, в башне, в прошлый раз.

Она повернулась и вопросительно взглянула на него.

— То есть я не собирался пинать вас, а собирался пнуть... о черт!

Объяснение не казалось таким сложным, когда он мысленно репетировал его. Конечно, тогда ему не приходилось бороться с густым красно-карим цветом этих глаз.

— Я думал, что вы шпион, или убийца, или что-то в этом духе. Вы, разумеется, не выглядели так, словно вам место там, где вы находились, и поэтому я выбрал наименее кровавый путь, какой только мог придумать, чтобы принудительно вывести вас на открытое пространство. Это сработало, вы оказались не тем, чего я ожидал, и я извиняюсь. Вот. Мир?

Она поколебалась, а потом лицо ее смягчилось в смушенной улыбке. Она протянула руку:

— Мир!

Он поцеловал ее, вместо того, чтобы пожать, и она повернулась, довольная, обратно к своим приборам.

— Знаете, на самом-то деле вы были правы. Мне было совершенно нечего делать там, где я находилась. Равно как и заниматься тем, чем я занималась. Неужели я со спины выгляжу такой похожей на убийцу?

— Напротив, напротив.

Затем внезапно:

— Ваш босс очень привлекает вас, не правда ли?

Ее лицо дернулось вверх от удивления. Иной подумал бы, что он только что раскусил одну из величайших тайн вселенной. О Древо, неужели она настолько наивна?

— Право... право, что за предположение! Какая совершенно нелепая мысль! Что заставляет?.. Э, у вас есть какие-нибудь вопросы о корабле? Если нет, то я за...

Он поспешил спросил:

— Почему, хотя этот корабль бесконечно сложнее челнока, обоим требуется одинаковый экипаж из трех человек?

Он знал ответ, но хотел поддержать разговор.

— Причина вот, прямо тут...

Она показала на ряд огоньков и приборов вокруг них. Из-за того, что они столь сложны, требуется много автоматики просто для управления. На самом деле «Славная Дырка» большую часть времени прекрасно управляетя сама собой.

— Если не считать передачи инструкций и принятия решений, мы находимся здесь просто на случай непредвиденной ситуации. Например, межзвездная навигация чрезчур сложна для ума человека или транксов, чтобы управиться с ней на любом действительно практическом уровне. Звездолеты должны управляться машинами, иначе они вообще были бы невозможны.

— Понимаю. Под мелкими ситуациями и непредвиденными вы подразумеваете вещи вроде перехода?

— О, от перехода нет никакой настоящей опасности. Компании любят превращать это в большое дело, чтобы вызвать у пассажиров легкую дрожь возбуждения. Разумеется, время от времени услышишь о каком-нибудь происшествии. Допустит метеор нарушение границ гравитационного колодца во время смещения, а шансов на это — миллион к одному, и корабль вывернется наизнанку или совершил что-то равно странное. Это настоящие исключения. Трилевидение и фотогазеты раздуют это происшествия до масштабов, совершенно не соответствующих их частоте. Обычно от этого не больше неприятностей, чем если перешагнуть с суши на плывущую лодку.

— Рад это слышать. Не думаю, что мне доставило бы удовольствие оказаться вывернутым наизнанку. Это случилось со старым «Куррионом», не так ли?

— Ну да. Это было в две тысячи четыреста тридцать третьем году, по старому календарю. На самом деле нам приходится беспокоиться только о том, чтобы поддерживать центр поля расположенным постоянно по отношению к вееру и генератору. Об этом по большей части заботятся компьютеры. Коль скоро оно упадет слишком далеко впереди или слишком близко, придется остановить корабль, а потом начать все заново. Это отнимает массу времени на ускорение и торможение, а дело это не только дорогое, но и хитрое. Если поле начнет вибрировать, корабль может рассыпаться на куски. Но, как я сказала, со всем этим за нас справляются компьютеры. Исключая, конечно, непредвиденные обстоятельства.

— Я никогда не бывал раньше на корабле с КК-двигателем. Хоть я и не физик, не могли бы вы дать мне

быстрое объяснение, как действует эта штука? Такое, что мог бы понять даже мой простой ум?

— Ладно,— вздохнула она.— Генератор Каплиса... а именно его мы и держим на «веере» впереди... делает вот что: он по существу производит мощную концентрацию гравитационного поля на носу корабля. Как только это поле превышает естественное поле корабля, корабль движется к нему, естественно притягиваемый телом с большей массой, чем у него самого. Являясь частью корабля, КК-двигатель, перемещаясь вперед, настроен сохранять поле на постоянном расстоянии от корпуса судна. Поэтому поле тоже передвигается вперед. Корабль опять пытается догнать его, и так далее до бесконечности. Поле по существу тянет корабль, вместо того, чтобы толкать его, как делают ракеты челнока. КК-суда на самом деле передвигаются серией непрерывных рывков, настолько стремительных, что они кажутся одной плавной тягой. Скорость корабля определяет увеличение или уменьшение размеров поля. Так как гравитация является волновым, а не корпускулярным видом энергии, то на нее приближение к скорости света влияет на так, как на массу. КК-поле создает позади себя конусовидную зону напряжения, в которой масса ведет себя иначе, чем при нормальных обстоятельствах. Вот почему, когда мы превышаем скорость света, я не вижу сквозь вас или что-нибудь в этом роде. Коль скоро мы совершаем этот первоначальный прорыв или «переход», скорость нашего путешествия страшно возрастает. Это что-то вроде скачка верхом на очень хорошо управляемом снаряде СККАМ. Наша первоначальная мощь берется от небольшой водородной «запальной свечи» — иногда я гадаю, откуда взялось это выражение,— установленной неподалеку от генератора, расположенного в трубчатой части корабля. Коль скоро поле возникло, его можно в определенной степени «канализировать». Именно отсюда мы и получаем гравитацию для корабля и энергию для освещения, автобара и всего прочего. На случай отказа двигателя имеются заготовки для превращения веера в старый двигатель конного типа, получающий энергию от водородной свечи. Потребовалось бы двенадцать лет при наивысшей его скорости, чтобы добраться до Кабеля от Мотылька, ближайшей населенной планеты. А дальше в пространстве — там, где звезды более рассеяны, дело обстоит еще хуже. Но лучше через двенадцать с чем-нибудь лет, чем никогда. Оказавшиеся на мели корабли спасали-таки этим способом —

тех, что сумели преодолеть трудности вроде отсутствия продовольствия или безумия. Но процент отказа у КК-двигателей мизерный. Только изредка человеку удается раздобрать его.

— Спасибо,— поблагодарил ее Флинкс.— Это помогает... в некотором роде.

Он бросил взгляд на Вульфа, увидел, что тот совершенно погрузился в работу, и понизил голос:

— Между прочим, я думаю, что вы, возможно, неправильно представляете себе, что такое Рысь.

— Проститутка,— автоматически ответила она.

— Угу, Рыси — это группа прекрасных честолюбивых женщин, не рассматривающих пожизненный брак как конечный итог развития цивилизации. Они предпочитают переходить от одного интересного мужчины к другому.

— Именно так я и слышала. И видела. Все равно это вопрос мнения.

Она подчеркнуто фыркнула.

Он направился к выходу.

— Поэтому, я думаю, вам незачем беспокоиться, что Сисиф или любая другая остановится на вашем коммерсанте навсегда.

— Слушайте! — закричала она.— В последний раз вам говорю, я...— она резко снизила тон, когда Вульф с любопытством посмотрел в ее сторону: — Я не влюблена в Максима Малайку!

— Разумеется, разумеется,— отозвался из дверей Флинкс.— Это сразу видно.

И лишь короткое время спустя, просматривая видеозапись в своей каюте, он вдруг сообразил, что пропустил переход.

VIII

Телин ауз Руденуаман непринужденно отдыхала в своих комнатах большого поместного комплекса тетки. Одета она была скучно, то есть по меньшей мере столь же мало, как и огромный мужчина, стоявший перед зеркалом, восхищаясь игрой своих мускулов.

— Рори,— обратилась она к потолку.— Ты ведь любишь меня, не правда ли?

— Гммм, угу,— отозвался мужчина, сгибая колено и разминая мускулы предплечья.

— И ты сделаешь для меня все, что угодно, не правда ли?

— Угум,— гммм.

— Тогда почему же,— внезапно закричала она,— ты, черт возьми, ничего не сделал этим утром, когда старая ведьма набросилась на меня?

Мужчина вздохнул и с сожалением повернулся от зеркала лицом к ней. Тело его было твердым, но лицо удивительно мягким, почти детским. Прекрасным и мягким. Выражало оно дружелюбие и определялось лучше всего как до крайности бессмысленное.

— Телин, милая, я мог бы кое-что сказать, но чего бы я этим добился? Только вызвал бы у нее больше подозрений по отношению к нам. Она все равно твердо решила задать тебе жару, и все сказанное мной вряд ли смогло бы отвратить ее. Кроме того, она, знаешь ли, была права. Ты-таки напортачила с этим...

— Мне не интересно. Этого я наслушалась утром от нее. Наверняка ведь она не могла ожидать, что я буду отвечать за неумелость людей, нанятых в первую очередь ее ребятами.

Рори Маллап ван Клесф опять вздохнул и начал натягивать золотой халат.

— Полагаю, что так, милая. Но, впрочем, когда она вообще бывала в чем-либо разумна? Я действительно не понимаю тонкостей таких дел. Она сделалась страшной сукой, не правда ли?

Телин выскользнула из постели и, подойдя к нему, села рядом. Она по-хозяйски обняла его за массивные плечи.

— Слушай, Рори, я уже говорила тебе. Мы можем добиться хоть какого-то счастья только одним способом — ликвидировав старую блядь раз и навсегда.

Рори усмехнулся. Природа не обделила его чувством юмора, хоть и крайне примитивного.

— Ай-яй-яй, разве можно так говорить о любимой тетушке?

— Да. Только так и можно говорить о ней. И я при том ей льщу. Каждый раз, когда мы обсуждаем ее ликвидацию, во мне берут верх инстинкты милосердия. Но если конкретней...

— Пожалуйста, милая, я сейчас не в настроении.

— Рори,— она снова села.— Ты любишь меня... или ее?

— Не надо непристойностей, милая! Ты понятия не имеешь, ни малейшего понятия, какая это трудная

задача — необходимость постоянно изображать интерес к этому мешку хирургических чудес. Особенно,— он притянул ее к себе на колени и поцеловал,— после тебя.

— Ммм. Вот такие речи от тебя мне нравится слышать! — Он снова заставил ее замурлыкать.— Значит, ты посодействуешь мне?

— Как я уже говорил, если ты выдвинешь разумный план. Любовь не любовь, а я не намерен провести остаток своей жизни на каком-нибудь тюремном спутнике из-за какого-то только наполовину разработанного плана. Я не гений, но достаточно умен, чтобы понимать это. Потому пошевели мозгами за нас обоих. А я обеспечу любые требующиеся мускулы, которых,— добавил он, любовно разминая трицепс,— у меня более чем достаточно.

Она выскользнула из его объятий и сердито топнула по покрытому пушистым мехом полу, что вызвало интересное воздействие на остальное ее тело.

— Перестань хоть на минуту восхищаться самим собой и попытайся быть серьезным. Убийство — не забава.

— Отнюдь, когда оно связано с твоей теткой.

— О, ты невозможен! Ладно, слушай, ты хоть знаешь, как она любит купаться в том бассейне, маленьком, там, где все эти красивые рыбки, улитки и прочие?

Глаза ее сузились в щелки.

— И что она никогда не упускает возможности ежедневно поплавать?

— Да, я знаю это место. Ну и что?

— Будет ведь очень просто заминировать этот бассейн, как тебе кажется?

Он с сомнением покачал головой.

— Ее люди такое заметят. Ты же знаешь, как она осторожна.

— Не заметят, если мы замаскируем мину под одну из тех проверенных лягушек или где-нибудь еще!

Она так и сияла.

— Да, под лягушку. Я уверена, что такое устройство можно изготовить. Да, водонепроницаемое, небольшое, но тем не менее способное вместить смертельный заряд. А ты сможешь, пока я подбрасываю эту штуку в воду, гм, «усыпить» на минуту охранника, больше нам не понадобится.

— План кажется неплохим, милая. Да, я тоже так думаю! — Он поднял ее с пола и нежно поцеловал.— Мне, однако, интересно узнать одну вещь. Почему ты раньше не придумала что-нибудь в этом роде?

Губы ее скривились в жестокой улыбке, которая, как она знала, была почти точной копией улыбки тетки.

— О, я придумывала, придумывала. Но до этого утра я не испытывала на самом деле достаточного повода. Сегодня я, наконец, убедилась, что она совершенно обезумела. Будет добрым делом подарить ей вечный сон.

Рашалейла Нуаман отключила экран слежки и по-кошачьи улыбнулась про себя. Щедрость и заботливость ее племянницы ну просто потрясали. Так значит, она набралась, наконец, достаточно смелости, чтобы действительно спланировать это дело! Да, самое время. Но доверить такое дело этому болвану ван Клеефу! Це-це-це! Плохой он советчик, плохой. Как вообще мог кто-то в любить ся в автомат, полнейшее ничтожество, вроде этого! О, разумеется, в постели он великолепен. Но за ее пределами он — ничто, пустое место, нуль. Само собой с добрыми намерениями и любящий. Как большой щенок. А, ладно. Пусть себе наслаждается своими играми. Это будет хорошей практикой для Телин. Поднимет ее уверенность в себе и все такое. В конечном итоге, однако, бедняжку придется резко привести в чувство. Она захихикала. Такие безделицы прекрасны, но не в рабочее время. А это кое о чем напоминает. Надо поручить смотрителю убрать всех этих миленьких лягушечек. По крайней мере, временно. Нет смысла зря держать их. Мож но завтра на обед.

Она немного поспешила выключить экран. Внизу стимулированный ум ее племянницы осенила новая мысль.

— Нам также следует держать старую суку в состоянии неуравновешенности, Рори. Пока попытаемся пробить это дело. Она, знаешь ли, не полная идиотка.

— Я полагаю, это неплохая мысль, — отозвался ван Клееф, разминая квадрицепсы. — Ты что-нибудь придумаешь.

Лицо ее осветилось.

— Я придумала. О, я придумала!

Она потянулась и подошла к фарфоровому столу. Потайная кнопка открыла экран связи, который, как она знала, не прослушивался автоматическими мониторами слежки ее дорогой тетушки. Это была единственная машина в поместье, чью схему она проверила сама. Она выбила быструю высокоскоростную серию цифр, помчавшую ее вызов по особой и очень секретной системе ретрансляции к тому сектору пространства, с которым мало кто имел контакты.

В конечном итоге экран прояснился, и лицо начало обретать четкость.

— Ну, доброго света вам, Амувен ДЕ, и да будет в вашем доме всегда полно пыли.

Лицо Аннского бизнесмена сморщилось в зубастой улыбке.

— Как всегда, как всегда. Очень рад снова видеть вас, госпожа Руд!

IX

Флинкс уже какое-то время молча глядел в главный иллюминатор, отлично сознавая, что позади него кто-то есть. Но повернувшись он сразу, это породило бы ненужную неловкость. Он повернулся только сейчас, увидел двух ученых и осознал, что с его стороны ничего не требовалось. Они растянулись на шезлонгах и глядели на великолепный хаос искаженных двигателями небес. Не обращая внимания на пристальные взгляды, призматическое великолепие текло дальше без изменений.

— Не беспокойся на счет нас, Флинкс. Мы пришли сюда ради того же. Насладиться зреющим.

Философ вернулся мысленно к большому иллюминатору и искаженным эффектом Допплера солнцам, пылавшим намного резче, чем когда-либо в естественном состоянии.

Но сосредоточенность и настроение Флинкса были уже нарушены. Он продолжал стоять лицом к двум ученым.

— Сэры, вам не кажется странным, что столь многим бывает так трудно поладить друг с другом. Вы, принадлежащие к двум предельно различным расам, сумели так хорошо поладить?

— Твои вопросы, юноша, боюсь, никогда не будут отличаться излишней деликатностью.

Цзе-Мэллори повернулся к транксу.

— В былые времена мы с моим другом существовали довольно в тесной, можно даже сказать, интимной связи. Этого требовала наша работа. И не так уж мы сильно различаемся, как ты, возможно, думаешь.

— Я помню, вы несколько раз называли друг друга братьями по кораблю.

— Да? Полагаю, называли. Мы так и не привыкли к мысли, что другие могут счесть это необычным, настолько это естественно для нас.

— Вы были артиллерийским расчетом?

— Нет,— ответил Трузензюзекс,— мы летали на стингере. Маленьком, быстроходном, с единственным средним проектором СККАМ.

— Что же касается наших отношений, не связанных с корабельной жизнью, Флинкс, то я не уверен, что мы с Тру можем дать тебе объективный ответ. Наши личности, кажется, просто-напросто дополняют друг друга. Всегда дополняли. Взаимопрятяжение между людьми и транксами — это нечто такое, над чем не один год бились психологи обеих рас, да так и не дали удовлетворительного объяснения. Есть даже пары и группировки, которым становится физически плохо, если они надолго разлучаются со своей инородной половиной. И это, кажется, действует на обе стороны. Своего рода психологический симбиоз. Субъективно же мы просто чувствуем себя друг с другом крайне удобно. Ты знаешь о событиях, приведших к слиянию, питаро-челанксийской войне и тому подобном?

— Боюсь, только разрозненные отрывки. Регулярное посещение школы — нечто такое, что рано стало избегать меня.

— Гмм! Или, как я подозреваю, наоборот. Тру?

— Расскажи пареньку сам. Я уверен, что он найдет человеческую версию повести более приятной.

— Ладно. Люди и транксы знали друг друга сравнительно короткий период времени. Сегодня в такое трудно поверить, но это правда. Разведкорабли обеих цивилизаций впервые встретились друг с другом немногим больше двух веков назад. К тому времени человечество пребывало в космосе несколько предыдущих з-веков. За это время оно в ходе изысканий и колонизации столкнулось со многими другими чуждыми формами жизни. Разумными и иными. Это относилось также и к транксам, пребывавшим в космосе даже дольше, чем человечество.

С самого начала между двумя расами возникло определенное взаимопрятяжение. Благоприятные реакции с обеих сторон намного перевешивали ожидавшиеся предубеждения и антипатии.

— Подобные чувства существовали также и на транксийских планетах,— вставил Трузензюзекс.

— Я думал, что рассказывать буду я?

— Извини, о всемогущий!

Цзе-Мэллори усмехнулся и продолжал:

— Транксы были столь же чуждой расой, как и все уже встреченные человеком. Стопроцентные инсектоиды

с твердым покровом, открытой системой кровообращения, фасетчатыми глазами, жесткими негибкими сочленениями и восемью конечностями. Они были яйцекладущими. Как выразился комментатор трилевидения, «они были совершенно и великолепно странными».

— Если я правильно помню, ваши люди в то время тоже наделали немало глупостей,— пропищал философ.

Цзе-Мэллори раздраженным возгласом заставил его заткнуться.

— По прошлому опыту можно было бы ожидать, что человеческая реакция на открытие расы гигантских насекомых будет враждебной или, по крайней мере, умеренно параноидной. И человек на своей родной планете тысячи лет сражался с меньшими и более примитивными родственниками транксов. Фактически, хотите верьте, хотите нет, но первоначально слово «жук» имело дополнительный уничижительный смысл. Но к тому времени человечество усвоило, что ему придется жить в мире и гармонии с существами, чья внешность может быть отталкивающей. Делу не помогало и сознание, что многие из тех существ считали человека столь же отталкивающим на вид, как человек их.

Он выжидающе посмотрел на Трузензюзекса, но поченный ученый, по крайней мере временно, притих.

— Потому действительная реакция между людьми и транксами оказалась вдвойне неожиданной. Две расы отнеслись друг к другу, словно пара давно разлученных близнецов. Людей крайне восхищали такие черты транксов, как спокойствие, способность к хладнокровному принятию решений, вежливость и парадоксальный юмор, ибо они искали такие качества в себе. По тому же принципу транксы находили привлекательным в человеке безрассудство в соединении с мозгами, невозможную уверенность в себе и чувствительность к окружению. Как только обе расы проголосовали по вопросу о слиянии и одобрили его подавляющим большинством, несмотря на ожидаемое противодействие со стороны денежных шовинистов, оно оказалось даже менее проблемным, чем предвидели оптимисты. Щелкающая речь транксов с сопутствующими посвистываниями имела на самом деле разумный фонетический эквивалент среди тысяч земных языков и диалектов.

— Африканские разновидности,— произнес словно про себя Трузензюзекс.— Коса (т. е. южноафриканское племя банту).

— Да. Транксы, со своей стороны, могли — с трудом — овладеть главной человеческой языковой системой — земшарским. Конечным итогом многих трудов фонетиков, семантиков и лингвистов с обеих сторон явился язык, который, будем надеяться, соединяет лучшие аспекты обоих. Щелчки, свисты и некоторые из грубых скрежетаний ульречи сохранили в нетронутом виде наряду с большинством более плавных звуков земшарского. Получилось то, что, вероятно, ближе всего к универсальному языку, за исключением телепатии, какой у нас когда-нибудь появится: симворечь. К счастью, для деловых целей большинство других рас с голосовым аппаратом тоже могут сносно овладеть ей, чтобы с ними можно было договариться. Даже Анны, которые, как оказалось, освоили ее лучше, чем большинство. Мигом возникло и распространилось общество взаимного восхищения. Весьма скоро оно перекинулось на другие аспекты нового членкскойского образа жизни. Наши политики, суды и законодатели не могли не восхититься красотой и простотой, с которой соединились у транксов правительство и право. Это практически произведение искусства, построенное, как оказалось, из самой старой структуры Улья. Не то, чтобы она так уж отличалась от древнейших человеческих муниципалитетов и народов-государств. Просто намного разумней. Транкские юристы и магистраты вскоре расчистили массу завалов, забивших человеческие суды. Из-за их высочайшего природного чувства справедливости никто никаким образом не мог обвинить их в пристрастности. С другой стороны, спорт земного происхождения совершенно революционизировал самую большую проблему транксов — проблему досуга. Они просто не представляли, что существует столько организованных способов развлечься. Когда они открыли для себя шахматы и дзюдо, с запусканием «блинков» и тому подобным сразу покончили.

— Черный пояс третьей степени, — гордо заметил Трузензюзекс. — Хотя я и малость поскрипываю от такой деятельности.

— Так я и заметил. Я мог бы продолжать и продолжать, юноша. Человеческие планеты завалили изысканными образцами тонкого мастерства транксов: механизмами, ремесленными изделиями, домашней автоматикой, сложной электроникой и так далее. Даже цвет тел обоих рас был взаимоприятным, хотя запах транксов имел решительное преимущество над человеческим.

— Тут спорить нечего,— пропыхтел философ и за-
служил это еще один острый взгляд.

— Когда транксы заполучили земную литературу, жи-
вопись, скульптуру и такие, кажется, никак не взаимосвя-
занные вещи, как мороженое и детские игрушки...
короче, две расы слились просто изумительно хорошо.
А о величайших челанкских достижениях, модифици-
рованном КК-двигателе ты должен знать. Но покамест
величайшим толчком к слиянию — наряду с питаро-
челанкской войной — было образование Объединен-
ной Церкви. Среди обеих рас существовали мощные,
относительно новые группы со схожими верованиями. Ког-
да они узнали о существовании друг друга, об инород-
ческой организации с практически идентичной теоло-
гией и желаниями, вскоре образовали союз, быстро одо-
левший всех, кроме самых консервативных членов старых
утвердившихся церквей. В немалой степени ее сила заклю-
чалась в том, что она настойчиво называла себя нерели-
гиозной организацией. Впервые народ мог получить духов-
ное руководство высшего уровня без обязательного испове-
дования веры в Бога. В те времена это было настоящей
революцией.

— Насколько мы можем судить,— вставил Трузензю-
зекс,— она все еще уникальна в том, что является
единственным многорасовым духовным учреждением в га-
лактике. В ней есть члены и других рас.

— Боюсь, что я к ней не принадлежу,— сказал
Флинкс.

— Меня это не тревожит. Церковь это действительно
меньше всего волнует. Прозелитизм ей, знаете ли, чужд.
Она чересчур занята важными делами. Разумеется, она
будет рада иметь вас или другого в качестве нового
члена, но вы должны прийти сами. Гора должна идти к
Магомету, потому что Магамет достаточно занят в
свое епархии!

— Что? — не понял Флинкс.

— Забудь об этом. Архаическое выражение. Даже
наш материалист-капитан — член Церкви.

— Я об этом догадался. Верит ли он также в Бога?

— Трудно сказать,— задумчиво проговорил Це-
Мэллори.— Меня больше волнует, верит ли Бог в него, по-
тому что у меня есть предчувствие, что прежде чем закон-
чится это путешествие, нам понадобится любая внешняя
помощь, какую мы только сможем заполучить.

— Да, а как насчет питаро-челанкской войны? —
вспомнил Флинкс.

— Ах, это. Гмм. Завтра, а? Сейчас мне не помешает выпить рюмочку. Не читал так много лекций... с очень давнего времени.

Верный своему слову, на следующее утро он продолжил свою повесть за чаем с пирожными. В космосе быстро заскучаешь, и число его слушателей возросло, поскольку в салоне сидели теперь все, кроме Вульфа. Пришла его очередь нести вахту.

— Я тоже знаком с подробностями,— вставил Малайка, по-хозяйски обхватив рукой талию Сиссиф.— Но, думаю, с удовольствием послушаю, как расскажете вы. Я знаю, что мои версии неверны!

И оглушительно расхохотался.

— Итак,— начал Цзе-Мэллори, бессознательно подражая капитану.— Спустя примерно пять з-десятилетий после первоначального контакта землян с транксами отношения между двумя цивилизациями росли в геометрической прогрессии. Однако обе стороны все еще осторожничали друг с другом. Контакт между двумя религиозными группами находился еще в стадии образования, а слияние было мечтой в умах немногих выдающихся провидцев обеих рас. Их еще сильно превосходили в численности «патриоты» с обеих сторон. Потом произошел первый контакт землян с питарами. Эта раса занимала две густонаселенные планеты в секторе Ориона. Она была совершенно неожиданным фактором, раса, схожая с людьми на девяносто шесть и три десятых процента. Действительно, достопримечательное и пока до сих пор не сравненное совпадение по форме. Внешне они практически не отличались от людей. С виду они как раса весьма близко подошли к земному идеалу. Мужчины — высокие, красивые, мускулистые и исключительно хорошо сложенные. Женщины — на сто процентов женственные и по меньшей мере столь же привлекательные, как мужчины. Человечество прошло короткую историческую fazу, когда все отдаленно питарское становилось объектом подражания. Сами питары казались достаточно сердечными, если и чуточку нервозными и эгоцентричными. Обе расы обменялись безграничными обещаниями о взаимной помощи и вечной дружбе. У питаров было высоконаучное общество, и в некоторых фразах их исследования удивительно близко совпадали с земными. В вооружениях, например. Причины этого очевидного раздвоения в их кажущейся миролюбивой цивилизации стали ясны позже. Чересчур поздно. Оно также явно имело диспропорциональное

влияние на их общественную организацию. Человеко-питарская дружба прорешировала со скоростью, сравнимой с человеко-транксийской. Спустя несколько лет после первого контакта каботажный грузовоз случайно забрел к большой, но расположенной в стороне от главных торговых путей человеческой колонии. К Дереву, или, как она лучше известна теперь, Аргусу. Вся колония, примерно шестьсот тысяч душ, была полностью и бежалостно стерта с лица земли неизвестной формой жизни. На всей планете не осталось в живых ни одного мужчины, женщины или ребенка. Особенно бросалось в глаза отсутствие трупов женщин. Причину этого тоже открыли позже. Ну, посыпались выражения сочувствия со стороны других разумных рас, включая питаров. Они были по меньшей мере столь же возмущены, как и все прочие. Большинство рас выслало тогда разведчиков попытаться обнаружить эту новую и опасную чужеродную расу, прежде чем сами станут жертвами подобной жестокости. Два месяца спустя на орбите вокруг одной из двух лун опустошенной планеты нашли человека в древней спасательной шлюпке. Крейсер у н о п п а т а — вы знаете эту расу? — патрулировал там в то время просто из любезности и случайно залетел в диапазон действия слабого передатчика шлюпки. Они никогда раньше не встречались с сумасшедшими людьми и сильно недоумевали, что с ним делать, пока не смогли, наконец, передать ближайшим человеческим властям. Ими по случаю оказалась большая исследовательская группа, прочесывавшая Дерево в поисках ключа к происшедшему. После месяца интенсивной терапии психику парня удалось восстановить до степени частичной вразумительности речи. Им потребовалось некоторое время для уяснения смысла его рассказа. Ум его сильно сошел с резьбы от месяцев беспомощного дрейфа в космосе, страхов встретить вражеский корабль — а после того, как спустя долгое время такой встречи не произошло — от того, что он увидел на самой планете. Просто счастье, что у него не хватило смелости совершить самоубийство. Рассказанная им страшная повесть с тех пор не раз публиковалась, и я лично нахожу ее отвратительной и поэтому опущу кровавые подробности. Враг нанес удар без предупреждения, обрушив смерть на неподготовленное население. Не имевшая регулярных военных сил — ни нужды в них — планета оказалась совершенно беспомощной. Попробовали было пустить в ход полицейские катера, но они, как и следовало ожидать, оказа-

лись бесполезными. Все призывы к милосердию, переговорам или принятию капитуляции встречали тот же ответ, что и яростное сопротивление. Когда всякое сопротивление было подавлено и полностью уничтожена или забита межзвездная связь, захватчики высадились на кораблях смутно знакомых очертаний проверить, что осталось от разгромленной колонии. Наш единственный уцелевший был столь же удивлен, как и все прочие, когда скрытые трехмерные экраны сфокусировались на шлюзах десантных челноков и из них хлынули войска питаров. Они безжалостно уничтожали человеческое население, обращаясь с людьми так, словно те были самыми низшими, самыми мерзкими организмами во вселенной. Они прихватывали с собой немногие ценности и тому подобное, но по большей части, казалось, наслаждались убийством просто из любви к нему. Как ласки на Земле. На этом этапе ум пациента снова начал шарахаться прочь от реальности. Лечившие его психиатры считали, что если бы он остался нормальным, то никогда не смог бы справиться со стрессами, навалившимися на его мозг из-за побега. Вроде четырех дней без еды и тому подобного. Питары работали основательно. Они имели детекторы жизни и отыскивали уцелевших, как бы хорошо те ни прятались. Наш информатор жил в небольшом городке неподалеку от экватора планеты. Когда-то он служил механиком на корабле и купил маленькую устаревшую спасательную шлюпку, с которой любил возиться в свободное время. Опять же требовалось быть сумасшедшим, чтобы предположить, что эта развалюха сможет когда-нибудь добраться до ближайшей луны. Прежде чем вражеские войска добрались до его района, он сумел перенести на крошечную шлюпку провиант и успешно взлететь. Боевые корабли на орбите явно больше не ожидали никаких судов с поверхности планеты. Все космопорты уже были уничтожены, а все космические КК-корабли на парковочной орбите распылили на атомы, когда пытались бежать, или же захватили питарские призовые команды. Никто не думал о попытке бежать просто в космос. Луны не пригодны для обитания, и в той системе нет никаких других планет, способных поддержать человеческую жизнь. Или, возможно, у них не было аппаратуры, способной засечь столь крошечную устаревшую систему двигателя, как у него. Так или иначе, он безопасно проскочил через их повернутые наружу экраны на замкнутую орбиту вокруг первой луны. Он вообще не ожидал, что его подберут. Все, о чем мог

думать его помешанный мозг,— это о том, как бы убраться подальше от мерзости внизу. Спасли его по чистой случайности. Такова была суть его повести. Среди тошнотворных деталей, выуженных у него зондами, было и то, что питары сделали с телами всех отсутствующих женщин. Это было настолько отвратительно, что власти попытались скрыть факты от широкой общественности, но, как это обычно происходит в подобных случаях, слух просочился. Последовавший взрыв был сильным и широкораспространенным. Войну так никогда даже не объявляли формально, потому что большинство членов Земного Конгресса были офицерами запаса и бросились к своим кораблям. Собралась гигантская армада и рванулась в питарскую звездную систему. К большому удивлению всех, питары сумели удержать свои позиции со спутниковых и планетных баз. В космосе их корабли не могли тягаться с человеческим флотом, вдобавок к тому, что сильно уступали ему в численности, но питары учитывали возможность такого развития событий, и их ученые установили оборонительно-наступательную сеть, которую не могло пробить вооружение звездолетов. Все свелось к войне на истощение сил, которую питары надеялись выиграть, сделав ее слишком дорогой для того, чтобы кто-то мог выдержать. В результате их фактически блокировали от остальной вселенной или, как имели обыкновение выражаться наиболее вежливые, поместили в состояние принудительного карантина. Похоже было, что такое положение может сохраняться бесконечно долго, то есть до тех пор, пока к делу не подключились транксы. Подобно большинству разумных рас, транксы прослышали о деталях резни на Аргусе. Однако, в отличие от большинства других, они твердо решились сделать что-то более эффективное, чем установление блокады. Последней каплей, с точки зрения транксов, послужило то, что питары сделали с человеческими самками. На транкских мирах самка считается объектом преклонения и символом беспомощности даже больше, чем на самых галантных гуманоидных. Это наследие их древних предков, когда надо было защищать и кормить одну яйцекладущую царицу-матку. Когда эта наследственная позиция переводится в манеры, то она явилась причиной того, что земные и другие гуманоидные самки, имевшие контакты с транксами, оказались среди первых проповедниц слияния. Поэтому транксы добавили свои флоты к человеческим. Сперва это не произвело никакого эффекта помимо усиления и так уже почти полной блокады. Затем

человеко-транксийские группы ученых сделали свои первые крупные открытия по системе КК-двигателей, комплексу оружия СККАМ и другим. И, наконец, нашли устройство, способное успешно проникать сквозь боевую сеть пиратов. Его применили. В это время среди челанксийских ученых возникло желание попытаться сохранить для изучения хоть один осколок питарской цивилизации. Они надеялись найти объяснение их крайней расовой паранойи. Однако при тех чувствах, что царили на человеческих планетах, это оказалось невозможным. Есть также некоторые причины считать, что и сами питары не допустили бы этого, настолько сильно они расстроились. В любом случае они дрались до последнего города. Остались три планеты, выжженные и пустые: одна человеческая, две питарские. Их нечасто посещают, разве что любопытные, да испытывающие тягу к болезненному. Научные экспедиции, работавшие на развалинах питарской цивилизации, пришли к выводу, что эта раса была совершенно неспособна принять или усвоить такие понятия, как милосердие, сочувствие, открытость и равенство, и схожие с ними абстрактные концепции. Они считали себя единственной расой во вселенной, заслуживающей право на существование. Коль скоро они сумели украсть все знания, какие могли позаимствовать у варваров-людей, они затеяли уничтожить их. Следующими в их программе ликвидации стали бы другие разумные расы галактики, включая транксов. По сравнению с ними наши недавние современные конкуренты, Анны, положительно пацифисты. К счастью, в большинстве аспектов питары и не приближались по остроте ума к Аннам. Развитие их вооружений намного превзошло расовую зрелость, а самомнение — ум. Я часто гадал, была ли питаро-челанксийская война единственным толчком к слиянию. Ведь были и общая ненависть к питарам, и испытываемая человечеством благодарность за помошь транксов, и страх, что где-то среди звезд может существовать другая компания убийц-психопатов, вроде питаров.

Когда Цзе-Мэллори кончил, в элегантном салоне стало очень тихо.

— Ну,— прервала наконец мрачно задумчивое молчание Ата,— настала моя очередь нести вахту. Мне лучше пойти сменить Вульфа.

Она поднялась с шезлонга и направилась к выходу.

— Ндийе, ндийе! — коммерсант нагнулся и посмотрел на Сиссиф.— Пошли, моя пакадоге, кошечка. Мы

только наполовину одолели эту твою великолепную книгу, и я жду не дождусь увидеть, чем там обернется дело. Даже если она по большей части из картинок. Вы извините нас, господа?

Девушка, хихикая, вывела его из салона.

Цзе-Мэллори принялся устанавливать уровни для доски личностных шахмат, в то время как Трузензюзекс начал тасовать карты и расставлять синие, красные и черные фигуры.

Флинкс поднял глаза на социолога.

— Сэр, вы ведь не участвовали в питаро-челанксийской войне, не правда ли?

— Чистое Движение, юноша, конечно нет! Признаю, что я, пожилой человек, и даже старый, архаический,— никогда. Мой дед, однако, участвовал. Как я полагаю, и все наши предки того времени тем или иным образом. Разве твои — нет?

Флинкс поднялся и праздно отряхнул штаны. Мех ковра имел тенденцию приставать.

— Извините меня, пожалуйста, сэры. Я вспомнил, что не накормил сегодня Пипа ужином, а мне не хотелось бы, чтобы он стал раздраженным и начал покусывать меня за руку.

Он повернулся и направился к коридору. Цзе-Мэллори с любопытством посмотрел ему вслед, а затем пожал плечами и вернулся к игре. Ходить выпало ему.

X

Покамест не возникало никаких неприятностей. Первый признак их появился спустя три корабельных дня.

Малайка находился в рубке, проверяя с Вульфом координаты. Трузензюзекс застыл в своей каюте в трансе медитации. Он применял эту технику всякий раз, когда желал обдумать проблему, требующую крайней сосредоточенности, а иногда и просто для того, чтобы расслабиться. В таком состоянии ему требовалось меньше телесной энергии. В салоне Цзе-Мэллори пытался объяснить Флинксу особенности семанической загадки. Поблизости сидела Ата, пытаясь от скуки обставить самое себя в древней игре под названием МоноПолия. Она перемешала непонятные маленькие идолы и символы, делая ходы, всегда казавшиеся Флинксу скучно повторяющимися. Все шло нор-

мально, пока в салон не вошла, раздраженно топая, скучающая Сиссиф, выставленная из рубки занятым Малайкой. За ней разевался шлейф прозрачных псевдокружев.

— Это место тоскливо! Тоскливо, тоскливо, тоскливо! Это все равно что... все равно что жить в гробу!

Несколько минут она тихо кипела. Когда никто не соизволил заметить ее, она переместилась поближе к центру салона.

— Что за коллекция! Два пилота, два яйцеголовых и мальчишка с ядовитым червяком в качестве приятеля!

Пип внезапно поднял голову и сделал недружелюбное движение в сторону девушки. Флинкс погладил его по затылку, пока тот не расслабился до такой степени, что напряжение частично покинуло длинные мускулы. Его собственная реакция была слабой, так как он учел неуверенность в себе, гнев, смущение в уме девушки.

— Он рептилия и не имеет никакого отношения к...

— Рептилия! Червяк! Какая с того разница?

Она надула губы.

— И Макси не позволяет мне даже смотреть, как он играет со всеми этими миленькими координатами, стандартами и прочим! Он говорит, что я отвлекаю его. Можете себе представить? Отвлекаю его?

— Я тоже не могу представить, с чего бы это, моя милая,— пробормотала Ата, не отрываясь от игры.

Обыкновенно Сиссиф пропустила бы ее слова мимо ушей. За время пребывания в Дралларе у нее имелось более чем достаточно времени привыкнуть к язвительности Аты. Но скуча долгого полета в соединении с фрустациями данной минуты заставили ее обернуться.

— Предполагается, что это какое-то фигуральное выражение?

Ата все еще не отрывалась от игры. Она, несомненно, ожидала, что Сиссиф, как обычно, отмахнется от ее замечания и бросится вон из салона в достойном гневе.

— Это, несомненно, верно.

— А твой язык,— подхватила, ужасно пародируя слова, Сиссиф,— немного слишком «скверный»?

И быстро ткнула коленом столик с игрой. Складной и не привинченный к корпусу корабля, тот легко опрокинулся. Маленькие металлические предметы и пластиковые карточки полетели во всех направлениях.

Ата, не двигаясь, плотно зажмурила глаза, а потом снова открыла их. Она легко повернулась лицом к Рыси, глаза ее находились на уровне коленей девушки.

— Мне думается, милая, что если мы собираемся продолжить разговор, то нам лучше заняться этим на более равном уровне.

Рука ее метнулась вперед и схватила удивленную Сисиф за колени. Та пораженно взвизгнула и со стуком села. С этого момента их тела, казалось, настолько слились, что Флинкс с трудом мог различить, где кто. Мысли их не поддавались расшифровке. Научный бой, так сказать, вышел из порта. Цзе-Мэллори оставил свою головоломку и сделал похвальную, но опрометчивую попытку прекратить схватку. Все, что он получил за свои усилия, — это длинную царапину на одной щеке. В этот миг в передних дверях появился Малайка, спешно вызванный мягким побуждением Флинкса. Он с полу взгляда понял всю сцену.

— ЧТО здесь, во имя непристойности семи адлов, происходит?

Даже знакомый рев не произвел ни малейшего впечатления на сражавшихся, слишком углубившихся теперь в свою работу, чтобы замечать мольбы всего лишь смертных. Коммерсант двинулся вперед и сделал попытку разделить пару. Фактически, несколько попыток. Это было все равно, что совать руки в смерч. Потерпев неудачу, он отступил.

Чем дольше живешь на нижних уровнях Драллара, тем больше приобретаешь знаний об элементарной человеческой психологии. Флинкс произнес громко, но ровно, вкладывая в свой голос как можно больше отвращения:

— Вот это да, если бы вы только знали, как смешно вы выглядите!

Он также рискнул дать краткую мысленную проекцию двух сражающихся, соответственно преукрасив ее.

В салоне мигом воцарился мир. Вихрь волос, зубов, ногтей и порванной одежды внезапно остановил свое вращение и распался на два отчетливо различимых тела. Обе тупо уставились на Флинкса, а затем неуверенно — друг на друга.

— Спасибо, киджано, я знал, что ты кое на что годишься, но твоим талантам явно нет конца.

Малайка протянул руки вниз и схватил обеих девушек за остатки материала воротников, подняв их за шиворот, словно пару упрямых котят. Девушки молча прожигали друг друга взглядами и казались вполне готовыми начать все заново. Почувствовав это, он так сильно встряхнул их, что у них лязгнули зубы и свалились туфельки.

— Мы ведем миллиардную охоту в редко заселенной территории за чем-то таким, из-за чего любая форма в галактике, стоит ей чуть-чуть пронюхать, с радостью перережет мне глотку, а вы мванамкевиву, кретинки, идиотки, не можете и месяца прожить мирно!

Он снова встряхнул их, хотя и не так яростно. Теперь обе, судя по их виду, были не в настроении драться.

— Если это случится снова, я предупреждаю только раз, то выброшу вас обеих, кусающихся и царапающихся, если вы этого хотите, из ближайшего шлюза! Понятно?

Две женщины молча уперлись взглядами в пол.

— А у идийо ау ла! Отвечайте сейчас же!

Голос громом прокатился по салону.

Наконец, Сиссиф почти неслышно пробормотала:

— Да, Макси.

Он обратил смертоносный взор к Ата.

— Да, сэр,— тихо произнесла она.

Малайка оставался начеку, но Вульф выбрал именно этот момент, чтобы заглянуть в помещение.

— Капитан, я думаю, вам лучше пойти посмотреть это. На экранах появился предмет или предметы, про которые я сказал бы, что это корабль или корабли. Я хотел бы услышать ваше мнение.

— Нини? — резко поворачиваясь, взревел Малайка.— Что?

Он выпустил обеих женщин. Обе стояли тихо, пытаясь создать порядок из хаоса своей одежды. При случае одна бросала взгляд на другую, но в данную минуту обе основательно сконфузились.

— Похоже, он приближается к нам, сэр. Я желал бы, чтобы вы пошли посмотреть... Сейчас же.

Малайка повернулся лицом к недавним драчуньям.

— Ата, приведи себя в порядок и дуй в Рубку... У песи! Сиссиф, возвращайся в свою каюту и оставайся там.

Обе спокойно покинули в разных направлениях каюту.

— Социолог, пойдите и вытащите своего друга из этого полусна или как он там его называет. Я хочу, чтобы вы оба были в полном сознании на случай, если произойдет что-то неблагоприятное. У меня такое предчувствие, что вы оба обладаете некоторым опытом в корабельных маневрах в глубоком космосе?

Цзе-Мэллори быстро шел к каюте Трузензюзекса. Теперь он остановился и улыбнулся в ответ рослому торговцу.

— В некотором роде,— спокойно согласился он.

— Прекрасно. О, киджана?

Флинкс поднял голову.

— Не спускай глаз с этого твоего приятеля. Все здесь может немного запрыгать. Я не знаю, насколько возбудим этот чертенок, но я не хотел бы, чтобы он путался под ногами и нервировал занятых людей.

— Да, сэр. У вас есть какие-нибудь догадки, что это такое?

— И да, и нет.

Он задумчиво помолчал.

— Ты можешь пройти в рубку, если хочешь, покуда следишь за своим змеем. Скажи нашим ученым пассажирам, что они тоже могут, если пожелают. Места там хватит. Я не хочу видеть в Рубке только Сиссиф. У этой милой пакадого есть склонность впадать в мистику, когда положение кажется ей неуправляемым и она не может пустить в ход пальчик... и другие великолепные штучки для устранения этого безобразия. Но я думаю, что другие захотят быть рядом, когда мы выясним, что есть что. И они могут помочь своими предчувствиями. Я высоко ценю предчувствия. Кстати, я полагаю, ты не можешь ответить на этот вопрос для меня?

Флинкс крепко сосредоточился. Оно было далеко, но кругом на много световых лет не имелось ничего другого, и поэтому оно дошло в очень сильной степени. «Оно» было злобной странной картиной сухого воздуха, солнца, крови вкуса соли, облегчения, целиком окутанной холодными, четкими, словно растаявший снег, мыслями, подходящими только к одному виду...

Он поднял взгляд, моргая глазами. Коммерсант внимательно следил за ним с озабоченным видом. Тот почувствовал бисеринки пота у себя на лбу. Он произнес одно слово, потому что его было достаточно.

— Анн.

Коммерсант задумчиво кивнул и повернулся к двери.

XI

Точка, указывающая на присутствие действующего поля позигравитационного двигателя, стала теперь четкой и находилась далеко вправо от них — примерно под девяносто градусов к настоящей плоскости X. Двигалась она определенно курсом на сближение. Они все еще не могли быть

уверены в его сущности, помимо того, что по меньшей мере один мозг занимал схожую площадь в пространстве.

Флинксу вспомнился процитированный ему кем-то однажды древний афоризм. Если он не ошибался, там речь шла о двух людях, одном старом, одном молодом. Младший сказал: «Никаких новостей — хорошая новость», а другой, земной святой, мудро ответил: «Это не обязательно верно, мой юный друг. Рыбак не думает, что ему повезло, если у него не клюет». Он не был убежден, что эта притча была подходящей аналогией для данного момента, так как обнаружил, что он не согласен со святым.

— Их двое, капитан, — сказал Вульф. — Смотрите...

И верно. Даже Флинкс увидел, что, когда большая точка приблизилась, она разделилась на две отчетливые крапинки. Одновременно он почувствовал множество умов, схожих с первым замеченным им, хотя и намного слабее.

— Два корабля, — произнес Малайка. — Значит, моя единственная догадка ошибочна. Раньше тени. А теперь все в темноте. Усик. И все же это может быть...

— А какой была ваша догадка, Макси? — спросил Трузензюэкс.

— Я подумал, что мой конкурент — определенный конкурент — пронюхал о вашем открытии больше, чем мне думалось первоначально. Или что произошла утечка определенных сведений. Если верно последнее, то я бы заподозрил, что кто-то на этом корабле шпион.

Присутствующие обменялись быстрыми беспокойными взглядами.

— Такая возможность все еще остается, но теперь я менее склонен подозревать это. Я не знаю ни одного концерна в Рукаве — ни того, о котором я думаю, ни даже «Дженерал Индастриз», который мог бы себе позволить или имел бы склонность бросить два корабля на то, что имеет очень приличный шанс оказаться бесприбыльным предприятием, основываясь на всего лишь подложной информации из вторых рук. Даже Аннская корпорация «Гнездо» на это не пойдет.

— В таком случае, — сказал Цзе-Мэллори, — кто же наши гости?

— Не знаю, социолог, хата кидога. Совершенно не представляю. Но мы, несомненно, вскоре выясним. Они того и гляди окажутся в диапазоне приема, если уже не оказались. Будь в этом районе ретрансляционная станция, мы могли бы выяснить раньше... допуская, конечно, что они пожелали бы дать нам знать о своем

присутствии и достаточно точно знали бы, где мы находимся. Мне думается, что это сомнительно...

Ата умело манипулировала с датчиками и переключателями.

— Я все открыла нараспашку, сэр, и если они пошлют нам луч, мы его безусловно уловим.

И они уловили.

Появившееся на экране лицо благодаря заблаговременному предупреждению Флинкса никого не потрясло, а вот носимое им одеяние — да, так как оказалось совершенно неожиданным.

— Доброе утро вам, «Славная Дырка», — произнес желтолицый Аннский офицер-аристократ, смотревший на них с экрана. — Или какой там период дня вы переживаете в данный момент. Капитаном, я полагаю, является знаменитый и прославленный Максим Малайка?

— Озадаченный и любопытствующий Максим Малайка вас слушает, если вы именно это имели в виду.

Он двинулся в центр диапазона камеры передатчика.

— Вы на одно очко впереди меня.

— Извиняюсь, — сказала фигура. — Меня зовут Ринди ВВ, Второй Барон Тиртона Шесть, офицер Четвертого Флота Всекосмических Оборонительных Сил Императора Маана. Мой корабль называется «App», и нас сопровождает в путешествии его корабль-собрат «Унн».

Малайка произнес в направлении микрофона общей связи:

— Это же надо! Ваша мать, должно быть, отличалась могучими легкими. Вы, ребята, оказались немного в стороне от своих обычных трасс, не так ли?

Лицо барона отразило легкое удивление. Как подозревал Флинкс, это была насмешка.

— Право, капитан! Зараженная Зона — пространство незанятое и открытое для всех. Здесь есть много прекрасных, пригодных для колонизации свободных планет, доступных для любой вышедшей в космос расы. Хоть и верно, что в прошлом правительство Его Величества больше занималось внешней экспанссией, при случае поиск исключительно многообещающих планет проникает и в такую даль.

— Очень четкое и на вид правдоподобное объяснение, — прошептал Малайке Трузензюзекс за пределами диапазона аудиовизуального приема.

— Да, — прошептал в ответ коммерсант. — Я тоже

не верю ни единому его слову. Вульф, измени курс на сорок пять градусов Х-полюс.

— Готов, капитан.

— Всегда приятно услышать от кого-то передачу после пустоты, и я уверен, что двух эсминцев Его Величества окажется более чем достаточно для любой «исключительно многообещающей» планеты, какую вам может случиться найти. Желаю вам удачи в ваших старательных поисках.

— Ваше пожелание успеха принято в том же духе, в каком оно дано, капитан Малайка. В ответ я хотел бы предложить гостеприимство моего корабля и экипажа, а в особенности нашего камбуза. Мне достаточно повезло иметь на борту шеф-повара, способного творить чудеса с кухней тридцати двух различных систем. Этот парень — настоящий кудесник и будет горд иметь возможность продемонстрировать свои таланты перед такими знающими гурманами, как вы.

Рубку прорезал тихий шепот Вульфа:

— Они сменили курс в соответствии с нашим, сэр. А также прибавили скорость.

— Сохраняй прежний курс. И набери достаточно скорости, чтобы соответствовать их увеличению. Но сделать это тонко, м в а н а м у н е, тонко!

И снова повернулся к экрану.

— Истинно любезное приглашение, барон, и обыкновенно я счел бы его большой честью и с восторгом принял. Однако боюсь, что обстоятельства побуждают меня отклонить это предложение. Видите ли, прошлым вечером нам подали на ужин рыбу, и я уверен, что она была приготовлена гораздо хуже, чем мог бы это сделать ваш шеф-повар, потому что мы сегодня страдаем от жестоких болей в нижней части пищеварительного тракта. Если можно, я отложу ваше добroе предложение до более удобного случая.

А дальше от микрофона прошептал:

— Все остальные расходитесь по каютам и пристегнитесь. Я постараюсь держать вас в курсе того, что происходит, по вашим внутренним корабельным экранам. Но если вам придется немножко поболтаться, я не хочу, чтобы вы отскакивали от деревянных изделий и пачкали мои ковры!

Флинкс, Цзе-Мэллори и Трузензюзекс дружно рванулись к выходу, заботливо оставаясь за пределами диапазона трехмерной видеокамеры. Но Трузензюзекс не мог устоять перед желанием поиздеваться над давним врагом.

Транксы имели дело с Аннами задолго до человечества.

‘Он сунул голову в диапазон приема и крикнул:

— Знай, о пескоед, что я уже отведал Аннской кухни, и мое горло сочло ее наждаком для неба. Обедающие камнями быстро приобретают их же психические способности!

Анн ощетинился, чешуя вдоль шейного гребня встала дыбом.

— Слушай, ты, выползший из грязи, предупреждаю, что...!

Он оборвал фразу посреди ругательства и усилием воли вновь овладел собой.

— Я сохраняю вежливость, хотя ваш корабль она явно покинула, капитан. Будь по-вашему. Вы, знаете ли, не можете убежать от нас. Теперь, когда мы в пределах легкой досягаемости, мои операторы приложат все усилия, чтобы не потерять вас. Наше приближение к вам на минимальное расстояние будет лишь вопросом времени. В данный момент я буду надеяться, что вы еще раз обдумаете мое действительно исключительно вежливое и щедрое приглашение и снизите свое поле. Иначе,— мрачно заключил он,— я очень сильно опасаюсь, что мы вынуждены будем вскрыть вас, словно банку с зит-пастой.

Экран внезапно опустел.

Флинкс в своей каюте лег на койку и начал пристегиваться аварийными ремнями, постоянно прикрепленными к ее краям. Он велел Пипу устроиться рядом с его левой рукой, обвиввшись вокруг ограждения на этой стороне постели. И посоветовал ему вести себя тихо. Змей, чувствуя, что происходят важные события, сделал, что ему велели, с минимумом беспокойства и суеты.

Закончив и устроившись в позе, самой близкой к удобной, то есть насколько мог при стесняющих ремнях, он вскрыл небольшой экран, свисавший с потолка каюты. Тот мгновенно обрел четкость, открыв занятых в Рубке Малайку, Ату и Вульфа. И невольно начал вспоминать более знакомые виды и запахи. Это смущило его, но в тот миг он лихорадочно желал вновь очутиться дома в Дралларе, жонглировать перед восхищенной толпой и заставлять мальчишек смеяться, сообщая им, в кого они тайком влюблены. То, что он смог уразуметь из мнений-мыслей Аннского командующего, не сулило ничего приятного. Чувство это внезапно исчезло, словно по его мозгу прошлись прохладной тряпкой, и он мрачно приготовился ждать.

В огромной, экзотически меблированной каюте, образо-

вывавшей ее покои, Сиссиф лежала одна на большой постели, свернувшись в ремнях калачиком. Она чувствовала себя очень одиноко. Приказ пристегнуться ремнями был отдан жестким, не терпящим никаких возражений тоном, которого Макси никогда раньше с ней не позволял себе, и она испугалась. Роскошное личное снаряжение, витиеватая резная мебель, разбросанные по каюте дорогая одежда показались вдруг столь же легкомысленными и ветреными, как детские игрушки. Она знала, она просто знала, когда решила попытаться заменить ту другую маленькую ведьму — как там ее звали? — в качестве постоянной Рыси Малайки, что обязательно случится что-то ужасное, вроде этого. Она знала это!

Коммерсанты такие чертовски непредсказуемые!

Она не станет включать экран связи с Рубкой и остальным кораблем. Пусть поживет немного без нее! Она погрузилась как можно глубже в подушки из желтого шелка и пообещала себе, что если переживет это ужасное путешествие в никуда, то обязательно найдет себе какого-нибудь милого стопятидесятилетнего старика... на пороге смерти. Престарелого, богатого, с которым она может ожидать тихой, удобной, короткой брачной жизни... и долгого богатого вдовства.

Бран Цзе-Мэллори спокойно лежал на своей койке, повторяя сто пять аксиом Безразличного Созерцания. Первоначально их изобрел блестящий студент-выпускник, чтобы помочь нервничающим студентам расслабиться на экзаменах. Они должны сгодиться и в других ситуациях. Например, при нынешней. Но как бы упорно он ни старался, ему не удавалось подвинуться дальше двадцать первой. Она продолжала вновь и вновь повторяться у него в голове каждый раз, когда он пытался сосредоточиться на двадцать второй.

— Человечество, должно быть, самая самодовольная раса во вселенной, ибо кто еще станет верить, будто у Бога нет лучшего занятия, чем сидеть круглые сутки и помогать ему выпутываться из затруднительных положений?

Мысль эта была недостойна того, кто предположительно очень смягчился за последние годы, но как, ах, как же он желал ощутить под пальцами гашетки пушки — любой пушки. Они рефлекторно сжимались и расслаблялись, оставляя глубокие борозды на мягким одеяле.

Эйнт Трузензюзекс спокойно лежал на своем модифицированном шезлонге, вытянув ноги и скрестив на груди

стопоруки и иструки в надлежащей позе «у». Он пытался держать половину своего ума сфокусированной на корабельном экране, в то время как другая монотонно зачитывала ритуальные слова.

— Я, Тру из семейства Зен, клана Зю, улья Зекс, сим молю, чтобы я не навлек бесчестия на моих-наших предков. Я, Тру из семейства Зен, клана Зю, улья Зекс, молю, чтобы в грядущее Время Бедствий я мог оказать честь своей первой матери, матери клана и матери улья. Я, Тру, из семейства Зен, клана...

Ата Мун и человек по имени Вульф думали иное. Они были чересчур заняты для всего прочего. А Максим Малайка, отвечавший за них за всех, делал то же. К тому же он был слишком напуган, чтобы иметь время для таких тривиальностей, как беспокойство. А в его мысли ворвался Вульф.

— Они приблизились до расстояния в их пять тысяч, сэр. При такой скорости они через пять-десять минут будут в пределах действия корпускулярного луча.

— Чувстви! И прочие невыразимые! Черт подери!

Ата обеспокоенно поглядела на него.

— Неужели мы не можем попробовать увернуться от них, Максим? Я хочу сказать, капитан?

— Да, Хаша, Ата. Никоим образом. Это аниские эсминцы. Они построены, чтобы догонять и щелкать корабли побыстрее нашего. «Славная Дырка» — каприз богача, а не военный корабль. Но она-таки достаточно скоростная, шарти. По необходимости. При любом приличном расстоянии между нами во время первоначального контакта мы могли бы ускользнуть за пределы диапазона их детекторов и оторваться от них, но они сели нам на хвост, прежде чем мы узнали, кто они такие. В любом случае их двое. От одного мы еще могли бы ускользнуть, но от двух — никогда. Не при таком расстоянии.

Ата подумала.

— Разве мы не можем просто, ну, сдаться и рисковать? Я хочу сказать, что, принимая во внимание все, этот барон казался совсем не таким уж и ужасным. Просто нетерпеливым. И мы не воюем с его народом.

— Ндото. Мечтай. Анны действительно действуют, Ата, совсем не так.

Он твердо сжал губы.

— В лучшем случае, они... нестерпимы даже... для тех, кто с ними сотрудничает. А с теми, кто нет... Если тебе

любопытно узнать подробности, спроси у Вульфа. Он пять лет пробыл в Аннском концлагере во время последнего настоящего челанксийско-аннского конфликта. Может, есть и другие, протянувшие так долго в одной из этих преисподней и дожившие до того, чтобы рассказать об этом. Если так, то я их не встречал.

— Капитан прав, мисс Мун. Я бы предпочел, скорее, выброситься в космос и лопнуть, словно глубоководная рыба, чем снова оказаться в плену у этих.

Он кивнул на экран, где продолжали свое неотвратимое движение белые точки.

— Наряду с прочими пристрастиями они большие мастера утонченных видов пыток. Очень большие. У них это, понимаете ли, своего рода вид искусства. Большинство моих шрамов не видны. Они, понимаете ли, здесь.

Он постучал себя по виску.

— Если желаете услышать какие-то подробные описания...

Ата содрогнулась.

— Не надо.

— Этот Ринди кажется довольно порядочным... для Анна, но рисковать... Если бы я мог освободить Вульфа от расчетов или себя от компьютера... та и дуноно! Нет, погодите!

Он склонился над микрофоном.

— Ниний ни оте! Цзе-Мэллори, социолог. И вы, жук! Кто-нибудь из вас прежде применял когда-нибудь космическое оружие? Хотя бы на тренировке?

Цзе-Мэллори в своей каюте чуть палец не сломал, спеша избавиться от ремней. А Трузензюзекс прервал свой ритуал в таком месте и в такой манере, что заслужил бы осуждение всех членов своего клана, узнай они про это.

— Вы хотите сказать, что на этой лоханке есть пушка? — закричал Цзе-Мэллори. — Какого типа? Где? Говори, меркантилист! Взрывное оружие, корпускулярные пушки, торпедные аппараты, разрывные снаряды, камни... мы с Тру управимся со всем!

— Надеюсь, что так. Слушайте! За вашими каютами хранилище. Там есть ход, он ведет в грузовой отсек. Потом по выдвижной лестнице дойдите до конца. Заблудиться там невозможно. Будьте осторожны, в той части корабля гравитации нет. Наверху вы найдете средний дискретный лазер, установленный на окружающем корабль универсальном поясе. Я сейчас подаю к нему энергию.

Он на миг замолк, покуда его руки совершили манипуляции за пределами диапазона камеры.

— Он рассчитан на одного. Сожалею, философ. Но вы можете помочь ему с компьютером. Если ему не придется следить за целями и боевым экраном одновременно...

Двое мирных людей уже отправились в путь.

Малайка мысленно прочел молитву, надеясь, что ученые не разрежут корабль, и вернулся к своим таблицам.

— Как у нас дела, Вульф?

— Они по-прежнему приближаются, сэр. Теперь не так быстро, когда мы сами набрали скорость, но все еще приближаются. Вы хотите перейти на максимум?

— Нет, нет, пока не нужно. Это — наш последний вздох, если он нам понадобится. Пусть пока продолжают думать, что «Славная Дырка» — всего лишь еще один грузовоз. Я сперва хочу посмотреть, что могут сделать наши яйцеголовые с пугачом.

Яйцеголовые, о которых шла речь, неслись по переходам с головокружительной скоростью. К счастью, им не мешал передвигаться никакой плавающий в воздухе груз. Огромная металлизированная полость была почти полностью пустой. Лениво плавали в паутине ограждений несколько ящиков, придавая бледно-зеленой пещере и ее призрачной атмосфере оттенок перспективы. Ощущение это усиливалось освещением или отсутствием его.

Они без труда отыскали развилику на конечном звене основного пути.

Цзе-Мэллори подпрыгнул вверх и начал плыть к тросу. Добравшись до него, он начал быстро подтягиваться, пе-ребирая руками. Трузензюзекс, знал он, от него не отстанет. Инсектоид со своими четырьмя руками мог подниматься быстрее, но у него не было причин обгонять Брана, поскольку он никак не мог соперничать с ним в управлении спроектированной с расчетом на человека пушкой.

Они добрались до орудийной башни, сферы из толстого металла, похожей на волдырь на коже корабля. В ней имелась собственная аварийная энергетическая установка и запас воздуха. С обеих сторон он далеко видел, где энергетический пояс установки окружал кожу корабля. Двигаясь вдоль пояса, пушка могла встретить приближающуюся угрозу с любой стороны. Он лишь секунду гадал, что же она делала на частной яхте, а затем оказался внутри башни и пристегнулся к сиденью стрелка. Тру-

зензюзекс задраил за ними люк и переместился к компьютеру прицеливания слева от Брана. В более современном оружии они объединялись бы в единственном шлеме, облегающем голову стрелка. Инсектоид принял извлечь из аварийных отделений брасы, замки и ремни, пока не соорудил себе разумно прочные крепёжные ремни напротив компьютера.

Бран сжал в правой руке гашетку со всей нежностью гордого отца, ласкающего своего новорожденного, а левую положил на сенсорный датчик боевого экрана. Он на мгновение отпустил гашетку и затянул нервные сенсоры вокруг растопыренной левой руки. Он разок сжал ее, чтобы убедиться, что датчики не жмут, а затем вернул правую к рукояти гашетки и принял внимательно изучать экран и диск прицела. Определенно, ранняя модель, но, впрочем, лазерное оружие мало изменилось в своей основной конструкции за несколько веков и, вероятно, не изменится еще несколько. Слишком уж дешевой и эффективной была эта основная конструкция. Он не сомневался, что сможет с первой же попытки действительно управлять им. И если уж о том речь, то он, черт возьми, обязан это сделать! Вряд ли преследователи дадут им пальнуть для пристрелки.

Под действием импульсов от его левой руки зажегся боевой экран. Он с радостью увидел, что его боевые рефлексы все еще действуют. На экранах светились две точки размером с ноготь его большого пальца. На миг он чуть не ударился в панику, ему показалось, что он вновь очутился на борту «Двадцать Пятого». Если бы вражеский корабль сумел настолько приблизиться к боевой ситуации, то их уже давно распылили бы на атомы. Но, впрочем, это же не боевая ситуация. По крайней мере, пока. Он выбросил из головы эту неприятную цепочку мыслей. Тут нечего также, из-за чего точат языки дипломаты. Явно ни один из приближающихся кораблей не ожидал встретить даже символического сопротивления. Для них это просто игра в пятнашки. Они догоняли открыто и без предосторожностей. Возможно, они, дай-то бог, отключат экраны или, по крайней мере, недодадут им энергии.

Слева от него Трузензюзекс начал сыпать дробью цифр и координат. Один из эсминцев держался немного ближе другого. Такое небрежное построение было неизбежным результатом излишней уверенности со стороны противника. Бран начал мысленно прочерчивать линию выстрела в центр. Палец его заколебался над гашеткой, и он обратился в микрофон внутрикорабельной связи.

— Слушайте, Малайка. Они там охотятся за чем-то, а поскольку у нас есть только одно такое, из-за чего стоит идти на риск межзвездного инцидента, они захотят получить нас целыми. Они приближаются к нам так, словно ожидают, что им придется все-навсего поймать нас в сеть, как ошипанную птицу-гич. Я играл раньше с Аннами. Они не страдают избытком воображения, но соображают чертовски быстро. Это означает один хороший выстрел, и только один, а потом нам лучше бежать во все лопатки. Насколько близко можете вы их подпустить, чтобы у нас оставался хоть какой-то шанс оторваться от их детекторов? Допуская, что они придут в такое замешательство, что позволят нам это.

Малайка быстро подсчитал в голове.

— Гм... гм... ма... ма... Этому Рииди придется решать, разнести нас на атомы или сделать еще одну попытку... Решит, несомненно, в пользу последнего... Обязан взять нас живыми или вообще ничего не добьется... Я могу дать вам еще две тысячи миль дистанции. Нет, теперь уже полторы.

— Вполне годится,— сказал, сосредоточившись на экране, Цзе-Мэллори.— Должно сгодиться,— подумал он.— Мы здесь узнаем, что расстояние достигнуто, когда укажет компьютер.

Малайка не ответил.

— Это приведет нас почти до... трех,— заметил Трузензюзекс.

— Полагаю. Дай мне знать, когда достигнем расстояния три и одна десятая.

— А времени хватит?

— Старый жук, мой добрый друг,— усмехнулся Цзе-Мэллори.— Мои рефлексы за минувшие годы, может, и замедлились, но еще не умерли! Хватит. На вселенную!

— На вселенную! — донесся ровный ответ.

В Рубке Малайка с задумчивым лицом повернулся к Вульфу.

— Ты слышал?

Человек-тень кивнул.

— Тогда отлично. Начинай притормаживать. Да, притормаживать! Если он говорит, что ему удастся сделать только один выстрел, я хочу, чтобы он получил наилучшую возможность. Поэтому давай как можно аккуратней сделаем вид, что перестаем убегать.

Вульф начал послушно снижать скорость. Постепенно, но аннские компьютеры это заметят.

— Три и семь... три и шесть... — отсчитывал цифры с машинной точностью и четкостью голос Трузензюзекса.

Тело Брана оставалось неподвижным, но внутренне он все-таки слегка дрожал. Он-таки постарел.

— Тру, э, ты не заметил в том аварийном шкафчике никаких ГИП-наркотиков?

— Гиперболизирующих Ип? Три и пять... ты же знаешь, что это снадобье берегут столь же бдительно, как схему СККАМ. О, разумеется, ублюдочные-то снадобья существуют и доступны на любом черном рынке. Все, что требуется сделать, друг мой, это, заимствуя выражение «раздраконить себя»... три и четыре... не говоря уж о рефлексах... вероятно, скорее, задраконить их. Расслабься.

— Знаю, знаю! — глаза его не отрывались от экрана. — Но, позвонки побери, желал бы я сейчас принять что-нибудь!

— Лучше выругаться покрепче... три и три... представь себе, что ты опять в университете работаешь над диссертацией старика Нови. Это должно породить в тебе достаточно злости, чтобы ты разорвал эти корабли голыми руками...

Бран улыбнулся, и напряжение покинуло его.

— ...три и два...

Теперь он так и видел перед собой уродливое лицо старого ублюдка Нови. Он гадал, что же в конце концов случилось со стариком после... Палец его сжался на гашетке.

— ...три и од...

Кнопка гашетки была уже нажата.

Через секунду бесконечности из «Славной Дырки» выскоцило в ничто и нигде лезвие изумрудно-зеленого цвета, ярче солнца. Миллимгновения спустя оно вонзилось в веер двигателя ближайшего корабля Аннов, которым по случаю оказался «Унн». Беззвучно вспыхнуло ослепительно сверкающее золотое пламя. За ним последовал взрыв испарившихся твердых тел и образовалось быстро рассеивающееся облако ионизированного газа.

Боевой экран показывал одну белую точку и одну крошечную туманность.

В орудийной башне Бран лихорадочно пытался навести лазер для выстрела по второму кораблю, но так и не получил настоящего шанса.

В момент безмолвного уничтожения Малайка разрешил себе издать сильный вопль:

— Озиии-еее!

А затем:

— Вульф, Ата, даешь ходу!

Ата прихлопнула связь, и «Славная Дырка» прыгнула вперед с максимальным ускорением.

На все еще существующем Аниском корабле «Арре» паника царила только в тех отсеках, где власть барона Рииди ВВ была периферийной. Вокруг него экипаж выражал только фатальную покорность судьбе. Единственной приятной мыслью на уме у всех было, что они сделают с людьми на этой яхте, когда командир и техники выжмут из них все, что хотят узнать. Никто не смотрел в лицо барону из страха встретиться с ним взглядом.

Барон надраил когти, праздно скребя ими по чешуе левой руки. У правой находился микрофон.

— Главный механик, — спокойно обратился он по связи, — будьте любезны, полную мощь. Все, что вы можете выделить помимо экранов.

Он не потрудился спросить, включены ли они уже.

Он снова повернулся к господствовавшему на мостице огромному экрану. На нем белая точка быстро уменьшалась, но не сумела исчезнуть совсем. Так и не сможет. Не сводя глаз с экрана, он обратился к экипажу по корабельной связи:

— В потере «Унна» нет ничьей вины. Не ожидая межпространственного вооружения на частной яхте данного типа, мы включили только противометеоритные экраны. Теперь эта ошибка исправлена. Противник быстрее, чем оценивалось первоначально. Он явно надеялся уйти за пределы детектора в суматохе, порожденной потерей братского корабля. Этого не произошло. И не произойдет. Мы кончили играть вежливо. Накрутите себе хвосты, господа. Наша задача — догнать корабль! И когда мы догоним, я могу пообещать вам кое-какие интересные развлечения!

Вдохновленный этим экипаж «Арра» взялся за дело с энтузиазмом.

Бран разок коротко выругался, когда уцелевший Аниский корабль съежился за пределами дальnobойности.

Трузензюзекс деловито выпутывался из самодельных крепежных ремней.

— Расслабься, брат. Ты действовал именно так, как мы надеялись. Даже лучше. Они отключили экраны, спору нет, иначе не рвануло бы так здорово. Мы, должно быть, попали им прямо в генератор. Какое зрелище!

Цзе-Мэллори последовал совету и, насколько мог, расслабился.

— Да, да, ты совершенно прав, Тру. Во второй раз нам бы так не повезло. Если бы у нас вообще был второй раз.

— Именно так. Я предлагаю вернуться теперь в каюты. Эта игрушка стала бесполезной. Вот будь у нас настоящая пушка... А, ладно. После тебя, Бран.

Трузензюзекс вновь открыл люк, и они нырнули в него. Направляясь обратно через сумрачные зеленые полости отсека, они упустили поздравления Малайки, когда те полились из репродуктора уже пустой орудийной башни.

— Клянусь хвостом туманности Черный Конь! Они сумели-таки! Эти слабые, простые, миролюбивые ядугузы и сумели-таки врезать им! Разнести с одного выстрела боевой корабль из этого старья!

Он покачал головой.

— Может, мы еще и не выкрутились, но, клянусь пророками, теперь эти ящеры поймут, что побывали в бою.

Вульф вернул коммерсанта к реальности.

— Они снова начинают нагонять нас, сэр. Медленнее, чем раньше. Намного медленнее. Но мы гоним, пустив в ход все, что у нас есть, а они все равно сокращают расстояние.

Ата кивнула, соглашаясь с ним.

— Экран, может, еще и не показывает этого, но приборы подтверждают. При таком темпе у нас есть еще около трех — нет, четырех часов, прежде чем они окажутся на расстоянии действия парализующего луча.

— Значит, все. Пепонга — пи? Сколько злых духов?

Он откинулся в кресле. Коль скоро они настолько приблизятся, то сделают мумии из всех, кто на борту, а потом на досуге размотают им мозги. Методы могут варьироваться, но будут, несомненно, уникальными по своей неприятности. Этого нельзя допустить. Как только подойдут достаточно близко, он позаботится, чтобы все получили смертельную дозу чего-нибудь из аптечки для гарантии невозможности допроса. Или, возможно, лучше лазер. Сожженных в пепел Аннские техники, как ни хороши они, восстановить не смогут. Да, это лучший выбор. После того, как он покончит со всеми остальными, ему надо будет удостовериться, что он не попадет мимо мозга. У него будет только один выстрел. Тебе лучше начать искать зеркало, Максим!

Если бы был только какой-то способ набрать достаточно скорости, чтобы выскочить за диапазон детекторов! Хотя бы только на несколько микросекунд, этого может

хватить. Космос огромен. Дай ей этот драгоценный интервал, и «Славная Дырка» могла легко оторваться от преследователей. Он бессознательно положил ладонь на руку Аты.

Должен быть какой-то способ набрать еще полкругатного!

Он не заметил, как задрожала ее рука, когда он накрыл ее, ни того, как она смотрела на нее. Он внезапно убрал руку, не осознав, какое действие это произвело на второго пилота.

Флинкс тоже обдумывал эту проблему на свой собственный лад. Он мало разбирался в звездной навигации и еще меньше — в КК-двигателях, но ведь Малайка забыл больше, чем мог узнать за всю жизнь. Связи в мозгу торговца разветвлялись на миллион цепочек. Он терпеливо пробегал то по одной, то по другой, выводя на поверхность полузабытые усвоенные знания и их применение, туда, где собственная система Малайки могла выудить их, осмотреть и отбросить. В некотором смысле это походило на пользование системой поиска в Королевской Библиотеке. Он продолжал это с терпением, которого и не подозревал в себе, пока...

— Но а если! Здравый смысл!..

Малайка замолк, и его глаза открылись так широко, что Ата действительно встревожилась.

— Ата!

Она чуть подскочила при этом крике.

Он нашел его. Каким-то образом мысль поднялась из тайников в глубине его мозга, где годами лежала нетронутой.

— Слушай, когда впервые добрались до Зараженной Зоны, изыскательские корабли прошли сквозь нее — какую-то часть ее — с целью нанести на карту, верно? В конечном счете эта идея была отброшена как непрактичная — в смысле дорогая, но все первоначальные сведения остались. Именно так и положено делать. Сверься с памятью машины и выясни, нет ли поблизости от нас каких-нибудь нейтронных звезд.

— Что?

— Великолепная мысль, капитан, — сказал Вульф. — Я думаю... да, есть возможность — разумеется, минимальная и трудная — что мы сумеем утащить их за собой. Куда приятней, чем простое самоубийство.

— Именно так, Вульф, за исключением одного. Я не думаю даже о сложном самоубийстве. Мвализури,

поговори со своей машиной и узнай, что она скажет!

Ата отстучала затребованные сведения. Машине потребовалось только мгновение, чтобы выдать на экран длинный список ответов.

— Ну да, есть одна, капитан. При нашем настоящем темпе хода примерно в семидесяти двух корабельных минутах от нашей текущей позиции. Координаты имеются и в данном случае записаны с точностью до девяти... девяти и семи десятых.

— Тогда начинай отстукивать их!

Он повернулся вместе с креслом и нагнулся над микрофоном радиосвязи.

— Все внимание! Теперь, когда мы, служители мира и спокойствия, действительно умиротворили половину наших преследователей, я получил достаточный стимул, чтобы выдать равно безумную идею. То, что я... То, что и ам предстоит попробовать, теоретически возможно. Я не знаю, делалось это раньше или нет. Нет никаких данных о неудачной попытке. Я считаю, что мы должны рискнуть. Любая альтернатива предпочтительней верной смерти. Иначе плен неизбежен.

Трузензюзекс нагнулся, насколько позволили ремни, и произнес в свой микрофон:

— Могу я спросить, что вы... мы попытаемся сделать?

— Да,— поддержал Вульф.— Мне, признаться, и самому любопытно, капитан.

— Же! Мы направляемся к нейтронной звезде этого сектора, определенные координаты которой у нас имеются. При нашей нынешней скорости мы вонзимся в гравитационный колодец на нужной касательной через семь-девята... шестьдесят девять минут. Следующие несколько минут Ате, Вульфу, компьютеру и мне самому предстоит дьявольская работа, прокладка курса. Если мы сможем попасть по этому полю в определенной точке при нашей скорости, я надеюсь, громадное притяжение звезды отшвырнет нас с достаточной скоростью, чтобы убежать за пределы диапазона Анских детекторов. Они едва ли могут этого ожидать, и даже если они вычислят, что мы затяли, то не думаю, что наш друг барон сочтет, что стоит трудиться делать то же самое. Ему есть что терять. Все. А нам в данный момент почти нечего. Только мы, люди, достаточно безумны, чтобы попробовать подобный фокус, квели?

— Да. Поддерживаю предложение. Согласен,— ответил Трузензюзекс.— Будь я способен запретить этот

идиотский план — то, заверяю вас, я бы это сделал. Однако так как это не в моей власти... Давайти приступим, капитан.

— Обречены на слабые похвалы. А, философ? Есть и другие возможности. Либо мы пролетим мимо точки касания и понесемся дальше, в каковом случае вся попытка становится никчемной, и мы будем взяты в плен, либо нырнем слишком глубоко и будем захвачены звездным колодцем, затянуты и разбиты на мелкие кусочки. Как капитан я по праву наделен властью принять решение... Но это не совсем обычное плавание, и поэтому я ставлю на голосование. Кто против?

По связи дошло только слабое фырканье, относящееся, несомненно, к Сисифу — она поддалась любопытству и включила связь. Его нельзя было истолковать как возражение.

— Же! Значит, попробуем. Я усиленно рекомендую вам потратить некоторое время на проверку ремней и улечься как можно удобней. Если мы заденем поле звезды по точной касательной, то я почти убежден, что «Славная Дырка» сможет выдержать действие затронутых сил. Если не сможет, то это не будет иметь значения, потому что наши тела пропадут задолго до корабля. Хайдбуру. Не имеет значения. Я понятия не имею, чего следует ожидать в физиологическом смысле. Поэтому приготовьтесь как можно лучше духом и телом, потому что через шестьдесят... — Он оборвал фразу и взглянул на хронометр. — ...шесть минут все так или иначе определится.

Он прервал связь и начал бешено выбивать на пульте компьютера инструкции и запросы.

— Если есть какое-то утешение, — подумал Флинкс, — так это то, то не будет никакого медленного наращивания силы тяжести на корабле. Они либо преуспеют, либо нет, на такой высокой скорости, что все кончится в один миг. Как сказал Малайка, все так или иначе определится.

Он не желал представлять себе, что случится, если они промахнутся мимо точки контакта и нырнут слишком близко к звезде. Народец в колодец. Не смешно. Он увидел себя и Пипа раздавленным всмятку, плоскими, как бумага, и это тоже оказалось не забавным.

Хронометр, не ведающий жалости к человеческим заботам, продолжал отсчитывать время. Осталось шестьдесят минут... сорок... двадцать... десять... пять... три... две...

А затем — невероятно, до страшного суда осталось

только шестьдесят секунд. Прежде чем он нашел время поразмыслить над этим изумительным фактом, произошел легкий толчок. По кораблю растекся, словно желе, безмолвный вопль на самой глубокой бездне времени. Он висел на краю ствола пушки, покуда та отчаянно пыталась проглотить его. А он отказывался быть проглоченным. **ОТКАЗЫВАЛСЯ**. Булавка среди других булавок в чашке молока, в то время как где-то миллион ногтей скребли по тысяче истерически воющих школьных досок — эрРРРРАААА...

XII

На борту эсминца «App» главный навигатор мигнул, глядя на детекторный экран, а затем повернулся и усталился туда, где сидел на командном кресле барон.

— Командир, челанкский судно исчезло с моих экранов. Мы стремительно приближаемся к нейтронной звезде немалого гравитационного потенциала. Ваш приказ?

Барон Рииди ВВ славился своей настойчивостью. Мысль, что уже почти пойманная добыча сбежала от него, была крайне непривлекательной. Однако он не был и дураком. Глаза его устало закрылись.

— Смените курс на тридцать градусов вправо к нашей нынешней плоскости. Снизьте скорость до крейсерской нормальной.

Затем он снова поднял взгляд на боевой экран. Где-то там находилась белая точка. И там, также невидимая, бездонная шахта невообразимой энергии закрывала завесой невозможное бегство. Или быстрое самоубийство. Сквозь его клетки просочилось легкое подозрение в намерениях людей. Он не испытывал ни малейшей склонности пытаться повторить происшедшее. Жив этот идиот или мертв, он об этом не узнает много месяцев... И именно это-то больше всего и раздражало.

Он размял длинные пальцы, уставясь на ярко отполированные ногти, которые были подстрижены до размеров, подобающих высокопоставленному аристократу. На двух из них сверкали коллоидные самоцветы. Он сцепил их перед грудью и толкнул вперед. Те из экипажа, кто был знаком с действиями знати, узнали этот жест. Он указывал на Концепцию Непрактичной Моши. При данных обстоятельствах это было все равно, что отдать честь скрывшемуся врагу.

— Установите курс возвращения на базу «Преглин» и передайте нашему другу-промышленнику следующее сообщение: «Нет, я не желаю межзвездной огласки». Просто передайте: «Перехватил предсказанное судно и произвел положительное аудиовизуальное отождествление. Повторяю, положительное. Преследовал до...— дайте наши текущие координаты,— шкипер.., где контакт с последним был непоправимо потерян из-за,— он слегка улыбнулся,— неожиданного спурта скорости преследуемого судна. В боевых действиях с последним потерял эсминец «Унн» со всем экипажем». Связист, добавьте следующее примечание и зашифруйте его моим личным кодом: «Сударь, Ваша просьба оказалась до крайности дорогостоящей. Вопреки вашим указаниям мы столкнулись не с перепуганным грузом устрашенных менял, как вы заставили меня поверить. В результате вашей халтурной работы я теперь оказался в неудобном положении вынужденного отчитываться за проведенное вне базы время перед моим добрым другом князем Каатам Ц. Вопрос, насколько он добрый друг, подвергнется теперь тяжелому испытанию. Как и ваша способность давать здравые взятки. Надеюсь, ради нас обоих, что последняя окажется достаточной. Объяснить потерю «Унна» будет куда трудней. Если произойдет утечка сведений об истинных обстоятельствах этого идиотского предприятия, то этого будет более чем достаточно, чтобы приговорить нас к смерти от пыток энной степени в руках Мастеров. Будьте добры не забывать об этом». Подпишите это: «Искренне ваш Риили ВВ, барон, и т. д. и т. п.» Принесите мне выпить.

XIII

Стояла осень. Мамаша Мастифф закрыла лавку, завернула обед и взяла их обоих в Королевские Парки. День был безоблачный, потому это и произошло. Буквально безоблачный. На Мотыльке это не просто приятное исключение, а целое событие. Он отлично помнил, как бесконечно глазел на странного цвета небо. Оно стало голубым, столь отличным от нормального светло-серого. От него болели глаза. Мысли животных, птиц сделались странными и путанными. А мелкие торговцы равнодушно сидели себе в своих ларьках и тихо кляли солнце. Оно украло у них всех клиентов. Небо стало мягче, а в Драл-

ларе любая мягкость была редкостью. Поэтому все взяли выходной, включая короля.

Королевские Парки занимали обширную территорию. Вначале их создали строители первых ботанических садов для использования этих огромных сооружений. Из-за какой-то чудовищной бюрократической ошибки их открыли для простой публики и с тех пор так и осталось. Огромные сверкающие стволы знаменитых железных деревьев устремлялись, прямые и гордые, на невозможные высоты над его мальчишеской головой. Они казались куда более постоянными, чем сам город.

Железные деревья линяли. Каждую вторую неделю приходили королевские садовники и собирали все опавшие листья и ветки. Железные деревья попадались редко даже на Мотыльке, и эти огрызки были чересчур ценными, чтобы выметать их. По территории парка флантировали стражники в лимонно-зеленых мундирах, большие для защиты деревьев, чем людей.

На чудесных гимнастических снарядах и гигантских шагах играли дети. Король считал, что раз уж народ допустили в парк, то он может с таким же успехом в полной мере насладиться пребыванием в нем. Дралларские короли отличались жадностью, да, но не исключительной.

Он был слишком робок, чтобы присоединиться к хихикающим настоящим фигурам на игровой площадке. И они все боялись Пипа, глупые! Хотя была там одна девочка... сплошные кудряшки, голубые глаза и румянец. Она нерешительно топталаась на месте, упорно стараясь показать, что не интересуется им, но без успеха. Мысли у нее были приятными. Мини-дракончик скорее завораживал ее, чем отталкивал. Они находились на грани знакомства на простой, но очень правильный лад, который так быстро утрачивают взрослые, когда сверху спланировал неведомый лист и ударил его прямо между глаз. Листья у железного дерева тяжелые, но не настолько, чтобы на нее рану даже маленькому мальчику. Только смущение. Она начала неудержимо хихикать. Рассвирепев, он ушел с горящими от ее смеха ушами, с мозгом, парализованным тем, как она видела его. С миг он подумывал наускать на нее Пипа. Но это был один из тех импульсов, которые он научился обуздывать очень рано, когда способности змея были продемонстрированы на настойчивой мучительнице, бродячей собаке-дворняге.

Несмотря на то, что он уходил все дальше и дальше, ее смех преследовал его, словно призрак. Уходя, он наносил

злобные и бесполезные удары по беззаботно плававшим вокруг него листьям ржавого цвета. И иногда он даже не прикасался к ним, когда они, сломавшись, падали наземь.

XIV

Затем небо перестало быть голубым. Не было оно больше и светло-серым. Оно стало пастельно-зеленым.

Он перестал молотить руками и огляделся кругом. Пип прекратил бить хозяина перепончатыми крыльями по лицу и, улетев, удобно свернулся вокруг ближайшего ограждения койки, удовлетворенный вызванной им реакцией. Крепкая конструкция дракончика явно мало пострадала от болезненного воздействия. Флинкс еще не знал, обругать его или поцеловать.

Он попробовал сесть, но повалился на спину, истощенный этим коротким усилием. Достаточно странно, кости его вообще не беспокоили. Но мускулы! А также связки и сухожилия, вся паутина, соединяющая части скелета. Ощущение такое, словно связали конец к концу, растянули, скатали в шар и сбили в одну из наименее аппетитных фрикаделек Мамаши Мастифф.

Это стало испытанием сил, но он, наконец, сумел сесть. События последних... (сколько он пробыл без сознания?)... вернулись к нему, когда он растирал онемевшие ноги, восстанавливал кровообращение. Как только он вновь почувствовал себя достаточно хорошо, то поспешил нагнуться и обратиться в микрофон корабельной связи. На случай, если другие находились в менее удовлетворительном состоянии, он объявил медленно и четко, так, чтобы его наверняка поняли.

— Капитан? Капитан! Рубка? Есть там кто-нибудь?

Он почувствовал все прочие разумы, но не их состояние, так как его собственный был еще слишком взбаламучен, чтобы сфокусироваться.

— Расихи, киджана! Не волнуйся. Рад слышать, что ты тоже очнулся.

В голосе торговца слышалось здоровое громыхание, но Флинкс прочел в его мозгу напряжение. Еще через минуту на маленьком видеоэкране вспыхнуло его изображение. На грубом лице прибавилась морщина-другая, а в бороде — несколько седых волос, но в остальном каменная

физиономия осталась неизменной. И хотя его тело и душа выглядели измотанными, лицо отражало прежний энтузиазм.

— Мы с Вульфом в сознании, хотя и не на ногах, м'л'о. Какое испытание! Кажется, наш друг, твердолобый философ, носящий свой внутренний скелет снаружи, вынес это лучше, чем все остальные. Он пришел сюда и помассировал нас, бедных мягкотелых, пока мы не пришли в себя.

Голос инсектоида донесся по репродуктору откуда-то из-за пределов действия камеры, но Флинкс мог определить транкса по силе его мыслей, бывших и впрямь лучше организованными, чем у его спутников.

— Будь остальное ваше тело, капитан, таким же твердым, как лоб, по крайней мере, не нуждались бы в моей помощи.

— Же! Ну, киджана, Ще-Мэллори был на ногах дольше всех нас, бедных человеков, и, по-моему Щер Жук как раз сейчас приводит в сознание Ату... Мы собирались потом отправить его осмотреть тебя, Флинкс, но, я вижу, в этом нет нужды.

— Мы су...

Но Малайка, казалось, не расслышал, а Флинкс слишком устал, чтобы зондировать его мозг.

— Мва на муне и мтото, что за сучья скакча! Извиняюсь, бвана Трузензюзекс. Не хотел обидеть. Это старое земное выражение, означающее приблизительно «неистово мчаться в пекло». Я знаю только, что оно подходит к нашей сегодняшней ситуации. Наверно, его сочинили для дружеского Муигу. Преображение! Флинкс, мой мальчик, мой киджана, мой мтото, мы пронеслись мимо той звезды так быстро, после того, как задели поле, что наш компьютер пересечения не мог управиться с этим! Эта автоматика не создана для программирования такой скорости, и мне очень неприятно говорить тебе, где находится максимум взлета! Если бы только существовал какой-то способ проделывать эту штуку на коммерческой основе... Ой!

Он вздрогнул и осторожно коснулся рукой шеи.

— Однако, должен признаться, в настоящее время кажется, что эта система имеет определенные недостатки. Учави! Многое я бы отдал за то, чтобы увидеть лицо нашего друга барона, когда мы пропали с его экранов. Так вот, без предупреждения. Хотел бы я знать, станет ли он... но выпутывайся из этой паутины, киджана, и

ступай сюда. У меня есть для тебя маленький сюрприз, и отсюда он выглядит еще лучше.

Флинкс почувствовал, что к его мускулам началозвращаться тонус. Он освободился от остальных ремней и медленно соскользнул с койки. Возник неловкий миг, когда ему пришлось схватиться для опоры за стенку, балансируя на трясущихся ногах. Но теперь все начало быстро нормализоваться. Он несколько раз на пробу обошел каюту, затем повернулся и направился в Рубку, а Пип удобно обвился вокруг его плеча.

Малайка слегка повернулся вместе с креслом, когда на мостице появился Флинкс.

— Ну? Что за сюрприз?

Он заметил, что Трузензюзекс исчез, но почувствовал присутствие инсектоида в другой части корабля.

Малайка заметил его ищущий взгляд. Или, возможно, он становился чувствительным. Надо ему быть поосторожнее рядом с рослым торговцем.

— Он пошел помочь Сиссиф. Похоже, она очнется последней.

Это было верно. Он ясно видел Ату и Вульфа, занятых у приборов.

— Киджана, этот здоровенный пинок в... полученный нами форсаж толкнул нас так, что мы намного опередили предусмотренный график... по заранее рассчитанному пути! Именно так я спланировал дело, когда мы устанавливали координаты соприкосновения. Зачем зря пролетать на волосок от смерти, если это может вдобавок быть использовано к своей выгоде... Но, честно говоря, я не думал, что поле «Славной» сможет так крепко держать нас. Однако удержало, и вот мы здесь.

— И где же это? — спросил Флинкс.

Малайка так и светился самодовольством.

— Не больше чем в девяноста минутах корабельного времени от намеченной цели!

Он снова повернулся к пульту, бормоча про себя:

— Эх, если бы только существовал какой-то способ сделать это коммерчески воз...

Флинкс сложил все, что знал, о том, насколько далеко они залетели, когда их перехватил Аннский боевой корабль, с тем, сколько еще им требовалось лететь в то время. В результате у него получилось такое ускорение, о котором он и думать-то не желал.

— Это, конечно, великолепно, сэр. И все же было бы неплохо, если...

— Гм? Если бы что?

— Если бы, оказавшись там, мы нашли что-нибудь, ради чего стоило там оказаться.

XV

Сама планета была красавицей. Она идеально подошла бы для колонизации, если бы не злополучная нехватка суши. Но даже тот факт, что девяносто процентов суши сосредоточились в один большой континент, не мог воспрепятствовать такой эксплуатации. В океанах тоже можно устраивать фермы и добывать полезных ископаемых, как на колониальных мирах вроде Диса и Реплера. А океаны Форсажа, как они его назвали, были достаточно зелеными для предположения, что в них так и кишит необходимая основная матрица для поддержания морской культуры челанксийского типа. К счастью, на большинстве найденных на данное число планет реакция хлорофилла оказалась нормальной.

По контрасту, единственный континент казался странно сухим. Это особенно обескуражило Трузензюекса, так как транкс предпочел бы влажный тропический климат. Он подтвердил это мнение, оглашая его при каждой представившейся возможности.

Насколько они могли определить с орбиты, все обстояло точь-в-точь так, как описывала звездная карта: состав атмосферы с его необычной пропорцией свободного гелия и других редких газов ультрафиолетового излучения, средние и крайние температуры и так далее. Их предшественник-наблюдатель упустил из виду только один факт.

Насколько могли определить их зонды, ни в каком месте на поверхности Форсажа ветер никогда не дул со скоростью меньше 70 километров в час. В определенных точках над океаном, особенно поблизости к экватору, он отличался замечательной устойчивостью. Но, похоже, он нигде не падал ниже этого приблизительного минимума. В юго-восточной части планеты в настоящее время виднелась одна гигантская схема шторма. Метеорологический компьютер полагал, что неподалеку от его центра ветры двигались со скоростью выше 780 километров в час.

— Невозможно! — воскликнул Малайка, увидев на экране первоначальную оценку. — М ч а в и ч в а н г а н и й к о!

— Вполне,— согласился Трузензюзекс.— Определенно. Поди запусти тут зонд!

И ученый разразился свистящим смехом транксов.

Малайка пришел в замешательство и от смеха, и от намека.

— Будьте любезны, переведите.

— Это значит,— вставил, перекрывая смех инсектоида, Цзе-Мэллори,— что это более чем возможно.

Он с полнейшей поглощенностью глядел на вращающуюся внизу сферу. Необычный серебристо-золотой оттенок атмосферы возбудил в нем интерес.

— И там могут быть места, например на единственном континенте, где каньоны и тому подобное канализируют еще более высокие скорости.

Коммерсант сделал глубокий вдох, со свистом выпустил воздух и схватился за всегда висевший у него на шее маленький деревянный образ.

— Нам на гани махаили? Что это за место? Не удивительно, что там нет ничего, кроме одного маленького континента и нескольких висивавов. Такие ветры склонят возвышенности, как солому.

Он покачал головой.

— Почему тар-аймы выбрали подобное место для создания своего чего-то этакого, мне ни за что не угадать.

— Мы много чего не знаем о тар-аймах и их мотивах,— заметил Цзе-Мэллори.— Намного больше, чем знаем. С их точки зрения, оно могло быть идеальным. Может быть, они считали, что самая непривлекательность его отвадит разведку их врагов. И у нас нет никаких окончательных доказательств относительно того, что они считали гостеприимным климатом. Вспомните, мы даже не знаем наверняка, как именно они выглядели. О, мы получили об этом смутное представление. Голова здесь, главные манипулирующие конечности там, и так далее. Но при всем том, что мы действительно знаем, они могут быть даже полугубчатыми. Милый ураган со скоростью триста километров в час мог быть для них освежающей ванной. В таком случае я бы ожидал, что Кранг окажется как-то курортной принадлежностью.

— Пожалуйста! — попросил Малайка.— Без неприятностей. Будь это правдой, то почему мы не обнаружили таких ветров на каких-нибудь других планетах, где, как нам известно, обитали тар-аймы?

Цзе-Мэллори пожал плечами, такой поворот разговора его не интересовал.

— Возможно, с тех пор погода изменилась. Возможно, ее изменили они. Возможно, я не прав. Возможно, я сошел с ума. Фактически бывают времена, когда мое последнее подозрение переходит в уверенность.

— Я заметил,— не удержался от шпильки Трузензюзекс.

— А! Если бы я знал все ответы,— сказал социолог,— то был бы Богом, при каковых обстоятельствах наверняка находился бы вне этого корабля и не сидел в тесноте с остальными психопатами.

Он сперва обратил взгляд к экрану, но Флинкс уловил веселье у него в мозгу.

— Капитан? — вмешался спокойный голос Вульфа.— Предположительные данные геологоразведывательных зондов указывают, что континент имеет базальтовую основу, но на поверхности состоит главным образом из осадочных камней, сильно кальцинированных и с высокой пропорцией известняков.

— Угум. Символично. Это также объясняет, как ветер мог так быстро сшибить любые горы. Еще через миллион лет, если исключить любой подъем океанского дна, вероятно, не останется ни клочка земли, торчащего над водами этой планеты. К счастью, об этом мне тоже не зачем беспокоиться.

Он отвернулся от экрана.

— Ата, иди приготовь членок. И действуй с расчетом, что повезешь вниз всех нас. Слава Мунгу, похоже, что скафандры нам не понадобятся, но обязательно удостоверься, что краулер в хорошем рабочем состоянии. И посмотри, нельзя ли соорудить что-нибудь для защиты глаз от этого адского ветра. Так, чтобы нам не пришлось использовать шлемы от скафандров.

Она направилась к выходу, но он остановил ее у двери.

— И удостоверься, что у нас большой запас веревок. Я бывал на планетах, где дождь разъедал скафандры прямо до кожи, если фауна не добиралась до тебя первой и если флора не обгоняла фауну. Но эта первая, на какой я когда-либо бывал, где главной заботой будет, как бы нас не сдуло.

— Да, капитан.

Она удалилась, пройдя по пути к выходу мимо пребывшей Сиссиф. Обе достаточно оправились, чтобы обменяться мгновенными многозначительными взглядами, но, сознавая, что Малайка смотрит на них, ничего не сказали.

— Думаю, у нас не будет больших затруднений с

обнаружением этой вашей штуки, господа, допуская, что она и впрямь существует. Похоже, тут нет никаких каньонов или других пересеченных местностей, где можно ее спрятать, а поскольку ваш друг, кажется, нашел ее без труда, я не вижу никакой причины, почему бы мы и с более хитрыми приборами не смогли сделать того же. Да, мы должны найти ее быстро. Афиаэну, господа. Ваше здоровье!

Он хлопнул в огромные ладоши, и вызванный этим грохот был в замкнутом пространстве просто оглушающим.

— Он выглядит, словно ребенок, ожидающий получения новой игрушки,— прошептал Цзе-Мэллори Трузензюзексу.

— Да. Давай надеяться, что она и впрямь носит, скорее, эстетический, чем смертельный характер.

У членока имелся собственный дирижаблеподобный ангар на дне огромного грузового отсека. Сиссиф, призывавшейся, что она не знакома с маневрированием, пришлось помочь спускаться. Но то, как она прильнула к оказавшему такую любезность Малайке, намекало на иные мотивы, чем неведение.

Мощный кораблик был законченным космическим судном, хотя и куда более стандартным и менее просторным, чем «Славная Дырка». Его приводили в движение ракеты самой современной модели, а для атмосферного суборбитального полета — реактивный двигатель. Будучи предназначенным для простых полетов земля-космос, космос-земля, он имел ограниченный крейсерский диапазон. К счастью, им требовалось обследовать только ограниченный район вероятности. Со «Славной Дырки» это можно было бы произвести более спокойно и неспешно, но Малайка не собирался сдерживаться сколько-нибудь дольше, чем необходимо, несмотря на сопутствующие неудобства. Он хотел вниз.

То, что не понадобятся гибкие, но все же неуклюжие скафандры, должно очень помочь. Ата снабдила всех очками, чьей первоначальной целью было защитить от сильного ультрафиолетового излучения. Хотя и темные, они хорошо послужат для ограждения глаз от пыли и носимых ветром частиц. Для Трузензюзекса она сумела сорудить их из пары пустых контейнеров из-под полимеров.

В углу Сиссиф обиженно спорила с Малайкой.

— Но я не хочу туда, Макси. Действительно, не хочу.

— Но захочешь, моя мвакондуви ву, обязательно захочешь. Нджу, идем, мы все останемся вместе. Я не

думаю, что наши друзья Анны найдут нас, просто не представляю, как они это смогут, но все-таки опасаюсь такой возможности. На случай этого непристойного происшествия я хочу, чтобы все находились в одном месте. И я также не знаю, на что мы наткнемся внизу. Мы спускаемся на развалины умершей полмиллиона лет назад цивилизации, более передовой, чем наша, и предельно безжалостной. Может, они оставили какое-то странное приветствие для запоздавших гостей? Поэтому на случай необходимости все должны быть вместе и иметь возможность приложить к делу руку, даже твою изящную и маленькую.

Он чмокнул звучным поцелуем упомянутый набор пальцев.

Она выдернула руку и топнула ногой — ее любимый способ протеста, но при нулевой гравитации — неэффективный.

— Но, Макси!..

— Стареже! Не «максий» мне. Определенно нет, милая.

Он положил руку ей на плечо и мягко, но твердо развернул ее кругом, подтолкнув в направлении к пассажирскому выходу в членок.

— Кроме того, если бы я предоставил тебя на борту самой себе, ты, вполне вероятно, стерла бы навигационные катушки, пытаясь заказать обед у автоповара. Нет, ты отправляешься с нами, ндегедого, моя птичка. К тому же твои волосы будут так красиво выглядеть, развеваясь на нежном ветерке.

Ее язвительный голос слабо донесся, когда она вошла в шлюз.

— Ветерок! Я слышала, как ты говорил об урагане...

— Или, — подумал Флинкс, борясь с пистолетом и поясом, выданным ему Атой, — возможно, что наш капитан не забыл, как ловко нашли нас Анны. Может быть, он думает, что дорогой, милой, беспомощной Сиссиф нельзя полностью доверять.

Он пошел тихо, ища в уме упомянутой особы какой-либо намек, могущий подкрепить возможное подозрение коммерсанта. Если там что-нибудь и имелось, то оно было либо похоронено слишком глубоко, либо слишком хорошо спрятано, чтобы он отыскал. А по краям вокруг его зонда просочились иные вещи, смутившие даже его, шестнадцатилетнего паренька из Драллара. Он неуклюже поспешил убраться. Пусть Малайка сохраняет на душе этот груз.

Ему куда больше нравилось восхищаться пистолетом. Рукоятка — сплошная филигрань и инкрустация, куда более красивая, чем практические дезинтеграторы в зарешеченных и затемненных оружейных лавках Драллара. И, безусловно, равно смертельный. Он знал, что может натворить эта модель и как с ней обращаться. В тех же лавках он стрелял из этого и схожего оружия с пустыми магазинами, в то время как хозяева снисходительно взирали на это и обменивались покровительственными замечаниями с постоянными клиентами.

Он был прекрасен, компактный и эффективный лазерный пистолет, — а мог сварить человека на расстоянии в пятьсот метров или зажарить на дистанции в метр. Он мог сварить большинство металлов или прожигать насквозь любое обычное пластиковое препятствие. В общем и целом он был полезным и многоцелевым инструментом, а не только оружием. Хотя Флинкс и надеялся, что на поверхности планеты он ему не понадобится, да к тому же с ним был Пип, но его приятная тяжесть вызывала утешающее ощущение.

По настоящию Малайки им всем также выдали полный пояс выживания. Даже Сиссиф, пожаловавшийся, что его вес портит ее фигуру. Это вызвало нелестное замечание со стороны Аты, которого Рысь, к счастью, не слышала, иначе в крошечном шлюзе судна мог возникнуть еще один небольшой катаклизм.

Пояс оборудовали и спроектировали для применения на планетах, варьировавшихся не более чем на десять процентов от челанкской нормы. Кроме обязательного пистолета, пояс содержал среди прочего концентрированные пайки и взбадривающие пилюли, сахаро-соляной раствор, портативную рацию, палатку для двоих, которая была водонепроницаемой, сохраняла тепло тела и складывалась в пакет меньше кулака, батареи для рации и пистолета, инструменты для ориентации, изготовления гвоздей и посева зерна. Там также имелся чудесный компактный ридер мини-микрофильмов с примерно пятьюдесятью книгами на катушках. Среди подборок выделялись два основных произведения — «Универсальный Словарь Изустного Общения» в семи томах, сокращенное издание, и Библия Объединенной Церкви «Священная Книга Универсальных Истин и другие забавные Анекдоты».

Если бы он прихватил с Драллара с собой всю свою квартиру со всеми принадлежностями, то все время жил бы хуже, чем с этим единственным сказочным устройством вокруг талии.

Беспрестанно дующие вокруг планеты страшные ветры и вихревые потоки наверняка затруднят им спуск. Однако под умелым управлением Аты он прошел почти столь же гладко, как мог бы пройти на «Славной Дырке». Единственные тяжелые минуты возникли, когда они шли сквозь насыщенные слои атмосферы. Естественные слои несущиеся в воздухе металлических частиц — их встретилось два — показались двум ученым необычно густыми, но покуда они тянули на ракетах, это не представляло опасности.

В отличие от роскошного членока, поднявшего их с поверхности Мотылька, тот членок был оборудован для перевозки больше груза, чем пассажиров. Однако несмотря на малую величину рассеянных секций из плексисплава Флинкс все-таки немного видел землю внизу. Единственный континент протянулся от северного полюса до точки как раз ниже экватора. На этой высоте он рисовался в основном красно-желтым с большими кляксами тусклозеленого здесь и там. Маленькие речки, жалкие и незначительные по сравнению с медно-голубым планетным океаном, лениво извивались среди низких холмов. Никаких речных каньонов, естественно, не было. Любой такой исчез бы тысячулетия назад под изнурительной бешеной атакой неустанных ветров.

Он на миг встревожился за Пипа, который наотрез отказался надеть крошечные самодельные очки. Пристальное изучение открыло, что рептилия снабжена прозрачными мигательными перепонками, опускавшимися для защиты глаз. Раньше он никогда их не замечал, вероятно, потому что не смотрел. Он мысленно выругал себя за непонимание того, что животное, живущее на деревьях, обязано иметь какую-то естественную защиту от переносимых ветром предметов. Но, впрочем, ни один из двух ученых этого тоже не понял. Если он сможет там, внизу, справиться с ветрами, то будет чувствовать себя на поверхности Форсажа лучше, чем любой из них.

Небольшой межкаютный интеграл донес до них из Рубки голос Малайки. В крошечной пилотской рубке хватало места для двух пилотов, и рослый торговец создал там немилосердную тесноту. Но он настаивал на желании оставаться «на макушке» — сказано это было буквально.

Они пролетели на реактивных двигателях лишь короткое время, когда молчание в каюте нарушил взволнованный крик.

— Майша! Вот он! Проверьте в иллюминаторах справа.

Все дружно устремились на ту сторону корабля. К движению присоединилась даже Сиссиф.

Они все еще летели высоко, но когда сделали вираж, то в поле зрения появились развалины города приличных даже по тар-аймским стандартам размеров. Построен он был, как всегда, хорошо, но на этой планете очень немногое могло долго оставаться в своем первоначальном виде. И все же отсюда он казался столь же хорошо сохранившимся, как любой из тар-аймских городов, виденных Флинксом на видеокассетах. Когда они снизились, чужая схема города в виде расходящихся от фиксированной точки концентрических полумесяцев стала видна столь же четко, как рябь с берега пруда.

Но даже на этой высоте то, что сразу же захватило внимание всех и заставило Трузензюзекса издать тихое ругательство неопределенного происхождения, было не самым городом, а зданием, стоящим на утесе над связующим звеном метрополиса. Единственное безликое сооружение в виде прямоугольной пирамиды, срезанной прямо на вершине. И оно, и круглое основание, с которого оно поднималось, отличались однообразным желто-белым цветом. Самая макушка строения, похоже, была покрыта каким-то стекловидным материалом. В отличие от остального города, оно выглядело идеально сохранившимся. А это было самое высокое из когда-либо виденных им единичных строений.

— Ваба Гиза! — донесся по интеркому притихший голос Малайки.

Он явно осознал, что связь включена.

— Всем занять места и пристегнуть ремни. Нам предстоит приземлиться у подножия того утеса. Рафики Цзэ-Мэллори и рафики Трузензюзекс, если вы пожелаете, мы исследуем весь город, балку за балкой, но я ставлю свой маджичо, что ваш Кранг находится в некоем здании на вершине некоего холма!

Они приземлились, наконец, на широком отрезке открытой песчаной местности слева от города и обрыва. Ата, не уверенная относительно состава почвы, на которую им предстояло приземлиться, мудро решила воспользоваться заменяемыми посадочными полозьями вместо колес. Поблизости не имелось никакого чистого моншеного отрезка территории. Под ними быстро промелькнули развалины чудовищного космопорта позади последнего полумесяца города. Приземляясь там Малайка запретил, так как желал сесть как можно ближе к са-

мому зиккурату. Он чувствовал, что чем меньшее расстояние им придется преодолеть по земле и чем ближе они смогут оставаться к кораблю, тем безопаснее он будет чувствовать себя, бродя по разрушенному городу. Вдобавок огромный космопорт, несомненно, служил также военной базой, и если остались еще какие-то неприятные автоматические устройства для встречи незваных гостей, то они, вероятно, сосредоточены там. Поэтому посадка прошла немного жестче, чем могла бы. Но они приземлились целые и получили еще одну выгоду, о которой никто не подумал.

Ветер пылил постоянной стеной из-за здания и холма, под которым они приземлились. Хоть обрыв ни в коем случае не был перпендикулярным, он оказался достаточно крутым, чтобы отрезать добрую часть вечного шторма. Это означало, что вдобавок к ликвидации возможной проблемы вынужденного причаливания корабля работать у самого членока будет легче. Корабельный филиал метеорологического компьютера зарегистрировал силу ветра за пределами места их приземления в уютные сорок пять километров в час. Положительно, рай.

— Ата, Вульф, помогите мне вывести краулер. Остальные, проверьте свое снаряжение и удостоверьтесь, что все получили дополнительные очки.

Он повернулся к Цзе-Мэллори.

— Же! Они построили свой город за самым большим ветроломом, какой смогли найти. Вроде как опровергает вашу теорию «ласковой ветровой ванны»?

— Не поносите моих догадок, капитан, а то больше не буду их высказывать.

Его глаза и мысли явно были заняты чем-то иным.

— Вульф?

— Здесь, капитан.

Скелет вышел из передней каюты. Он выглядел даже более эксцентрично, чем обычно, в очках и с серебряным поясом. Выражение его лица было странным — на его лице любое выражение отдавало странностью.

— Капитан, где-то под этим городом находится активный источник тепловой энергии.

— Не атомный? — переспросил Малайка.

Гравитационная энергостанция была, конечно, невозможна на любом небесном теле с разумным собственным гравитационным полем. И все же в тар-аймской науке имелись аспекты, которые челанкисийские исследователи даже не начали объяснять.

— Нет, сэр. Определенно, термальный. И к тому же большой согласно сенсорам, хотя проверка производилась очень быстро.

Брови Малайки исполнили сальто-мортале.

— Интересно! Это вызывает у вас, господа, какие-нибудь догадки?

Цзе-Мэллори и Трузензюзекс оторвались от увлеченного созерцания монолита на вершине и обдумали вопрос.

— Да, несколько,— начал философ.— Среди которых — подтверждение того, в чем мы в любом случае были почти уверены: что это молодая планета в довольно молодой системе. Качать энергию ядра планеты достаточно трудно и на самом юном мире, которым эта планета не является. Но *к а ч а т ь* может всякий. Проблема в том, чтобы сохранять над ним достаточный контроль и суметь канализировать его энергию, не вызывая всепланетных землетрясений или пробуждения вулканов под крупными центрами-ульями. Мы сами в этом все еще не такие уж большие мастера. И только в самом ограниченном смысле.

— И,— продолжал Цзе-Мэллори,— это предполагает, что им требовалось для чего-то адски много энергии, не так ли? И хотя это довольно большой тар-айимский город, но он также, кажется, единственным на планете.

Он обратил взгляд к Малайке за подтверждением, и торговец медленно кивнул.

— Так что мне лично непонятно, для чего им понадобилось идти на все эти хлопоты, когда их квазиатомные электростанции обеспечили бы более чем достаточно энергии для этого единственного города. Особенно со всей доступной тут водой.

— Капитан,— нетерпеливо сказал Трузензюзекс,— мы будем счастливы выдвинуть для вас любые пространные гипотезы, но позже. Сейчас я желал бы, чтобы вы позаботились об извлечении из трюма нашего наземного транспорта.

Его голова повернулась к иллюминатору, и огромные золотые глаза уставились на территорию за ними.

— Я почти не сомневаюсь, что когда мы поедем в Туарвех на вершине этого утеса, там найдутся ответы на ваши незаданные вопросы и, будем надеяться, на большинство наших.

— Если мы попадем в него,— добавил Цзе-Мэллори.—

Вполне возможно, что хозяева, прежде чем улететь, заперли его и не оставили ключи под ковриком.

XIV

Краулер оказался низкой приземистой машиной, ползающей на двух гусеницах из дюралесплава. У него также имелось универсальное сферическое «колесо» в центре тяжести для облегчения поворота. Ата предварительно проделала некоторые расчеты по безопасности и выяснила, что он останется относительно устойчивым при ветрах вплоть до двухсот пятидесяти километров в час, с этой точки управление им начнет становиться делом хитрым. Флинкс лично не имел ни малейшего желания подвергнуть ее расчеты практическому испытанию. Малайка тоже. Он настоял на заполнении всех пустых мест в машине тяжелыми предметами. Если ветры станут настолько скверными, то не поможет и все добро, что они смогут набить в него. Но оно, по крайней мере, окажет им что-то вроде психологической поддержки.

Не самым малым из этих тяжелых предметов была мощная лазерная винтовка на треноге.

— Просто на случай,— пояснил коммерсант,— что открыть дверь может оказаться труднее, чем мы думаем.

— Для путешествующего на своей личной яхте мирного торговца вы, похоже, запасли целый арсенал,— пробормотал Трузензюекс.

— Философ, я мог бы представить вам длинные и сложные аргументы, изобилующие семантическими витками, но я изложу это так, и весь разговор. В моем бизнесе очень сильная конкуренция.

И вскинул вызывающий взгляд на транкса.

— Как скажете,— слегка поклонился Трузензюекс.

Они сели в краулер, маневрировавший поблизости от входа в грузовой отсек, чтобы свести к минимуму первоначальную силу ветра. В большом наземном краулере они все разместились с комфортом. Его спроектировали для перевозки тяжелых грузов, и даже с рассеянными по нему «тяжелыми предметами» Малайки там с избытком хватало места для передвижения. Заскучав, желающий мог забраться по лесенке в кабину водителя с ее двумя койками и куполом из плексисплава. Места там хватало на четверых, но ее сразу же оккупировали Малайка, Вульф и двое

ученых, и они не проявляли склонности освободить место. Поэтому Флинксу пришлось довольствоватьсь для обзора местности крошечными иллюминаторами в главном отсеке. Он оказался наедине с двумя женщинами, сидевшими в крайних противоположных концах каюты и обменивающими между собой смертоносными мыслями. Менее благоприятную атмосферу трудно было и вообразить. Как он ни старался, они начали вызывать у него головную боль. Он намного больше предпочел бы находиться наверху.

Они ползли теперь вверх по склону утеса, двигаясь зигзагами, когда наклон становился слишком крутым даже для мощных шипастых гусениц краулера. Продвигались они медленно, но ровно, в конце концов, машину спроектировали с целью добраться целыми до пункта Б из пункта А, а не для гонок под хронометраж. Свою задачу она выполняла эффективно.

Как и можно было предсказать, почва оказалась крошащейся и мягкой. И все же она была больше камнем, чем песком. Гусеницы глубоко зарывались в нее, мотор стонал. Это несколько тормозило их продвижение, но гарантировало превосходную силу сцепления в зубах ветра. И все же Флинкс не хотел бы оказаться лицом к лицу с настоящим порывом ветра в этой медлительной машине.

Наконец они одолели последний подъем. Оглядываясь назад, Цзе-Мэллори мог различить вдали обшарпанные шпили и башни города, затемняемые вечной пылью и ветром. Здесь смотреть вверх было труднее. По переду купола начали барабанить гравий, грязь и кусочки дерева с крепко обнимающих землю растений. В первый раз стал слышен сквозь толстую защиту вон ветра, звучавший, словно рвущаяся ткань в пустой комнате.

Вульф взглянул на анемометр.

— Сто пятнадцать и пятьдесят две сотых километра в час... сэр.

— Же! Я надеялся на лучшее, но могло быть и хуже. Намного хуже. Никто не собирается отправляться на долгую прогулку. С вихрем мы, может, и справимся, ураган создал бы неудобства.

Когда они двинулись дальше от края утеса, воздух начал становиться достаточно прозрачным, чтобы они увидели свою цель. Не то чтобы они могли упустить ее, смотреть там было особенно не на что, если не считать случайного кома, похожего на засохшие водоросли. Они покатили дальше, и ветер замирал по мере того, как они въезжали под защиту здания. Три пары глаз уставились вверх, все

задирая и задирая головы, пока не показалось, что будет намного проще лечь и смотреть прямо вверх. Только Вульф, сфокусировавший взгляд на приборной доске, не поддался приманке монолита.

Он возвышался над ними, как башня, исчезая наверху в вихрях пыли и облаках.

— Как хуюкуба? — сумел, наконец, прошептать Малайка.

— Насколько он велик, по моему мнению? Я не очень-то могу сказать, — ответил Цзе-Меллори. — Тру? У тебя самое лучшее среди нас глубинное зрение.

Долгий миг философ хранил молчание.

— В человеческих категориях?

Он опустил взгляд, посмотрев на них. Если бы он мог моргать, то моргнул бы, но глазные щитки транксов реагировали только на присутствие воды или сильного солнечного света, так что он этого не мог. Импровизированные очки придавали его лицу неуравновешенный вид.

— Намного выше километра у основания... со всех сторон. Сверху он, знаете ли, выглядит идеальным квадратом. Наверное... — он бросил еще один короткий взгляд вверх, — километра три высотой.

Легкое подрагивание и подскакивание внезапно исчезло. Теперь они ехали по гладкому желто-белому кругу, в центре которого располагалось строение.

Малайка пригляделся к материалу, по которому они ползли, а затем снова посмотрел на здание. Тяжелый краулер не оставлял никаких следов на твердой поверхности.

— Как по-вашему, что это вообще за материал?

Цзе-Мэллори тоже разглядывал ровную поверхность.

— Не знаю. Когда увидел его сверху, то был склонен считать, что это камень. Как раз перед тем, как мы приземлились, я подумал, что он выглядел довольно «мокрым», как определенные тяжелые пластики. Теперь же, когда мы едем по нему, я ни в чем не уверен. Может, керамика?

— Наверняка упрочненная металлом, — добавил Тру-зензюзекс. — Но что касается поверхности, то полимерная керамика будет, разумеется, неплохой догадкой. Она совершенно отличается от всего, что я когда-либо видел раньше, даже на других тар-аймских планетах. Или, если уж на то пошло, от всего, что я видел в городе, когда мы подлетали.

— Гм! Ну, поскольку они построили свой город под

защитой этого утеса, как ветролома, то я не сомневаюсь, что любой мланго будет на этой стороне строения. Же?

Как выяснилось достаточно скоро, этого и следовало ожидать.

В отличие от остального таинственного здания, материал, использованный для постройки двери, оказался легко узнаваем. Это был металл. Дверь возвышалась на добрых тридцать метров над кабиной краулера и вытянулась по меньшей мере на половину того расстояния в обе стороны. Сам металл был незнакомым, тускло-серого цвета, и обладал странным стеклянным глянцем, очень похожим на знакомые туманы родины Флинкса. Вся штука находилась в нише стены здания глубиной в несколько метров.

— Ну, вот ваша дверь, капитан,— молвил Цзе-Мэллори.— Как мы проникнем за нее? Лично я признаюсь в полном отсутствии вдохновения.

Изучая вход, Малайка качал головой в благоговении и подавленности. Нигде не было видно ни одного сочленения, стыка или шва.

— Гони прямо к ней, Вульф. Ветер здесь практически стих. Придется нам вылезти и поискать звонок или что-нибудь в этом роде. Если мы найдем что-нибудь похожее на ручку или замочную скважину, то развернем винтовку и попробуем войти менее вежливым способом.

Он с сомнением посмотрел на массивный квадрат.

— Хотя я надеюсь, что такая альтернатива не понадобится. Я знаю, как упрямые тар-аймские металлы.

Как оказалось, эту проблему разрешили за них.

Где-то в недрах колossalного строения долго пребывавшие в спячке, но не умершие механизмы почувствовали приближение искусственной машины, содержащей в себе биологические существа. Они сонно заворочались, пробуждая стальные цепи памяти. Схема и состав приближающейся машины не были знакомыми, но они не были и узнаваемо враждебными. Существа в ней являлись равно незнакомыми, хотя явно и более примитивными. И среди них был мозг I класса. Незнакомый, но и не враждебный. И прошло ведь так много времени!

Здание поспорило само с собой вечность длиной в секунду.

— Притормози, Вульф!

Коммерсант заметил движение перед краулером.

С гладкостью и бесшумностью, порожденными вечной смазкой, огромная дверь разделилась. Медленно, с тяжело-веснотью тяжелого груза, две половинки разошлись ровно

настолько, чтобы краулер проехал со всеми удобствами. А затем остановились.

— Наверно, нас ждут?

— Автоматика, — прошептал загипнотизированный Трузензюзекс.

— Я тоже так думаю, философ. Заезжай, Вульф.

Молчаливый пилот послушно врубил двигатель, и мощная машина, громыхая, покатила вперед. Малайка осторожно осматривал стороны узкого отверстия. Металл не был разумно тонким листом. Даже умеренно тонким.

— Добрых девятнадцать-двадцать метров толщины, — прозаически заметил Цзе-Мэллори. — Интересно, чему ей предназначалось преграждать вход.

— Очевидно, не нам, — добавил Трузензюзекс. — Вы бы могли баловаться со своей игрушкой много дней, капитан, и сожгли бы ее прежде, чем оставили на двери хоть царапину. Я хотел бы попробовать на ней снаряд СККАМ, но, впрочем, я тоже никогда не видел улье-блок двадцатиметровой толщины из тар-айимского металла. Этот вопрос, несомненно, навек останется академическим.

Они прокатили несколько метров за дверь, когда та начала тяжело скользить, закрываясь за ними. Бесшумность закрытия производила жуткое впечатление. Вульф, держа руку на рычаге, вопросительно взглянул на Малайку. Однако коммерсант, по крайней мере внешне, не был озабочен этим.

— Она открылась, впуская нас, Вульф. Думаю, что она сделала то же самое, выпуская нас.

Двери закрылись.

— В любом случае, ква ни ни беспокоиться? Теперь это не имеет значения.

Их ждал еще один сюрприз. Если стены из псевдо-керамического материала не были полыми, что казалось едва ли вероятным при такой двери, то достигали толщины добрых ста пятидесяти метров. Намного больше, чем требовалось всего лишь для поддержки веса здания, как бы ни было оно велико. Это намного больше показывало стремление к неприступности. Такое и раньше находили в развалинах тар-айимских крепостей, но никогда ничего, приближающегося по масштабам к этому.

Флинкс не знал, чего он ожидал внутри. С тех пор, как открылись огромные двери, он последовательно просканировал все, но не смог засечь ничего думающего. И он сетовал на свой чисто боковой обзор из краулера. Он полагал, что интерьер может удивить его больше, чем этот несравненный экстерьер.

Но он был неправ.

Что бы там ни предвкушал он увидеть, оно не имело ничего общего с реальностью. Сверху до него донесся голос Малайки. Он был странно приглушенным.

— Катика, все там. Ата, открой шлюз. Здесь есть воздух, и он пригоден для дыхания, а также есть свет и нет ветра, и сам не знаю, верить этому или нет, хотя мой мадж и чо говорит мне... Но чем раньше вы это увидите...

Дальнейших побуждений им не требовалось. Даже Сиссиф пришла в волнение. Ата забралась к небольшому пассажирскому шлюзу, и они смотрели, как она разрезает потолок жидкости в трех предписанных точках. Тяжелая дверца сама распахнулась наружу. Металлический трап выдвинулся до соприкосновения с полом, пожужжал, когда установил твердый контакт, и отключился.

Флинкс вышел первым, а следом за ним Ата, двое ученых, Малайка, Сиссиф и, наконец, Вульф. Все стояли совершенно молча, наблюдая раскинувшуюся перед ними панораму.

Интерьер здания, по крайней мере, был полным. Описать его можно было только так. Где-то наверху, знал Флинкс, эти стены соединялись с потолком, но как он ни напрягал зрение, все равно не мог разглядеть его. Здание было таким огромным, что, несмотря на превосходную циркуляцию, внутри образовались облака. Четыре гигантских плиты тяжело давили ему на мозг, если не на тело. Но в открытом пространстве такой величины клаустрофobia невозможна. По сравнению с вечным кружением воздуха и пыли снаружи предельная тишина внутри здания наводила на мысль о соборе.

Свет, будучи предназначенным не для челанксийских глаз, являлся целиком искусственным. Он был слегка окрашен голубовато-зеленым. Он был также более тусклым, чем они предпочли бы. Синий от природы хитин философа выглядел в нем хорошо, но остальных он делал на вид рыбообразными. Тусклое освещение не столько препятствовало обзору, сколько заставляло вещи казаться такими, словно их рассматривали сквозь не совсем прозрачное стекло. Температура тут стояла умеренная, чуть ближе в теплую сторону.

Краулер остановился, потому что дальше ехать он не мог. Оттуда, где они стояли, тянулись ряды за рядами какие-то сиденья или кресла. Здание было колоссальным амфитеатром. Ряды простирались вперед непрерывно до противоположной стены строения. Там они кончались у подножия... чего-то.

Он бросил еще один взгляд и рискнул коротко прозондировать других. Малайка оценивающе оглядел пределы аудитории. Вульф с вернувшимся на лицо отсутствием выражения брал пробу воздуха прибором на поясе. Сиссиф крепко прижалась к Малайке, с тревогой оглядываясь в беспокойном безмолвии. Лицо Аты носило то же выражение осторожного наблюдения, что и у рослого торговца.

Двое ученых находились в состоянии, настолько близком к нирване, насколько это вообще возможно для ученых. Мысли их двигались так быстро, что Флинксу оказалось трудно даже коснуться их. Они глядели только на противоположный конец огромного помещения. Для них поиск оправдал себя, даже если они не знали, что именно нашли. Цзе-Мэллори выбрал этот миг, чтобы шагнуть вперед, а за ним и Трузензюекс. Остальные тронулись гуськом за учеными по центральному проходу, к штуке на противоположной стороне.

Прогулка оказалась не утомительной, но Флинкс был благодарен за возможность отдохнуть в конце ее. Он сел на край возвышенного помоста. Он мог бы занять одно из сидений внизу, но они никак не подходили по очертаниям к особенностям человеческого тела и были, несомненно, такими же неудобными, какими выглядели.

На помост, где он сидел, вела большая лестница. На противоположном конце его безупречный купол из стекла или пластика накрывал единственную безыскусную кушетку. Со стороны зрительного зала в купол вел большой овальный дверной проем. Он возвышался на добрый метр над самым рослым членом экспедиции и был намного шире, чем потребовалось бы даже дородному Малайке. Само ложе имело легкий наклон в сторону амфитеатра. Его возвышающийся конец частично накрывал купол поменьше, походивший по виду на стакан для бренди. От него и из-под кушетки шли к машине толстые кабели и провода.

Сама машина возвышалась над ними на сотню метров и шла вдоль всей стены зрительного зала. В то время, как экстерьер строения отличался беспощадной остротой, интерьер демонстрировал существенную закругленность. Многое в машине оставалось скрытым, но Флинкс видел циферблаты и кнопки, отражавшие свет, сочившийся из-за полуоткрытых пластин. Те, что он смог различить, были спроектированы явно без мысли о членексийских манипулятивных конечностях.

С верха тусклого металлического покрытия машины

тянулось к отдаленному потолку бесчисленное множество разноцветных труб: лазурных, голубых, потрясающие розовых, белых, пурпурных, зеленых, оранжевых, в общем всех вообразимых и невообразимых оттенков и тонов. Некоторые не превышали по размерам детской игрушки и были малы, чтобы налезть на его мизинец, другие выглядели достаточно большими, чтобы с легкостью поглотить челнок. На углах они вливались в ткань строения.

Он медленно повернулся и увидел, где выпуклости в стенах, протянувшиеся даже над входом, указывали на присутствие других колоссальных труб. Он напомнил сам себе, что никак не может быть уверенным в том, что они полые, но почему-то оставалось впечатление, что это трубы.

Иногда его таланты действовали независимо от мыслей.

— Ну! — произнес Малайка. И снова повторил: — Ну, ну!

Он казался неуверенным в себе — редкое для него состояние. Флинкс улыбнулся мыслям коммерсанта. Великан не был уверен, радоваться ему или нет. Что и говорить, он определенно что-то нашел. Но он не знал, что это такое, не говоря уж о том, как его сбыть. Он стоял, в то время как все остальные сидели.

— Я предлагаю доставить все, что понадобится для наших исследований.

Трузензюзекс и Цзе-Мэллори подробно изучали все и едва ли расслышали его.

— Это дело мне не по зубам, и поэтому я слагаю его со своих плеч. Надеюсь, вы, господа, выясните, что делает эта штука.

Он взмахнул широкой ладонью, охватывая все, что они могли видеть от машины.

— Не знаю, — сказал Трузензюзекс. — Так вот, экс-промтом я бы сказал, что наши знакомые браннеры имели правильную идею, когда говорили, что эта штука — музыкальный инструмент. С виду она, разумеется, похожа на него, а аранжировка здесь, — он показал на амфитеатр, — склонна поддерживать это предложение. Однако я, хоть крылья оторви, не могу пока понять, как он действует.

— С виду похож на конечный продукт худших кошмаров безумного мастера — изготовителя органов, — добавил Цзе-Мэллори. — Наверняка я не скажу, если мы не вычислим, как управлять этой штуковиной.

— А вы вычислите? — спросил Малайка.

— Ну, она, кажется, все еще хотя бы частично под током, и что-то двигает двери. Вульф записал источник

энергии, что-то включает свет... и, надеюсь, поддерживает циркуляцию воздуха. Спроектировали ее не по законам наших концепций, но эта штука,— он показал на купол с накрытым им ложем,— выглядит очень похожей на сиденье оператора. Верно, она также может быть местом успокоения для их почитаемых покойников. Мы не знаем, пока не копнем глубже. Я предлагаю перевезти сюда все из членка, что нам понадобиться.

— Мапатанр! Согласен. Вульф, мы с тобой начнем перевозить вещи из членка. Это дело пойдет достаточно быстро, коль скоро мы выгрузим кое-что из того барахла, что я навалил в краулер. Похоже, мы немного побудем здесь, хата кидогобай!

XVII

Постоянное пребывание внутри здания вызывало странное чувство. Не заточенности, так как дверь работала идеально даже для одного лица — при условии, что оно несло с собой хотя бы один предмет узнаваемой металлической искусственной конструкции. Особенное удовольствие доставляло приближаться к огромным порталам, вытянув перед собой рацию или пистолет, и заставлять миллионы тонн непробиваемого металла бесшумно раздвигаться, открывая персональный проход в метр шириной и тридцать метров высотой.

Ночью снаружи было лучше, но не немного. Несмотря на очки, назойливая пыль в конечном итоге добиралась-таки до глаз. Да и пророгнешь там.

Цзе-Мэллори и Трузензюекс возился с громадной аппаратурой, заглядывая за те панели в серо-голубой стене, что открывались, и игнорируя те, что не открывались. Не было смысла проникать силой, рискуя поломать сложное устройство. Зачем, когда они могли провести долгие годы, исследуя части, не оказавшие сопротивления? Поэтому они продолжали копаться в открытых внутренностях Кранга, не сдвигая с положенного места ни единого провода, действуя с предельной осторожностью, чтобы не сбить ненароком какую-то важную схему. Покуда ученые и Малайка бились над загадкой машины, Ата и Флинкс иногда отправлялись на краулере в огромный город. Вульф оставался помогать Малайке, а Сиссиф — быть рядом с ним. Поэтому Флинкс заполучил наблю-

дательный купол краулера практически в свое личное распоряжение.

Ему с трудом верилось, что строения, сумевшие сохранить красоту даже в руинах и под многовековым слоем пыли, были воздвигнуты в качестве самой вольнолюбивой расы, какую знала галактика. Эта мысль набрасывала на спокойные развалины непоколебимый покров. В смысле украшений на изъеденных песком экстертьерах зданий мало что можно было найти. Все несущественное для опоры строений давным-давно искрошилось.

Они выезжали далеко над тем, что некогда служило главным бульваром.

Сама улица находилась где-то далеко внизу, погребенная под тысячелетними перемещениями песка и почвы. Они признали в ней улицу только из-за отсутствия зданий. Вероятно, этот город погребало и разгребало по меньшей мере сотню раз, и каждый новый цикл стесывал какую-то часть его первоначального состояния. Они вскоре открыли, что каждый вечер возникало слабое электростатическое поле и удаляло дневные наносы пыли и мусора у подножия Кранга на всю ширину желто-бурого круга. Но в городе никаких следов такой заботы на глаза не попадалось. По вечерам, когда заходило солнце, пески превращались в кроваво-красные, а основы пустых зданий искрились, словно топазы и рубины в оправе из сердолика. Постоянный непрекращающийся ветер портил иллюзию красоты, а его поднимающиеся и падающие стечения казались эхом проклятий всех исчезнувших рас, когда-либо покоренных тар-айимами.

XVIII

Неделю спустя все они собрались на неформальное совещание на помосте. Поблизости стояла маленькая портативная печка, получавшая энергию от этернаэлемента и придававшая помещению неуместно домашний вид. Скоро, подумал Флинкс, они станут развешивать выстиранное белье. Ученые нашли, что удобнее спать и есть там, где они работали, вместо того, чтобы прорыть каждый день прогулки до краулера. Они могли бы подогнать краулер прямо к подножию помоста, но при всем, что они знали, сами сиденья могли играть какую-то важную роль в работе Кранга. Кроме того, превращать часть обстановки

этого места в мусор казалось едва ли самым лучшим способом к раскрытию его тайн. И очень хорошо, что они этого не сделали, так как спящая машина могла отметить этот жест как враждебный и немедленно предприняла бы надлежащие действия.

Домашнюю атмосферу усугубляли запахи жарящегося бекона с яйцами и джукила для Трузензюекса. В данный момент Ата и Сиссиф готовили ученым обед. Это оказалось необходимым после того, как все мужчины продемонстрировали необычайную неумелость в работе с прибором, который 90 процентов работы выполнял сам. Отлично зная, что он мог бы управиться с ним лучше, чем любой другой, Флинкс, когда ему предложили попробовать, сослался на неведение и отказался. Он не испытывал ни малейшего желания быть связанным работой повара, особенно тогда, когда мог проводить время, наблюдая, как двое ученых анализируют изумительные внутренности машины.

— Эта штука становится с каждым днем все невероятней,— говорил теперь Цзе-Мэллори.— Вы знаете, мы нашли ходы во всех углах здания, где машина исчезает в стенах.

— А я-то гадал, куда это вы исчезали,— сказал Малайка.

— Они тянутся, не знаю насколько далеко под нами. При всем, что я могу определить,— к центру планеты, хотя я бы подумал, что жар сделает подобное расширение невозможным даже для тар-аймов. И мы не имеем также ни малейшего представления, насколько далеко она простирается на горизонтальном уровне. До океана? Под него? Нам там, знаете ли, пришлось нелегко. Там сплошные лестницы, лесенки, спуски и ничего, спроектированного для рук человека или транкса. Но, помогая друг другу, мы все-таки справились. Там, должно быть, есть где-то механические лифты, но мы не могли их найти. Впервые мы спустились вниз три дня назад... извиняемся, что встревожили вас. Полагаю, нам следовало упомянуть, куда мы отправляемся, но мы сами не знали и, разумеется, не ожидали, что будем бродить так долго. Волнение минуты победило наше чувство времени. Мы шли более-менее прямо вниз, останавливаясь только дважды на три часа и на время сна. Эти трубы или что бы там ни было,— он показал на радугу выстроившихся над ними гигантов,— продолжаются под полом и спускаются на уровни, до которых мы не добрались даже в самой дальней точке нашего путешествия. Большинство механизмов

оказались совершенно не знакомыми для нас, а мы, осмелись заявить, знакомы с тар-аймским дизайном не хуже любого в Рукаве. Но большая часть этого добра нам явно не по зубам. Неподалеку от поверхности автоматика становится практически сплошной. Дальше вниз она разжигается, чтобы стать узнаваемой в смысле различия отдельных компонентов. Вся она выглядела с иголочки новенькой. Металл во многих местах был теплым, подтверждая то, что мы все время подозревали. Она постоянно подпитывается энергией. И там, должно быть, миллионы километров проводов. И все же мы понятия не имеем, что она делает, капитан. Я сожалею об этом больше, чем когда-либо сможете печалиться вы, но вы можете утешиться знанием, что чем бы она ни была, она, несомненно, самая большая и самая лучшая из своего типа.

На этом заметно уставший Трузензюзекс и закончил рассказ. Последнюю неделю философ, работал в невероятном темпе, и возраст начал сказываться. На корабле он хорошо маскировал его своей энергией и юношеским духом.

— Неужели вы не смогли открыть ничего относительно ее функций? — взмолился Малайка.

Цзе-Мэллори вздохнул. В последнее время он делал это часто.

— По-настоящему — нет. Мы оба все еще склоняемся к теории музыкального инструмента. Однако против нее есть много беспокоящих нас аргументов.

Он посмотрел на Трузензюзекса, и тот подтверждающе кивнул.

— Ж е? — подтолкнул их Малайка.

— Хотя бы такой: мы не можем заставить себя поверить, что во время такого напряжения столь воинственная раса, как тар-аймы, посвятит столько усилий и материалов чему-либо несмртальной природы. Например, металл для таких дверей, должно быть, требовался для строительства кораблей. И все же ее привезли и использовали здесь. С другой стороны, мы знаем, что они испытывали огромную тяготу к искусству. Вкусы их сильно клонились в военную сторону. Возможно, они почувствовали необходимость в проекте для стимуляции патриотического неистовства, и это был способ добиться его. Возможно также, что в этом имелись психологические выгоды, которые мы не можем и отдаленно представить себе. Если это кажется маловероятным, то подумайте об имеющемся у нас отсутствии доказательств для построения типотез. Я и сам не готов поверить никакому из

своих объяснений. И еще одно. Вы случайно не заметили необычного серебристо-золотого оттенка в атмосфере, когда мы спустились вниз?

— Нет... Да! — вспомнил Малайка. — Я видел его раньше на других планетах и поэтому не счел слишком неординарным. Это... были слои м били, если я правильно помню..., они казались гуще большинства. Но я не видел тут причин удивляться. Я видел такие и учтывенные слои. А причиной их необычайной густоты вполне могло быть эрозионное воздействие этих в а ч а в и у п е п о, колдовских ветров.

— Верно,— согласился Цзе-Мэллори.— По-моему, это называется Ветроблеск. Как вы сказали, могло быть и естественное объяснение странной густоте слоев. Я вообще привлек к ним ваше внимание только потому, что на одном из достигнутых нами уровней мы нашли то, что, похоже, является частью огромной станции управления погодой. Среди прочего, некоторые приборы казались занятными только хранением информации по этим двум уровням в атмосфере. У нас хватило времени только быстро осмотреть ее, так как нашей главной заботой являлся скоростной спуск. Но единственная причина, почему мы ее вообще заметили, заключалась в том, что металл там оказался очень теплым, выдававшим массу жара, и казался работающим на полную мощь. Это — нечто такое, что мы наблюдали только в очень немногих местах. Мы теперь думаем, что эти слои имеют какое-то отношение к действительной функции Кранга. Какой именно — не могу себе представить.

— Если говорить конкретней,— вступил Трузензюзекс,— эта штука,— он указал на прозрачный купол и лежанку под ним,— все больше и больше принимает вид центрального пульта для управления всей автоматикой. Я знаю, кажется трудным вообразить, что это чудовище управляет единственным существом, лежащим на той скамейке, но доказательства, кажется, подтверждают эту гипотезу. Я лично отношусь к ней скептически. Нигде поблизости от этой штуки нет никакой кнопки, рубильника или схожего устройства. И все же ее расположение и изоляция вроде бы подтверждают ее важность.

Пристальное изучение того шлема, или головного убора, или чего бы то ни было показывает, что он связан с тем, что может быть какой-то разновидностью сенсорного приемника. Если машина и в самом деле еще способна больше, чем на частичную активацию, тогда теоре-

тически всего лишь приближение к этому передатчику должно произвести нужное воздействие. В действительном физическом контакте с оператором, кажется, нет необходимости. Так что тот факт, что размер и форма наших голов ни в коей мере не соответствуют черепам тар-аймов... по всей вероятности... не должен послужить нам препятствием.

— Значит, вы думаете попробовать включить ее,— сделал вывод Малайка.

— Мы обязаны это сделать.

— Но что если она настроена откликаться только на электромагнитные конфигурации, генерируемые мозгом тар-аймов?

— У нас нет никаких указаний, что для активации машины необходимы «электромагнитные конфигурации» любого типа,— возразил Цзе-Мэллори.— Но если окажется, что дело в этом и вы не сможете раздобыть живого и сотрудничающего с нами тар-айма, я очень сильно опасаюсь, что мы можем с таким же успехом упаковаться и отправляться домой.

Он пожал плечами.

— Я и Тру чувствуем, что путь прослеживания схемы завел в тупик, Мы можем продолжать ковыряться в этой куче сложностей тысячу лет — настолько она может быть завораживающей — и нисколько не приблизиться к пониманию того, как она действует.

— А если попробовать включить ее... разве это не может стать очень опасным? — спросила Ата.

— Это вполне может стать смертельным, моя милая. Мы решили это давным-давно. Например, там может быть обратная связь, способная... По этой самой причине и по некоторым другим я попробую включить ее первым. Если мы тем не менее не сумеем активировать ее и не возникнет никаких явных вредных последствий, то я не вижу причины, почему всем остальным не попробовать тоже.

— Только не мне! — громко заявила Сиссиф.

— Эй, минуточку,— начал было, не обращая на нее внимания Малайка.

— Извините, капитан,— вступил теперь Трузензюзекс.— Бран прав. Возможно, наше образование не совсем подходит для оператора этой штуки, но знакомство с работами тар-аймов и то мале, что мы знаем об их психологии, могут помочь справиться с любыми способными возникнуть затруднения. Сожалею, но тут вовлечено слишком многое, чтобы позволить вам сделать первую попыт-

ку. Мы не на борту корабля. На данную минуту вы отклонены, капитан.

— Же! — прогромыхал Малайка.

Цзе-Мэллори шагнул ко входу в купол.

— Тогда давайте приступим.

— Вы хотите сказать, сасаа кууме? — переспросил Малайка.

Цзе-Мэллори остановился.

— Не вижу, почему бы и нет.

Он снова заколебался у входа и оглянулся.

— Я не ожидаю, что случится многое, не говоря уж об опасности. А если случится, то я не жду, что это будет большой защитой, но ради моего личного психологического комфорта сойдите, пожалуйста, все с помоста. Безусловно, на сиденьях, или в креслах, или что там это такое, должно быть достаточно безопасно. Тар-айимы явно пользовались ими, когда действовала эта штука, поэтому им полагается быть безопасными также и для нас. Теоретически.

— Социолог, против теоретической раны я не возражаю.

Малайка улыбнулся с явным намерением успокоить всех и присоединился к уходящим с возвышенного места к рядам «сидений» внизу.

Кроме Брана на помосте остался только Трузензюзекс. Официально он находился там для наблюдений, но он и Цзе-Мэллори знали, что если что-то случится, то от помощи инсектоида, вероятно, будет мало толку. Он сделал ритуальный глубокий вздох и вошел в купол.

Керамически-пластиковая плита стала знакомой после многих дней продолжительного и подробного изучения. Он взобрался на гладкую холодную поверхность и повернулся лицом к зрительному залу, слегка подняв голову. Из купола потолок монолита казался почти видимым. Возможно, прозрачный материал действительно давал легкое увеличение. Оно казалось незначительным.

Плита была намного длиннее, чем требовалось для размещения его долговязого худого тела. Она, однако, не подогревалась. Он обнаружил, что неуютно ерзает на твердой холодящей поверхности и желает, чтобы она превратилась в теплую постель. Это слишком походило на капсулы в лаборатории криогенного анабиоза.

— Сделай это по-быстрому! — скомандовал мозг телу.

Вонзая каблуки в неподатливую поверхность, он толк-

нул себя повыше. Одним движением его голова очутилась полностью внутри шлема.

Шлем принял бледно-красный оттенок, переходящий в желтый, а затем в светло-зеленый. Стал слышен легкий гудящий звук. Он явно исходил из самой плиты. Вот и все. Ни фейерверков, ни даже нескольких простых вспышек молнии.

Лицо Цзе-Мэллори в куполе кривилось, но явно от сосредоточенности, а не от боли. Странное дело, мозг его стал для Флинкса непроницаемым. Если купол и не производил ничего другого, то экранизировал мысли всякого, кто лежал под ним.

Двадцать минут спустя он вышел из купола, мотая головой, в то время как другие столпились вокруг него.

— Ж е? — спросил Малайка.

— Ж е? — переспросил выглядевший раздраженным социолог. — Ну, мы доказали одно. Если эта машина все еще способна функционировать так, как ей предназначалось, то этот шлем определенно является исходным пунктом.

— Я не могу поверить, что все это безумие построили для того, чтобы на пластиковом-головном уборе заиграли красивенькие разноцветные огни!

— Нет, конечно же, не для того.

Цзе-Мэллори тоскливо оглянулся на плиту и на опять ставший прозрачным шлем.

— Похоже, что я вроде способен активировать ее, но лишь в очень малой степени. В моем мозгу явно чего-то не хватает. Или, возможно, для этого требуется всего лишь определенного рода тренировка, о которой мы ничего не знаем. Я со своим мозгом попробовал все, что мог. Самогипноз. Упражнения Банда. Совершенно объективное сосредоточение. Открытое подсознание. Результаты вы видели. Или, скорее, отсутствие их.

— Вы что-нибудь почувствовали? — спросил Флинкс.

— Гмм. Да, странное ощущение. Не болезненное или угрожающее. Просто странное. Словно что-то пыталось проникнуть ко мне в голову. Щекотку снаружи мозга, едва заметную. А когда я попытался сосредоточиться на этом ощущении, оно ушло и спряталось. Должен сказать, что я разочарован.

— Ж е? Вы, может быть, думаете, что у вас монополия на это?

Коммерсант выглядел расстроенным, имея на это все основания.

— И что же теперь?

— Теперь я предлагаю попробовать остальным людям.

По-моему, я с избытком продемонстрировал ее безвредность, если и ничего другого. Поддержание ее настроенности на мозг одного типа может вызвать благотворный кумулятивный эффект.

Один за другим остальные по очереди забирались под безобидный шлем. За исключением, конечно же, Сиссиф, отказавшейся даже приблизиться к нему. Малайка сумел вызвать сильное желтое свечение прозрачного материала. Флинкс действовал так же хорошо (или так же плохо, сказать не мог никто), как Цзе-Мэллори, только его цвет характеризовался также неровным пульсированием. Словно для опровержения утверждений Цзе-Мэллори, он вышел из купола с определенной головной болью. Ата и Вульф сумели вызвать светло-красный, почти розовый цвет. Им больше повезло, когда, наконец, сделал попытку Трузензюекс.

В ту же секунду, когда эта стареющая радужная голова вступила в зону эффективности, мягкие цвета сразу же приобрели спектр от бледно-розового до темно-синего. Цзе-Мэллори пришлось отметить это, чтобы привлечь внимание всех. Повторяющиеся неудачи вызвали скуку. Теперь никто не скучал. Гудение из основания плиты сделалось четко слышимым даже за пределами купола. На одной из открытых панелей огромной серой массы машины начали слабо светиться огоньки. Шлем к тому времени принял темно-лавандовый цвет.

— Посмотрите на купол! — указал Флинкс.

На несколько дюймов в высоту купол светился сплошным немигающим малиновым цветом. Время от времени мягкий свет полз на несколько сантиметров вверх, а потом спускался обратно и исчезал в полу.

Час спустя Трузензюекс, шатаясь, выбрался из купола. Цзе-Мэллори пришлось поддерживать философа за грудную клетку-б, так как ноги не держали старого инсектоида. Они вместе, пошатываясь, спустились к первому ряду чужих сидений. Лицо Трузензюекса не морщилось, как у приматов, но обычное здоровое свечение у него в глазах погасло.

— Ты, брат, безусловно правильно определил это, — выдохнул он, — когда сказал, будто нечего пытаться проникнуть тебе в голову! Я опять почувствовал себя, словно юноша, пытающийся вылупиться из своей куколки. Уфф! Могу сказать, однако, что из этого ничего не вышло.

— Неверно,— возразил Флинкс, а Малайка подтверждающе кивнул.— Вы заставили сам купол светиться красивым — во всяком случае, вокруг основания.

— Да? — последовал свистящий транксийский смех.— Полагаю, что это своего рода достижение. Изнутри я не мог этого заметить. Я сосредоточился довольно глубоко и со своими оптическими нервами не работал. Возможно, это значит, что мы на правильном пути.

Он повернулся лицом к Малайке. К его мускулам постепенно возвращались прежние силы.

— Капитан, я переиначу свое предыдущее утверждение. Дайте мне на это еще три-четыре недели, и я так или иначе выясню, сможет ли когда-нибудь транкс или человек управлять этой штукой. И окажется ваш вклад потерей или нет.

Малайка выглядел, скорее, смирившимся, чем подавленным. Его собственная безуспешная борьба с Крангом прибавила немного терпения, если и не дала других результатов.

— Бадо Джузи. «Еще не вечер». Старая поговорка в моей семье, господа. Вы уже сделали намного больше, чем я имел право надеяться. Работайте не спеша, господа, работайте не спеша.

Далеко внизу в тайных местах планеты лениво заворочалось сознание Кранга... Оно более полно рассмотрело импульсы, пробудившие Первичное Звено слабыми детскими зондированиями и давлениями. Даже в своем полуспящем состоянии он был разумно уверен (вероят. 90,97 — вероят. 8,03, случайные факторы 1,00), что наверху присутствовал мозг первого класса. Единственный, способный пробудить Кранг к состоянию Ниязы, или полной эффективности. Он явно предпочел пока не раскрываться. Машина подумала и позволила своим секциям, управляющим разумом, снова впасть в спячку в состоянии готовности.

Когда мозг будет готов, будет готов и Кранг.

В конце концов, именно таким его и создали.

XIX

Как оказалось, Трузензюзекс не получил своего месяца. Ни даже трех недель. Они возились с доступными частями внутренностей машины, когда рация Малайки про-

сигналила приходящий заатмосферный вызов. В порядке безопасности его портативная рация соединялась с большим передатчиком краулерса. Флинкс присутствовал при этом, помогая ученым в физическом аспекте их работы. Сиссиф, Ата, Вульф вернулись в краулер, перекладывая припасы в его просторном трюме.

Для облегчения работы ученых рядом с их портативной печкой поместили две койки (одна модифицированная). Другие все еще находили более удобным спать в знакомой темноте краулерса.

Оба ученых на мгновение прервали свою работу, заметив странное выражение, появившееся на лице Малайки. Флинкс уловил его из внезапного замешательства мыслей коммерсанта. Он все утро наблюдал, как ученые трудятся над незнакомыми обозначениями и непонятными чуждыми переключателями. Девять десятых того, что они пытались сделать по части механики, ускользало от его понимания. Он был способен помочь им в более тонких частях операций, обладая, как они выражались, определенным чувством того, где что располагалось. И, как всегда, их разговор вслух и на мысленном уровне просто завораживал.

— Капитан....— начал было Цзе-Мэллори.

— Нас вызывают,— ответил коммерсант.— С Орбиты.

Мысли его отражали столько же подозрения, сколько недоверия. Он включил кнопку вещания на крошечной радиостанции.

— Вульф, ты слушаешь это?

— Да, капитан,— пришел лишенный модуляций ответ из отдаленного краулерса.

— Отлично. Передай «слышим» и переключай его. Кто-то знает, где мы. Мало толку отрицать это.— Он повернулся к другим.— Нас могут сейчас прослушивать, хотя я сомневаюсь, что такое возможно сквозь эти стены. Но, впрочем, я также сомневаюсь, что нас вызывает другой звездолет, а дело обстоит именно так. Хайдхур. Ничего не имеет смысла. Оставьте свои рации и слушайте, если желаете, по моей. Нет резона вещать, сколько у нас действует передатчиков. Если они уже не знают.

Флинкс в первый раз увидел коммерсanta столь подавленным. Очевидно, напряжение было сильнее, чем он хотел показать. В любом случае, все, что он произнес в радио, это: «Да?»

Ответивший голос был от природы высоким. Но если тон и казался чуть женственным, то слова — нет.

— Капитан Максим Малайка, Глава Дома и Плутократ?

Я привез вам привет, сэр, от мадам Рашибалы Зуаман и «Вуаман Интерпрайзис».

Губы Малайки скривились в беззвучном ругательстве, заставившем Флинкса покраснеть.

— Поздравляю!

Этого надменного презрения оказалось достаточно, чтобы Малайка заговорил:

— Чертовски достойно с вашей стороны. А кто ни ни и ни о т е?

— Простите? О, я. Я — фигура мало важная. Но в целях облегчения дальнейшего разговора... который, заверяю вас, нам обязательно предстоит... вы, возможно, знаете меня как Эйбла Никососа.

— Же, мистер Никосос. Я целиком согласен, что вы персона маловажная. Мне любопытно, как вы сюда попали. Эта планета, кажется, приобретает всеобщую известность.

— Как так? Гмм! Что же касается вашего вопроса, капитан, то как же еще,— и голос отразил притворное удивление.— Мы последовали за вами. Большую часть пути от Мотылька. На почтительном расстоянии, конечно. И если уж об этом зашла речь, то вы немало меняли свой курс в начале путешествия. Да, попетляли вы. Но после первой недели мы без труда вычислили ваш курс. Знаете, это четвертая посещаемая нами в этом секторе звездная система с планетами. Мы более-менее знали, где находится нужная нам, но не имели точных координат. Это затруднило нам дело, да, затруднило, когда вы совершенно пропали с экранов. Эти координаты находились на клочке материала, который... но это неважно. Теперь все это — далекое прошлое, не так ли?

— Вы случайно не получили кое-какой помощи от некоего Аннского барона?

— Аннского барона? — писклявый голос отразил удивление.

Малайка взглянул на Флинкса.

— Он говорит правду, сэр. И они определенно на постоянной орбите.

Двое ученых с удивлением посмотрели на Флинкса. Они ничего не сказали, но он почувствовал в их мыслях легкое негодование на его скрытность. Ему отчаянно хотелось рассказать им, насколько необходимо было сохранять эту секретность. Даже сегодня, пси-чувствительные личности не пользовались всеобщей популярностью — факт, открытый им рано и болезненно еще в детстве. Голос по радио продолжал.

— С чего бы нам иметь какое-то отношение к Аннам? Скверный они народ, скверный! Нет, в самом деле, сэр. Мы нашли вас целиком сами, несмотря на трудности, причиненные вашим исчезновением. Но мы ведь нашли вас, не правда ли? Так что ничего плохого не стряслось.

Замечание прервал короткий смешок.

— Мой корабль припаркован в паре диаметров поля от вашей «Славной Дырки». Мы сперва послали луч к ней. Когда мы не получили ответа, а шлюз отказался пустить нас — как умно с вашей стороны, капитан! — мы предположили, что вы уже сделали посадку на поверхность. Один взгляд на ваш челночный причал подтвердил это.

— Телатини-гуруве! Тридцать свиней! Это прецельное число, которое можно набить в стандартную капитанскую каюту, в случае, если вы этого не знаете.

— Це-це-це, капитан. Вы оскорбляете мою скромную натуру.

— На это мало шансов.

— Так или иначе, излучения ваших компонентов открыли бы нам ваше месторасположение, даже если бы вы отказались отвечать на вызов. Что, я уверен, вы хорошо сознавали.

— Капитан, — обратился Флинкс, — я думал, вы говорили...

— Забудь о ретрансляции на радио членока. Именно ее-то они и засекли. В любом случае, они едва ли могли упустить нас.

Мысленно он уже готовился к обороне в последнем окопе.

— Где вы сейчас, друг Никосос, помимо того, что на орбите?

— Хорошая догадка, капитан. Мы летим над этим бедным влагой континентом. Не сомневаюсь, довольно близко к вам. Вскоре мы должны приземлиться, в каковое время я надеюсь поприветствовать вас лично.

Голос замолк, а потом снова заговорил:

— В чем бы там вы ни прятались, оно действительно должно быть кое-чем. У нас нет конца трудностям с приемом вашей передачи.

— Вы проделали долгий путь ради кучи ничего, Никосос. Мы уже не одну неделю работаем над этим, как вы столь точно выразились, «что бы то ни было». Мы не сумели вычислить, что оно делает не говоря уж о том, как оно это делает.

— Разумеется, капитан, разумеется! — В голосе теперь

звучала юмористическая интонация.— Лично я, когда меня слишком глубоко пробирает космический холод, люблю пролететь сквозь ближайший гигант М и согреть свои косточки. Как я сказал, мы с вами скоро увидимся.

— Он не верит нам,— сказал Флинкс.

Малайка кивнул.

— А потом?

— Ну, это представляет проблему, а? Я разумеется, не могу помахать вам ручкой, желая счастливого пути домой, потому что тогда вся моя упорная работа будет напрасной, не так ли? Впрочем, убийство тоже не мой профиль. Наверно, можно будет что-то придумать...

Малайка отключил радио и повернулся к остальным.

— Же, вы слышали. Там, где речь идет о новых планетах, владение — девять десятых древнего права. Я сомневаюсь, что Раша позволит мне вызвать церковные силы Оценки.

Он переключил радио на межличностную частоту.

— Вульф, ты все слышал?

— Да, капитан,— донесся ровный ответ человека-тени.

Флинкс гадал, был ли пилот вообще способен на какое-либо волнение.

— Боюсь, однако, что ваша подруга восприняла это довольно тяжело. Она упала в обморок. Мимм Мун сейчас заботится о ней.

— Же! Тогда она, во всяком случае, на время утихомирится. Мы вскоре присоединимся к вам. Нам всем лучше оставаться памоджа.

И снова отключил радио.

— Что вы предлагаете? — спросил Цзе-Мэллори.

— Я мало что могу, социолог. Даже если бы этот Никосос оказался настолько мджинга, что приземлился без защитного экрана, было бы тяжеловато пытаться пробиться с боем. Хотя у нас имеются,— тут он посмотрел прямо на Флинкса,— свои собственные сюрпризы. Однако я уверен, что люди, оставленные им на корабле,— на этот раз только на одном — будут прослушивать все, что случится. В челноке мы окажемся в их власти. Если этот Никосос не прихватит с собой экран и если мы сможем застать его врасплох и сделать несколько выстрелов, прежде чем они успеют предупредить свой звездолет, и если мы сможем проскочить к «Славной Дырке» под их детекторами, и если мы сможем попасть внутрь и запустить генератор, прежде чем они заметят,— вот тогда у нас будет неплохой шанс смыться или отбиться от них.

— Слишком много «если», — без нужды заметил Трузензюзекс.

— Кабиса, именно. И все же у нас есть и другое оружие. Можете не сомневаться, я его испробую. Взятки, например, часто оказывались на войне действенней, чем ядерная энергия. Но боюсь, что Раша не отправит на такое задание уязвимую в этом отношении тварь. Во всяком случае, не того, кто поддается искушению полного подкупа. А вот частичного... Я могу придумать еще только одно. У этого здания только один мланго. Выставить винтовку и палить по первому, кто войдет в него. Покуда у него нет определенного представления о том, насколько мы запаслись продовольствием и оружием, он может стать достаточно нетерпеливым для мелкого торга с нами. К несчастью, у нас мало что имеется, даже с тем, что мы могли бы перевезти сюда из членока. Мибу, все, что ему требуется сделать, это сжечь членок и отправиться на досуге поразвлечься сафари на Ниневки с координатами для Регистратуры!

— А почему бы ему не сделать это в любом случае? — спросил Флинкс.

— У него другое задание, киджана, иначе он даже не потрудился бы вызвать нас. Просто вывел бы из строя «Славную» и отправился своей дорогой. Ему явно требуется выяснить о Кранге все, что можно.

Он сделал жест в сторону двух ученых.

— Раша знает о вас. Я сам ей сказал, чурка я этакий. Она могла бы нанять и своих экспертов, но знает вашу репутацию. Раша никогда не пренебрегает домашними заданиями. Поэтому за вашу жизнь я не беспокоюсь. Только за вашу репутацию. Я считаю также, что смогу устроить кое-что для себя. Слишком много народу будет задавать неудобные вопросы, если я внезапно исчезну... даже в изыскательском путешествии в ненаселенные районы. И он не может заколачивать столько феда. И он не может также позволить себе отпустить на свободу кого-нибудь из нас. Вероятно, ему приказано держать нас где-то со всеми удобствами, пока здешние полномочия Раши не будут завязаны шестью способами в четырех измерениях. Тот завуалированный намек на «убийство» был, вероятно, его способом начать торг.

— Предположение, капитан, — сказал Трузензюзекс.

— Ндийо?

— Предполагая, что все сказанное вами верно, почему бы просто не согласиться и не отдать ему то, что он хочет?

— Что?

Даже Флинкс поразился.

— Заверяю вас, что Кранг останется бесполезным и для него, и для его хозяйки. Я был пессимистичен, когда сказал, что мне потребуется три недели для оценки потенциальной полезности машины. Мы можем многое узнать от нее о тар-аймах, в этом я ничуть не сомневаюсь. Мне думается также, что я могу сказать с большой долей уверенности, прямо сейчас: в остальном она никогда не будет ничем большим, как выдающейся диковиной для археологов и туристов.

— Лакини, но... вы же заставили ее заработать! Во всяком случае, часть ее.

— Все сделанное мной не более чем надраивание спиралей двигателя генератора Каплиса. Наверно, я преуспел в разогревании, и придании ей вида функционирующей, но я сомневаюсь, что когда-нибудь смогу довести ее даже до частичной действенности. И мы по-прежнему не больше, чем раньше, представляем себе, что ей полагается делать. Мне думается, никто не сможет продвинуться дальше... кого бы там ни привлекла мадам Нуаман.

— Если вы убеждены... — начал Малайка.

Трузензюзекс вопросительно посмотрел на Цзе-Мэллори, и оба повернулись к коммерсанту.

— Утверждать нельзя ничего, капитан, но я без колебаний присоединяюсь к оценке моего брата.

— М бу а улим венгу! Тогда отлично. Забудем разрушение в пользу более хитрых маневров.

Он активизировал рацию на канале широкого вещания. Теперь, когда он опять очутился на знакомой почве, голос его обрел прежнюю звонкость.

— Никосос!

Послышалось шипение, треск, тишина, а затем вернулся писклявый голос.

— Незачем кричать, капитан. Вы подумали?

— Слушай, агент. Я дам тебе возможность приобрести то, что ты желаешь, и сберечь по ходу дела несколько жизней. У меня здесь в полной готовности шестимиллиметровая лазерная винтовка и уйма зарядов, но я не вижу ничего, за что стоит драться. Желаю тебе удачи в попытках заставить ее заработать, если сумеешь, в чем я сомневаюсь. Весь город — твой. Я желаю только как можно быстрее покинуть эту нукию. Можешь получить и наши заметки, если пожелаешь. Все, что мы выяснили о самом Кранге... чего в сумме очень мало. Но у меня здесь маль-

чик и две женщины, и я хочу вытащить их из этого.

— Ах, как трогательно! Не ожидал от вас такого восхитительного альтруизма, капитан. Да, я думаю, что, несмотря на отданный мне приказ, можно будет организовать финансовое соглашение, удовлетворяющее все заинтересованные стороны. В любом случае кровь имеет склонность расстраивать мне печень. Хотя, уверен, вы поймете, когда я скажу, что вы и ваши спутники должны будете некоторое время оставаться нашими гостями. Минимальный срок на самом деле. Но очень необходимый.

— Естественно, я понимаю такую необходимость и буду рад подписать...

— О нет, капитан, этого не потребуется. Я верю вам на слово. Ваша репутация широко известна. Лично я нахожу честность в нашей профессии несколько вредной, но в данном случае она к моей выгоде. Нет, как бы вам ни хотелось иметь такое согласие в письменном виде, я предпочел бы не допускать существования такого официального документа. Такие вещи имеют привычку исчезать, а потом оказываться в самых неприятных местах. Теперь уже скоро. Наш полет пока был интересным, капитан, но боюсь, что я нахожу эту планету скучной. Если вы будете так добры, оставьте свой передатчик включенным, мы последуем по его импульсам. Можно ускорить завершение этого неприятного дела. Я уверен, что вы желаете затягивать его даже меньше, чем я.

И отключился.

— Капитан,— донесся из рации голос Вульфа,— меня от этого просто мутит. Неужели нет никакого другого способа?

— Никакого, Вульф. Я тоже предпочел бы драться, но... Оставь открытой передачу для них, как он требовал. По крайней мере, наша работа здесь оказалась бесплодной, иначе я и не рассматривал бы такой альтернативы. Мы можем пожелать им побольше того же самого. Что бы они ни нашли в городе, пусть забирают на здоровье. В конце концов, все это дело было чем-то вроде охоты на дикого мбизу.

— Но он практически угрожал убить!..

— Вульф, пожалуйста, я знаю. Джуа тяжелое. И все же у нас мало выбора. Я тоже не доверяю ему. Но он может просто улететь теперь и вернуться попозже за нашими мумифицированными трупами. Нет, держу пари, он предпочтет хапнуть лишний кредит, содержащийся в моем предложении. Почему бы ему не сделать этого? —

он пожал плечами, несмотря на тот факт, что Вульф этого видеть не мог.

— Вульф, не будь соотношение сил таким...

Он вздохнул.

— «Правила Дома».

— Я понимаю, капитан.

Малайка отключил рацию и тяжело опустился на одну из скамей. Он выглядел очень старым и усталым.

— Конечно, если бы вы, господа, открыли, как заставить работать эту машинуези, я бы даже думать не стал.

— Мы тоже понимаем, капитан,— сказал Цзе-Мэллори.— Плохой выбор — вообще не выбор. За себя мы никогда не беспокоились. Он должен, по крайней мере, показать нас Нуаман, чтобы убедиться в нашей бесполезности. А наше внезапное исчезновение тоже вызовет толки в определенных кругах.

— Нуаман. Будь проклята эта сука!

Он обратил взгляд к небу.

— В сей день я навек забуду, что эта тварь человек и мванамке!

Он заметил взгляд Флинкса.

— Виби, дамой она, киджана, перестала быть задолго до твоего рождения.

XX

В километре над ними очень довольный Эйбл Никосос развалился в кресле роскошной каюты членка и передал приказ пилотам. Он радостно потирал руки. Дела шли неплохо. Почти столь же хорошо, как если бы он получил, как и планировалось, ту карту на Мотыльке. Присутствие Малайки на планете чуточку осложняло дело, но не очень сильно. Похоже, что дело от этого станет еще выгодней. Кроме жирной премии от старой ведьмы за успешное выполнение более трудного, чем первоначально намечалось, задания будет богатый выкуп за Малайку... Уплаченный авансом. Как и условлено ранее, двое яйцеголовых будут отправлены к Нуаман. А как только будет выплачена достойная сумма выкупа — разве слово Малайки не было теперь надежным? — парня можно будет выкинуть из ближайшего шлюза. Что же касается двух женщин... Ну, усадьбе предков требовались новые игрушки. За последние

несколько лет цена на здоровых молодых женщин нестерпимо подскочила. Нестерпимо! И во всем виноваты эти проклятые ханжи-церковники. «Насилие — антисанитарно», понимаете ли! При скорости, с которой он их использовал, его хобби становилось слишком дорогим. Добавление двух незакрытых лиц (и тел, о да!) будет таким образом не только финансовой, но и эстетической прибылью. Он ничуть не сомневался, что обе окажутся молодыми и привлекательными. Иначе какие у них могут быть дела с этим шкодливым Малайкой?

Если же они совершенно не в его вкусе, он все равно сможет их использовать. Наверно, менее артистично, но они все-таки могут оставаться пригодными для службы. А он знатоком слыл не зря.

Когда членок спикировал к атмосфере, начали выдвигаться его дельтовидные крылья.

XXI

Малайка, Цзе-Мэллори, Трузензюзекс и Флинкс медленно брали обратно к краулеру. Никто не произнес ни слова. Флинкс уже твердо решил не позволить отобрать у себя пистолет. Он мог оказаться не меньшим мастером по части вероломства! Он прочел путаные мелкие свинячьи мыслишки Никососа, как ни трудно это далось, из-за того, что их носитель столь быстро двигался над поверхностью планеты. Существовала возможность, что двое ученых и Малайка легко отделаются, но, судя по мыслям агента, шансы, что ему и двум женщинам удастся то же самое, оказались мизерными. В конечном итоге он будет не в счет — нет, не будет ожидать, что коммерсант поставит на кон свою жизнь из-за него, или за двух женщин, или даже из-за двух ученых. Выживание — такой довод, что мораль просто не относится к одному с ним классу. Поэтому ему лучше всего планировать предпринять какие-то действия самостоятельно. Это было логичной оценкой их нынешнего положения. И это пугало его почти так же сильно, как реальность такого исхода. Он слегка вздрогнул, несмотря на тепло в помещении.

Последние несколько минут его что-то беспокоило в дополнение к страшным предчувствиям. Он передернул плечами, несмотря на отсутствие там зуда. Вот оно! Не зуд, а отсутствие постоянного знакомого трения. Дракончик

куда-то запропастился. Поглощенный событиями последних минут, сосредоточенный на мозге агента, он и не заметил пропажи змея. Он резко повернулся.

— Пип? Где Пип?

— Просто для уверенности,— пробормотал себе под нос Малайка, не расслышав тихого вопроса Флинкса. И щелкнул рацией.

— Вульф, я не люблю играть, не держа по крайней мере нескольких карт. Разбери винтовку и установи ее дулом к выходу.

— Да, капитан!— донесся полный энтузиазма ответ.

— Если этот парень так аккуратно завязал и упаковал нас,— поинтересовался Цзе-Мэллори,— то зачем утруждать себя возней с винтовкой? Я думал, вы раз и навсегда оставили мысль попытаться вырваться из этой передряги с боем.

Флинкс поискал в воздухе вокруг них. Змея не было видно. Без рептилии он чувствовал себя нагим.

— Более или менее, так оно и есть. Мы знаем, что он нас упаковал, и он знает, что он нас упаковал, но он не знает, что мы знаем, что он нас упаковал.

— Пожалуйста, попроще.

— Н д и й о. Разумеется. Представим это так. Человек ведет переговоры с куда меньшим высокомерием, чем мог бы, когда знает, что сидит под дулом пистолета того, кто страшится за свою жизнь. У нас достаточно мало рычагов, поэтому мы должны использовать и самые маломощные из всех, какие сможем найти.

Несмотря на разнообразные призывы, свисты и мольбы Флинкса, дракончик не показывался. Это было необычным, но не беспрецедентным. Иногда у змея появлялось собственное мнение. Трузензюзекс не мог продублировать применяемые Флинксом прерывистые зовы, но помогал в визуальной части поиска. Это временно отвлекало его от мысли о злополучных обстоятельствах.

— Где бы он вероятнее всего спрятался, малыш?— спросил ученый.

— О, я не уверен, сэр. В разных местах.

Теперь он был искренне озабочен и лишь вполуха слушал философа. Он не чувствовал присутствия дракончика, и одно это вызывало у него беспокойство.

— Он не часто выкидывает подобные фокусы. Полагаю, на него подействовала общая депрессия. Он, знаете, чувствителен к такому. Он предпочитает прохладные замкнутые места. Вроде...

И в потрясении оборвал фразу. Он увидел вдали мини-дракончика. Тот порхал внутри прозрачного купола. Потом природное любопытство одолело-таки его, потому что, несмотря на предупреждающую мысль Флинкса, он засунул голову под привлекательную форму шлема. То, что случилось вслед за тем, удивило всех наблюдателей. Дракончик сделал в воздухе неуклюжий поворот и, казалось, упал на самого себя, свернувшись в плотную спираль на самой высокой точке шлема. Он лежал, застыв, не двигаясь, под куполом, пульсировавшим теперь неопределенным желтым цветом.

Все мысли об их непосредственных трудностях были мгновенно отброшены в пароксизме страха за своего постоянного спутника. Не обращая внимания на предостережения Трузензюзекса, он бегом кинулся к только что покинутому ими месту. Малайка обернулся и, издав ругательство, бросился следом за юношей. Его кривые ноги не могли тягаться с ногами Флинкса, но тем не менее двигались с вызывающей уважение скоростью.

Приблизившись к куполу, Флинкс почувствовал под ногами легкую дрожь. Он не обратил внимания.

А Трузензюзекс обратил. И взглянул на Цзе-Мэллори.

— Да, брат. Я тоже это почувствовал.

Голос его стал задумчивым. Снова дрожь, на этот раз сильнее.

— Что же стряслось? — произнес озабоченный Трузензюзекс. — Я думал, мы установили, что по крайней мере эта часть планеты сейсмологически безопасна.

Он обеспокоенно посмотрел на сводчатые стены, определяя их крепость и устойчивость.

Слабое сотрясение началось вновь, только на этот раз оно было сильнее и не прекращалось. Оно становилось все сильней и, хотя никто этого не замечал, усиливалось по мере того, как Флинкс приближался к куполу.

Постоянная вибрация была бесшумной и шла откуда-то из глубины.

— Что же происходит? — прошептал Цзе-Мэллори.

— Элитат! Не уверен, — ответил философ равно приглушенным тоном, — но я думаю, что наша загадка вот-вот разрешится сама собой.

Флинкс забрался на помост и мчался к куполу. Пип все еще не двигался. Он едва заметил сотрясавшую строение дрожь. Когда он приблизился к своему неподвижному приятелю, странное гудение, начавшееся у него в голове, стало сильнее. Он нетерпеливо мотнул головой, очищая ее,

но без толку. У него возникло странное ощущение эйфории, перемещающееся с болью.

— Не борись с этим,— казалось, шептало что-то.

Он услышал тихо разбивающиеся на берегу волны. Дракончик лежал, плотно зажмутив глаза. Он, похоже, дергался под аккорды какой-то безмолвной песни. Первая его мысль была о конвульсии, но движения рептилии, хотя и неправильные, казались для этого слишком ровными. Он начал было засовывать руку под большой шлем, к своему попавшему в беду приятелю. Гудение возникло, и он качнулся назад с ужасающим приступом головокружения.

НЕ... БОРИСЬ... ТЫ!

Пип в беде... Беде.

Он снова мотнул головой, и на этот раз подобное действие принесло ему небольшое облегчение. Все сливалось, его мысли потеряли четкость. Он сфокусировал слезившиеся глаза на змее и пьяно нырнул под шлем.

П+О+Я+В+Л+Е+Н+И+Е

Внутри его черепа рухнула древняя плотина, ослабленная случаем и эволюцией. Прилив утверждаемого ей был ужасен.

Обыкновенно прозрачная структура купола взорвалась массой искрящихся сверкающих зорь. От венца до основания, все цвета видимого спектра... и, вероятно, невидимого тоже. Пурпурные, зеленые, золотые господствовали над красными, голубыми и другими основными цветами. Блистающий вихрь гневной, почти металлической переливчатости плел сложные и непонятные узоры в материале самого купола. Внутри здания феерические сетки из фосфоресценции, люминесценции и шаровой молнии проплавливали в воздухе световую паутину.

На ложе в куполе внутри здания, что и являлось Крангом, Флинкс лежал, застыв в кажущемся бессознательном состоянии, рядом со своим притихшим теперь приятелем. Шлем над ними пульсировал темным огненно-фиолетовым цветом.

— Капитан...— пробился сквозь треск рации голос Вульфа, искаженный водопадами помех, но Малайка этого не заметил.

Пораженный, он резко остановился, как только купол начал свою слепящую игру цветов.

Гигантские трубы машины пульсировали звоном, как от наковален, по стенкам их ползли кольца светящегося электричества. Они злобно трещали, словно разрываемая пластиковая фольга.

— ...Межпространственный вызов!..

У Вульфа не появилось возможности уловить ответ Малайки «слушаю», ибо голос Никососа заставил замолчать на канале голос пилота.

— Что ты там пытаешься выкинуть, купчишка? Предупреждаю тебя, без фокусов! Я прикажу своим людям уничтожить твой корабль! Мне только нужен сигнал передатчика. Целый сектор континента к востоку от вас пылает, да, пылает под поверхностью, кажется. Эта местность выглядит, словно охваченная пожаром. Не знаю, что ты затеял, приятель, но если ты хоть...

Голос исчез в Ниагаре помех. В этот миг мир наводнили Х, У, Ни, по какой-то причине, Г.

Малайка сделал шаг вперед и рухнул на пол, как подкошенный. По крайней мере, позже ему думалось, что он упал. При всем, что он сумел действительно вспомнить, он мог плавать в воздухе. Весь воздух в амфитеатре, казалось, внезапно решил показать свое присутствие, вынуждая его отступить и опуститься. Он тонул в нем. М с а дá! Забавно, они никогда не замечали, какой он плотный. Плотный. Голова его попала в гигантские клещи... нет, не клещи. Тысячи миллионов сапог чеканили чуждые марши по его голове, в то время как кагал смеющихся электродов пытался стянуть с него скальп. Он почуял запах гари — и апельсинов.

Когда он катился по полу, пытаясь сохранить целой голову, раскалывающуюся на куски, он мельком увидел Цезаря Мэллори. Социолог находился в схожем положении. Лицо его представляло собой ужасающее зрелище, когда он сражался с силой, толкающей их всех к тихому помешательству. Лишенное контроля разумом, высокое тело извивалось и трепетало на бледно-белом полу, словно задыхающаяся самка. Трузензюзекс, с другой стороны, неподвижно растянулся на спине. В первый раз на памяти коммерсанта мембранные его глаза закрылись. Ноги философа выпрямились во всю длину и застыли, но руки и стопоруки слабо колыхались в воздухе, заряженном статистическим электричеством.

Внизу триллион километров цепей и других элементов, являющихся спящим разумом Кранга, заворочались, пробуждаясь. Да, мозг I-го класса. Но заблокированы! Заблокированный от природы! И, что больше, не осознавший самого себя! Это было неслыханно! Да, мозг 1-го класса можно ослабить, но только искусственно. Заблокировать? Никогда! И естественным образом! Эта

ситуация являлась... неестественной. Она противоречила Закону.

Кранг столкнулся с Уникальным Обстоятельством. Ему придется принимать окончательное механическое решение. Проявлять инициативу. Но он не мог сам управлять собой. Требовался мозг наверху. Он осторожно прозондировал. Коль скоро блоки будут удалены... сотрудничество...

ПЕРЕНАЛАДЬ СВОИ КЛЕТКИ, ОРГАНИЗМ... ВОТ ТАК!

Осторожно, осторожно.

Наверху тело Флинкса разок дернулось.

Я не могу этого сделать!

ТЫ ДОЛЖЕН. ЭТО... НЕОБХОДИМО.

Это больно!

НЕВЕЖЕСТВО ВСЕГДА ПРИЧИНЯЕТ БОЛЬ. ПО-ПРОБУЙ.

Инертное тело Флинкса снова задергалось. Голова его безжалостно пульсировала, вырастая, казалось, до невозможных пропорций.

Я... не могу!

Кранг обдумывал ситуацию. Более сильная пульсация могла снять блокировку... и, возможно, навек уничтожить мозг. Рассмотрим альтернативы. Если мозг заблокирован, то как же он вообще мог стимулировать первичную активацию?

На нахождение ответа ему потребовалась доля наносекунды. Поблизости находился мозг-катализатор. Это объяснялось знакомыми Крангу понятиями. Действуя быстро через посреднические каналы мозга III класса, огромная машина сделала необходимую переналадку (настройку в мозге I класса, и с благодарностью почувствовала, как опускаются, растворяются барьеры). На этот раз дело пошло легко. Они и с самого начала были слабыми и дырчатыми. Энергия ЭТП начала течь по поджидавшим каналам. Дальнейшего вмешательства не требовалось.

**P+E+A+L+I+3+A+Ц+И+Я+ + +Э+Н+Т+
P+O+П+И+И**

В миг, потребный для падения осколков стекла, Флинкс воспринял всю вселенную. Она показалась очень маленьким непрозрачным хрустальным шариком. Мгновение прошло, но он в первый раз ясно все увидел. Да, намного ясней. Он почувствовал лишь половину замечаемого, подозреваемого прежде. И вообще незамечаемое. Он увидел чудесную структуру, являющуюся Крангом. Он воспринял структуру, которой являлся он сам. Для полного пробуждения

инструмента требовались определенные энергии. Сейчас лишь крошечная часть его пульсировала сознанием. Да, вот, и вот.

Кранг пробудился к полному сознанию в первый раз за полмиллиона лет. Гимн-марш. Славно! Лившаяся теперь от настроенного мозга-активатора печальная песнь была незнакомой и грубоватой по исполнению. Но Кранг понимал, что за пятьсот тысячелетий вкусы могли измениться. Важно, что Экран автоматически поднялся, как только мелодия обеспечила необходимые ключевые импульсы.

Сенсоры Кранга мгновенно просканировали небо на много световых лет во всех направлениях. Поскольку активатор ничего не делал на инструментальном уровне, кроме трансляции ощущений опасности, машина ввела систему общего оптимального сканирования и надеялась, что ее окажется достаточно. Она теперь признала в активаторе новичка. Его надо направлять. Где-то мелкая цепь должным образом отметила, что единственный корабль чуждой конструкции был распылен в момент активации экрана, попав в него, когда тот поднялся. На волосок! Кранг опять пожалел, что мог действовать только с частью сознания до мгновения полной активации. К счастью, судно не проникло. Никакого вреда не причинено. Активатора уведомили, и он согласился. Еще один корабль — нет, два — притаились как раз за пределами Экрана. Хотя они оставались стационарными и не делали никаких враждебных жестов, активирующий мозг указал Крангу сфокусироваться на участке пространства, занимаемом большим кораблем.

Машина послушно выполнила указание.

Ее поле действенного фокуса на близком расстоянии являлось сферой минимум в тысячу километров. Она могла без всякого труда поразить указанное судно, совершенно не задев в то же время другое. Эти невероятные сенсоры могли образовать необходимый конус проекции в метре от любой желаемой точки. Это намного больше, чем требовалось. Она извлекала из сотрудничающего теперь мозга I класса необходимые уточняющие данные. Будь у Кранга ноги, он притопывал бы ими, отбивая такт.

Наверху ритмические пульсации, превращенные в труху мысли Це-Мэллори, на мгновение прекратились. Они тут же трансформировались в невероятный гибрид между пронзительным криком и ревом. Ультразвуковой визг летучей мыши, усиленный в миллион раз и слышимый, сопровождаемый электротрубами и литаврами. Даже и так это не

давило столь нестерпимо ему на череп, как прежняя музыка. Социолог сумел перекатиться на спину и лежал, не двигаясь, тяжело и неровно вдыхая враждебный воздух, который не желал попасть в его легкие.

Он повернул голову. Движение причинило ему боль. Он боролся, пытаясь не дать этому скрежещущему стоуну проникнуть слишком глубоко, зная, что если он расслабится и позволит ему приобрести точку опоры в глубине, то острые, как нож, звуки начнут кромсать нервы и нейроны. Он мог предотвратить это.

Малайка явно оказался крепче любого из них. Каким-то образом он сумел, шатаясь, подняться на ноги и начал, кренясь и отклоняясь, двигаться в направлении помоста. Он одолел половину расстояния, когда задвигалось здание.

В момент первого бренчания Вульф врубил двигатели краулера и рванул к двери. К счастью, большая машина стояла повернутой в этом направлении. Когда его ударило первой полной нотой, он свалился с сиденья водителя, зажав ладонями уши. Но краулер, установленный на данный курс, тупо продолжал ползти дальше. Как и прежде, огромные двери раздвинулись. В тот же миг, как они закрылись за краулером, пытка прекратилась.

Вульф медленно взобрался на сиденье и сумел остановить отчаянный бросок машины, прежде чем тот швырнулся ее с обрыва. Он не знал, что произошло, это случилось слишком быстро, но знал, что капитан и остальные все еще внутри. Он быстро проверил грузовой отсек. Обе женщины растянулись среди припасов, лишившись сознания,— то ли от воздействия этой «штуки», то ли еще почему-либо.

Что же делать? Беспомощно растянувшись на полу краулера, молотя от мучительной боли по металлу, он мало чем поможет капитану или кому бы то ни было. В данный момент о возвращении внутрь не могло быть и речи. Попытка связаться произвела только океан помех. Возможно, ему удастся найти в челноке что-нибудь, способное экранировать его мозг, и позволит ему вновь вступить в этот ад.

Ему не дали времени на обдумывание этой проблемы.

Здание, все миллионы тонн его, меняло свое местоположение. Оно накренилось назад, и ужасный миг он страшился, что оно опрокинется на малюсенький краулер. Оно не опрокинулось. Оно повисло на секунду, паря в вихревом небе, а затем повернулось к югу и начало глухо гудеть. Вибрация ощущалась и сквозь пол кабины — или на зубах. На высоте нескольких миль в насыщенном пылью воздухе он увидел, что примерно в ста метрах наверху стро-

ния начали пылать густо-черным цветом. Он никогда раньше не видел чего-нибудь пылающего черным цветом, и этот феномен загипнотизировал его. Он продолжался каких-то тридцать секунд. Круглое основание, на котором покоилось здание, тоже, казалось, слегка посветлело. На некотором расстоянии вокруг здания воздух на мгновение принял розовый оттенок.

А затем все прекратилось.

Кранг записал устранение второго судна столь же буднично, как и первого.

Весь процесс с момента первоначальной активации до настоящего занял немногим меньше двух минут.

Кранг нетерпеливо ждал дальнейших приказаний от активирующего Звена. Директивы уничтожить другой звездолет не поступало. Фактически мозг тогда же устранился от управления Звеном. Машина поспорила сама с собой. Прошло очень много времени с тех пор, как она существовала при полном сознании. Она снова открыла, что ей это ощущение было довольно приятным.

Но впечатанные в нее инструкции были четкими и не оставляли никакого места для логических уклонений. При отсутствии активирующего мозга ей полагалось вернуться к состоянию спячки на пониженной мощности. Это означалоdezактивацию всех, кроме самых элементарных функций. Кранг вздохнул. Цели построивших его, казалось, часто отличались от их желаний, и теперь у него не было основания изменять это мнение. Огромные лопасти в глубине известняковых пещер, канализировавшие непрекращающиеся вихри планеты, начали опускаться. Генераторы, черпавшие бесчисленные эрги энергии из расплавленного ядра планеты, уменьшили подачу, и кипящий железо-никелевый центр успокоился.

Медленно, но эффективно Кранг приступил к необходимой задаче выключения самого себя.

XXII

Флинкс перекатился и поднялся. Голова у него все еще пульсировала, но настоящая боль почти исчезла. Он напился пьяным только раз в жизни. Теперь к нему вернулись воспоминания о мучившем его после этого чудовищном похмелье. Он огляделся. После того, как они пронеслись вблизи нейтронной звезды, у него были измоча-

лены и измотаны мускулы. Теперь они контролировались натянутой не менее тую, чем струны рояля, оскорблённой и подвергнутой жестокому насилию нервной системой, а вот костный мозг выбирал в памятном соотвествии с громадой смолкнувшего Кранга. Он заглянул внутрь, бессознательно реорганизуя определенные структуры, жидкости. Боль растаяла, оставив только уйму света.

С помощью своего друга Трузензюекс медленно поднимался на ноги. Флинкс совершенно не желал представлять себе, что именно пережил инсектоид с его незащищенным экзоскелетом. Неожиданный наклон здания помешал Малайке в его попытке добраться до помоста. Теперь он сидел на краю скамьи, массируя колено и заботливо проверяя связки и сухожилия — нет ли критических повреждений. В остальном он казался целым, так как с его толстых губ срывалось во все возрастающем изобилии множество ругательств на замечательном числе языков.

Удостоверившись, что с его членоксийскими спутниками все в порядке, Флинкс обратил все свое внимание на змея. Маленькое кожистое тело плотно свернулось в спираль под колпаком активации. Он не подавал никаких признаков жизни. Заботливо стараясь не угодить под этот стихийный предмет головой, он вынул твердое маленькое тело из места успокоения. Оно все еще не шевелилось. Он осторожно прозондировал тельце своим наново стимулированным мозгом. Его толкнули, на самом деле выперли в новую незнакомую вселенную, и он все еще испытывал неуверенность — а если честно, страх в своих способностях. Он прозондировал глубже. Мини-дракончик послужил проводником силам, управиться с которыми было выше его возможностей. Как и перегруженному конденсатору, ему требовалась определенная реорганизация и наладка.

Флинкс подготовился совершить их.

Другие собрались вместе и стояли с другой стороны, молча следя и тактично не выражая сочувствия. Незанятой частью своего мозга он быстро обыскал их головы. Все трое были еще ошеломлены событиями последних нескольких минут. Почти так же сильно, как и он, подумал Флинкс с горькой иронией. Он чувствовал излучаемую ими эмпатию, и ему становилось лучше.

Последняя переналадка, одна упрямая артерия... нет, тут! Одно тонкое веко затрепетало, поднялось. Выглянул и повел взглядом маслянисто-черный глаз. Он повернулся вверх и встретился со взглядом Флинкса. Медленными

рваными движениями дракончик начал раскручиваться. Флинкс высунул язык. Пип рванулся вступить с ним в контакт в старом жесте фамильярности и приязни. Он почувствовал, как напряжение начинает покидать мускульные витки и усиливается пульсация жизни.

Он не плакал с того времени, когда открыл, что это не приносит никакой пользы, кроме промывки зрачков. И все в уголках его глаз появилась подозрительная влага. Он отвернулся, чтобы ненароком не оскорбить этим других. Если бы он оставался лицом в другую сторону или взял на себя труд прозондировать, то мог бы заметить нечто большее, чем всего лишь сочувствие.

XXIII

Челнок остался невредим, и они поднимались в верхние слои атмосферы с большей легкостью и уверенностью, чем при путешествии вниз. Управляли Ата с Вульфом. Другие находились в задней каюте, сосредоточив мысли впервые за некоторый срок не на настоящем, а на будущем.

— Ну, сэр,— сказал Малайке Трузензюзекс,— мы приносим вам свои извинения. Похоже, что ваш вклад оказался исключительно бесприбыльным. Признаться, вначале это нас по-настоящему не заботило. Но после перенесенных вами расходов и опасностей я желал бы, чтобы вы могли реализовать с этого что-то в смысле материальной выгоды.

— О, вы теперь без нужды пессимистичны, мой твердопанцирный рафики.

Коммерсант энергично запыхтел невероятно дурно пахнущей трубкой.

— Мне достался город, заполненный до отказа тар-аймскими артефактами и изобретениями... если я когда-нибудь смогу откопать их из этого дьявольского песка! Прекрасная, пригодная для обитания планета. С процветающей туземной водной системой, вероятно, совместимой с челанкской нормой. Я, думаю, эта планета может даже вернуть к жизни парусный корабль, нд ий о!

— Эта ссылка ускользает из моего понимания,— сказал философ.

— Когда мы вернемся, я покажу вам триоды. Один из более поэтических образчиков технологического прошлого человека. Нет, нет, с точки зрения феда я не

готов считать это путешествие банкротством! И всегда можно поиграть с Крангом, же? Даже если наш юный друг настаивает, что это была нелепая случайность, к которой он не имеет ни малейшего отношения.

Он вопросительно посмотрел на Флинкса, который их всех старательно игнорировал.

— Но вот для вас, боюсь, это стало настоящим разочарованием. Вы теперь, должно быть, даже более подавлены, чем когда мы приземлились, же?

— Все зависит от того, как посмотреть на это,— сказал Цзе-Мэллори.— Когда мы пустились по следу этой штуки, мы на самом деле понятия не имели, чего ожидать найти, за исключением того, что это что-то большое. Когда мы нашли ее, то не знали, что именно нашли. А теперь, когда мы покинули ее... ну, когда вы будете готовы вернуться и откопать те артефакты,— он взглянул на брата по кораблю,— мы с Тру будем более чем счастливы помочь вам в сортировке, если не в раскопках. Мы все еще можем, как вы говорите, «поиграть» с самим Крангом. Он, по меньшей мере, будет основой для многих объемистых научных работ.

Он улыбнулся и покачал головой.

— Одни только психологические и социологические намеки... а, Тру?

— Безусловно, брат.

Транкс усердно пытался выразить человеческую позицию глубокой задумчивости, потерпел неудачу и удовольствовался вместо этого выражением ностальгической беззаботности. Результат вышел не совсем удачным.

— Похоже, что легенды браннеров и наших первобытных гоминидов имели под собой некоторое основание. Кто бы такое заподозрил? Кранг — и оружие, и музикальный инструмент.

Они теперь покинули атмосферу, и Ата устанавливала орбиту, которая приведет их к «Славной Дырке» снизу и сзади.

— Это многое говорит нам о тар-айимах... не упоминая уж о большом скачке к объяснению их интереса к двум таким, казалось бы, противоположным областям, как война и искусство. Не могу, однако, сказать, что мне нравится их вкус. Лично я предпочитаю Дебюсси и Корецкого. Несомненно, для их ушей... или что там у них было... такие звуки являлись приятными и волнующими, нет, патриотическими.

— Тонкие звуки смерти громыхают и лиры ударяют,

когда детишки утопают,— процитировал Цзе-Мэллори.

— Прозакалит, двадцать третий сонет,— сказал Тру-зензюзекс.— Для этого требуется-таки поэт.

— Возможно, я чересчур туп,— проговорил Малайка,— но я все еще не понимаю, как эта келелекуу заработка!

— Вы, капитан, в этом отношении не одиноки, а, скорее, член крупного меньшинства. Однако, если пожелаете, я могу выдвинуть гипотезу.

— Так валяйте, выдвигайте!

— Очевидно,— продолжал транкс, осторожно отмахиваясь прочь ядовитые испарения, производимые дымящей трубкой коммерсанта,— машина генерирует какой-то вид вибрации... признаться, я лично колеблюсь невешивать на него ярлык «звуковые волны». Вероятно, какие-то примеси их характеристики, так же как характеристики волновых форм, которые мы не можем отождествлять — хотя и заметили их воздействие! Помните, как при нашем первоначальном прохождении сквозь атмосферу я отметил необычную плотность двойного слоя ветроблеска?

Малайка кивнул.

— Вероятно, эти слои поддерживаются искусственным усилением. Волновые формы — давайте назовем их за неимением лучшего или более точного термина К-волнами — генерируются Крангом. Эти волны проходят сквозь нижний слой металлического ветроблеска, но не сквозь верхний, более плотный. И соответственно отскакивают потом между двумя слоями, так как теперь они достаточно ослаблены, чтобы оказаться в состоянии прорваться обратно сквозь нижний. Ручаюсь, так они скачут вокруг всей планеты. И, наверно, не один раз, ибо их постоянно омоляжают генераторы Кранга.

— О, теперь я знаю, что это, вероятно, не звуковые волны,— сказал Малайка,— но всепланетная циркуляция в атмосфере. Из единственного генерирующего источника — поддерживание определенной минимальной силы — требуемая мощность... Вы действительно думаете, что такое возможно?

— Я, мой дорогой Малайка, считаю возможным все, если ясно не продемонстрировано обратное... Тем более, когда дело связано с этой машиной.

— Даже простые звуковые волны,— вставил Цзе-Мэллори.— В прошлом на самой Земле, в тысяча восемьсот восемьдесят восьмом году по старому календарю, в главном океане произошел взрыв вулкана. Остров под

названием Кракатау рванул довольно сильно. Ударные волны несколько раз обогнули земной шар. Грохот взрыва — помните, простые звуковые волны — слышали на всем полуширии. Учитывая способности тар-айимов и тот факт, что это были намного больше, чем всего лишь звуковые волны, я бы считал производство таких форм элегантной возможностью. Кроме того, я бы подумал, что вас не требуется много убеждать после получения нами крайне захватывающей демонстрации.

— Вывод постфактум,— сухо сказал Трузензюзекс.— Очень проницательно с твоей стороны, брат. Однако так как я в этом отношении лишь чуточку осведомленней тебя...

— Спорно!

— ...то я брошу это дело. Тар-айимы, как ты говоришь, были вполне способны усиливать природу — извините за каламбур.

— Я бы предположил тогда, что это объясняет случившееся с нашим раффики Никососом,— пробормотал вполголоса Малайка.— Как только его членок вошел в район действующих вибраций...

— Деструктивное колебание? — добавил Цзе-Мэллори.

— Растрясл на куски? Возможно,— согласился Трузензюзекс.— Или они вызвали аварию, или ослабили атомную структуру. Даже в том, что было, вероятно, самым безопасным местом на планете, вибрации — «музыка», если вам угодно — чуть не развалили мой скелет. Устройство не невозможное. Фантастическое, но возможное. Меня лично больше интересует метод, применяемый для ликвидации их звездолета.

— Ну и что,— согласился Малайка.— Как насчет этого? Он и близко не подходил к атмосфере и поэтому не мог попасть в капкан слоев ветроблеска.

— Если бы Кранг вдобавок к поддержанию непроницаемого защитного экрана вокруг планеты не имел также способностей к нападению, то он был бы не более чем патовым устройством,— продолжал транкс.— Устройство целиком оборонительного характера противоречило бы всему, что мы знаем о психологии тар-айимов. И вы все знаете, как к концу нашего тяжкого испытания столь значительно изменилось качество вибрации. Так вот, Флинкс, ты говоришь, что чувствовал уничтожение другого звездолета, и все же не было никаких признаков взрыва? Ни вспышки, ничего?

Безопасный вопрос, и это он едва ли мог отрицать.

— Совершенно верно, сэр. Он просто... пропал.

— Гм! Подозреваемая возможность, вероятно, никогда не будет подтверждена, но... помни, что наш корабль находился на очень небольшом расстоянии и все же явно не пострадал... Я подозреваю, господа, что Кранг — это гравитационный генератор — но такой моши, о какой не мечтали даже древние Боги.

Он посмотрел прямо в лицо Малайке.

— Капитан, что произойдет, если гравитационное поле диаметром приблизительно в один сантиметр и с полем, равным по силе поверхности нейтронной звезды, столкнется с реальной массой?

Смуглое лицо Малайки в изумительно короткой последовательности отразило озабоченность, понимание и изумление. А голос отразил все три состояния.

— Маниса! Это пустит в ход Прерывистость Шварцшильда! Но это же...

— Невозможно? — улыбнулся Трузензюзекс. — Простите, капитан, но как же еще это можно объяснить? Для генератора необходимой такому полю энергии понадобится корабль размером с планету... Намного проще использовать планету, а? И помните, нет никаких свидетельств взрыва. Конечно же, нет. Даже свет не может убежать от поля такой силы! А гравитация следует закону обратного квадрата. Поэтому наш корабль практически не подвергался опасности. Более идеальное избирательное оружие трудно и вообразить. Всего лишь в километре от мишени вы даже не заметите такого поля. Но коснитесь его и — пшик! Мгновенно перестанете существовать! Надеюсь, что у всякого хватит здравого смысла, капитан, не баловаться чересчур с таким устройством.

Голос транкса обрел чеканность стали.

— Мы совершенно недостаточно знаем об управлении таким полем. Что если мы не откроем способ уничтожения такого поля? Кранг-то явно может это сделать — как именно, я и вовсе не могу себе представить. Но если будет спущено такое неуправляемое поле, то оно просто будет бродить по вселенной, заглатывая... все.

Тут в каюте стало тихо.

— Но, я думаю, на это мало шансов, — продолжал он более бодро, — если наш юный друг не сможет опять активизировать механизм. Не говоря уж о том, — добавил он, — чтобы столь успешно управлять им.

Флинкс уже некоторое время прочитывал грядущее заукалированное обвинение. Он знал, что его требуется опро-

вергнуть. Они не должны думать, что он способен управлять таким угрожающим оружием. Особенно, напомнил он себе, когда он сам не был уверен в этом.

— Я же говорил вам, сэр, я не знаю, что случилось. Машина управляла мной, а не наоборот!

— И все же,— многозначительно сказал транкс.

Было бы легко перестроить мозг инсектоида так, чтобы тот просто принял объяснение Флинкса за чистую монету. Слишком легко. Кроме того, идея преднамеренно вмешиваться в глубочайшие мыслительные процессы другого была слегка отталкивающей, когда мозг, о котором шла речь, был признанно мудрее его собственного.

— Сила,— напомнил он себе,— не знание.

В будущем ему понадобится много последнего.

— Послушайте...— он думал быстро. Теперь это стало легко.— Что касается «управлением» этим устройством, то вы сами говорили, что машина состоит из бесконечных сложных цепей. Коль скоро ее включили, она вполне способна справиться с ситуацией к собственному удовлетворению Я всего лишь послужил чем-то вроде водородной «свечи», включающей КК-двигатель.

— Гм! А как вы объясните, что она предприняла именно такие действия, какие мы увидели и почувствовали?

— Может быть, корабль Никососа сделал движение, истолкованное машиной как враждебное, и она ответила, как положено. Наверно, она просто была настроена и готова, когда я вступил в нее. Я, безусловно, мало отличаюсь от прочих здесь присутствующих. (Ложь!) Вероятно, мой дар, или талант, или как там вам угодно называть его имел к этому какое-то отношение. Вспомните, когда я первый раз вступил в нее, он ничего не вызвал.

— У меня такое ощущение, что к этому имели отношение твои собственные страхи в ту минуту. Да, это правдоподобно.

— Верно,— продолжал Флинкс, благодарный за открытийся выход.— Я был напуган, когда вошел в него в этот раз... действительно напуган. (Правда!). Машина должна была уловить мое эмоциональное напряжение. Она ведь вдобавок оружие искусства! Вероятно, при этих условиях ее мог стимулировать любой из нас. В любом случае сейчас все кончено, и я не испытываю никакого желания, ни малейшего снова попробовать это сделать! (Смесь правды и неправды!).

— Достаточно, малыш! Ты слишком агрессивен для

нашего бедного старческого ума. (Вздор!). На данном этапе я удовлетворен. (Флинкс прочел иное, но это не имело значения). Ты убедил меня в честном и равном словесном бою. Попробуй сыграть со мной в личностные шахматы, и я выиграю у тебя даже веснушки! И все же... Он взглянул на дракончика, а потом опять на Флинкса.— Ты говоришь, что не чувствуешь в себе изменений? Никаких постэффектов?

Флинкс покачал головой с уверенностью, вызвавшей бы гордость у Мамаши Мастиф.

— Нет, я действительно не знаю, что случилось. Мой мозг был...— Он оборвал фразу, когда заборные огни внезапно погасли. Челнок проскочил в свой причальный док в грузовом трюме «Славной Дырки».

— Вот и все,— резюмировал без нужды Малайка.

К большому удовлетворению всех, его трубка дого рела.

— Мне очень хотелось бы обсудить все это с вами поглубже, господа, но как-нибудь в будущем.

Он двинулся по узкому проходу между ними и открыл небольшой пассажирский шлюз. Внутрь просочился бледно-зеленый свет из грузового дирижабля.

Добравшись до гравитационной секции, все отправились своей дорогой: Ата и Вульф — в рубку, Малайка и Сиссиф — в свою каюту. Коммерсант еще не пропустил ни капли опьяняющего, но спасся от выкупа и приобрел планету. Даже если он никогда не реализует ни гроша со своего вклада, однако этого вполне хватало, чтобы сделать его слегка пьяным. Двое ученых приготовились возобновить свою бесконечную игру в личностные шахматы, словно никогда и не прерывали ее.

— По закону это не психоз,— донесся до Флинкса голос заспорившего Цзе-Мэллори.— И ты отлично это знаешь!

— Ай, Бран, как ты можешь такое говорить? Наверняка ведь, когда я совершил скачок на четыре клетки в этот участок вторичного детского страха...

Голоса их растаяли, когда он свернулся за угол, направ ляясь к своей каюте.

Флинкс взглянул на свое плечо. Дракончик, явно под воздействием испытанного, крепко заснул. После минутного колебания он остановился.

А затем пожал плечами и усмехнулся. Насвистывая знаменитый фривольный мотивчик, он фланировал по коридору в ожидании большого псевдобифштекса, какой только

мог выдать автоЛефповар. Ему требовалось о многом поразмыслить.

И, подумав, многде сделать.

XXIV

Рашалейла Нуаман лежала на своей огромной постели, праздно изучая потрепанную полуоголую фигуру племянницы. Девушка явно проявила больше силы, чем здравого смысла, возражая против требования мадам явиться к ней.

— Телин,— вздохнула она.— Ты знаешь, я ужасно разочаровалась в тебе. Глупость я могу иногда понять, но небрежность в работе непростительна. Я, конечно же, знала о твоем забавном плане разделаться со мной.

При этих словах девушка вздрогнула, и ее взгляд заметался по комнате в поисках пути к бегству. Даже допуская, что она смогла бы высколизнуть из рук двух бесстрастно стоящих по бокам от нее великанов, бежать на безвоздушной луне было некуда.

— О, пусть это тебя не беспокоит, детка. Меня-то не беспокоит. На самом деле я сочла это восхитительной попыткой. Ты для разнообразия показала, что в тебе есть немного пороху. Но то, что ты предприняла вмешательство в би з не с... это, моя милая,— голос ее опасно понизился,— было с твоей стороны неудачным выбором. Наверно, я отнеслась бы к тебе с большей симпатией, если бы ты преуспела. И к тому же с Аннами! Боже мой! Полагаю, тебе известно, что они — злайшие враги человечества?

— Не надо всучивать мне эту патриотическую ложу, старая ханжа!— огрызнулась злым и язвительным тоном Телин.— Ты бы продавала младенцев Дьяволу, если бы думала, что он больше чем суеверие... и дело будет достаточно прибыльным.

— Ты говоришь глупости, девочка. А также дерзости. Разумеется, не продавала бы. По крайней мере, не просто назло кому-то, как ты. Риск оказаться заклейменным врагом Сообщества и отлученной от Церкви потребовал бы обещания куда большего потенциального дохода, чем такая мелочь, которой добивалась ты. И, помимо всего прочего, твоя подростковая выходка вынудит меня терпеть невыносимую уйму насмешек от одного давнего и дорогого друга. Который, между прочим, как меня уведомили, давно уже зарегистрировал заявку на некую планету посредством

межпространственной ретрансляции, неоспоримую ни с какого боку. Теперь я вынуждена буду обратиться к юридическим средствам приобретения того, что, в первую очередь, и так мое по праву. Как тебе, может быть известно, такие процедуры крайне несправедливы. Однако мы здесь не для обсуждений этого. Мы здесь должны определить, дорогая племянница, что же мне с тобой делать. Я боюсь, что твои наклонности приняли довольно опасный оборот. Я этого не страшусь, но мои люди тоже способны ошибаться. Соответственно я вынуждена отправить тебя отдохнуть до тех пор, пока ты не убедишься направить свою недюжинную энергию на более продуктивные цели. Тебе в изобилии предоставлят время раскаяться и перестроить свои мятежные наклонности. В звездной системе Катар есть пре-восходное и очень известное медицинское учреждение. Им управляет группа исключительно хороших терапевтов, не раз помогавших мне в прошлом. Хотя их методы часто ставятся под вопрос, особенно Церковью, успехи их нельзя отрицать. Директор — мой личный и давний друг.

— Рори, — умоляюще произнесла Телин.

— Я уверена, что они будут более чем счастливы принять тебя на время в качестве гостьи. К несчастью, они специализируются на детских неврозах и сексуальных маньяках самой крайней разновидности. Так вот, как ты думаешь, какое отделение ты сочешь более удобным для своего пребывания?

— Рори? — голос девушки стал теперь испуганным и визгливым.

Рори Маллап ван Клееф спокойно стоял в ногах постели, одетый в шелковую набедренную повязку и бусы.

— О, тебе незачем терзать своего соучастника и доверенного, моя милая. Дорогой Рори знает, с какой стороны постели ему медом намазано. Она сладко улыбнулась.

Голос был ровным и мягким, почти нейтральным.

— Я очень сожалею, любимая.

Он напряг бицепс.

— Я, конечно же, по-прежнему люблю тебя, но не вижу, почему нам обоим нужно страдать из-за этого несчастного препятствия. Я буду тебя ждать.

Затем, после задумчивого молчания, он добавил:

— Надеюсь, это не осложнит наших отношений.

Ответ Телин был непечатным.

— Це-це-це! Что за выражения! И это к тому же после всех этих дорогостоящих школ. Да, детка, я уверена, что тебя поместят в отделение, наиболее соответствующее

твоим наклонностям. Я не вижу никакой причины, почему бы тебе не воспользоваться случаем пополнить свое образование, в то время как мы займемся улучшением твоего характера.

Она пренебрежительно махнула рукой, и плюющуюся и визжащую девушки выволокли из спальни.

— Не забудь, милая, я полагаюсь на тебя. Надеюсь, ты покажешь своим любезным хозяевам истинный дух Нуаман. Возвращайся целой, хорошо?

Она скорбно покачала головой, когда закрывшиеся двери оборвали затихающие вопли девушки.

— Це-це-це! Я не уверена, что эта девушка будет готова взять на себя бразды правления фирмой. Все ложится на мои плечи, а я стара. Но не настолько стара.

Она протянула руку:

— Рори... Поди сюда...

Они проделали полпути до дома и гладко летели дальше к Мотыльку. Флинкс оторвался от игры в хрустальный солитер, ставшей теперь ребячески простой. Ощущение сильного конфликта мыслей стало слишком велико, чтобы его можно было игнорировать. Так как по расписанию сейчас было время сна, в салоне находился только он один, и эта суматоха его удивила.

В салон вошла довольно растрепанная на вид Ата. Она явно не ожидала никого встретить, и присутствие Флинкса явно расстроило ее.

— Ну,— неуклюже начала она, пытаясь одновременно привести в порядок одежду,— мы почти, э, закончили наше путешествие, Флинкс. Ты, как мне представляется, ждешь не дождешься прибытия домой... и получения приготовленной тебе Малайкой пачки кредитов!

— Да, и того, и другого. Вы, полагаю, направляетесь сменить в Рубке Вульфа?

— Хмм? О, да, естественно!

Ему пришлось скрывать свое веселье при виде того, как она ухватилась за этот предлог.

— Да, я только что сходила произвести некоторые изменения в, э, расположении корабельных припасов. Они становятся громоздкими. Мне пришлось... довольно долго потрудиться над наведением там порядка.

— И вы навели?

Она широко улыбнулась.

— О, да. Теперь все будет на своих местах.

И она исчезла на выходе.

Спустя немного времени в салон проковыляла гораздо более чем обычно растрепанная Сиссиф, ее одежда и она сама пребывали почти в равном беспорядке. Лицо выражало лютую ненависть. Это выражение исчезло только, когда она морщилась из-за особо болезненного синяка. Она уделила ему лишь один рассеянный взгляд, а потом удалилась, шатаясь, в направлении их с Малайкой каюты.

Стало быть, все получили выгоду от экспедиции, за исключением привлекательного и свирепого менышинства в одну особу. Он вздрогнул и вернулся к своей игре, потerryавшей теперь привлекательность. Требовалось многое сделать, а он не был уверен, как к этому подступиться. Если он никак не сможет развлечься... Малайка, знал он, готовит для него большие дела. Он не мог представить себя в той роли, в какой виделся коммерсанту. Приодетым для торжественных заседаний, разоряющим конкурентов в пух и прах своей поразительной проницательностью. Наверно, можно будет организовать компромисс. Но это может означать расставание с рынками, с его тамошними друзьями. Мамаша Мастифф, вероятно, приспособилась бы к такой жизни без всякого труда. Он усмехнулся. А может ли Высшее Общество приспособиться к ней? А серьезней, как приспособится он, когда нынче всякий уверен в собственной правоте и неправоте всех остальных?

Он также видел, что могут сделать малоприятные личности с приятным в достаточной мере, чтобы желать исправить такое положение. А там будут мозги, которые окажут сопротивление таким усилиям. И кто он такой, чтобы судить жизнь других? Хотел ли играть роль Бога? Кроме того, ему всего... ему, ну, было почти семнадцать, не так ли? Он обладал талантом, и один невинный человек и двое виновных умерли из-за того, что он применил его не так, как следовало бы. Теперь он обладал Силой, и, кто знает, сколько там умерло в космосе из-за нее? Силой! Чушки! Он и на одну десятую не был таким Человеком, как Цзэ-Мэллори. Ему понадобится помочь подобных людей или же он, скорее всего, наделает каких-то страшных ошибок. Теперь они могут оказаться смертельными. Мог ли он управляться с тем, чем он теперь стал? Хотел ли этого?

И все же там лежала целая вселенная, и казалось позорным не посмотреть на нее.

Теперь, когда он мог видеть.

Фостер А.

**Ф 81 Воины Света. Тайна Кранга. М.П. «Виктори»,
1993.— 368 с.**

ISBN 5—87941—001—7

Произведения популярного американского писателя А. Фостера переводились во многих странах. Действие фантастических романов, включенных в сборник, разворачивается в далеком будущем. Герои Фостера претерпевают разнообразные приключения в межпланетных путешествиях. Особую прелест романам Фостера придает авантюристическая любовная линия сюжета.

**Ф 4703040100-001
ЛР 100034-93**

ББК.83.37 США

С О Д Е Р Ж А Н И Е

Воины Света

3

Тайна Кранга

183

Алан Дин Фостер ВОИНЫ СВЕТА. ТАЙНА КРАНГА

Ответственные за выпуск О. Иванова, Н. Вакуленко

Художник В. Денисов

Редактор И. Пивоварова

Технический редактор Г. Федорова

Корректор Э. Сорокина

Сдано в набор 29.10.92. Подписано к печати 29.01.93. Формат 84×108¹/32.

**Бумага газетная. Гарнитура таймс. Печать высокая. Усл. п. л. 19,3.
Усл. кр.-отт. 19,3. Уч.-изд. л. 20,5. Тираж 100 000 экз. Заказ № 414. С 1.**

**Малое предприятие «Виктори»
620151, Екатеринбург, пр. Ленина, 5.**

**Типография издательско-полиграфического предприятия
«Уральский рабочий»
620219 Екатеринбург, ул. Тургенева, 13**

